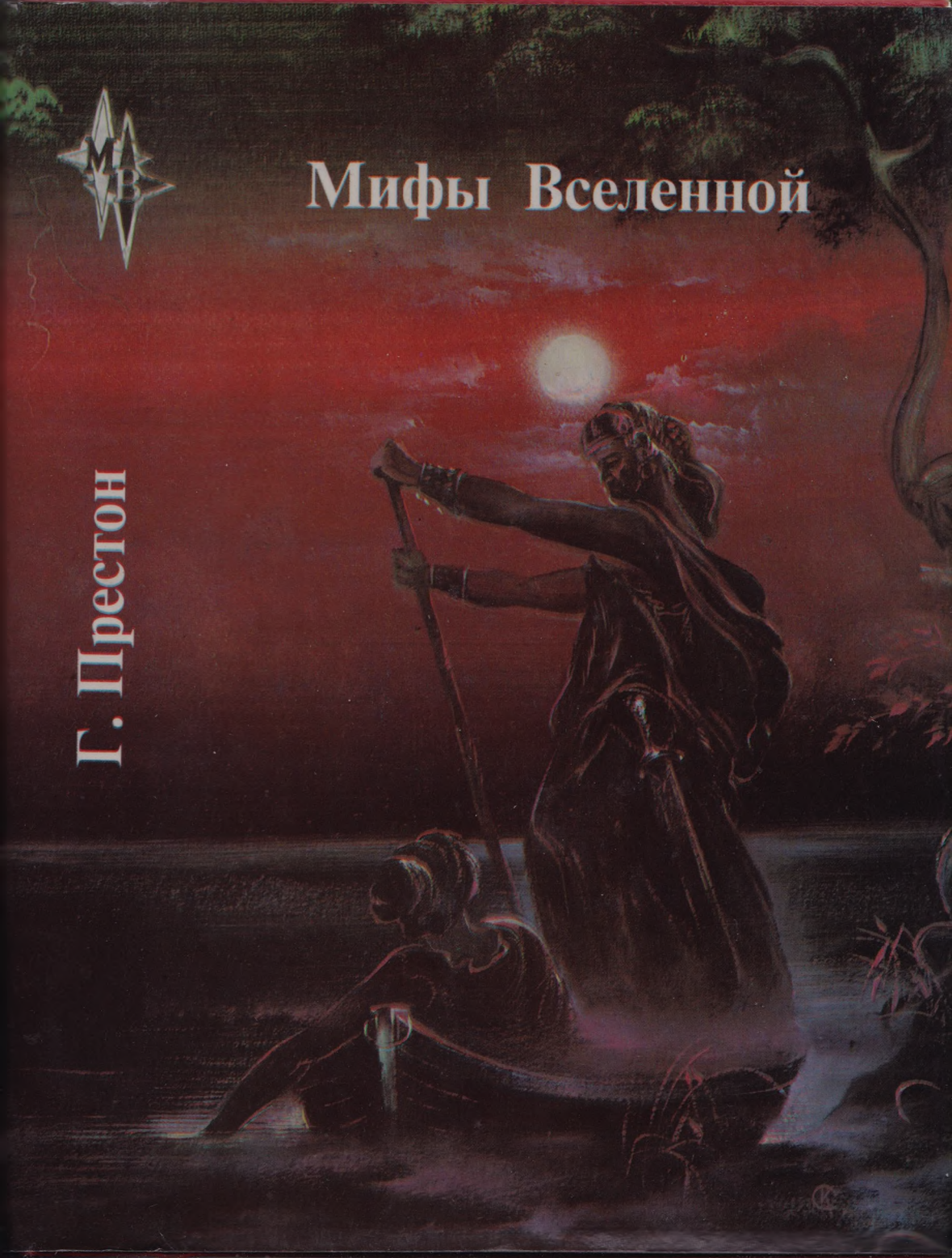

Мифы Вселенной

Г. Престон

Мифы Вселенной

Г.И.Престон

Мифы Вселенной

ББК 84.7(США)

П 73

ISBN 5-85595-004-2

© Пилигрим
Энтальпия

**Г.Престон
АДСКИЙ РЕЙД
Ф.Пол, Д.Уильямсон
РИФЫ КОСМОСА
Ф.Саберхаген
ЗЕМЛЯ ВО ВЛАСТИ
ВОЛШЕБСТВА**

Энтальпия
Пилигрим
Москва
1993

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Престон	
Адский рейд. Роман. Пер. Тереженко С. А.	3
Ф. Пол, Д. Уильямсон	
Рифы космоса. Повесть. Пер. Тереженко С. А.	91
Ф. Саберхаген	
Земля во власти волшебства. Роман. Пер. Порицук О. В.	257,

Остросюжетный роман Г. Престона «Адский рейд» вместе с викингом и индейцем, ниндзя и русским богатырем сделает Вас участником похода за Чашей Грааля. Роман Г. Престона «Рифы космоса» изображает ужасы изоэренной тоталитарной системы, опирающейся на последние достижения цивилизации. В романе Ф. Саберхагена «Земля во власти волшебства» Вы перенесетесь в далекое будущее, когда силы добра и зла в очередной раз начинают жестокую борьбу за власть над планетой Земля.

Серия «Мифы Вселенной»

Г. Престон
АДСКИЙ РЕЙД
Ф. Пол, Д. Уильямсон
РИФЫ КОСМОСА
Ф. Саберхаген
ЗЕМЛЯ ВО ВЛАСТИ ВОЛШЕБСТВА

Сдано в набор 13.11.92. Подписано в печать 6.05.93. Формат 84x108/32. Печать высокая.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 50000. Заказ 354.

«Энтальпия». Москва, ул. Делегатская, 9.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации России. 144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Генри Престон

АДСКИЙ РЕЙД

Пролог

— Земля,— твердо произнес кварр.

— Но это же нелепо, Харл! — желеобразное тело л'гхоли запульсировало яркими огоньками, что означало крайнее удивление и волнение. — Вы же знаете, что сделали со своей планетой эти самовлюбленные гордецы!

— Земля! — упрямо повторил Харл.

У л'гхоли личные имена состояли из восемнадцати букв и одной цифры. Перепутать их порядок — означало нанести кровную обиду.

— Но в прошлый раз у вас были отличные бойцы,— мягко произнес уттар.

— И тем не менее победа досталась вам. Мое решение неизменно — только Земля.

— Вы проиграете! — запальчиво бросил из своего кресла чана л'гхоли.

— Нет, я выиграю.

— Посмотрим... — До сих пор молчавший трифф поднял увенчанную гребнем голову и посмотрел на Харла: — Я нашел на одной из планет великих бойцов.

— Земляне лучше. И вы в этом убедитесь.

— Все решит Игра,— подытожил уттар. И все согласились.

Глава 1. ЗАРОЖДЕНИЕ ИГРЫ

Четыре могущественные цивилизации владели Вселенной. Их сила не знала предела. Войны были давно прекращены. Повелители Вселенной могли путешествовать во времени, перемещаться через космические пространства и жили практически вечно. Но у них все же нашелся камень преткновения: небольшая окраинная планета, на которой рос факс.

Эта невзрачная синяя трава оказалась для всех обитателей Вселенной ценной. Кварры — двуногие и двурукие прямоходящие гуманоиды, отличающиеся от человека только наростами и боков головы и рудиментарным хвостом, — использовали факс в парфюмерии из-за тонкого пряного запаха; л'гхоли — желеобразные мыслящие субстанции, размножающиеся простым делением, — открыли, что трава помогает им получать незабываемое удовольствие от процесса деления; уттары — похожие на пингвинов птицеобразные, но с мордочкой лемура, — изготавливали из нее особо изысканные лакомства; триффы — разумные ящеры, похожие на поднявшегося на задние лапы крупного варана и носящие вокруг головы гребень из перьев, — применяли ее в медицинских целях.

Повелители Вселенной были все же живыми существами со своими страстями, и факс являлся для них чем-то новым и доселе не изведанным, хотя они, казалось, испытали все и вся в своих мирах.

За обладание планетой с чудесной травой все Повелители были готовы отдать что угодно. Однажды спор едва не привел к военному конфликту. После этого кто-то предложил разыграть права на владение планетой. Победитель получает право на монопольное использование факса в течение одного цикла (одной тысячи земных лет). Решение было простым

и мудрым, к тому же это вносило какое-то оживление в однообразную жизнь Повелителей.

На одной из пустынных планет был построен специальный полигон. Ландшафт на нем менялся каждый цикл, победитель предыдущей Игры сам устраивал оборонительные сооружения. Остальные три команды должны были с трех сторон пробираться к центру полигона, где находилась чаша с факсом — своего рода символ и цель Игры.

Воинов можно было набирать на любой известной или неизвестной планете. Одно условие: чтобы не порвать хронологическую ткань, их извлекали из своего времени за пять секунд до физической гибели и доставляли на полигон.

Так проходили многие циклы. Повелители разыскивали на планетах лучших бойцов, обучали их и наблюдали за Игрой, получая массу удовольствия.

Но впервые за время существования Игры они решили обратиться к Земле.

Глава 2. ВЫБОР

Четыре представителя играющих сторон рассматривали на экране голограммы будущих бойцов на этот цикл.

Вскоре очередь дошла до Харла.

— Итак, на ком же вы остановили свой выбор? — По праву последнего победителя председательствовал уттар.

— Смотрите...

Здесь нужно сказать, что группа бойцов не должна превышать двадцати особей. Оружие только традиционное — никаких пистолетов, бластеров и тому подобного.

Просканировав земную историю, Харл остановил свой выбор на пятнадцати лучших, как ему показалось, ее представителей.

Римский центурион Клавдий Лукулл. Умелый боец, прославивший свое имя в битве при Карфагене и павший там.

Индийский вождь племени апачей Большое Озеро. Храбро сражался против американской армии, но потерпел поражение и предпочел плену смерть.

Одинокий воин-ниндзя Акиро Морита. Преследуемый людьми сегуна, загнанный в горное ущелье, сражался более чем с полусотней противников и был сражен предательским ударом в спину.

Темник Чингисхана Джебе. Свирепый и бесстрашный воин, сложивший голову в русских степях.

Рыцарь Круглого Стола сэр Джон Озрик. Король ристалищ, непревзойденный поединок. Во время похода за чашей Грааля убит сарацинской стрелой.

Гладиатор мирмиллон, фракиец Драго. Вышел победителем во время кровавой схватки на арене, но скончался от ран.

Тевтонский рыцарь Гуго фон Шлиппенбах. Опытный воин, владеющий всеми видами оружия. Утонул в Чудском озере.

Сарацин Бен-Юсуф. Отчаянно рубился в одиночку, отрезанный от своих. Пал в неравной битве, уложив многих соперников.

Гасконский дворянин Франсуа ле Конт, лейтенант королевских мушкетеров. Проявил чудеса храбрости при осаде Ла-Рошели. Взорвавшаяся рядом граната помешала ему получить звание капитана.

Русский ушкуйник Филька Рватый. За свои многочисленные прегрешения схвачен, бит батогами, клеймен вырыванием ноздрей. Обложенный царскими стрельцами и имея при себе только кистень, яростно сражался против целого отряда, уничтожил больше половины противников, попал в плен и был повешен.

Норвежский викинг Эрик, сын Олафа. Громадного роста рыжебородый воин, не знающий страха. Утонул, вывалившись за борт драккара после обильного возлияния.

Африканский пигмей Чака. Лучший охотник и следопыт. Разорван львом во время охоты.

Польский шляхтич пан Тадеуш Спыхальский. Оставил войско короля Августа, в котором снискал себе славу лучшего гуляки и дуэлянта. Вернулся к себе в поместье, где попытался воспользоваться правом первой брачной ночи и был зарезан женихом своей холопки.

Испанский идалго, конкистадор дон Алонсо ди Альмейда-и-Вальдес. Один из самых жестоких последователей Кортеса. Прекрасно владел мечом и кинжалом. Убит на дуэли.

Варвар-гунн Кайдар, по прозвищу Лошадина Голова. Буйный воин, не щадящий ни себя, ни противника. Состоял в охране самого Атиилы. Отравлен брошенной им женщиной.

— И это ваши лучшие бойцы? — усмехнулся уттар, когда последнее лицо исчезло с экрана. — Мои кентавры не оставят им ни одного шанса.

— Посмотрим, — не стал спорить Харл, хотя его уверенность была сильно поколеблена.

— Теперь вы знаете, что вам предстоит сделать, — ровный Голос звучал в головах пятнадцати землян. — У вас есть неограниченное время, чтобы выбрать предводителя, разработать стратегию и тактику и быть готовыми к походу. Если вам что-либо понадобится, достаточно об этом только подумать.

...Когда Рватый открыл глаза, ему стало не по себе от одного вида невозмутимо сидящего рядом японца в черной одежде. Последнее, что он помнил из прошлого, был красный колпак палача, веревка с петлей и морда дьявола, который явился за ним из ада. А теперь вот, оказывается, он в составе какого-то особого отряда должен добраться куда-то и что-то оттуда притащить. Если он сумеет выжить, то получит полное отпущение грехов и место в раю. Филька поежился: Жуть какая-то.

Он повертел головой, привыкая к обстановке и исподтишка разглядывая своих компаньонов. Те вели себя примерно так же, кроме разве что японца.

Вдруг в их головах зазвучал Голос:

— Вы можете выбрать любое оружие.

Не успело стихнуть эхо, как перед сидящим на корточках римлянином прямо из воздуха стало возникать военное снаряжение: два дротика, меч, квадратный щит с загнутыми краями, кинжал, шлем, поножи, панцирь.

Индеец сидел, закрыв глаза и кивая, словно приветствуя появление каждого предмета своего вооружения: лук со стрелами, томагавк, ножи, дротики, лассо.

Пока остальные ждали своей очереди, викинг и гунн сотворили себе из воздуха по бочке пива и принялись усиленно заливать в себя их содержимое.

Глядя на них, Филька почувствовал острую зависть и невольно сглотнул слюну. И тут же перед его ошалевшим взором из пустоты возник ковш с квасом, ломоть хлеба и баранья нога. Осторожно потрогав их, он убедился, что все настоящее, и принялся за еду.

Тут он заметил, что викинг замер с кружкой в руке и смотрит куда-то, приоткрыв рот. Проследив за его взглядом, Рватый увидел, как перед ниндзя вырастает гора оружия, по большей части совсем незнакомого. Остальные были удивлены не меньше. Японец сидел не шевелясь и глядел прямо перед собой.

Гунн гулко сглотнул и крикнул. А тем временем пришла очередь темника. Оружие было отлично знакомо Фильке: лук

со стрелами, круглый щит, копье, кинжал, аркан, палица.

Сэр Джон улыбнулся, когда перед ним стали появляться доспехи, шлем с забралом, длинное копье, треугольный щит с парящим орлом, меч, топор, кинжал.

Фракиец шевелил губами, принимая свое оружие: квадратный щит, короткий меч, копье, нож.

Тевтон ловко подхватил возникший тяжелый меч, со свистом рассек воздух у себя над головой. Топор, щит и кинжал завершили его снаряжение.

Смуглое лицо сарацина не выражало никаких эмоций. Он поднял руку и потрогал два кривых меча, лук со стрелами, два кинжала, копье, круглый щит.

Гасконец бережно поднял с песка длинную шпагу и вытащил ее из ножен, оставив лежать два кинжала.

Поняв, что настала его очередь, Филька крикнул, почесал в затылке и приготовился загибать пальцы. Перед ним тут же возникла рогатина с железным лезвием, кистень, длинный обоюдоострый нож и топор. Филька крикнул еще раз и только развел руками.

Викинг пожелал иметь топор, меч, круглый щит и нож.

Пигмей довольствовался небольшим луком и пучком стрел, ножом и набором дротиков. Поляк получил саблю, кинжал и кистень. Испанец — длинный тяжелый палаш, кинжал, треугольный щит и арбалет. Гунн вооружился мечом, луком, копьем и круглым щитом.

— Стрелы могут кончиться, — голос вождя апачей звучал твердо и ровно.

— Ваше оружие будет восстанавливаться каждый час, — немедленно отозвался Голос. — Спустя час вы будете иметь полный колчан.

Большое Озеро медленно наклонил голову.

— Вы что же, хотите заставить меня идти пешком? — надменно спросил конкистадор.

— Вы получите верховых животных, неуязвимых для любого оружия.

— Хо! — воскликнул викинг. — Тогда мы любого...

— Но сами вы останетесь обычными людьми, — перебил его Голос, — только животные будут бессмертны.

— Это значит, если меня кто-то пронзит шпагой, то я умру? — спросил гасконец.

— Точно так, — хладнокровно ответил Голос.

Гасконец склонил голову и сел.

«Испугался, хлыщ, — злорадно подумал Филька. — Муш-

кетеришка занюханный». Он не задавался вопросом, каким образом к нему пришло знание об остальных его партнерах, просто знал, и все. В той или иной степени он мог знать по-немногу о каждом, исключая японца, чья нация довольно долго жила в полной изоляции от остального мира.

Было так же чудно смотреть, как общались между собой пятнадцать человек из разных эпох. Каждый говорил вроде бы на своем языке, но в то же время все понимали друг друга. Чудеса да и только!

— Теперь вам предстоит выбрать предводителя, — произнес Голос. — Его должны признать все. Если хоть один будет против, кандидатура не подходит.

Глава 4. ГОЛОСОВАНИЕ

Наступило молчание. Первым опомнился гасконец. Он вскочил на ноги и разразился речью:

— Господа, надеюсь, вы не будете возражать, если во главе нашего славного отряда встану я. К тому же у меня есть большой опыт...

— Чтобы мной командовал какой-то плебей! — презрительно сощурился испанец.

— Это надо понимать как вызов? — спросил гасконец.

— Командовать буду я и только я! — Громадная фигура тевтонского рыцаря воздвиглась перед всеми.

— Но, сударь, я же первым выдвинул свою кандидатуру!

— Заткнись, мозгляк!

Этого вспыльчивый француз перенести уже не смог. Он схватился было за шпагу, но тут между ними вклинился шляхтич.

— Панове, прошу внимания! Давайте устроим турнир. Каждый желающий может записаться и попробовать свои силы. Победитель и возглавит наш отряд.

К этому предложению все отнеслись благосклонно. На роль лидера претендовали трое: мушкетер, конкистадор и тевтон. Все остальные занимали нейтральную позицию. Викингу, гунну и центуриону было все равно, под чьим началом сражаться. Ниндзя, индеец, сарацин и темник хранили презрительное молчание, пока претенденты на лидерство осыпали друг друга бранью. Сэр Джон, по-видимому, вообще не обратил внимания на спор и пощипывал струны лютни.

Зато поляк оказался в своей стихии. Он перебегал от претендента к претенденту, что-то им втолковывал и утрясал. В конце концов путем жребия определилась первая пара: немец и француз.

Огородили площадку и обговорили условия поединка. Немец требовал биться до смерти, испанец и француз возражали. Пан Спыхальский выступил в роли третейского судьи и принял сторону большинства. Тевтон внешне согласился, но Филька заметил, как сверкнули его глаза.

Гасконец сбросил камзол, взял шпагу и принялся наносить ею уколы невидимому противнику. Гуго фон Шлиппенбах, наоборот, облачился в доспехи и взял тяжелый двуручный меч, оставив щит и шлем на песке. Повернувшись к своему сопернику, гасконец заметно побледнел и сразу принялся протестовать:

— Но, господа, это не честно! Мое вооружение не соответствует оружию этого господина!

— Ты сам его выбирал, — вполне резонно заметил немец. — Но ты можешь отказаться от поединка и признать меня своим вожаком.

— Ни за что! — Гасконец подобрал с земли кинжал, сунул его за пояс, второй взял в руку. Он был смертельно бледен, но отступать не собирался. На губах тевтона играла мрачная усмешка.

— Сходитесь! — скомандовал поляк.

Сидевшие рядом с Филькой центурион и викинг решили заключить пари на исход поединка.

— Ставлю десять сестерциев на тевтона! — азартно стукнул кулаком по песку Клавдий. — Нет, двадцать сестерциев... — Он немного поразмыслил и вдруг пришел к неожиданному выводу: — Пятьдесят сестерциев на французишку!

— Против немца ему не выстоять. — Викинг прищурил правый глаз, внимательно глядя на противников, кружащихся по ристалищу. — Ставлю пять гривен на немца.

Они полезли в кошельки и тут же с досадой обнаружили, что денег у них нет.

— Дьявол! Выигрыш будет мой! — заметил римлянин. — Давай еще на что-нибудь поспорим, а, Эрик!

— Ну хорошо, — викинг почесал в затылке, потом радостно улыбнулся: — Давай на щелчки? Я ставлю два щелчка на немца.

— Фу, — презрительно скорчил губы центурион. — Ладно, тогда так: два твоих щелчка против моих оплеух. Идет?

— Годится!

Спорщики хлопнули по рукам. Каждый из них тут же принялся горячо поддерживать своего фаворита.

— Гуго, вперед! — ревел сын Олафа.— Дай по башке этому хлюпику!

— Франсуа, ты будешь нашим вождем! — орал центурион.— Держись крепче, не поддавайся этому дубиноголовому!

Поневоле Фильку тоже охватил азарт. По правде сказать, ему был более симпатичен француз. С немцами у него связаны не очень приятные воспоминания. Но он реально смотрел на вещи и видел, что француз с его легким вооружением не устоять против тяжеловооруженного тевтона.

Так оно и вышло.

Судя по всему, француз мог рассчитывать только на неповоротливость противника и два своих кинжала. Некоторое время он избегал ударов тевтона, кружа вокруг него, пока судья не объявил предупреждение за пассивное ведение боя. Тогда он пошел в отчаянную атаку.

Сделав ложный выпад шпагой, он быстро вскинул руку с кинжалом. Но немец был настороже и без особого труда уклонился от брошенного в него оружия. Француз быстро выхватил из-за пояса второй кинжал, но воспользоваться им не успел. Немец решил исход поединка в свою пользу очень быстро и решительно. До этого момента он сжимал меч двумя руками, что, естественно, сковывало его движения. Потом он вдруг перехватил его одной рукой, сделал выпад и достал до груди француз, едва не сбив того с ног.

Гасконец проворно отскочил назад и на секунду расслабился, опустив глаза на рану. В этот же миг немец метнул в него меч. Лезвие пробило бок сопернику, повалив того на землю. Пан Спыхальский хотел было объявить поединок законченным, но немец быстро подбежал к поверженному противнику и нанес решающий удар кинжалом. Француз испустил дух.

С высоко поднятым мечом немец обошел круг. Разочарованный Клавдий Лукулл подставил лоб викингу. После двух щелчков у него на лбу вспухла порядочная гуля. Потирая лоб, центурион буркнул:

— Если бы я тоже поставил на немца, какой же тогда спор получился бы?

— Можно было бы еще поспорить, через сколько времени он его уложит,— добродушно произнес викинг, любовно созерцая дело своих рук на челе римлянина.

— А если гасконец победил бы? — возразил центурион.

Филька бросил взгляд на испанца. Тот не особо стремился

поднять брошенную немцем перчатку, а тевтон торжествующе ходил по кругу и громко вызывал желающего испытать доброй немецкой стали.

— Ну что, нет желающих? Тогда... — он осекся. Перчатку задумчиво вертел в руках японец.

— Проще пана. — Тут же подскочил к нему пан Спыхальский. — Если я правильно понял пана, пан желает бросить вызов пану Гуго фон Шлиппенбаху?

Японец коротко поклонился и направился к своему оружию. Индеец одобрительно кивнул, сарацин чуть заметно улыбнулся.

На эту пару решили поставить почти все.

— Так, кто больше? — вопил поляк. — Так. Пять оплеух центуриона против трех щелчков викинга! Пара подзатыльников Лошадиной Головы против... Кто еще желает поставить? Проще панове, делайте ставки! Так. Пан Рватый решает поставить на ниндзя. Сколько и чего вы желаете поставить? Три тумака? Отлично! Кто еще желает? Пан Чака? Прекрасно! Что вы ставите? Два тюха? — Поляк озадаченно смолк. — Что то есть?

Чака невозмутимо пояснил что-то вполголоса. Поляк почесал затылок, потом решительно замотал головой.

— Не пойдет! Один тюх! Итак, один тюх Чаки против... О, сеньор Альмейда! Что вы ставите?

— Я не привык играть на щелчки, — надменно процедил испанец. — Ставлю свою честь на тевтона.

— Проще пана?... — Поляк не понял.

— Если побеждает этот, — испанец небрежно кивнул в сторону японца, — я готов признать его вождем и клянусь на кресте, — он положил руку на меч, — выполнять все его приказы. А если победит тевтон, его следующим противником буду я.

— Принято! — Поляк деловито чиркал лезвием кинжала на песке, выстраивая ставки в столбики, рисуя цифры и символы.

Общая картина была такова: за тевтона спорили центурион, гунн и испанец. Против: Филька, Чака и викинг. Пять оплеух, три подзатыльника и честь испанского идальго против двух тумачков, одного тюха и трех щелчков. Игра обещала быть интересной. Записав все ставки, поляк громогласно объявил, что ставит пять пощечин на тевтона.

Нового противника немец явно опасался. Он навешал на себя все оружие, надел шлем, похожий на ведро с крестообразной прорезью для глаз и птичьей лапой на макушке. Невозмутимый Акиро перебрал все снаряжение... и не взял ничего!

Викинг, внимательно следивший за ним, недоуменно присвистнул. Клавдий Лукулл потирал руки, предвкушая реванш и плотоядно поглядывал на широкий лоб норвежца. Фильке стало жалко невысокого коренастого японца, который обладал какой-то притягательной силой. Про себя Рватый твердо решил, что если тевтон убьет японца — ему не жить. В открытом бою он с ним, может, и не справится, но махнуть кистенем из-за куста было привычно для русского ушкуйника.

— Проще паньство! — слегка дрожащим голосом объявил поляк. — Мы начинаем поединок за звание...

— Заткнись! — процедил сквозь зубы испанец.

Филька ожидал вспышки, но поляк покорно умолк. Бой начался...

Японец стоял на полусогнутых ногах, в пяти ярдах от тевтона. Тот осторожно приближался к противнику. Его тоже смутило и озадачило то, что ниндзя не взял никакого оружия. Гуго фон Шлиппенбах уже видел себя во главе соединенного отряда. Вот только прикончит этого маленького нахала и все...

Тяжелый меч описал дугу над головой тевтона и рухнул на то место, где секунду назад стоял японец. Акиро ушел от удара задним сальто, исполненным в высокой амплитуде. Сторонники японца дружно вздохнули. А тот всем видом показывал, что исход поединка его ни в коей мере не интересует. Мягко, по-кошачьи, приземлившись на ноги, он застыл, выставив вперед обе руки. Выдернув меч из земли, немец тяжело развернулся и стремительно кинулся вперед. С глухим звуком его меч снова зарылся в песок, только на этот раз еще глубже — прямо пропорционально силе и злобе Гуго фон Шлиппенбаха.

Японец же просто перенес тело на два фута в сторону и остановился, поджидая, пока немец, изрыгая проклятия, не вытащит меч из песка.

Снова повернувшись к Акиро, немец отбросил щит и перехватил меч обеими руками. В этот самый момент ниндзя провел молниеносную атаку: в высоком прыжке нанес удар ногой по шлему.

Звук был такой, словно ударили по пустому ведру. Немец пошатнулся и сел на песок, по-прежнему сжимая меч. Японец тоже опустился на корточки в нескольких шагах от противника, да еще к нему спиной. Помотав головой, немец решил предпринять тот же трюк, что с гасконцем, резко метнув меч. Но здесь этот номер не прошел: японец мягко скользнул в сторону, перекатившись по песку. Тевтон с рычанием выхватил из-за по-

яса боевой топор и устремился к лежащему на спине ниндзя.

Удар вновь пришелся в песок. Японец стоял, заведя руки за спину, и ждал. Распаленный до крайности немец буквально бежал к нему, размахивая топором над головой. И тут-то все и случилось.

Японец что-то бросил перед собой, что вызвало целое облако ядовито-желтого дыма.

Когда дым рассеялся, японец исчез.

Ошеломленные зрители повскакивали с мест. Не менее удивленный Гуго фон Шлиппенбах растерянно опустил топор. Внезапно в четырех футах от него вспучился песок, оттуда пульей вылетел японец и чем-то запустил в тевтона.

Топор с глухим стуком выпал из внезапно ослабевшей руки немца. Еще немного постояв, Гуго фон Шлиппенбах рухнул навзничь и остался лежать мертвой грудой. В том, что она была мертвой, не сомневался никто из присутствующих.

— О-хей! — приветственно взревел викинг и высоко подбросил топор.

Центурион метнулся к тевтону и сорвал с него шлем. Широко открытые глаза немца слепо глядели в небо. В переносице торчала странная штука, похожая на звезду с пятью заостренными лучами. Звезда вошла точно в щель шлема тевтона и убила его наповал. Вопрос о вожде отпал окончательно, это стало ясно даже гордому испанскому идалго. Он первым подошел к стоявшему в сторонке ниндзя и преклонил колено. Японец поднял его, раскланялся на все четыре стороны, подошел к своему оружию и выложил в общую кучу еще три звезды и нож. Филька только рот разинул. И когда только этот дьявол успел подобрать их, ведь за ним внимательно следили несколько человек?

Унылые гунн, центурион и поляк смиренно ожидали расправы. Викинг со смаком отпустил каждому по три щелчка и довольно хохоча отправился засвидетельствовать свое почтение новому конунгу. Филька хотел вообще отказаться от выигрыша, но этому решительно воспротивился гунн. Вполсилы отвесив тумачи проигравшим, Рватый подошел к японцу.

— Ну ты, Кирька, молодец! Здорово уделал этого быка. Дай пять!

Японец загадочно улыбнулся и обеими руками пожал протянутую руку.

«Не гордый, — про себя отметил Филька. — Не погнушался подать мне руку».

Тем временем гунн и Клавдий Лукулл узнали, что такое

тюха. Как оказалось, это всего лишь удар древком копья. Маленький пигмей, торжествующе поблескивая глазами, не- сильно отвесил по кормовой части поляку, средне двинул по спине центуриона и так врезал между глаз гунну, что у того буквально искры из глаз посыпались.

— Ты говорил, что Чака урод? — осведомился пигмей у никак не могущего прийти в себя Кайдара. — Еще будешь говорить?

— Никогда! — искренне заверил гунн и протянул руку пигмею. Маленькая, почти детская ручонка утонула в волосатой лапе Лошадиной Головы. Оба широко улыбнулись, обнялись и пошли к бочке пива Кайдара.

— Теперь мне бы хотелось услышать мнение каждого, — донесся Голос. — Вы выбрали себе вождя?

Двенадцать коротких «да» подтвердили выбор. Викинг еще поднял обе руки с зажатыми в них кружками с пивом.

— Отлично, — продолжал Голос. — Пан Спыхальский, я знаю, что вы хотите сказать. Особей женского пола с вашей планеты у нас нет. В качестве замены могу предложить вам самку рпана с планеты Эффа. Выглядит она так, — в головах у всех одновременно появилась картина: могучая волосатая фигура ростом около десяти футов, по виду напоминающая гориллу. — Это единственная близкая вам по строению особь, — в голосе были извиняющиеся нотки, но Фильке показалось, что невидимка смеется.

Спыхальский кашлянул, щеки его порозовели. Викинг громко расхохотался и хлопнул по спине стоявшего рядом гунна, отчего тот улетел в кусты.

— Что, Тад, хороша невеста? Бери, не пожалеешь! Представляешь, какое потомство получится?

Через мгновение все заразительно смеялись над незадачливым кавалером. Даже на невозмутимых лицах Акиро, вождя апачей и сарацина промелькнула тень улыбки. Клавдий Лукулл просто катался по песку и все не мог успокоиться, представляя на одном ложе пляхтича и самку рпана. Красный, как помидор, Спыхальский стоял посреди поляны, сжимая в руке саблю, но потом махнул рукой и тоже расхохотался.

— Акиро-сан, я прошу вас подойти ближе, — произнес невидимка.

Не выказав ни тени сомнения, японец подошел к центру поляны. Из воздуха материализовалось кресло, на котором лежал какой-то сверток.

— Это кресло вождя. Там вы найдете подробную карту

вашего похода с указанием всех препятствий, которые могут встретиться вам на пути. Ей вы сможете пользоваться только до выхода в поход — таковы правила.

Ниндзя коротко кивнул, опустился в кресло, расстелил карту на возникшем столе и жестом пригласил остальных. Вокруг стола сгрудились Большое Озеро, сэр Джон, который вышел из своей прострации перед решающим поединком, Бен-Юсуф, дон Алонсо и Джебе.

Остальные вполне полагались на их компетентность и занимались кто чем: неумный центурион снова спорил о чем-то с Эриком, Филька учил играть в «жучка» Драго, Кайдара и пана Спыхальского. Их громкие возгласы и смех привлекли внимание спорщиков, и вскоре те присоединились к играющим.

А за столом тем временем шла разработка плана операции.

Глава 5. ПОДГОТОВКА

— Извилистая линия — ваш маршрут, — говорил Голос. — А вот и ваша цель. — В центре карты было темное пятно. — Крепость, окруженная рвом, в которой находится то, что вы должны будете отыскать. Должен предупредить, что параллельно с вами пойдет еще два отряда. Вам надо постараться опередить их.

— Но что же мы тогда медлим? — воскликнул сэр Джон. — Немедленно в поход!

— Не волнуйтесь, все отряды выступят одновременно, — успокоил его Голос. — Даже если подготовка займет у вас времени больше, чем у остальных, вы все равно выступите одновременно. Так что можете спокойно заниматься своим делом. Как вы видите, карта поделена на зоны. Каждую зону будет оборонять особый отряд защитников. Вам нужно будет уничтожить их или перехитрить. Все получают верховых лошадей... все, кто будет нуждаться в них, — уточнил Голос. — Для остальных будет другое средство передвижения. — В голове у всех возник образ судна, сколоченного из толстых бревен с высокими бортами и странным образом висящего в ярде от земли.

— Поплывем на драккаре? — Викинг оторвался от развеселой игры, чтобы уточнить интересующий его вопрос.

— Что ж, можете называть его и так, — произнес Голос. — Но об этом позже. Сейчас я хочу послушать ваши суждения относительно операции.

— Что мы должны отыскать в крепости? — задал вопрос Джебе.

— Сейчас увидите.

Снова перед ними встала картина: плоский сосуд, чем-то напоминающий котел.

— Чаша Грааля...— благоговейно прошептал сэр Джон и опустился на колени.

— Хорошее название,— усмехнулся Голос.— Пусть будет чаша Грааля. Это ваша конечная цель. Как только рука любого из вас коснется ее — Игра окончена и вы победили.

— Так просто? — усомнился Бен-Юсуф.

— Отнюдь. Не забывайте, что вам будут препятствовать не только защитники, но и два других отряда, если вы доберетесь до крепости с ними одновременно.

К этому времени около столика столпились и все остальные.

— Пусть только попробуют! — рявкнул викинг.

— Не стоит быть столь самоуверенным,— предостерег Голос.— В прошлой Игре были задействованы довольно сильные бойцы. Я тогда проиграл...

— Мы победим,— впервые Филька услышал мягкий и спокойный голос японца.

— Хочется в это верить,— произнес Голос.— Теперь я оставлю вас. Если будут вопросы, позовите.

Все взоры обратились к Акиро. Тот медленно и с расстановкой заговорил:

— Поскольку мы не знаем, какой именно соперник нас ожидает, мы должны держаться вместе. Наша сила в единении. Предлагаю следующий порядок движения. Сначала небольшое уточнение. Прошу поднять руки тех, кто намерен ехать верхом.

Одна за другой взметнулись вверх руки индейца, сарацина, англичанина, монгола, испанца и гунна.

— Благодарю. Итак, мы имеем шесть всадников и семь пеших воинов. Вокруг драккара нам надо будет иметь конное прикрытие, тем более что лошади будут неуязвимы для любого оружия. Мое предложение таково: в авангарде — Чака и дон Алонсо. Замыкающий — вождь Большое Озеро. Правым флангом будут сэр Джон и Кайдар, левым — Джебе и Бен-Юсуф. На самом драккаре... есть вопрос,— ниндзя поднял голову,— каким образом будет управляться драккар и как мы будем знать, что едем правильно?

— Смотрите.— Вновь в их мозгу появилась картинка.— Это кресло рулевого, вот сам руль. На нем две кнопки: красная «стоп» и черная «вперед». Прямо перед штурвалом небольшой экранчик с кругом и крестом. Крест должен быть всегда внутри круга — это определитель направления. Понятно?

— Вполне. Рулевым я назначаю Фила, его будет прикрывать Драго. На носу драккара рядом с рулевым будут находиться пан Спыхальский и Эрик, корму будем стеречь я и Клавдий. Но есть еще вопрос... Насколько я понял, драккар довольно мал по размерам. Куда мы сложим продовольствие, воду и фураж для лошадей?

— Ни в чем этом вы не будете нуждаться. Так же, как и в отдыхе. Если кто-то из вас захочет выпить или закусить — пожалуйста, но потребности в этом не будет.

— Хорошо. Я удовлетворен. Теперь нам осталось посмотреть, на что способен каждый из нас в боевой обстановке.

Акиро сошел со своего трона и предложил:

— Кто желает попробовать себя в поединке со мной?

Но желающих что-то не нашлось. Японец впервые широко улыбнулся и предложил еще раз:

— Только врукопашную, без оружия.

— А у тебя в одежде что-нибудь припрятано, — проворчал Клавдий Лукулл.

Японец с улыбкой разделся до пояса и поднял руки.

— Можешь меня обыскать. Если найдешь хоть что-то, я готов выполнить любое твое желание.

Клавдий хмыкнул, подошел поближе и проворно обшарил Акиро.

— Верно, ничего нет. Тогда давай — я согласен. — Он тоже скинул куртку, оставшись в одних штанах.

Их поединок длился не больше десяти секунд, после чего поверженный римлянин оказался лежащим на песке. Он вскочил на ноги и снова бросился на своего противника. И все повторилось снова. После пятого раза центурион сдался.

— Ты слишком ловок для меня.

— Если хочешь, возьми меч, — предложил Акиро.

— Но у тебя же ничего нет, — растерянно произнес Клавдий. — Я же тебя убью.

— Попробуй. Если сможешь меня хотя бы ранить...

— На твою ответственность, — предупредил центурион и быстро оделся.

Пан Спыхальский предложил делать ставки, но викинг пренебрежительно махнул рукой:

— Клавдию ничего не светит — это и дураку понятно.

Другие придерживались того же мнения — настолько им внушил уважение поединок японца с самоуверенным тевтоном. Филька оглянулся, но, к своему удивлению, не увидел тел француза и немца. Трупы исчезли.

Клавдий тем временем полностью облачился и вышел в круг. Японец ждал его, скрестив руки на груди.

— Я тебя последний раз предупреждаю,— произнес Клавдий.— Потом поздно будет.

Японец только загадочно улыбнулся и сам пошел в атаку, передвигаясь как-то странно — полубоком к противнику. Его руки находились на уровне лица.

— Я сделал все, что мог,— с чувством произнес Клавдий и сделал выпад мечом.

Акиро отпрыгнул в сторону, потом упал, перекатился через спину и подсек ноги римлянина. Тот уселся на песок. В ту же секунду японец прыгнул ему на плечи, обвил ногами шею центуриона и опрокинул его навзничь. Клавдий захрипел, бросил свои железки и попытался освободить шею.

Филька широко раскрытыми глазами смотрел, как невозмутимо улыбающийся японец со скрещенными на груди руками одними лишь ногами поверг вооруженного противника. После этого у него еще сильнее возросло уважение и даже преклонение перед невзрачным островитянином.

Отпустив Клавдия, Акиро вскочил на ноги и снова расклялся. Полузадушенный римлянин хрипел, стараясь восстановить дыхание. Второго соперника Акиро не нашел и предложил остальным разбиться на пары, чтобы он мог посмотреть, на что каждый способен.

Сэр Джон положил руку на плечо Бен-Юсуфа:

— Когда-то я сильно не любил твое племя...

Сарацин коротко кивнул.

Чаку японец выставил против Эрика. Здоровенный викинг громко расхохотался при виде соперника, который был чуть выше его пояса.

— Да я его раздавлю как муху!

— Акиро, я могу его убить? — невозмутимо спросил Чака и тем самым вызвал новый приступ хохота у норвежца. Японец отрицательно покачал головой. Чака важно кивнул: — Хорошо, он останется жив.— Затем срезал несколько веточек растущего рядом кустарника и проверил лук. Продолжавший смеяться викинг остановил свой выбор на ноже.

Чака спокойно ждал своего противника. Когда Эрик стал надвигаться на него, он хладнокровно поднял лук и выпустил четыре стрелы, поразив викинга в лоб, кисть руки и шею.

— Ты убит,— невозмутимо заявил он.— Мои стрелы отравлены.

Эрик только развел руками.

Фильке достался мирмиллон. Чем-то их сражение напоминало гладиаторский бой — только у Рватого была рогатина вместо трезубца и не было сети.

Фракиец оказался опытным и умелым бойцом. Более легкий на ногу, он принялся безостановочно кружить вокруг своего неповоротливого противника и отражал удары рогатины квадратным щитом. Непривычный к такому стилю ведения боя Филька быстро устал и пропустил легкий укол в грудь. Разозлившись, он сунул руку под кафтан и нащупал там кистень. Подпустив Драго поближе, он шарахнул мирмиллону кистенем по шлему. Фракиец тоже не был знаком с таким стилем. Так что можно было считать, что их поединок закончился вничью.

Не знавший усталости японец еще довольно долго гонял своих подчиненных. Бои на мечах и топорах, метание дротиков, копий, ножей и топоров, стрельба из луков — все это было сделано много-много раз, пока удовлетворенный Акиро не подал знак остановиться.

— Мы готовы, учитель, — обратился он к невидимому незнакомцу. Тут же из пустоты в центре поляны появился драккар и шесть лошадей разных мастей и по-разному снаряженных.

Сборы прошли без особых трудностей.

Выстроившись в боевой порядок, отряд был готов к выступлению.

— Вперед! — воскликнул сэр Джон. — За святой чашей Грааля!

С непривычки Фильке было боязно сидеть в кресле перед рогатым рулем и маленьким экранчиком с крестом и кругом. Но ободряющий взгляд Акиро придал ему силы. Перекрестившись, он решительно взял руль за рога, нажал черную кнопку и повернул штурвал так, чтобы крест и круг совместились.

— С Богом!

— С этого момента вы будете действовать самостоятельно, — давал последние наставления Голос. — Я не могу вам больше ничем помочь. И помните, постоянно помните: вы обычные, уязвимые для любого противника существа. Ваше оружие сможет восстанавливаться спустя час. Для определения времени у вас будут песочные часы. Старайтесь держаться вместе. Чем больше вас доберется до крепости, тем больше шансов захватить чашу. Будьте постоянно начеку. Опасность может скрываться на земле и под землей, в воде и в воздухе...

Часть II

Глава 1. НАЧАЛО ПОХОДА

Постепенно Филька обрел уверенность и даже убрал с руля одну руку, убедившись, что держит нужный курс достаточно легко. К тому же он слышал за спиной дыхание мирмиллона и знал, что тот подстрахует его в случае необходимости.

Испанец, усадивший Чаку в седло позади себя, ехал в двухстах футах впереди плавно плывущего над землей драккара. По бокам скакали Джебе и сэр Джон. Позади слышался топот копыт арьергарда. По бокам от Фильки напряженно всматривались в расстилавшуюся прерию поляк и викинг. Бросив взгляд через плечо, Рватый увидел спокойного японца и напряженно-внимательного римлянина.

«Да разве какая-то нечисть сможет нас взять? — удовлетворенно подумал Филька. — Да черта с два!»

Но спокойствие широкой равнины было мнимым. И в этом уже очень скоро они смогли убедиться. Впереди лежало около пятидесяти миль пути...

Глава 2. ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ

Внезапно испанец осадил своего буланого жеребца.

— Что там, Алонсо? — зычно гаркнул Эрик.

— Большое облако пыли, — последовал ответ. — Чака пошел посмотреть.

— Почему отпустил одного?

— Сам попробуй его удержать...

Оставалось только дожидаться разведчика. А пока остано-

вили драккар и приготовили оружие. Вскоре испанец прискакал вместе с пигмеем.

— Кто там, Чака?

— Его дружки,— ехидно улыбнувшись, Чака показал пальцем на поляка. Тот обиделся:

— Нет у меня никаких дружков!

— Но ты же чуть не стал их родственником...

— Рпаны! — дошло до Эрика.

— Точно,— кивнул пигмей,— и много.

— Сколько?

— Три раза по столько,— пигмей показал растопыренные пальцы на обеих ладошках.

— А-а, ерунда,— сразу успокоился викинг.

— Джебе, Озеро, Юсуф, Кайдар — вперед,— скомандовал Акиро.— Попробуйте достать их стрелами.

— У нас всего по двадцать штук,— предупредил сарацин.— Может не хватить, если они будут чересчур живучими.

— Они не должны быть особенно проворными. Не приближайтесь к ним. Как только расстреляете стрелы — немедленно назад, посмотрим, что еще можно будет сделать.

В центре драккара стояла высокая мачта с огороженной площадкой на верхушке для вперёдсмотрящего. Акиро послал туда пигмея, чтобы тот все время докладывал обстановку.

Четыре всадника остановились в двухстах футах от мохнатых монстров и стали осыпать их стрелами. Рпаны были вооружены тяжелыми дубинами и копьями, но расстояние было слишком велико для броска.

— Бейте по глазам! — крикнул сарацин.

Выстроившись в линию, лучники начали стрелять более прицельно. Отчаянный рев рпанов подтвердил правильность такого решения. Упали сначала два рпана, потом еще три. Первым расстрелял все стрелы индеец. Подняв коня на дыбы, он с гиканьем понесся к неровной линии рпанов, размахивая томагавком. Его голова находилась примерно на уровне плеча мохнатого гиганта. Но вождь апачей сидел на лошади, а рпан стоял на земле.

— Куда?! — заорал викинг.— Назад!

Но тут же к индейцу присоединились остальные. Сарацин несся молча, размахивая двумя мечами и держа поводья в зубах. Темник что-то гортанно кричал, в его руках было копьё. Лошадиная Голова прикрылся щитом, зажав в правой руке меч.

— Акиро, надо идти им на помощь! — повернулся к японцу викинг.

— Они справятся, — спокойно ответил ниндзя, не сводя глаз с места схватки.

Первым вступил в бой индеец. Ловко уклонившись от выпада огромного копья, он нырнул под живот лошади и оттуда метнул томагавк. Гигант зашатался и упал. Оставшиеся в драккаре издали торжествующий вопль, но радоваться было рано. Бревноподобная дубина опустилась на спину лошади Большого Озера, переломив ее, как тростинку. Но вождь показал себя безумно храбрым воином. За секунду до того, как упала лошадь, он был уже на земле. Подпрыгнув, он вцепился в шерсть ближайшего рпана и полез по нему, как по дереву, держа в руках нож. Чудовище, видимо, не обратило внимания на незваного наездника, сосредоточившись на окружающих его всадниках.

Джебе понял замысел вождя и даже успел крикнуть ему:

— Постарайся, чтобы он тебя не придавил! Юсуф, прикрой нас!

Сарацин бешено размахивал обеими руками, чудом уклоняясь от мелькавших в воздухе копий и дубин. Гунн внезапно развернул коня и бросился наутек. За ним тут же кинулись три рпана.

— Трус! — процедил сквозь зубы дон Алонсо.

— Тактик, — лаконично опроверг его Акиро.

И действительно — сила рпанов также была в их единении. С тремя противниками Кайдар управился буквально в считанные минуты. Резко развернув коня, он пронзил копьем первого рпана, успел отскочить в сторону от падающего тела, гортанным воплем уложил коня на землю, спасаясь от летевшего копья, тут же поднялся и отсек руку с дубиной второму лохматому монстру. Третий на мгновение заколебался, и это стоило ему жизни: ураганом налетевший всадник пронзил ему горло мечом.

Не оглядываясь на поверженных противников, Кайдар поскакал обратно к месту схватки. Там темник спасался бегством от пяти разъяренных рпанов. У него за спиной лицом к противнику сидел индеец с саблей.

Кайдар напал на их преследователей с тыла. Подрезав одному сухожилия на ногах мечом, оставил оружие в черепе другого и был вынужден спасаться бегством, будучи практически безоружным.

Вокруг сарацина уже громоздился целый бастион лохма-

тых тел. Противники никак не могли справиться с ловким, проворным и бесстрашным врагом, хотя у него была всего лишь одна сабля — другая сломалась.

Подскакивавший на месте от возбуждения викинг снова повернулся к японцу:

— Он ведь там один остался, Акиро!

— Тебе нужна лошадь, а у нас ее нет.

— Да я и так...

— Пешком ты не пойдешь, драккаром мы рисковать не можем, через час будет лошадь...

— Сколько времени прошло?

Японец молча указал на часы — прошло примерно двадцать минут. Викинг яростно сплюнул и замолчал.

Без приказа с места сорвался испанец. Он на ходу взвел арбалет. За его спиной притаился пигмей.

Темник с индейцем уже почти превратились в точку на горизонте, пять мохнатых фигур неумолимо гнались за ними.

— Да сколько же их там осталось? — выдохнул римлянин.

— Двенадцать, — невозмутимо ответил ниндзя.

— Пять на Джебе с Озером, семеро против Юсуфа, — мгновенно подсчитал сэр Джон. — Мой командир, позвольте мне выступить.

— Нет, это не ваша битва, сэр.

— Но они погибнут!

— Значит, так будет нужно...

— Смотрите, Алонсо!

Испанец на полном скаку осадил коня и выстрелил из арбалета. Из-за его спины появилось личико пигмея. Пока дон Алонсо перезаряжал арбалет, Чака выпустил с полдюжины стрел в ближайшего рпана. Колоссальная мохнатая фигура бешено заревела и грохнулась на землю, корчась в судорогах.

— Вот это да... — протянул озадаченный викинг.

Тем временем сарацин сразил еще двух противников, но потерял второй меч. Развернув коня, он с седла кинул два кинжала, метясь в глаза ближайшего рпана. Слепленное чудовище выпустило из рук дубину и упало на колени. Его напарник метнул конье и смог сбить сарацина с лошади.

Тут же откуда ни возьмись появился Кайдар и подхватил в седло Юсуфа, который тем не менее успел запустить щитом в ближайшего рпана и сбить того с ног.

Дон Алонсо выхватил палаш и устремился к мохнатому чудовищу.

— Час! — громко произнес Акиро.

Гунн с радостным воплем потряс луком и принялся расстреливать преследовавших его рпанов. Двое упали сразу, один захромал и остановился. А когда за дело взялся и сарацин, оставшиеся рпаны обратились в бегство.

Еще через полчаса все было кончено. Разгоряченные схваткой воины собрались у драккара.

— Если и остальные противники будут такими... — небрежительно промолвил испанец, вытирая платком палаш.

— Только их неповоротливость спасла вас, — не согласился с ним японец. — Неизвестно, что ожидает нас в дальнейшем.

Викинг облапил своего приятеля-гунна и стал расспрашивать, что произошло, когда они с темником и Большим Озером удирали от пятерых рпанов.

— Скакали по кругу, пока у нас снова не появились стрелы, потом все было просто. Да еще и лошадка вождя прискакала.

Выстроившись в боевой порядок, путешественники продолжили свой путь.

Глава 3. НЕЛЕПАЯ СМЕРТЬ

Довольно долго возбужденные люди обсуждали подробности первого сражения. В конце концов все сошлись во мнении, что могло быть и хуже, окажись рпаны более защищенными от стрел и мечей.

— Не расслабляться! — предупредил всех японец. — Чака, ты с доном Алонсо снова впереди. Будьте внимательны и осторожны!

Поляка он загнал на мачту. Тот ворча полез по ступенькам.

Следующее нападение не заставило себя ждать. И последовало оно с воздуха.

Совершенно бесшумно на драккар с ясного неба спикировали несколько птиц, похожих на больших орлов. Атаковали они с большой высоты со стороны солнца и были почти незаметны.

Поляка спасло только чудо. Он наклонился, желая что-то сказать японцу, и в этот самый момент на него упала птица. Ее мощный клюв зацепил пана Спыхальского, и тот с воплем полетел вниз. Все тут же задрали головы вверх и наконец заметили опасность.

Первым отреагировал Клавдий Лукулл. Один из его дроти-

ков пронзил крыло птице. Та с клекотом упала на палубу, где ее немедленно обезглавил викинг. Метнуть дротик центурион не успел: вторая птица поразила его в голову. Ее тут же уложил японец, но было поздно — римлянин уже испустил дух. Оставшуюся дюжину птиц перебили подоспевшие лучники.

Остановив драккар, небольшой отряд стоял вокруг тела центуриона. Огромный викинг не скрывал своих слез.

— Его надо похоронить по христианскому обычаю, — тихо произнес сэр Джон.

— Бедный Клавдий. — Гунн стащил с головы шлем и ударил им об землю. — Черт бы побрал этих птиц! Погибнуть так нелепо! Это ты виноват! — он ткнул пальцем в стонущего поляка.

— Не стоит искать виновных там, где их нет, — негромко произнес Акиро. — Даже я не видел их.

— Я вырою ему шикарную могилу, — произнес викинг.

— У нас нет времени, — не согласился японец, но викинг упрямо набылся.

— Тогда я буду с тобой драться. Я не могу позволить, чтобы тело Клавдия досталось пожирателям падали.

Их спор разрешился самым неожиданным образом. Лежавший на песке центурион вдруг потерял свои очертания и стал таять, пока не исчез совсем.

— Будем надеяться, что он уже в Валгалле. — Викинг вознес руки к небу и стал молиться Одину.

Глава 4. МЕСТЬ ВИКИНГА

— Тридцать лучших рпанов пали от рук пяти всадников, — уттар был слегка расстроен. — Хочу поздравить вас, Харл. Вы сделали неплохой выбор, жаль, что это не я додумался привлечь бойцов с Земли. Но все еще впереди. Я посмотрю, как они управятся с ферритами.

— Так же, как с рпанами, — ответил Харл, но на душе у него было тревожно. Против ферритов не мог выстоять никто. На прошлой Игре они были в числе последних защитников крепости и сыграли важную роль в победе уттара.

* * *

Земляне ничего не знали о ферритах. Их драккар передвигался со скоростью бегущей рысью лошади, всадники охраны

кружились вокруг. Испанец с пигмеем были впереди, хотя Акиро просил их не удаляться слишком далеко.

На горизонте показалась полоска то ли леса, то ли гор. Их маршрут лежал прямо туда, так как на равнинных просторах их поджидали опасности.

Драккар плавно плыл над поверхностью земли, управляемый Филькой. Он уже совсем освоился с ролью рулевого и делал это с некоторой лихостью. Мирмиллон с завистью смотрел на него и даже попросил немного порулить. Филька солидно отвел его притязания, отправив фракийца к Акиро.

— Он разрешит, тогда пожалуйста.

Фракиец только махнул рукой и снова принялся вглядываться вдаль. Первым заметил опасность поляк с «вороньего гнезда».

— За Алонсо кто-то гонится!

— Сколько их?

— Отсюда плохо видно. По-моему, штук восемь.

— Ого! А что за штуки?

— Сейчас... Что-то похожее на крупных волков.

Люди не знали, что это мутированные собаки с одной из планет созвездия Гончих Псов. Теперь они представляли собой крупных клыкастых зверей высотой в холке около четырех футов. На своей родине их называли йоллками.

— Немудрено, что испанец драпает, — проворчал викинг. — Акиро, они мои.

— Помочь?

— Только когда позову.

— Всем всадникам собраться около драккара, — отдал приказ японец.

Вскоре стал виден несущийся что было духу конь испанца, у него на ногах висели два йоллка. Чака хладнокровно расстреливал их из лука, но стрелы не причиняли им видимого вреда.

Викинг тем временем облачился в боевые доспехи: круглый щит, рогатый шлем, боевой топор...

По знаку Акиро Филька остановил драккар, чтобы подбавить испанца и дать сойти Эрику.

При виде нового противника йоллки сменили направление атаки. Отбив щитом морду вожака в сторону, викинг перерубил его надвое топором. Но остальные звери налетели на него стаей. Человек и йоллки смещались в кровавый клубок.

Некоторое время ничего не было видно из-за поднявшейся пыли. Только слышался рык зверей и свист оружия человека.

Когда пыль осела, взорам экипажа драккара предстала

следующая картина: забрызганный кровью с ног до головы Эрик и трупы зверей вокруг. Оставшиеся восемь йоллков кружили около викинга, пытаясь нащупать слабое место.

Когда одному показалось, что он нашел такое, пущенный меткой рукой нож пригвоздил лапу йоллка к земле. На это ушло буквально несколько секунд, но и их хватило трем другим зверям для атаки. Первый был рассечен в воздухе, остальные двое повисли на руке с топором. Викинг выронил оружие и, изрыгая проклятия, принялся работать левой рукой. Его чугунный кулак дважды опустился на головы зверей, и еще два тела легли к его ногам. Оставшиеся четверо накинулись на воина.

Лишенный оружия Эрик сам был похож на дикого зверя. Он катался по земле, погребенный под телами йоллков, душил их, бил о землю, грыз зубами. Яростная схватка продолжалась более пяти минут. После чего викинг поднялся, окровавленный, но торжествующий. Последний раненый йоллк, поскуливая, отползал в сторону. Викинг догнал его, поднял за хвост и три раза ударил о землю, потом срезал этот хвост подобранным ножом и заткнул за пояс.

— Это вам за Клавдия! — прогрохотал Эрик, задрав голову и потрясая кулаками.

Глава 5. КЕНТАВРЫ

Полоска на горизонте оказалась лесом. До него оставалось около двух миль. Но и этого хватило, чтобы подвергнуться еще одной атаке.

Теперь нападение последовало с тыла — сигнал об опасности подал вождь апачей.

Акиро тут же перегруппировал свою кавалерию, оставив впереди только сэра Джона. Индеец, монгол, гунн, сарацин и испанец выстроились в линию с луками наготове.

Когда противник приблизился, фракиец ошеломленно пробормотал:

— Кентавры!

Да, это были кентавры, вооруженные луками, копьями и короткими дубинками. Они неслись, вытянувшись в линию. Поляк вслух пересчитал их. Кентавров было двадцать восемь.

Индеец что-то негромко скомандовал, и навстречу лаве атакующих полетели стрелы. Когда колчаны опустели, к драк-

кару продолжали нестись десять кентавров. Пятёрка всадников рванулась им навстречу, сохраняя видимость боевого порядка.

Кентавры были знакомы с тактикой ведения конного боя. Они развернулись в дугу, охватывая своих противников с флангов.

— Сэр Джон,— быстро произнес японец,— я полагаюсь на ваш боевой опыт. Вы выступите только тогда, когда это будет действительно необходимо.

Рыцарь молча склонил голову.

Большое Озеро был вооружен хуже остальных. Все его оружие было метательное. Томагавком он снес одному противнику полголовы, но второй с копьем наперевес едва не сбил его с лошади, только кощачья изворотливость индейца спасла его.

На всех остальных землях также пришлось по два противника. Никто из воинов никогда не сражался с кентаврами, и нужно было время, чтобы к ним приспособиться.

Внимание людей на драккаре было занято схваткой всадников, но ниндзя все же был настороже. Филька краем глаза заметил, как сверкнул меч в руках японца и какое-то существо с визгом полетело прочь. В то же мгновение Филька увидел когтистые лапы, цепляющиеся за борт драккара.

Из узких земляных нор хлынула лавина крупных крысоподобных тварей — верпов. Один ярд до драккара и столько же до края борта они преодолевали одним прыжком, стремясь вскарабкаться на палубу.

Теперь были заняты все. Нападающих тварей было настолько много, что не оставалось ни минуты передышки. Рогатина была бесполезна, с топором получалось неловко, оставался нож, которым Филька рубил появляющиеся в поле зрения лапы, но на их месте тут же возникали новые и новые. Шестеро землян вовсю орудовали мечами, но остановить нашествие верпов пока не могли. Вскоре первые верпы очутились на палубе драккара, и людям пришлось биться не только с внешним врагом. Здоровенный викинг просто топтал их ногами, не обращая внимания на многочисленные укусы, а вот Фильке с его лаптями и босому пигмею пришлось туго. В конце концов Акиро приказал пигмею залезть на мачту и стрелять оттуда, пока ему не отгрызли ноги. Сам ниндзя чувствовал себя превосходно, действуя своим многочисленным арсеналом. Он колот ножом, рубил мечом, бросал все возможные метательные снаряды, одновременно топча ногами метавшихся гадов.

— Джебе упал с коня! — послышался отчаянный вопль Чаки.— Юсуф пытается его подобрать...

Суровый сэр Джон опустил забрало и дал шпоры своему рысаку.

Филька чувствовал, как по ногам струится кровь от многочисленных порезов и укусов. Он давно уже колол левой рукой, в правой был зажат топор, чтобы хоть как-то защитить лицо, так как эти твари были чрезвычайно прыгучи. Одна не смогла допрыгнуть до его лица, но вцепилась в одежду и почти подобралась к его горлу. Чака снял ее снайперским выстрелом прямо с мачты. Фильке было некогда даже сказать «спасибо».

— Господи! — выдохнул он.— Да кончатся они когда-нибудь?!

— Держись, Фил! — крикнул мирмиллон. Ему было немного полегче в поножах и наколенниках. Расшвыряв ногами наседавших верпов, Драго пробился к Фильке и в два счета расчистил площадь под его ногами.

Появление сэра Джона, закованного в железо, привело кентавров в смятение. Они добились временного успеха, сразив темника и сарацина. Оставшиеся пятеро теснили индейца, вооруженного лишь арканом, испанца, забрызганного кровью по самые уши, и прикрывавшего их гунна. Подобно урагану налетел на врага рыцарь Круглого Стола. Оставив копьё в груди первого кентавра, он выхватил огромный меч и тут же снес голову второму. Третий попытался переключиться на нового противника, но индеец успел набросить лассо на передние ноги кентавра. Тот потерял равновесие и стал легкой добычей гунна. Оставшиеся двое пустились наутек, но далеко не ушли. На свежем коне сэр Джон догнал первого, второй упал от стрелы индейца — минул час со времени начала боя. Покончив с кентаврами, конники поспешили на помощь людям в драккаре. Стрелы их луков уничтожили остатки верпов.

Сэр Джон остался возле Джебе и Юсуфа. Соскочив с драккара, остальные поспешили к нему.

Джебе лежал лицом вниз, у него была сломана шея. Сарацин был еще жив, но в плохом состоянии: в теле торчало три стрелы, а правая рука была сломана ударом дубины.

— Они навалились на него впятером, — рассказал Кайдар о смерти темника.— Мы не смогли ничего сделать — на каждом висело по одному дьяволу. Юсуф управился со своим быстрее остальных и поспешил на помощь Джебе, но поздно... Когда он попытался поднять его на седло, то попал под залп лучников, потом они топтали его уже лежащего.

Викинг склонился над сарацином. Тот тяжело дышал, в горле булькала кровь.

— Я уже не жилец, — прохрипел он. — Вам нужно оставить меня здесь.

— С нами поедешь, — уверенно заявил викинг.

— Я буду только обузой...

— Подлечим.

— Нет, — сарацин глубоко вздохнул и, прежде чем кто-либо успел ему помешать, чиркнул кинжалом себе по горлу.

Его сильное тело выгнулось дугой и опало.

— Умер... — выдохнул викинг.

— Он был настоящим воином, — тихо промолвил Акиро.

Им не пришлось долго ждать исчезновения тел. После минуты молчания экипаж драккара был готов к продолжению похода, но теперь стало на два всадника меньше.

Глава 6. НОВЫЕ ПОТЕРИ

Пора было двигаться дальше. Полоска леса приближалась. Стоявший на мачте Чака крикнул, что перед лесом лежит небольшой песчаный участок ярдов пятнадцати шириной.

— Мы с Алонсо проверим, нет ли чего опасного. — Проворно спустившийся с мачты пигмей занял место позади испанца.

Теперь по бокам драккара ехали только гунн и сэр Джон. Индеец замыкал кавалькаду. Филька остановил драккар прямо перед песчаной полосой и обернулся к японцу, ожидая указаний. Тот молча смотрел, как конь испанца рысью въезжает на песок...

Ровная гладь песка изредка нарушалась небольшими воронкообразными углублениями. Когда в одно из таких углублений попали копыта коня, песок неожиданно разверзся и ровная поверхность превратилась в чудовищную зубастую пасть. Дон Алонсо даже не успел вытащить палаш и вместе с конем исчез из виду. Чака оказался проворнее. Он успел соскочить с седла и пулей вылетел на край песчаной воронки. Люди в драккаре вздохнули было с облегчением, но тут из ямы выскользнуло поросшее мелкими волосками щупальце, обхватило пигмея за пояс и утянуло внутрь.

Эхо еще долго разносило животный крик Чаки.

— Все на борт! — скомандовал японец не успевшим прийти в себя от потрясения всадникам.

Быстро разместившийся на борту драккара отряд, ставший еще на два бойца меньше, приготовился было к движению, но тут Эрик внезапно соскочил с корабля и побежал куда-то в сторону.

— Стой! — заорал ему Кайдар. — Ты куда?

Не обратив внимания на его слова, викинг подскочил к большому валуну, лежащему на краю песчаного поля-ловушки, обхватил его руками, поднатужился, оторвал от земли и понес к драккару, пошатываясь от напряжения.

— Зачем тебе этот камень? — слегка удивился Большое Озеро, бросившийся было прикрывать викинга.

— Узнаешь, — прошептал Эрик, взгромождая камень на борт.

Когда наконец-то все расселись, японец дал команду двигаться.

— Фил, остановишь у той ямки, где парни остались, — процедил сквозь зубы норвежец, устраивая камень на борту.

Филька коротко кивнул. Он запомнил, какая именно воронка поглотила испанца.

Остановившись прямо над ней, Филька оставил руль, подошел к Эрику и вместе с ним ухнул валун в пасть невидимому страшилищу. Едва валун коснулся песка, как в небо взвились ищущие щупальца. Эрик довольно крикнул.

— Засуетились, гады, — злорадно пробормотал Филька, усаживаясь за руль и нажимая кнопку.

Видимо, чудовища каким-то образом общались между собой, так как из-под земли вырос целый лес щупалец.

— Не надо было этого делать, — негромко сказал Акиро.

— Есть хорошая идея, — прищелкнул пальцами Кайдар.

— Говори.

— Раз Голос утверждал, что лошадям ничего не сделается, давай их спустим с борта. Пусть эти милашки пока ими займутся. А мы тем временем сможем удрать.

— Голова! — широко ухмыльнулся Эрик и хлопнул гунна по плечу. Тот потерял равновесие, замахал руками и стал вываливаться за борт, прямо в объятия очередной ямы-ловушки. Железная рука сэра Джона перехватила его на лету и усадила на место.

Фракиец и Большое Озеро уже выгоняли лошадей. Законный в железо конь сэра Джона моментально провалился в одну из ям и с жалобным ржанием исчез из виду. Лошадка

вождя понеслась галопом, перепрыгивая через щупальца, следом неслась лошадь Кайдара.

План гунна был гениальным. Щупальца тотчас же сосредоточились на убежавших животных, оставив в покое плывущий над ними драккар.

Остаток пути над песком прошел без приключений.

* * *

Уттар стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Это просто дьяволы! Они смогли пройти краннов, потеряв только двух человек! Шесть зон позади, а потери минимальны. Харл, если ваши люди победят, я опротестую это.

— А на каком, собственно, основании? — хладнокровно заметил кварр, не сводя глаз с огромного стереоэкрана, на котором его войнство совещалось перед въездом в лес. — Они нарушили какие-то правила?

— Никому не удавалось пройти так много с такими малыми потерями!

— И вы считаете это недостатком? — кротко спросил Харл.

Уттар не нашелся, что ответить.

Глава 7. ЛЕС

— Как же мы будем без лошадей? — задал вопрос рыцарь Круглого Стола.

— В лесу они нам не понадобятся, — задумчиво ответил японец, — а когда мы минуем его, наши лошади объявятся.

Он расставил бойцов по всему драккару. Филька стоял у руля. Править он должен был по своему усмотрению. Если на каком-то отрезке пути придется уклониться от правильного маршрута, он должен сделать это, а потом вернуться обратно. Мирмиллон прикрывал его с тыла, Эрик и сэр Джон с боков.

Временно лишенные лошадей гунн и индеец занимали место с луками в центре драккара, поляк переместился на корму.

— Оружие держать наготове. Каждый смотрит в свою сторону, но должен быть готовым подстраховать товарища. Фил, вперед!

Филька подвел драккар вплотную к опушке, перекрестился, вытер пот рукавом и осторожно въехал под первые деревья.

Просветы между деревьями были достаточны для проезда драккара, но с азимута пришлось уйти сразу же — дорога была извилистой. Люди пристально вглядывались в окружающий пейзаж, готовые пустить в ход оружие без промедления.

— Еще раз напоминаю, Фил: без моего приказа не останавливаться, — предупредил Акиро. — Вперед и только вперед. Забудь обо всем, кроме руля. Тебя прикроют.

Филька кивнул, судорожно сжимая потными ладонями руль и напряженно глядя вперед.

— Не робей, пробьемся, — прогудел Эрик. Он воткнул меч в палубу перед собой и помахивал топором.

Вскоре позади сомкнулись ряды деревьев, и лес окружил их со всех сторон. В его молчании было что-то зловещее.

— Может, пронесет? — предположил вполголоса Кайдар.

Эрик открыл было рот, но ответить не успел. Прямо по курсу возникла рожа с оскаленной клыкастой пастью. Недолго думая, викинг махнул топором и рожа исчезла с яростным воплем. Это послужило сигналом к атаке со всех четырех сторон: с воздуха, с боков и снизу.

Пронзительно визжа, с веток посыпались твари, похожие на летающих собак, только в лапе у каждой был нож. Прямо из стволов деревьев к драккару потянулись отростки с когтями на концах. Снизу полезли какие-то мохнатые звери — помесь крота с крокодилом, размером с собаку. Впереди появились те же оскаленные рожи.

Спустя пять минут над драккаром стоял крошечный ад. Филька вжался в сиденье и не видел ничего перед собой, кроме руля и растущих деревьев. По бокам свистело оружие рыцаря и викинга, яростно ругался фракиец, отражая атаки невидимого противника. Слышались команды японца, боевой клич индейца, рычание гунна.

Одна из тварей смогла прорваться сквозь заслон и упала Фильке на шапку. Он дернулся было, но услышал суровый оклик японца:

— Фил, не отвлекайся!

И тут же словно порыв ветра пронесся над Филькиной головой — викинг смахнул тварь топором, сбив шапку Рватого.

После этого Филька стиснул зубы и полностью сосредоточился на управлении, не обращая больше ни на что внимания.

Весь лес, казалось, пришел в возбужденное состояние. К драккару подтягивались новые и новые отряды нападающих.

Продвижение вперед было затруднено плотно стоящими деревьями и извилистой тропой. Атака следовала за атакой.

Крылатых тварей, почти полностью уничтоженных стрелами землян, сменили слизняки величиной с голову человека, падающие на драккар с низко нависающих ветвей.

— Они ядовиты! — предостерегающе крикнул японец Кайдару, который вознамерился выкинуть слизня за борт голой рукой. Лошадиная Голова кивнул, подцепил студенистый комок копьем и швырнул прямо в пасть переваливающемуся через борт отвратительному монстру, состоявшему, казалось, из одних клыков и когтей.

Чудовище клацнуло челюстями, потом бешено заревело и осталось лежать на дне драккара.

— Подзакусил... — пробормотал пан Тадеуш, нанизывая на саблю уже третьего слизня. — Панове, шашлыка никто не желает?

Японец, как молния, метался по корме, отражая атаки летающих змей. Твари прыгали с земли и веток деревьев, издавая пронзительный свист перед атакой. Меч в руках Акиро сверкал, под его ногами уже громоздилась гора обезглавленных и разрубленных надвое трупов.

Отбиваясь от наседавшего противника, японец еще успевал помогать товарищам. Дважды его звезды сбивали готовых к прыжку тварей, которых не заметили мирмиллон и гунн.

Эрик и сэр Джон сражались с чем-то, похожим на сухопутного осьминога. Чудовище взобралось на нос драккара, вцепилось в него тремя ногами из шести, остальными пыталось зацепить кого-нибудь из людей.

Топор викинга был абсолютно бесполезен против аморфной массы. С проклятием вырвав его в очередной раз из туловища монстра, викинг отбросил оружие в сторону и зарал:

— Акиро, эта тварь не хочет слезать! Что делать?

— Думай! — ответил японец, даже не обернувшись, занятый своими проблемами.

— Вот и все, — расстроено заметил викинг, пинком вышвырнув за борт ежеподобную тварь, и уставился на шестинога, который почти взобрался на борт драккара, несмотря на все усилия сэра Джона. — Что же с тобой сделать? А! — Он хлопнул себя по лбу. — А как ты отнесешься к огоньку?

Сотворив из воздуха кремень, он поджег пучок пакли и бросил на щупальце шестинога. Через мгновение от страшилища осталась горсточка пепла.

— Хэй-о! — заорал викинг и сморщился от боли. Еще один ежеподобный вцепился ему в ногу. Растоптав зверя, Эрик снова взялся за топор.

Отчаянно закричал мирмиллон: одно из древесных шупалец обхватило его за пояс. И опять на помощь пришел Акиро. Почти не целясь, он запустил в отросток чем-то из своего арсенала, похожим на серп с длинной ручкой. Отросток с треском развалился, остатки фракиец с трудом отодрал от себя и, подобрав меч, продолжил борьбу.

Большое Озеро сжимал в одной руке томагавк, в другой нож и добивал прорвавшихся к мачте тварей, которые ухитрились миновать японца и поляка.

Филька глянул на часы. Песок в верхней колбе пересыпался едва на треть. Неужели прошло всего около двадцати минут? Ему казалось, что они сражаются уже вечность.

Нападавшие непрерывно видоизменялись. Людям приходилось постоянно приспосабливаться к повадкам новых тварей.

Гигантских богомоллов сменили псевдокошки с мощными клыками. Когда пала последняя, им на смену пришли лягушки, отличающиеся от обычных размерами, клыкастой пастью и почти человеческими руками, сжимающими дубинки.

Стрел уже давно не было ни у кого, копья были практически бесполезны. Эрик сломал ручку топора и орудовал мечом, держа кинжал в зубах. Сэр Джон гордо стоял на корме дракара, сжимая меч обеими руками.

Прямо из-под земли выросла огромная тень и попыталась задержать движение драккара. Лишь объединенные усилия викинга и рыцаря помогли очистить дорогу.

— Еще немного продержитесь! — крикнул Филька, в очередной раз посмотрев на часы. — Песка осталось мало!

Мирмиллон поскользнулся на размазанном слизняке и упал. Этим моментально воспользовалась какая-то тварь, вцепившаяся в спину Фильке. От дикой боли он закричал, но руль не бросил.

— Драго, черт бы тебя подрал! — рывкнул викинг. — Освободи ему спину! Больше от тебя ничего не требуется!

Филька почувствовал облегчение. Острые клыки разжались. Он не видел, кто убил противника, но все равно выкрикнул:

— Спасибо, ребята!

— Держи курс! — отозвался гунн. — Остальное тебя не должно касаться.

Радостный вопль индейца показал, что время вышло. Снова в воздухе запели стрелы. И как раз вовремя. С веток

плавно планировали похожие на опавшие листья зубастые твари. Их пасти достигали фута в диаметре.

Колчаны Большого Озера и Кайдара опустели в пять минут, но ни одна летающая тварь не смогла приземлиться на драккар.

Пристально, до боли в глазах, всматривавшийся в деревья Филька увидел просвет. Это могла быть просто поляна, но мог быть и конец леса, о чем он немедленно проинформировал остальных.

— Слава Одину! — отозвался викинг. — У меня уже руки отваливаются.

Натиск врага немного ослабел. Теперь уже не стаи, а отдельные существа пытались прорваться внутрь защитного кольца мечей.

Действительно, лес кончился, но на его краю поджидал новый противник: три огромных мохнатых паука, каждый размером с драккар.

Деревья им только мешали, они стояли на опушке, переминаясь с лапы на лапу и разинув хищные клыкастые пасти.

Филька продолжал править, пока его не остановил оклик японца:

— Стой!

— Это моя битва, — величественно произнес сэр Джон. — А вот и мой Ганнибал.

Действительно, из леса появились лошади. Впереди неся Ганнибал сэра Джона.

Англичанин сошел с драккара, взгромоздился на коня и, выставив вперед пятнадцатое копьё, с возгласом: «С нами Святой Георг и король Артур!», понесся в атаку.

Ближайший к нему паук широко раскрыл пасть и издал еле слышный свистящий звук. Переставив две передние лапы, он оказался на пять ярдов ближе к мчавшемуся всаднику.

Копьё вошло в пасть паука почти на всю длину. Страшные челюсти с лязгом захлопнулись, перекусив древко. Бросив ненужный обломок, сэр Джон выхватил меч, но ударить не успел. Мохнатые лапы подогнулись, и чудовище с шумом плюхнулось на брюхо. Еще пару раз конвульсивно дернулись передние лапы, и все было кончено.

Судя по всему, пауки атакуют лишь поодиночке. Второе страшилище выдвинулось вперед, высоко поднявшись на лапах и разинув чудовищную пасть.

Сэр Джон понесся прямо на него, размахивая мечом.

Мохнатое туловище было примерно на полголовы выше кончика ушей Ганнибала.

— Интересно, что он собирается делать? — пробормотал Кайдар, уже готовый прийти на помощь рыцарю, если потребует обстановка.

Но все было очень просто. Сэр Джон низко пригнул голову к шее лошади и высоко поднял меч.

Острое лезвие словно консервную банку вспорол брюхо паука. Оттуда высыпались мерзкого вида внутренности. Чудовище зашипело, сделало еще пару неверных шагов и так же грузно рухнуло на землю, как и его собрат.

Англичанин издал торжествующий крик, подняв над головой окровавленный меч. Теперь перед ним остался лишь один противник.

Третий паук согнул мохнатые лапы так, что его голова находилась в паре ярдов над землей. Он, видимо, соображал какими-то зачатками разума и решил не повторять ошибок павших соплеменников.

Передвигался паук чрезвычайно быстро и проворно. Но на поляне не было достаточно места для маневра. Сэр Джон кружил вокруг страшилища, пытаясь нащупать уязвимое место. Но такого пока не было. Всюду рыцаря встречала оскаленная пасть, полная огромных клыков.

— Все. Я пошел, — решительно заявил гунн.

— погоди, — поднял руку Акиро. — Я скажу, когда надо будет...

Сэр Джон остановился напротив паука, перехватил меч левой рукой и взял в правую топор.

Тут паук, проявив неожиданную прыть, с выставленными двумя передними лапами рванулся к рыцарю и попытался схватить лошадь сэра Джона. Ганнибал шарахнулся в сторону, уклоняясь от смертельных объятий, а его седок метнул топор в голову страшилища. Паук резко затормозил, и оружие пролетело мимо. Вторым движением инопланетный монстр зацепил Ганнибала и свалил его на землю.

Сэр Джон успел соскочить и нанес удар мечом. Сустав членистой лапы паука отделился и упал, судорожно подергиваясь. Паук поджал раненую лапу, из которой текла маслянистая жидкость, и неожиданно нанес удар головой.

Клацнули страшные челюсти, и половина лезвия меча осталась в пасти.

— Как соломинку! — ахнул Филька.

— Вперед! — скомандовал Акиро гунну, но тот уже

мчался на помощь товарищу с копьем наперевес.

Паук заметил нового противника, даже повернул голову в его сторону, но все же решил добить беспомощного врага, стоящего перед ним.

Сэр Джон выпустил обломок меча и закрылся щитом, нащупывая кинжал. Но всем было ясно, что это слишком слабая защита против мощных челюстей паука. А Кайдар явно не поспевал...

Разинутая пасть нависла над англичанином, грозя поглотить его целиком. Филька охнул и перекрестился. Мирмиллон закрыл глаза рукой.

Кайдар метнул копье и попал в уже отрубленную конечность. Паук даже не повернул головы, всецело сосредоточившись на рыцаре Круглого Стола. В этот момент англичанин стремительно бросился под брюхо паука, видимо, думая, что там наиболее слабое место внешне неуязвимого чудовища.

Всего на секунду запоздал с реакцией паук, и этого хватило рыцарю для удара кинжалом. Он решил повторить то, что сделал со вторым пауком. И это ему почти удалось. Но на сей раз не было коня, чтобы вытащить всадника из-под падающего чудовища.

Когда объединенными усилиями удалось столкнуть с тела сэра Джона труп паука, рыцарь едва дышал. Видимо, у него была раздавлена грудная клетка.

— Вот... и моя... очередь... настала, — с трудом проговорил рыцарь. — Но все же... мы прошли... прошли!

* * *

— Они прошли лес! — уттар был вне себя от ярости. — И опять практически без потерь! Пауки Гхора не смогли их остановить!

— Но половины отряда уже нет, — напомнил ему Харл, — а путь еще довольно долгий.

— А мой отряд насчитывает всего лишь трех бойцов, — мрачно вставил трифф, — и нет никакой уверенности, что они смогут добраться до крепости.

— Это ваши трудности, — бодро произнес л'гхоли. Его дела шли успешно. — Все равно мои воины будут первыми.

— Земляне победят, — уверенно заявил Харл.

Теперь их оставалось всего семеро. Два всадника и пять пеших. Акиро произвел перестановку: конники теперь ехали по бокам, корму прикрывал только он один, фракиец по-прежнему отвечал за Фильку, шляхтич и викинг сместились ближе к середине драккара.

— Нам осталось пройти совсем немного.— Акиро был краток.— Приложим все усилия для достижения цели.

И снова драккар поплыл к вожденной цели, но теперь его экипаж уменьшился почти вдвое.

Глава 8. РЕКА

Выбравшись из леса, земляне проехали еще немного и увидели перед собой широко раскинувшуюся речную гладь.

Викинг присвистнул. Индеец не спеша снял с плеча лук, наложил стрелу на тетиву и выстрелил.

Стрела не долетела до противоположного берега и упала в воду.

— Довольно широкая,— констатировал Большое Озеро.

— Сильно сказано,— саркастически хмыкнул пан Тадеуш.— А если учесть, что она наверняка глубокая, наверняка кишит всякими зверушками, то...— Он фальшиво просвистел похоронный марш.

— За рекой останется, по-моему, четыре зоны,— медленно произнес Акиро.

— Нам от этого не легче,— кисло пробормотал Спыхальский.

— Хорошо. Что ты предлагаешь?

— Кто, я? — растерялся поляк.— Ты у нас командир, тебе и решать.

— Вот я и решил. Фил, вперед. Держать оружие наготове и не подходить близко к бортам.

Филька снова занял привычное место и отправил драккар в плавание. Лошади индейца и гунна бежали рядом. Индеец успокаивал свою тихими гортанными возгласами.

И все же, когда судно оказалось над водой, каждый из его экипажа испытал легкое чувство страха. Когда под ногами была твердая земля, они чувствовали себя увереннее. Тайственные водные глубины прятали в себе неведомые жизнен-

ные формы, которые были в своей стихии. И кто его знает, будет ли эффективно против них земное оружие?

Позади уже осталось около сотни футов воды, когда последовала первая попытка нападения.

Из воды высунулось гибкое щупальце, оснащенное множеством присосок, и попыталось ухватиться за борт. Молодецки гикнув, поляк смахнул его саблей.

Викинг показал ему кулак, напряженно вслушиваясь в плеск волн за бортом. Но вопреки ожиданиям ничего особо страшного не произошло. Либо чудовище просто не обратило внимания на потерю конечности, либо щупальце было у него единственным и с его потерей животное погибло.

Когда Филька оглянулся, берег был уже едва заметной линией на горизонте. Акиро сделал резкий жест, приказав ему не отвлекаться. Филька кивнул, слегка выровнил курс и устался на спокойную гладь воды.

Они настолько были уверены, что неведомый противник будет атаковать из-под водной поверхности, что едва не презевали нападение с воздуха.

На драккара спикировали несколько летающих животных, несших на своих спинах нечто вроде десанта из невысоких обезьяноподобных существ, вооруженных кинжалами и щитами. Их было больше полутора десятков. Каждый достигал пояса взрослого человека. Они были необычайно свирепы и бесстрашны.

Палуба драккара сразу превратилась в поле боя. Нападающие разделились на два отряда и атаковали одновременно японца на корме и фракийца у кресла рулевого.

Круговым движением меча Акиро уничтожил сразу трех противников, метнул звезды еще в двух и заставил врага попятиться.

Мирмиллон был подготовлен несколько слабее, и его сразу ранили в живот и ноги.

Но тут на помощь пришли поляк и викинг. Пан Тадеуш ураганом врзался в толпу обезьян, размахивая саблей. В короткой свирепой схватке десантники были уничтожены полностью. Защитники драккара отделались легкими ранениями.

Выбрасывая за борт последнего обезглавленного врага, викинг брезгливо поморщился:

— Я думал, у них будет кто-то лучше.

«Типун тебе на язык,— суеверно подумал Филька.— Накличешь беду...»

И как в воду глядел. Прямо перед ним поднялся фонтан воды, который исторг огромную голову на длинной шее. Голова хищно повернулась и оскалила пасть с большими передними клыками.

Стоявший чуть позади индеец выпустил одну за другой пять стрел в глотку чудовища. Пасть с шумом захлопнулась, и ее обладатель скрылся под водой.

— Приятного аппетита! — прокричал поляк, вытирая саблю полой кафтана.

Тут же палуба драккара содрогнулась от чудовищного удара снизу. Пан Тадеуш закричал от ужаса, потерял равновесие и вывалился за борт. Невозмутимый японец мгновенно метнул вслед ему аркан. Вдвоем с гунном они выволокли лязгающего зубами поляка из воды. Тот потерял саблю и был бледен от пережитого ужаса.

— Решил с русалкой познакомиться? — грубо пошутил викинг.

— Хотел бы я посмотреть...

Второй страшный удар вышиб Фильку из кресла, опрокинул на спину мирмиллона и едва не отправил за борт уже троих: поляка и его спасителей.

— Черт бы побрал эту дрянь! — взревел викинг, подскочил к индейцу и вырвал у него аркан. — Привяжите меня к мачте!

— Да ты с ума сошел?! — искренне удивился Кайдар.

— Ты хочешь, чтобы он нас таранил безнаказанно?

— Нет, но...

— Тогда заткнись!

Большое Озеро проворно затянул аркан вокруг пояса Эрика и привязал второй конец к мачте. Эрик глубоко вздохнул и стал перелезать через борт. Третий удар вышвырнул его в реку. Грузное тело моментально скрылось под водой. Кайдар кинулся на помощь индейцу.

— Тащи его скорее!

— Он знает, что делает, — невозмутимо произнес вождь апачей.

Филька отдал должное отваге норвежца. Сам бы он ни за что на свете не полез в воду сражаться с неведомым врагом.

Несколько тягостных минут ничего не происходило, потом из воды появилась голова Эрика. Он шумно отфыркивался и махал руками.

— Тяните меня!

Еще через пару секунд он уже стоял на палубе без топора и кинжала, но ужасно довольный.

— У этой мерзости оказалась слабая шея,— презрительно кинул он.— Вот только топор утопил, жалко...

— Эрик, в Валгалле тебе будут оказаны королевские почести,— уважительно произнес пан Спыхальский, благоговейно глядя на мокрого гиганта.

— Это я знаю и без тебя,— безапелляционно заявил викинг и принялся стягивать с себя мокрую одежду.

Филька заметил на водной глади высоко торчащий плавник и тут же обратил на него внимание всех остальных.

Без команды вперед вышли лучники. Когда плавник приблизился, Большое Озеро и Кайдар принялись осыпать стрелами пространство воды чуть ниже торчащего плавника. Это не принесло явного успеха. Акиро приказал им прекратить стрельбу.

Плавник постепенно приближался. Что бы это могло быть?

Тяжелого вооружения у людей не было, если не считать мечей. Топор викинга должен был появиться только через час. Если животное достаточно велико, одних мечей может оказаться маловато.

— Держитесь подальше от бортов! — не уставал напоминать ниндзя.— Драго, не упускай из вида Фила!

Кучка людей сгрудилась в середине драккара с оружием наготове. С ревом разверзлась вода, и огромное тело взметнулось над бортом судна. Что-то вроде большой акулы, только с клешнями краба и пастью в половину туловища.

— Матка Боска! — Поляк перекрестился, сжимая кистень.

Чудовище явно хотело плюхнуться поперек судна и перевернуть его. Но поднаторевший в управлении драккаром Филька, закусив губу, резко вывернул руль влево. Громадное тело с шумом рухнуло в воду, обдав землян фонтаном брызг.

Не успели люди опомниться, как второе чудовище протаранило головой корму драккара. Щелкающая пасть завязла в прочных бревнах обшивки, силясь вернуться в родную стихию.

Смело подскочивший поляк прошелся кистенем по клыкастой пасти акулы, вышибив половину зубов. Потом он принялся колотить по угловатой морде, стараясь попасть по глазам.

Через минуту непрерывной работы морда чудовища представляла собой сплошное кровавое месиво. При помощи копий люди столкнули обезображенное тело в воду, но зияющая дыра в борту осталась и залатать ее было нечем.

Почти сразу же, как только тело акулы соскользнуло в

воду, в щель полезла новая напасть — что-то вроде больших сколопендр. Первые две особи поляк смахнул кистенем, остальные едва не достали его ноги. Спыхальскому пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы избежать удара ложноножек, которые почти наверняка были ядовитыми.

В дело вновь пошли стрелы. Едва первая тварь появлялась в щели, ее тут же смахивала обратно меткая стрела индейца или гунна. Но вскоре колчаны опустели, а твари все лезли и лезли. Некоторое время помогало метательное оружие японца, но потом закончилось и оно. У людей осталось только личное оружие.

— Ничего, с этими я справлюсь, — самоуверенно заявил поляк, помахивая кистенем.

Но, как оказалось, сколопендры имели прикрытие. Едва поляк подбежал к пролому, как из-под воды вынырнул какой-то странный гибрид: гибкая шея, оканчивающаяся змеиной головой с двумя лапами, держащими по острому иззубренному и довольно длинному шипу.

Поляк отскочил назад, продолжая смахивать сколопендр в воду кистенем. Это удавалось ему некоторое время, потом головорукие твари подплыли ближе к драккару и стали довольно ощутимо угрожать безопасности экипажа.

Шляхтич отступил, чтобы не оказаться за бортом, так как из воды возникли еще две такие же головы.

— Озеро, подтащи-ка поближе такую птичку, — недобро сощурился викинг.

Индеец отложил томагавк и раскрутил аркан. Очевидно, тварь не ожидала такой наглости от несчастных жертв.

Как только захлестнутая петлей голова легла на борт, Эрик отсек ее одним коротким взмахом меча.

Голова еще какое-то время жила, бешено разевая пасть и размахивая руками. Гунн разрубил ее мечом надвое и пинком вышвырнул за борт. Остальные головы, как по команде, тут же отшатнулись в стороны. Оставшиеся без прикрытия сколопендры были мгновенно уничтожены поляком и пришедшим ему на помощь японцем.

— Не видать там конца воде? — крикнул Эрик.

Филька покачал головой — со всех сторон была только спокойно плещущаяся водная гладь.

Головорукие медленно и плавно исчезали под водой. Наверное, это была их не последняя атака.

— Подальше от бортов! — снова напомнил Акиро.

Но теперь опасность таила в себе палуба драккара. Силь-

нейший удар, громкий треск — и в дыре посреди палубы появилась страшная оскаленная пасть невиданного доселе страшилища. А из этой пасти, как горох, посыпались твари помельче, но столь же зубастые и покрытые роговой чешуей. Одна из этих тварей сразу отхватила полноги поляка, прежде чем индеец прикончил ее ударом томагавка.

Еще через минуту палуба драккара кишела этими тварями. Викинг поднял на руки кричащего от боли поляка и оттащил в сторону. Японец швырнул в разинутую пасть две дымовые бомбы, оттуда вырвался клуб ядовитого дыма, и пасть медленно скрылась под водой, оставив визжащих зубастиков на палубе.

Твари оказались необычайно живучими и проворными. Их острые, как бритвы, клыки вырывали куски плоти из ног и бедер людей, оставляя кровоточащие раны. Но все же их количество было ограниченным, и земляне постепенно стали брать верх.

У Фильки не было времени повернуться и посмотреть на происходящее. Перед ним возникли трое головоруких и незамедлительно бросились в атаку... на пульт управления. Очевидно, они знали, что делали, поскольку одна голова попыталась разбить стекло с крестом и кругом, а вторая вцепилась в руль.

Филька на секунду растерялся, но ему на помощь поспешил раненый Драго. Он мгновенно оценил ситуацию и первым делом сосредоточил внимание на твари, грызущей руль. Двумя ударами меча он почти отделил ей голову от шеи. Тут и Филька пришел в себя и схватился за топор. Совместными усилиями они отсекали обе прорвавшиеся головы, но едва не стали жертвами еще одной пары голов. Филька взвыл, когда острый шип вонзился ему в плечо. Мирмиллон успел закрыться щитом и метнул меч в нависшую над ним голову. Та сделала судорожное глотательное движение, поперхнулась и скрылась за бортом.

— Пошла переваривать, — пробормотал Филька, охаживая кистенем последнюю торчащую перед ним голову.

Потеряв одну из рук, голова издала серию свистящих звуков и также пропала за бортом. Тем временем остальные земляне очистили палубу от вертких и прыгучих шаров. Выбросив за борт их останки, Акиро склонился над Спыхальским.

Тот был бледен, но крепился. У него отсутствовала нога чуть ниже колена. Эрик наложил тугой жгут выше раны, чтобы остановить кровотечение.

— Отвоевался,— хрипло произнес поляк.— Теперь я уже ни на что не годен.

— Сейчас посмотрим,— пробормотал Акиро, склоняясь над раной. Он вытащил из одного из своих многочисленных карманов какое-то снадобье.

Всего лишь на секунду расслабились люди, но и этого было достаточно. В дыру посреди драккара просунулась узкая голова и коренастое туловище. Сидящий спиной японец не сразу обратил внимание на появление врага.

— Берегись!!!— бешено заорал Эрик, но его опередил поляк.

Он обеими руками оттолкнул в сторону японца. Хищные челюсти клацнули и сомкнулись на здоровой ноге Спыхальского. Не успели люди опомниться, как враг и шляхтич исчезли в дыре. Мутная вода сомкнулась над ними. Викинг запустил вслед мечом, но неизвестно, достиг ли он цели.

— Ты хорошо сражался, Тадеуш,— проговорил Акиро, вставая.— Мы все равно дойдем, слышите, дойдем! — неожиданно закричал он, подняв голову к небу.

* * *

— И ведь дойдут,— пробормотал уттар.— Половина водной преграды уже позади. Им осталось не так много, а дальше ничего серьезного не будет. Вот выберутся на сушу, там посмотрим.

— Теперь я думаю, что они победят ферритов,— серьезно сказал трифф.— От моего отряда остался только один боец. Он им не конкурент.

* * *

— Земля! — заорал Филька при виде туманной полосы на горизонте.— Земля!

— До нее еще плыть да плыть,— пробурчал викинг.

— Еще пара минут, и у нас будет оружие,— проговорил Акиро.— Ни в коем случае не расслабляться!

— Расслабишься тут, как же! — пожаловался Эрик, прикладывая влажную тряпку к порезам на ногах.— То одна дрянь лезет, то другая... О Боже!

Это была третья дрянь. В дыру снизу без единого звука просунулась огромная змеиная голова с холодными тусклыми глазами. С быстротой молнии она метнулась к Фильке. На ее

пути оказался мирмиллон. В распоряжении фракийца были считанные секунды, и он нашел единственный правильный выход.

Когда разинутая пасть стремительно надвинулась на него, он подставил ей свой щит и постарался вбить его в чудовищную глотку как можно глубже, едва успев вытащить руку.

Змея издала нечленораздельный звук, попыталась сомкнуть челюсти, но ни проглотить щит, ни выплюнуть его не смогла. Так же медленно и плавно она начала исчезать в дыре. Викинг успел огреть ее топором, но остро отточенное лезвие отскочило от чешуйчатой брони.

Фракиец все еще дрожал от пережитого потрясения. Эрик громко расхохотался:

— Не трясись, Драго! Все кончено. Твой щит пришелся ей не по вкусу.

Словно не дожидаясь того момента, когда у землян появятся оружие, из воды начали всплывать своеобразные всадники — жабообразные существа верхом на больших тюленях. Они были вооружены копьями и дубинками, из-за спин у них торчали пучки дротиков.

Большое Озеро и Кайдар поспешили на нос драккара. Их встретил град дротиков. Но существа, бросавшие их, были не очень метки. В отличие от землян.

Спустя пять минут больше половины всадников были повержены, вода окрасилась кровью. Оставшиеся наездники поспешно убралась в пучину.

— Ни секунды покоя! — не унимался Эрик. — Что за проклятое место!

Шедший к своему месту индеец остановился. Мирмиллон впервые увидел в его глазах нечто вроде суеверного ужаса. Индеец отскочил в сторону от дыры в палубе, указывая на нее пальцем.

— Чего ты там увидел? — недовольно спросил викинг. Он подошел ближе, заглянул в дыру и присвистнул. На него смотрел огромный глаз, много больше, чем сама дыра.

— Подумаешь, видали мы таких, — протянул Эрик, поднял свое тяжелое копьё, тщательно прицелился и с силой метнул в дыру.

Эффект был таким, словно воду разом вскипятили вокруг драккара. Из клубов волн и пены вырвался лес огромных щупалец и заколыхался вокруг судна.

— Куда?! — осадил Акиро рвавшегося в бой Эрика.

Ищущие щупальца обрушились на судно, сметая все на

своим пути. Два из них вцепились в мачту и отломили ее, словно тростинку. Филька успел забраться под кресло, но и эту преграду смело в воду.

Одно из щупалец ухватило за ногу Эрика. Он тут же отсек его топором и выкинул за борт, недовольно ворча:

— И дернул же меня черт ввязаться в это дело...

Другое щупальце пробило палубу. Ближе всего к нему оказался вождь апачей. Акиро успел отсечь кусок щупальца, а с остальным Большое Озеро управился сам, размочалив остаток конечности морского чудовища томагавком.

А берег был все ближе и ближе. Теперь до него могла долететь стрела...

* * *

— Все! — Трифф разочарованно оторвался от экрана. — Последняя моя надежда рухнула...

— Примите мои соболезнования, — сразу отозвался л'гхоли. Его воины были уже на подходах к крепости, понеся незначительные потери.

— Земляне миновали реку, — констатировал уттар. Он успокоился и обрел способность трезво мыслить. — Теперь осталось надеяться только на ферритов...

— Землянам надо пройти еще четыре пояса, а моим всего два, — л'гхоли едва не подпрыгивал от возбуждения. — Харл, за удачную находку я сделаю вам скидку, когда получу факс. Люди сражались просто фантастически! Но до моих им еще далеко...

— Поживем — увидим, — философски отозвался Харл.

* * *

Наконец драккар завис над твердой землей. Остановив его ярдах в двадцати от реки, люди выскочили на землю, торжествуя.

— Что, съели?! — орал гунн, потрясая копьём. — Головастики вонючие!

Филька подошел к сидевшему с закрытыми глазами Акиро.

— Слышь, Кирюх, отдохнуть бы нам... Ну, хоть немного. А то ведь не дойдем.

Японец открыл глаза и рассеянно посмотрел на веселящихся соратников. Потом медленно кивнул:

— Полчаса — не больше.

Обрадованный Филька побежал к товарищам поделиться доброй вестью.

Эрик тут же предложил пойти искупаться. Но это предложение не вызвало особого энтузиазма. После всего пережитого на воде никто не хотел подходить к ней ближе чем на полет стрелы.

— Тогда я пошел один, — заявил гигант и стал раздеваться.

— Эрик, не говори ерунды, — принялся увещевать его Кайдар. — Тебя же съест тот малыш, которому ты глазки подлечил...

— Подавится, — величественно-надменно ответил викинг и двинулся к воде.

На нем повисли гунн, мирмиллон и Филька. Гордый вождь апачей сидел подле драккара, сложив руки на груди и закрыв глаза. Волоча за собой трех противников, Эрик почти дошел до самой кромки воды, как вдруг оттуда выскочила какая-то зубастая рептилия и проворно устремилась к людям.

Чуть позже Акиро и Большое Озеро наблюдали следующую картину: по песку мчалась живописная группа — впереди Лошадина Голова, за ним Драго, потом Филька и, замыкая шествие, абсолютно голый Эрик, которому буквально на пятки наступало какое-то зубастое чудовище.

Японец вскочил на ноги, но его опередил индеец. Свистнуло лассо, и страшная зубастая пасть оказалась спеленута несколькими витками прочного волосяного аркана.

Эрик остановился, перевел дух и плюнул на вертящееся чудовище, которое старалось избавиться от пут.

— Я же говорил, что им меня не съест.

Вдруг аркан неожиданно лопнул и разинутая пасть очутилась рядом с викингом, который наклонился за одеждой. Мощные челюсти сомкнулись на ягодицах Эрика. Тот утробно взревел и рванулся вперед, стараясь избавиться от зубастого противника. Страшилище отлетело в сторону, продолжая сжимать в пасти кусок плоти викинга.

— Ах ты, собака! — заорал Эрик, поворачиваясь к твари и размахивая кинжалом. — Да я тебя за свою задницу...

Зверюга проглотила зажатое в пасти мясо, вызвав тем самым новый приступ ярости норвежца. Он быстро поймал ее за хвост, перевернул на спину и одним махом распорол брюхо. Потом стал копать во внутренностях. Филька с отвращением отвернулся.

— Эрик, брось ее!

— Ага, и оставить свое сокровенное в желудке этой заразы? — отозвался викинг, не обращая внимания на струящуюся из раны кровь. Потом он с довольным воплем извлек что-то из недр поверженного врага и поднял над головой.

— Сейчас пришьем, и все будет в порядке.

Оставшееся от привала время Кайдар и Эрик пришивали недостающие куски, которые оказывались то больше, то меньше.

— Сейчас, вот тут подровняем... — бормотал Кайдар, орудуя своим ножом. Эрик лежал на животе и внимательно следил за его манипуляциями.

— Эй-эй, ты что-то много отрезал! Смотреться будет плохо!

— Отлично будет смотреться! Ну разве это много? — Гунн продемонстрировал приятелю окровавленный кусок мяса. — Самую капельку отрезал-то, а ты волнуешься...

— Давай вот тебе оторвем кусок чего-нибудь, а потом посмотрим, как ты будешь волноваться, — не унимался викинг.

Кайдар в очередной раз приложил кусок вырезки к филейной части Эрика и отошел, чтобы полюбоваться на дело своих рук.

— Красота! Совсем как новая будет.

Зашив рану грубыми нитками, Кайдар помог Эрику натянуть штаны.

— Некоторое время будет трудновато сидеть, зато потом все образуется.

Эрик охал и ворчал:

— Тебя нельзя допускать к врачеванию. Лучше б я Акиро попросил. Коновал несчастный...

— Тогда давай отпорем назад и пусть Акиро снова тебя зашивает, — обиделся гунн. — Снимай штаны!

Эрик сложил огромный кукиш и повертел перед носом гунна:

— А это видел?

Гунн сделал выпад и легонько шлепнул рукой по травмированному месту. Эрик взвыл и кинулся за убегающим Кайдаром. Улыбающийся Акиро крикнул им:

— Не отходите далеко!

Только он и вождь сохраняли серьезность во время этой хирургической операции. Филька и Драго хохотали до слез.

ГЛАВА 9. ПОСЛЕДНИЕ ЗОНЫ

Минотавров было двенадцать. Они стояли в ряд, опершись на длинные дубины. Филька остановил драккара и посмотрел на Акиро. Тот позвал к себе Кайдара и что-то прошептал ему на ухо. Гунн внимательно выслушал, хлестнул лошадь и поскакал к индейцу.

Филька никогда ранее не видел ничего подобного: ниже пояса — обычные люди, выше — монстры. Голова быка с огромными рогами, большие красные глаза навывкате, клыкастая пасть. Мощные трехпалые руки бугрились твердыми мускулами.

— Может, мне с ними позабавиться, — предложил Эрик японцу.

— Ты будешь нужен в крепости, — ответил Акиро, внимательно разглядывая нового врага.

Эрик принялся деловито раскладывать возле себя оружие.

Гунн и индеец по большой дуге на высокой скорости приближались к строю минотавров. Стоявший впереди гигант без одного рога, видимо, вожак, что-то гортанно прорычал. Отряд разделился. Пять страшилищ направились прямо к драккару, остальные остались ожидать приближения всадников. Продвигались минотавры не особенно быстро.

Гунн внезапно повернул коня и налетел на противников с тыла. Скорость и маневренность Кайдара были его союзниками в борьбе с неповоротливым соперником. Пустив копьё с седла, он свалил одного минотавра, пятью стрелами уложил другого и только потом оставшиеся припустились бегом за ним.

Тогда в дело вступил индеец. Ему хватило трех стрел, чтобы прикончить еще одного противника. Минотавры растерялись. Всадники кружили вокруг, осыпая их стрелами. Вскоре еще три минотавра корчились на земле. Половина врагов полегла, не причинив ни малейшего вреда обитателям драккара.

Тогда враг сменил тактику. Сбившись в кучу, они грузно побежали к драккару, не обращая внимания на вертящихся вокруг всадников.

— Эх, вожака бы ихнего грохнуть, — с досадой ударил кулаком по колену норвежец.

То же самое, очевидно, подумал и индеец. Разогнав коня, он смело вклинился в толпу минотавров, нанося томагавком удары во все стороны. Еще один противник зашатался и упал, но Большое Озеро потерял лошадь, которой переломали ноги

ударами дубин. Пятеро оставшихся минотавров обступили индейца, надеясь быстро покончить с ним.

Что-то кричал Кайдар, вертясь неподалеку, но вождь не обращал на него внимания. Он готовился к своей последней битве. Оставшимися стрелами он уложил еще одного противника и взялся за томагавк.

Большая дубина вожака минотавров ударила совсем рядом. Индеец успел увернуться, упал на землю, снова вскочил и метнул томагавк. Как и всегда, его рука была точна. Вожак выпустил дубину и упал на колени, пытаясь вытащить топорик, застрявший у него в голове.

Это был последний успех вождя апачей. Три минотавра с дубинами без труда добили практически безоружного индейца. Слабеющей рукой он успел ударить одного из них ножом, но это было уже агонией.

Вихрем налетевший Кайдар смял одного противника, снес голову второму, но третий вышиб его из седла. Гунн перекувырнулся через голову и замер.

Акиро большими прыжками неся к минотавру, который намеревался дубиной разбить голову гунну. Увидев, что добежать он не успеет, ниндзя метнул в чудовище звезду. Тот взревел и обернулся к новому противнику.

Японец был чуть выше пояса минотавра. Видимо, тот посчитал этого коротышку легкой добычей, оставил Кайдара и с ревом устремился на японца. Акиро замер, низко пригнувшись к земле.

Свистнула дубина, блеснуло лезвие меча. Кисть руки минотавра вместе с дубиной осталась лежать на земле. А потом к кисти присоединилась и голова. Мощное туловище еще немного постояло, затем тяжело рухнуло на землю. Кайдар поднялся, охая и ругаясь.

Акиро склонился над вождем апачей. Тот лежал, вытянувшись во весь рост с выражением странного умиротворения на лице.

— Он хорошо сражался и славно умер, — заметил подошедший викинг.

Отдав последний салют погибшему, уцелевшие люди вновь собрались у драккара.

— Нас осталось только пятеро, — сказал японец. — Каждый из нас теперь будет сражаться и за них...

— Что-то нас ждет дальше? — задумчиво произнес Драго.

— Не думаю, что что-то более приятное, чем эти красавцы, — презрительно бросил Эрик, махнув рукой в сторону туш минотавров.

* * *

Победа над минотаврами произвела впечатление даже на л'гхоли. После этого он стал более уважительно относиться к воинам с Земли, но по-прежнему был уверен в собственной победе.

— Ваши люди потеряли более половины команды, — промерцал он Харлу. — У моих же отсутствуют всего только четверо. Факс будет моим.

— Вы так часто повторяете это, словно хотите уверить в этом себя и нас, — слегка раздраженно отозвался уттар.

— Не надо ссориться, друзья, — произнес развалившийся в кресле трифф. — Согласитесь, что интереснее Игры у нас еще не было.

Возражений не последовало.

* * *

Нового соперника пришлось ждать недолго. Едва драккар перевалил через небольшой холмик, как перед взорами людей предстала живописная группа.

— Циклопы! — воскликнул мирмиллон. — Пятнадцать, нет, шестнадцать...

— Много, — сквозь зубы процедил Эрик.

Действительно, это были циклопы с одной из планет системы Лиры. Приземистое туловище, а вместо головы — нарост, достигавший в самой широкой части десяти дюймов. В центре нароста — свирепо мерцающий желтоватый глаз. Необычайно длинные руки, мускулистые ноги. Кроме холщовых штанов, на них не было никакой одежды. Они были хорошо вооружены: в правых руках квадратные щиты, в левых — мечи, топоры, дубины.

— Они что, все левши? — озадаченно спросил Филька.

— Похоже, — отозвался Эрик. — Не люблю драться с левшами...

— Придется, — бросил Кайдар и обернулся к японцу: — Давай я пощупаю их стрелами?

Акиро коротко кивнул. Кайдар гикнул и поскакал к циклопам, на ходу натягивая тетиву лука. Циклопы тут же рассредоточились и приготовили свое оружие. Кайдар осадил коня ярдах в десяти от них и пустил стрелу. Циклопы, как по команде, закрылись щитами, потом один из них что-то гортанно командовал. Ближайший к гунну циклоп опустил щит и вытащил

из-за спины пращу. Не успел Кайдар опомниться, как в него сразу же полетело несколько довольно крупных камней. Один пролетел мимо, другой гунн отбил щитом, но третий угодил в голову лошади, и та понесла.

Эрик присвистнул:

— С этими придется повозиться.

Отогнав всадника, циклопы быстро побежали к драккару.

— Если я не ошибаюсь, они намерены разбить приборы, чтобы не дать нам прийти вовремя, — быстро произнес японец. — Эрик, головой отвечаешь за пульт управления. Фил, настала твоя очередь драться. Ты готов?

— Ну, конечно! Да я... эх!.. — Филька махнул рукой и лихорадочно принялся проверять свое оружие.

— Бейте по глазам, — отдавал последние распоряжения японец. — Сейчас мы, кроме Эрика, спустимся на землю и примем бой. Кайдар нам поможет. Эрик, стоять насмерть! Упустишь прибор — сам зарублю!

Викинг басом расхохотался.

— Пусть попробуют! — Он надел свой рогатый шлем и взял в руку топор.

Циклопы остановились в пяти ярдах от драккара и дали залп из пращей. Один из камней сшиб шлем с Эрика и едва не раздробил голову Фильке. Мирмиллон успел закрыться щитом. За первым последовал еще один залп, потом, видимо, кончились камни и циклопы снова пошли в атаку.

Акиро, как подброшенный пружиной, вылетел за борт драккара. Находясь еще в воздухе, он трижды метнул звезды. Один циклоп споткнулся, выронил меч и упал, второй зарычал и остановился, держась за плечо.

Налетели первые противники. Ниндзя резко прыгнул прямо на них, вытянув вперед меч. Первый сам напоролся на клинок. Японец едва успел отскочить в сторону — боевой топор второго циклопа грозно просвистел над его головой. Но у воина-ниндзя боевой арсенал был достаточно богат. Сунув руки за спину, Акиро вытянул оттуда два кинжала-саи. Часть циклопов продолжала путь к драккару, трое приготовились сразиться с японцем. По два соперника пришлось на Фильку и Драго, оставшиеся шестеро достались Эрику. Кайдар еще никак не мог справиться с лошадью, крутясь неподалеку.

Филька заткнул кистень за пояс вместе с топором и ножом. Правая рука сжимала рогатину. Рватый был готов доказать, что не зря привлечен в отборный отряд земных воинов.

Циклопы чуть разошлись, огибая Фильку с флангов. Они

были отлично обучены и вымуштрованы. Получив приказ, они не отвлекались и четко делали свое дело.

Выпад рогатиной циклоп отбил щитом и сам пошел в атаку. Филька упер черенок рогатины в землю, стараясь не допустить противника вплотную и в то же время не упуская из виду второго циклопа.

Тот не был знаком с приемами ведения боя на Земле и сделал опрометчивый шаг навстречу Фильке. Моментально выхватив кистень, Рватый выкинул руку на всю длину. У циклопа была дьявольская реакция, но рука, удлинненная кистенем, смогла достать плечо противника. Циклоп застонал и выронил меч. Второй не зевал, и Фильке пришлось туговато: острое лезвие меча срубило древко рогатины.

Отскочив в сторону, Филька вытащил топор из-за пояса. Здоровый противник был прямо перед глазами, лезвие его меча описывало круги, ища возможность для удара. Не стоило сбрасывать со счетов и раненого циклопа. Филька пришел к выводу, что со здоровым он еще успеет сразиться и что надо сначала разделаться с менее боеспособным циклопом. Тот тем временем уже поднимался с земли.

Яростно кинувшись на здорового противника, Филька заставил его отступить, потом резко развернулся и кинулся на раненого. Отразив щитом удар топора Рватого, циклоп попытался нанести удар мечом, но рука плохо слушалась его. Легко отведя меч в сторону, Филька снизу пырнул циклопа ножом. Тот болезненно застонал и упал на колени. На выручку товарищу поспешил еще один циклоп.

Всего на мгновение он раскрылся. Филька играл ва-банк — пан или пропал. С разворота метнул топор и сразу же приготовился бросать нож.

Но и первый бросок был точен. Топор вонзился прямо туда, где могучие плечи переходили в голову. Циклоп сделал еще пару шагов и тяжело рухнул на землю. Филька обернулся к раненому циклопу — тот уже заносил для удара меч.

«Все», — мелькнуло в голове Рватого. Он зажмурился, но удара не последовало. Когда Филька приоткрыл один глаз, то увидел лежащего перед ним циклопа. Голова его была раскроена ударом меча гунна, который уже умчался на помощь викингу.

Филька обессиленно сел на землю и вытер пот. Акиро уложил своих противников и теперь вместе с Драго теснил двух циклопов, один из которых был ранен в ногу и только оборо-

нялся. Зато второй бился, как лев. Его длинный меч бешено вращался, не подпуская землян слишком близко.

Эрик успел уложить двух циклопов, но четверо обходили его с тыла. Не подоспей Кайдар, неизвестно, чем бы все это кончилось.

Филька подобрал топор и быстро прикинул шансы: четверо циклопов на Эрика и Кайдара, двое — на Акиро и Драго, один к тому же ранен.

«Надо помочь ребятам в драккаре», — решил Филька.

Но тут произошло неожиданное. Яростно отбивавшийся против Акиро и мирмиллона циклоп могучим ударом отбросил фракийца в сторону, буквально смел японца и галопом понесся к драккару.

Акиро припустился следом, но в скорости явно проигрывал, а несколько метательных предметов, попавших в спину убегающему циклопу, не принесли тому явного вреда.

Филька тоже попытался перерезать дорогу бегущему страшилищу. Он уже понял, что это был вожак, который мог сказать решающее слово в битве за драккар.

Фракиец добил раненого циклопа и тоже побежал к драккару. Теперь силы были равны — пять против пяти. Победу одержит более ловкий и сильный.

Гунн заметил бегущих. Он что-то бросил Эрику и устремился наперерез вожаку циклопов. Викинг кивнул, снес голову атаковавшему его противнику и едва увернулся от длинных мечей остальных.

Вожак обогнал Фильку примерно на три ярда. Но гунн был ближе. С копьем наперевес он несся прямо на циклопа. Вожак был чрезвычайно опытен и силен. Мгновенно остановившись, он поймал копьё Кайдара и рывком выдернул того из седла. Не успел гунн опомниться, как острие длинного меча пронзило ему горло, а вожак помчался дальше, что-то крича своим соплеменникам.

Филька прикинул расстояние для броска топора. Выходило не очень удобно, но делать было нечего. Он остановился, тщательно прицелился и метнул топор. Но у вожака словно глаз на затылке был. Он пружинисто присел, а потом снова побежал.

Филька сплюнул с досады и кинулся за циклопом. Но его бросок все же дал Акиро возможность сократить расстояние.

Тем временем Эрик сокрушил еще одного противника и бился теперь только против двух циклопов. Он был ранен, но не дал врагам приблизиться к пульту управления.

Вожак с разбегу прыгнул и вцепился руками в борт драккара. Меч он держал в зубах, щит закинул за спину. Акиро последние ярды пролетел по воздуху и повис на плечах циклопа. Тот одним легким движением стряхнул японца, словно муху.

Филька и Драго подбежали к драккару почти одновременно. Мирмиллон нырнул под его дно, собираясь проникнуть сквозь дыру. Филька побежал к корме.

Когда он взобрался на палубу, то увидел, что Эрик разрубил надвое одного циклопа, но получил сильный удар топором и лишился щита. Другой противник все еще был полон сил и энергии.

Драго возник между ними, как из-под земли. И тут же над бортом появилась одноглазая голова вожака. Он рывком перемахнул на палубу и сразу кинулся к пульту управления, не обращая внимания ни на что.

Акиро взобрался следом, но он был практически бессилен. Стоя на борту, он быстро метал в спину вожака весь свой метательный арсенал, но все без толку.

Мирмиллон сразу оценил ситуацию и успел стать на пути вожака. Ярость атакующего циклопа была беспредельна. Первым же ударом меча он разнес в щепки щит фракийца.

Драго отчаянно защищался, но силы были явно не равны. Когда подбежали Филька, Акиро и Эрик, гладиатор пластом лежал на приборах, а циклоп яростно рубил мечом его беззащитное тело.

Викинг схватил циклопа за плечи и отшвырнул в сторону. Трое землян стеной стали на пути последнего и самого страшного врага.

Вся спина циклопа была в крови, кровь также покрывала его грудь и руки, но, казалось, его силы были неиссякаемы.

Эрик шагнул ему навстречу. Он отбросил топор в сторону и вынул меч, в другой руке у него был кинжал. Циклоп глухо взревел и кинулся на викинга. Лязгнула сталь скрестившихся мечей. Клинок викинга был на ладонь короче, да и щита у него не было. Очень скоро он был ранен в обе руки, потерял кинжал, но еще держал меч и отчаянно отбивался. Филька не верил своим глазам: громадный викинг в обороне! Да, действительно, противник был очень и очень силен.

Акиро стоял наготове, сжимая в руке кинжал. Как только настал подходящий момент, он метнул кинжал в циклопа. Тот снова закрылся щитом, но этим воспользовался Эрик и поразил циклопа в грудь.

Кровь фонтаном брызнула из широкой раны, но вождь не

обратил на это ни малейшего внимания. Сделав еще шаг, он могучим ударом выбил меч из рук викинга. Филька судорожно сжимал рукоять топора, не в силах сделать ни одного шага. Неужели это все? Неужели они ничего больше не смогут сделать против этого коренастого чудовища, уничтожившего двух бойцов из их отряда и обезоружившего могучего викинга?

Но Эрик считал иначе. Яростно взревев, он склонил голову в рогатом шлеме и бешеным быком полетел на циклопа. Многочисленные раны ослабили реакцию врага, и тот пропустил удар рогатым шлемом. Острия рогов вонзились в грудь циклопа. Вожак зашатался, мучительно застонал, потом ногой отбросил Эрика в сторону и ткнул в его могучую спину мечом.

Затем циклоп рывком вытащил шлем из груди. Весь залитый кровью, он являл собой страшное и незабываемое зрелище.

Акиро подскочил к нему с мечом в руке, успев крикнуть Фильке, чтобы он оставался в резерве до последнего.

Теперь циклоп был не столь подвижен, как раньше, и этим воспользовался японец. Он принялся кружить вокруг циклопа, нанося жалящие удары мечом. Вожак никак не мог достать проворного японца и постепенно отступал к центру драккара.

Потом Акиро бросил две дымовые бомбы и нырнул в облако дыма. Оттуда донесся громовой рев, потом появилась шатающаяся фигура циклопа. На нем не было живого места, но он упорно стремился к пульту управления. Японец буквально висел на циклопе. Фильке это напоминало охоту с собаками на медведя. Огромная фигура против верткого и многочисленного противника.

Филька издал какой-то не поддающийся описанию рев и бросился на циклопа с топором. Вожак автоматически закрылся щитом и нанес ответный удар мечом. Будь он в полном здравии, тут бы Фильке и пришел конец. Однако ослабевшие руки циклопа уже не были так точны и уверены в себе. Но даже этого удара хватило Фильке, чтобы отлететь в сторону и на время потерять сознание.

Очнулся он от того, что ему на голову лилась вода. С трудом открыв глаза, он увидел покрытое потом и кровью лицо Акиро.

— А где этот?

— Более великого бойца не было на свете, — японец низко поклонился безжизненному телу вожака циклопов. — Были секунды, когда я сомневался в нашей победе.

— Что Эрик?

— Жив. Потерял много крови и уверенности в себе, но жив.

Тут Филька услышал голос викинга. Тот охал и проклинал свою тупость.

— Надо было влезть к нему в ближний бой. На дистанции он просто бог...

— Это был великий воин,— еще раз повторил Акиро.

— Как ты смог его достать? — Эрик с трудом поднялся и подошел к телу циклопа.

— Глаз,— коротко ответил японец.

Эрик наклонился над циклопом и перевернул его на спину. В его глазнице торчала рукоять меча. Японец вогнал его туда на всю длину, и все равно даже после этого циклоп оставался жив еще несколько минут. Он непоколебимо шел к пульта. Японцу пришлось его свалить и удерживать на земле, пока не прекратилась агония.

* * *

— Вот это да! — выдохнул трифф, откидываясь на спинку кресла.— Аггр едва не добился победы.

— Будь там еще десяток таких Аггров,— мрачно произнес уттар,— никому из вас я не оставил бы ни единого шанса.

— Но у вас был только один такой воин,— Харл встал и поклонился.— Я отдаю дань ему и моим воинам.

— Аггр один уложил столько, сколько смогли уничтожить лесные и речные солдаты,— удовлетворенно констатировал л'гхоли. Уттар исподлобья посмотрел на него, но промолчал.

* * *

Жизнь Эрику спасла его кованая кольчуга. Меч циклопа не смог пробить ее, но осталась здоровенная ссадина, да и общее состояние викинга было неважным.

Акиро перенес тела Драго и Кайдара в сторону от трупов циклопов. Эрик после некоторого раздумья поднял на руки тело вожака циклопов и положил неподалеку от тел друзей. Он набылчился, ожидая возражений, но ни Филька, ни Акиро не стали протестовать.

— Я бы не отказался вместе сражаться с этим парнем,— произнес Эрик, указав на циклопа.— Сильных уважаю...

— Сила и храбрость всегда были уважаемы,— подвел черту Акиро.

Они взобрались на драккар и отправились в путь, храня молчание.

Следующий противник появился в прямом и переносном смысле из-под земли.

Ярдах в десяти перед драккаром вспучилась земля, и оттуда выскочили пятеро ящероподобных существ. Плоская голова с зубастой пастью, крепкий хвост, чешуйчатая броня, в лапах с кривыми пальцами — палицы. Уаи с планеты Ларус.

— Эрик, это наши, — сказал Акиро, внимательно разглядев противника. — Ты готов?

— Ох-хо-хо... — тяжело вздохнул викинг и выскочил из драккара.

— Фил, останешься тут, — приказал Акиро. — Не исключено, что это подвох, если мы полезем на них все вместе.

Двое землян двинулись к строю уаи. Филька замер у руля, сжимая в руке топор.

...От мгновенной смерти его спасла только высокая шапка, которую враг, видимо, принял за голову.

Когда над головой что-то свистнуло Филька ощутил холодок под лопаткой. Уже зная, что увидит, он поднял голову. Над ним кружились три особи довольно странного вида: длинное тело, лапы хищной птицы, голые перепончатые крылья. В том месте, где по всем правилам должна была находиться голова, торчала рука, сжимавшая короткий крестообразный меч. Сбившая с Фильки шапку гарпия делала круг, готовясь ко второму заходу.

— М-мать... — выругался Филька, хватаясь за топор и нож.

Тут все три гарпии свалились на него. Филька выждал, когда они подлетели поближе, и ловко сбил одну топором, зацепив ей крыло. Потом, правда, ему пришлось пробежаться на четвереньках, чтобы избежать сверкающих мечей.

Поднявшись с колен, он приготовил нож, глядя на двух непрерывно кружащихся над его головой противников, и прозевал нападение снизу. Еще один уаи под землей добрался до драккара и вылез сквозь дыру в днище. Филька почувствовал, как его схватили за ногу. Страшная зубастая пасть вцепилась ему в икру. Зарывав от боли, Филька принялся полосовать морду врага ножом. Однако это не принесло желаемого эффекта, а тут еще последовало нападение с воздуха. С трудом присев, Рватый чудом смог избежать ударов крестообразных мечей, потом принялся яростно наносить удары уаи, целясь по глазам. Зверь громко заревел и выпустил ногу. Это дало Фильке секундную передышку.

Рватый совсем забыл о кистене. В борьбе с гарпиями он был более грозным оружием, нежели топор и нож. Но в дыру просунулась еще одна зубастая морда.

— Ах, так! — Филька рассвирепел, выхватил кистень и принялся охаживать уаи, стараясь угодить по глазам и разинутой пасти. Слишком увлекшись, он снова прозевал атаку сверху. На этот раз лезвие меча гарпии вырвало кусок мяса из плеча Рватого. Боль была адская. Филька упал на дощатую палубу, но оружия из рук не выпустил.

Гарпии стремительно пикировали на беспомощного землянина. Филька стиснул зубы, приподнялся на локте и приготовил кистень. В этот удар он вложил остаток сил.

Лишившись руки, гарпия громко заклекотала и взмыла вверх. Ее товарка опустилась совсем рядом с Филькой и вприпрыжку стала к нему приближаться.

Уже теряя сознание от боли, Филька слабеющей рукой метнул в нее нож. Гарпия отпрянула назад, но остро отточенное лезвие по самую рукоять вошло в ее тело. Из раны хлынула бурая жидкость. Гарпия издала пронзительный вопль, сделала два шага к Фильке и взмахнула мечом. Уже в последнее мгновение Рватый смог увернуться. Страшное крестообразное лезвие вонзилось в то место, где только что находилась его голова. Тело гарпии рухнуло на палубу и напоролось на собственный меч. Когтистые лапы заскребли по палубе, потом все стихло.

Филька, как в тумане, увидел: из дыры в днище показалась голова уаи, потом и все тело. Враг не обратил внимания на раненого Фильку, посчитав, что он мертв, а Рватый ничем не мог помешать ему. Уаи подобрался к прибору-указателю пути и тремя ударами палицы вдребезги разбил его. Потом с довольным урчанием спустился обратно в дыру.

Тем временем Эрик и Акиро сражались уже против трех уаи. Слабым местом этих тварей были глаза и пасть. Одну Эрик разрубил топором, другую накормил звездами Акиро.

Остальные уаи быстро поняли свои просчеты и теперь только рычали сквозь зубы. Но глаза все же у них были открыты, и японец сумел попасть одной твари в глаз стрелой из крошечного арбалета. Оставшиеся два ящера с быстротой молнии зарылись в землю, оставив поле боя.

Когда Эрик и Акиро поднялись на борт драккара, Филька сидел у руля и тупо смотрел на обезображенные приборы. Акиро горестно вздохнул.

— Я ничего не мог сделать. Они атаковали сверху и снизу.

Я ничего не мог сделать,— снова и снова повторял Филька.

Эрик брезгливо пнул ногой тело гарпии.

— Ну и мразы! Немудрено, что ты растерялся. Тут и я бы мог сплеховать.

— Фил, ты не помнишь, в каком положении были крестик и кружок? — внезапно спросил японец.

— Точно по курсу.

— Он не трогал руль?

— Нет. А что... А-а-а! — из пересохшего горла Фильки вырвался радостный вопль.

— Тогда нам пора трогаться в путь. — Акиро осторожно закрепил руль в том положении, как он был, и нажал кнопку «пуск».

* * *

— Болван! — рывкнул уттар, вскакивая с кресла. — Надо было и руль разбить!

— Теперь об этом говорить поздно, — в глазах Харла сверкнуло торжество.

Уттар рухнул в кресло. Трифф лениво улыбнулся:

— У вас был шанс, но вы им не воспользовались. Теперь земляне победят.

— Будьте вы прокляты, Харл! — прошипел уттар. — Вы и ваши земляне!

* * *

Хотя на Земле было принято строить замки на возвышенности, крепость была расположена в низине. Не прошло и полчаса, как земляне увидели ее, остановившись на краю обрыва.

— Похоже, мы слегка опоздали, — мрачно заметил викинг, указывая на сражение у единственных ворот крепости.

— Это еще бабушка надвое сказала. — Приободрившись, Филька был настроен весьма решительно.

— Какая бабушка? — не понял норвежец.

— Потом объясню. — Филька повернулся к японцу: — Ну что, командир, как будем действовать?

— То, что наши конкуренты не преуспели, видно невооруженным глазом, — медленно произнес Акиро. — Теперь нам не следует спешить. Надо хорошенько рассмотреть, что представляет из себя этот последний оплот.

Он извлек из воздуха подозрную трубу и приставил к глазу.

Викинг хмыкнул и последовал его примеру. Фильке тоже ничего другого не оставалось делать.

Минут через пять все опустили трубы. Японец был мрачен.

— Вот это да! — честно признался Эрик. — Ну и страшн-лица.

Глава 10. ОСАДА КРЕПОСТИ

Отряд л'гхоли бился на подступах к крепости. В его авангарде были две огромные черепахи с крепкими панцирями. Третья протаранила стену и была, видимо, придавлена камнями, так как не подавала признаков жизни. Позади ходячих таранов сгрудились семь пехотинцев. Там были представители разных рас, в основном двуногие прямоходящие с некоторыми вариациями.

Но вот крепость обороняли настоящие монстры — ферриты. Туловище оканчивалось тремя ногами, похожими на пау-чи,— мохнатыми и прямыми. Две росли нормально, третья торчала из спины и была в два раза длиннее остальных. Она упиралась в землю далеко позади корпуса, создавая тем самым дополнительную точку опоры. Вся верхняя половина ту-ловища представляла собой сплошной фасеточный глаз. Из шести рук четыре росли из плеч и по бокам, две торчали из-за спины и были также большого размера. В суставах они вращались свободно. Таким образом, феррит мог сражаться и впереди, и со спины.

Акиро насчитал десять особей. И эти десять успешно про-тивостояли натиску чудовищных черепах с клыкастой пастью и мощными лапами. Сражение шло, видимо, уже давно. Был уничтожен только один защитник крепости, но черепахи не продвинулись ни на йоту.

— Интересно, как же мы их бить-то будем? — Почесал в затылке Филька.

— Молча,— отрезал викинг.— Не могут же они быть неуязвимыми!

— Эти-то ладно, а вон те.— Филька мотнул головой в сторону черепах.— Их ты чем будешь убивать? Этим? — Он сунул викингу под нос его копьё.

— А кто тебе сказал, что мы будем с ними сражаться? — подал голос японец.— Пусть себе воюют. Мы зайдем с тыла. Через стену.

У Фильки отвисла челюсть.

— Так ведь в ней ярдов десять будет!

— Ну и что? — хладнокровно пожал плечами Акиро.

— Ты считаешь, что я похож на обезьяну? — осведомился викинг.

— Да. На большую и безмозглую обезьяну. — Японец вдруг разозлился. — Ты что, надеешься взять их в лоб? Никогда не получится. Мы переберемся через стену.

— А как?

— По веревке. — Акиро продемонстрировал трос толщиной с палец.

Эрик скептически хмыкнул:

— Не думаю, что этот шнурочек меня выдержит.

— Он запросто выдержит нас троих. Если боишься, скажи сразу.

— Я?! — Викинг был страшно оскорблен. — Хочу тебе одно сказать: если ты сколупнешься, ничего не будет. А вот если я упаду, получится большая яма.

— Веревка выдержит, — твердо сказал Акиро. — Фил, отплыви немного от обрыва, чтобы нас не было видно, и правь в тыл крепости.

— На нас больше никто не нападет?

— Не знаю.

Еще минут пятнадцать ушло на то, чтобы завершить обходной маневр и спуститься вниз. По крутому склону драккар плыл так же, как и по гладкому, — в ярде над поверхностью. Людям пришлось сгрудиться на корме, чтобы не выпасть.

Остановившись у стены крепости, японец похлопал по ней рукой и повернулся к товарищам.

— Мы обойдем их с тыла и возьмем чашу Грааля!

— Голова у тебя того... варит, — восхищенно произнес Филька. Но похоже было, что Эрик не разделяет энтузиазма своих соратников.

— Говори! — приказал ему Акиро.

— Видишь ли, — проникновенно начал викинг, — когда я был маленьким, — он показал ладонью, каким именно — примерно на пол-ярда ниже своего могучего плеча, — и ходил под стол пешком, я и тогда жутко боялся высоты. Даже на лошадь из-за этого никогда не садился. Поэтому твой способ для меня неприемлем.

— Что ты предлагаешь?

— Вы лезьте, Бог с вами, а я уж потихонечку отправлюсь к воротам и там с ними разберусь, со всеми этими гадами...

— Я не могу послать тебя на верную смерть! — категорично заявил японец.

— На какую смерть, что ты? — выставил ладони Эрик. — Ни о какой смерти и речи быть не может. Эти ублюдки никогда не сражались с викингками. Я им покажу, что такое настоящий боевой топор.

— Тебе не справиться со всеми сразу. — Японец понял, что Эрика не отговорить, и начал просчитывать варианты.

— А кто говорит, что я буду сражаться со всеми одновременно? Сначала разделаюсь с теми презренными трусами, что прячутся за спинами ходячих крепостей. Потом разберусь с пауками.

— Черепах не трогай, они могут быть полезны на первое время. Когда перебежешь пехоту, внимательно присмотришься к паукам. По-моему, их не стоит рубить сплеча. Особое внимание обрати на конечности. Ноги им обрубишь, потом принимайся за руки. Берегись задней пары рук.

— Можешь быть спокоен, — заявил просиявший Эрик. — Я буду крайне внимателен и осторожен.

— Тогда постарайся задержать их как можно дольше. Чем меньше будет охраны в крепости, тем легче мы достанем чашу. А как только чаша будет в наших руках, войне конец.

* * *

— Какое низкое коварство! — Л'гхоли буквально кипел и клекотал от гнева. — Уничтожить моих солдат, чтобы самим взять чашу! Это против всяких правил! Надо немедленно остановить Игру!

— Вы знаете, что это невозможно, — покачал головой уттар. — Да и разве вы забыли, мой друг, как три цикла назад ваши солдаты перебили гренадеров Харла во внутренних помещениях крепости, чтобы первыми захватить чашу?

Л'гхоли возмущенно булькнул, но крыть ему было нечем: подобный факт действительно имел место.

Трифф хихикнул:

— Сейчас мы посмотрим, как ваши хваленые солдаты управятся с одним землянином.

* * *

Эрик и Филька наблюдали, как японец готовится штурмовать стену крепости. Викинг был настроен скептически.

— Интересно, как ты собираешься забросить туда веревку?

Японец не ответил. Он прилаживал к рукам и ногам какие-то полоски с шипами. Закончив, подошел к стене, попробовал ее рукой... и полез по ней, как по лестнице. Эрик только рот разинул. Взобравшись ярда на два, Акиро посмотрел вниз.

— Эрик, ты не раздумал? Мы можем завязать тебе глаза и поднять наверх, спеленутого, как младенца.

— Благодарю! — решительно отверг это предложение норвежец. — Мы уж лучше сами как-нибудь. Нет у меня доверия к твоим дьявольским штучкам.

— Что ж, ты сам выбрал себе судьбу, — вздохнул Акиро.

— Это они выбрали, а не я. — Викинг самодовольно расхохотался, показывая в сторону ворот. — А эти многоногие кадушки долго будут помнить Эрика, сына Олафа!

— Если у них есть, чем помнить, — пробормотал Акиро, проворно, как кошка, взбираясь по стене.

Добравшись до верха, он осторожно высунул голову. Никого не было видно. Либо все ферриты были сосредоточены у ворот и у чаши, либо этот путь считался неприступным.

Японец уселся на стене, закрепил веревку и бросил ее вниз Фильке.

Рватый поправил шапку, крепко обнял и поцеловал Эрика, потом смахнул слезу и проворно, практически не уступая Акиро, полез вверх.

Громадный викинг остался стоять на палубе драккара с поднятой рукой.

— Вы можете положиться на меня, — произнес он вполголоса и подошел к штурвалу драккара.

Глава 11. ЭРИК, СЫН ОЛАФА

Появление драккара для атакующих было словно гром среди ясного неба.

Черепахи тем временем смяли еще двух ферритов и продвинулись чуть вперед. Задний пехотинец заметил Эрика и что-то крикнул своим. Несколько голов повернулось в сторону драккара. Семь свежих, здоровых воинов против одного израненного и утомленного битвами.

После коротких переговоров трое противников остались за черепахами — видимо, их нужно было подгонять.

Четверо же остальных выстроились в ряд и медленно направились к драккару.

Эрик положил копье на борт. Он хотел покинуть судно как можно позже, чтобы хоть как-то уравнивать шансы. Но и враг это отлично понимал. Четверка остановилась и замерла ярдах в пяти от драккара.

Викинг внимательно рассматривал их. Внешне походившие на людей, эти существа обладали густым волосяным покровом. Круглый шлем из матового материала, полностью закрывавший голову, был без единого отверстия. Вооружены они были длинными мечами и треугольными щитами из такого же материала, что и шлем. Грудь защищена чем-то вроде сетки с большими ячейками, от пояса начиналась короткая юбка, доходившая до колен. Обуты они были в сапоги из мягкой кожи.

— Ну что же вы, парни? — громогласно рявкнул Эрик. — Идите сюда, потолкуем!

Марги с планеты Рекха — это были именно они — не двинулись с места. Эрик не видел их лиц и не мог сказать, какое впечатление на них произвели его слова.

— Так, значит, вы собираетесь стоять истуканами и молчать? — вслух произнес викинг. — Мужчины вы или нет?

Но все его призывы пропали втуне. Марги продолжали бесстрастно взирать на драккар, не трогаясь с места и держа орудие наготове.

Эрик вздохнул и сплюнул:

— Что ж, раз вы не хотите идти ко мне, придется мне отправиться к вам.

Он грузно прыгнул на землю, охнув от боли в побитом теле. Постояв немного, чтобы прийти в себя, Эрик взял копье наперевес и стал осторожно приближаться к строю маргов. Те вдруг сделали по шагу в сторону, образуя широкую дугу. Общались они, вероятно, мысленно, так как никаких видимых признаков переговоров не было.

Несмотря на их кажущуюся медлительность, они могли быть весьма опасными. Одно то, что они добрались до крепости, о чем-то говорило. Правда, у них были черепахи, но они не могли защитить маргов от всех опасностей. Эрик сравнил потери землян и даже проникся некоторым уважением к противнику.

— Но все равно вам ничего не светит, ребята, — пробормотал викинг, уже примерно решивший, как будет действовать.

Он сорвался с места и быстро побежал к центральному мар-

гу в дуге. Остальные трое явно прозевали этот рывок, и грозный викинг на какое-то время оказался один на один с маргом.

Выпад копья пришелся в щит. В свою очередь Эрик отразил удар длинного острого меча. Краем глаза следя за соплеменниками марга, викинг предпринял еще одну попытку. Он метнул копье в марга, одновременно вытаскивая топор из ременной петли на поясе.

Марг проворно отскочил в сторону и на мгновение потерял Эрика из вида.

Метко пушечный топор с хрустом врубился в туловище противника, хотя в последнюю минуту тот каким-то чудом попытался отразить его щитом.

Убил ли он этого марга, викинг не успел узнать: остальные накинудись на него, размахивая мечами.

В рубке щит в щит, меч в меч Эрик всегда был силен. К тому же он был выше ростом, имел более длинные руки и его оружие было тяжелее. Да и марги явно недооценили одинокого противника, посчитав его легкой добычей. Эрик раздавал удары направо и налево, правда, и сам много пропускал, но его доспехи позволяли не обращать на такие мелочи внимания.

Заметив, что крайний слева марг явно теряет силы, Эрик отбросил в сторону двух других соперников и налетел на раненого. Двумя ударами он выбил из его рук меч, третьим снес полшлема вместе с тем, что под ним находилось. Марг зашатался и упал на колени. Для верности Эрик еще пару раз рубанул мечом и повернулся к двум последним маргам.

Те явно утратили былую самоуверенность и стояли плечом к плечу. Мельком бросив взгляд на поверженного марга, Эрик удовлетворенно констатировал, что тот лежит неподвижно, и с яростным воплем накинудись на потерявшего уверенность соперника.

Уже после схватки он был вынужден отдать должное мужеству маргов. Они бились с отчаянием обреченных. Один из них даже сумел нанести Эрику весьма болезненную рану в шею. Но все же натиск землянина был настолько силен, что, не отступив ни на шаг, они остались лежать там же, где стояли.

Эрик отсалютовал им окровавленным мечом и направился к поверженному маргу, чтобы забрать свой топор. Когда он склонился над ним, марг внезапно повернулся и нанес удар мечом в живот викинга. Эрик удивленно крикнул, отпрыгнув назад, и двумя ударами добил казавшегося мертвым противника.

Положив топор на землю, Эрик задрал кольчугу, чтобы осмотреть рану. Острое, как бритва, лезвие смогло пробить металлические звенья и оставило довольно глубокую рану на теле.

Эрик разорвал нижнюю рубаху и замотал раны. Шея болела довольно сильно, в животе слабо жгло. Это был плохой признак, но сейчас нельзя было терять времени на пустяки.

Один из трех погонщиков черепах обернулся и замер с открытым ртом. Видимо, для него была неожиданной столь быстрая расправа над маргами. Он что-то сказал своим соплеменникам, вытащил из ножен тяжелый палаш и поспешил викингу навстречу. Вскоре к нему присоединился еще один.

— Ну с этим-то я одной рукой справлюсь! — усмехнулся Эрик.

Но вскоре ему пришлось пожалеть о своих словах. Главы оказались на порядок выше маргов. Они потеснили Эрика, несмотря на то что щитов у них не было — только палаши. Но это оружие так мелькало в воздухе, что викингу вскоре стало казаться, будто глав не два, а по меньшей мере десяток.

Он уже не помышлял о быстрой победе — только бы дух перевести. Вскоре к его ранам прибавилось еще несколько, а главы легко уклонялись от, казалось бы, верных ударов и атаковали непрерывно. Эрик запаниковал, чего не случилось с ним уже давно. Он не видел уязвимых мест у бешено дерущихся глав.

Вскоре они настолько оттеснили его в сторону от основных событий, что викинг оказался прижатым к борту собственного драккара. Тут ему стало намного легче — спина была, по крайней мере, защищена. Но усердие глав от этого не уменьшилось. Они как будто задались целью изрубить гордого сына Олафа на мясной фарш. В конце концов Эрик решил плюнуть на честную борьбу... Когда на карту поставлена жизнь, тут уж не до рыцарства.

Эрик нырнул под днище драккара, с трудом протиснулся в дыру и вылез на палубу.

Низко пригнувшись, он метнулся к борту, вскочил на него, готовый бросить топор, но глав там уже не было. Они возвращались к своим черепахам. Эрик громко выругался и принялся орать самые страшные оскорбления в спину своим противникам. Те и ухом не повели, мерно вышагивая обратно.

Впервые викинг не знал, что делать. Он отчетливо понимал, что не управится даже с одним главом, а там их было три.

* * *

— Вот и ваш хваленый воин! — Л'гхоли буквально упивался собственным триумфом. — Факс будет моим и только моим!

— Не забывайте, что два моих воина уже в крепости, — возразил Харл, но на душе у него было беспокойно: черепахи задавили еще одного феррита и были уже на подступах к воротам.

Приободрившийся уттар напряженно следил за экраном, где двое землян пробирались к центру замка. Пока они успешно избегали схваток с ферритами.

* * *

Немного поразмыслив, Эрик решил навязать гланам свою тактику и поехал к воротам на драккаре. Он заготовил несколько горшочков с горячей смолой, не особо рассчитывая, что сможет ими воспользоваться. Но это давало ему хоть мизерный шанс на общий успех.

Главы лишь повернули головы, когда драккар появился в опасной близости. Потом высокий, худощавый воин, похожий на молодого медведя, неторопливо направился к драккару, показав тем самым неслыханное неуважение к боевым качествам землянина. Викинг просто задохнулся от бешенства:

— Ах, так, паршивые собаки! Значит, вы меня больше не считаете за бойца?! Ну, ладно!

Он приготовил свои метательные снаряды, не собираясь вылезать из драккара до самого последнего момента. Но этот последний момент мог наступить значительно раньше, будь глан менее самоуверен.

Эрик ни разу не видел глана близко со спины, а когда смог это сделать, то результат был довольно неожидан.

Глан остановился ярдах в пятидесяти от носа драккара, потом за его спиной появились небольшие крылья. Он тяжело взлетел и опустился за спиной Эрика на палубе драккара. Хотя викинг и был удивлен, но его инстинкты взяли верх над сознанием: руки автоматически схватили два метательных снаряда и бросили глану под ноги.

Тот отпрыгнул в сторону, но зацепился за торчащую из палубы доску и упал.

Эрик коршуном налетел на него. Но глан в мгновение ока приподнялся и выставил палаш. Притормозив, викинг бросил в него еще один горшок и на этот раз попал в ногу противника.

Глан зашипел от боли и вскочил. Еще один горшочек врезался ему в грудь.

Обезумевший от боли глан кинулся на викинга, быстро получил два удара мечом и был добит несколькими ударами топора.

Это оказалось чрезвычайно живучее существо. Даже с отрубленной головой он еще жил несколько секунд, пытаясь поразить викинга палахом.

Эрик перевел дух и осторожно выглянул из-за борта драккара. Главы возлились возле черепаш. Ферритов видно не было.

Эрик осторожно тронул драккар вперед, стараясь приблизиться к главам. Он приготовил копье и топор на случай, если им захочется еще полетать.

Но главы сменили тактику. Одна из черепаш неожиданно развернулась, и викинг увидел страшную разинутую пасть. Передвигалась черепаха медленно, но шла точно на драккар.

Времени на раздумье не было. Решившись на отчаянный шаг, Эрик повел драккар прямо на черепаху. Он метнул в ее пасть два горящих факела и сразу же отскочил к корме. Предосторожность оказалась не лишней. Обожженная черепаха дернулась вперед и сомкнула страшные челюсти на носу драккара. Толстые бревна хрустнули, как тростинки. Пока черепаха пережевывала обшивку, Эрик копьем угодил ей в глаз и тут же подвергся атаке обоих глав.

Викингу пришлось уйти в глухую защиту. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы ферриты не обошли последнюю черепаху и не появились возле драккара. Главы тут же оставили Эрика в покое и полностью переключились на нового противника.

Эрику представилась возможность понаблюдать, как сражаются ферриты, которых он до этого не видел в деле.

Проглотившая факелы черепаха корчилась в агонии, вторая лежала на земле, абсолютно безучастная к происходящему. Отсюда можно было сделать вывод, что ферриты каким-то образом смогли обезвредить ее.

Ферритов было шесть, главов всего двое, но поначалу преимущество было на их стороне. Они вдвоем навалились на трех ферритов, быстро обрубили одному все конечности, повалили его и поразили ударом в спину, между лопаток.

«Ага! Здесь у них, выходит, слабое место!» — мысленно отметил Эрик.

Пятеро оставшихся ферритов отступили. Главы не стали их преследовать. Они стояли голова к голове и о чем-то сове-

щались. Потом один из гланов направился к Эрику. Викинг приготовил оружие, но глан опустил палаш и что-то произнес, глухо и гортанно. Эрик сделал недоумевающий жест. Глан нетерпеливо махнул рукой в сторону ферритов и ткнул пальцем в грудь викинга.

— Ты предлагаешь мне объединиться с вами против них? — догадался Эрик. Он знаком высказал свою догадку, и глан быстро закивал.

Что ж, на данном этапе это было, пожалуй, разумно. Сначала разделаться с охраной, а уж потом можно будет решить, кто сильнее. Тем более что гланы показали себя весьма умелыми бойцами. Видя, что землянин не против сотрудничества, глан похлопал себя по спине чуть выше пояса и снова ткнул в сторону ферритов.

— Там уязвимое место, так? — догадался Эрик.

Глан снова кивнул и махнул рукой, призывая землянина следовать за ним. Эрик осторожно оторвался от борта и пошел за гланом. Его товарищ удерживал ферритов на расстоянии.

Как только договоренность была достигнута, один из гланов стал за руль и направил драккар в обход черепах, к воротам. Ферриты заволновались.

Все шесть их рук были заняты каким-либо оружием: топором, мечом, палицей, щитом. Один из защитников крепости громко застучал мечом по щиту, видимо, призывая на помощь. Из ворот крепости немедленно появился новый отряд из семи ферритов.

Один из гланов тяжело взлетел и сверху кинулся на противников. Те сначала несколько растерялись. Глан тем временем успел убить двух ферритов. Но на него обрушился град ножей и топоров. Метко пущенный топор угодил прямо в крыло. Глан потерял равновесие и упал на землю перед драккаром. Ферриты накинулись на него, но тут вмешался Эрик. Он перепрыгнул через борт, смахнул топором ноги одному ферриту, воткнул кинжал в спину другому и очутился лицом к лицу с последним. Отряд, спешащий из крепости, был примерно на полпути к месту боя.

Перед Эриком возникло сразу шесть рук с оружием: один щит, три меча и два топора. Он немного растерялся — сейчас феррит представлялся совершенно неуязвимым. Но тут ему неожиданно помог лежащий на земле глан. С трудом приподняв израненное тело, он метнул свой палаш в спину врага.

Угрожающе поднятые руки феррита повисли вдоль тела. Еще мгновение постояв, паук осел на землю. Викинг нагнулся

над гланом, но тот был уже мертв, весь посеченный лезвиями мечей.

Глан в драккаре что-то отчаянно кричал Эрику. Обернувшись, викинг увидел, что его обходят подросшие ферриты.

Норвежец вскочил на ноги и припустился к драккару. На его пути были два феррита. Когда Эрик подбежал ближе, они метнули в него сразу три топора. Один пролетел мимо, второй викинг отразил щитом, третий зацепил его ногу. Кровь текла по ноге. Прихрамывающий викинг мог бы стать легкой добычей, но его снова выручил глан. Он взлетел с носа драккара и уничтожил ферритов несколькими ударами палаша.

Потом глан и землянин, стоя спиной к спине, были вынуждены биться против пяти ферритов. Тут Эрик в полной мере оценил искусство глана. Его палаш сверкал молнией, отсекая конечности с оружием, подрубая ноги ферритов. Один раз глан сбил викинга на землю, когда феррит метнул в них топор.

Но все же первым пал именно глан. Он попытался еще раз взлететь, чтобы оказаться в тылу у ферритов. Запнулся о кочку и на секунду потерял равновесие. Ферриты моментально использовали эту его промашку. Даже лежа на земле, глан бился до последнего...

Эрик остался один против двух здоровых ферритов и одного, лишенного двух рук и задней ноги. Теперь норвежец мог рассчитывать только на свои силы...

* * *

— Поразительно.— Л'гхоли был несказанно удивлен самопожертвованием своих воинов.— Никогда бы не подумал, что они способны на это.

— Ну почему же? — Харл не был удивлен.— Гланы сделали единственно правильный ход — временно объединились с конкурентом против общего врага. А разделившись с ним, потом решить междоусобные дела. Я бы тоже так поступил.

— В этом отношении гланы и земляне чем-то схожи,— задумчиво изрек трифф.— Не думаю, чтобы мои воины пошли на это. Может, поэтому они и проиграли?

* * *

Ферриты сосредоточили внимание на раненой ноге викинга. Один атаковал Эрика, не давая ему возможности прийти

в себя, другой стал обходить сбоку, целясь в раненую ногу. Покалеченный феррит держался за их спинами, но был готов в любой момент вступить в бой.

Эрик с тоской понял, что это его последний бой. Он ослаб от потери крови, а ферриты были полны сил и решимости уничтожить его.

Не переставая закрываться щитом от сверкающей стали, викинг повторял про себя слова Акиро относительно конечностей ферритов. Да и гланы быстро сообразили, как можно вывести из строя эти машины убийства.

Собрав остаток сил, Эрик с ревом рванулся вперед и буквально налетел на стену железа в руках ферритов. Топор опустил на рогатый шлем викинга, едва не проломив голову Эрику. Норвежец зашатался, на секунду опустил щит и тут же получил удар в шею. Боль привела Эрика в чувство. Он отступил еще на шаг, поднял щит к лицу и налитыми кровью глазами уставился на расплывающиеся фигуры ферритов. Один из противников сделал шаг к нему, вращая над головой двумя мечами. Эрик упал на колени, сделал выпад топором и отсек ногу ферриту. Тот потерял равновесие и упал на землю. Этот успех стоил викингу потерянного щита.

Здоровый феррит непрерывно атаковал, размахивая мечами. Викинг медленно отступал. Сил для нападения у него уже не было. Он попытался кинуть топор, метаясь в ноги врага. Но ослабевшие руки потеряли былую меткость. Феррит легко уклонился от топора и следующим ударом отсек викингу кисть руки. Эрик завыл от боли, прощаясь с друзьями, но не собираясь сдаваться за здорово живешь.

Схватив меч уцелевшей рукой, он решил применить трюк, некогда удавшийся против циклопа: с низко наклоненной головой бросился на феррита. Лезвие топора опустилось на его спину, но не смогло пробить кольчугу. На руках появилась еще пара ран, но цели он достиг — сбил феррита с ног. Оказавшись сверху, Эрик принялся работать мечом. Он успел отсечь две руки, когда подползший сзади феррит вонзил ему в бок лезвие меча.

Викинг откатился в сторону. Пораженный им враг медленно поднимался на ноги. Лицо Эрика заливала кровь, спина и руки представляли собой сплошную рану, но дух его был не сломлен.

Издав громкий крик, он поднялся с земли и накинудся на феррита, еще не успевшего обрести равновесие. Одним движением он отсек ему правую ногу, но это был его последний

успех: две заспинные руки поразили Эрика мечами в грудь.

Викинг застонал, опустился на колени и попытался поднять меч, но не смог. Феррит занес топор над его головой. Викинг закрыл глаза.

Последним, инстинктивным движением он парировал топор мечом и вогнал клинок по рукоять в туловище феррита.

* * *

Уттар глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла. Трифф постучал хвостом по полу — что означало аплодисменты.

— Харл, ваш боец был бесподобен!

— Не стоит комплиментов.

— Не вижу, каким образом двое ваших воинов смогут забрать факс, — хмыкнул л'гхоли. — Если этот великан, так славно сражавшийся с моими воинами, не сумел победить ферритов, что смогут сделать те двое, значительно уступающие ему в силе и ловкости?

— Я бы не советовал вам слишком недооценивать их, — заметил Харл.

Глава 12. ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

Перебравшись через стену, Акиро и Филька пару минут не двигались с места, прислушиваясь и присматриваясь к окружающему. Но все было тихо.

— Фил, ты должен запомнить одно: как только рука кого-нибудь из нас коснется чаши — война окончена. Если ты увидишь, что можешь достать ее даже ценой жизни — своей или моей, безразлично, — ты обязан сделать это ради наших друзей.

— А ты?

— Ты не можешь того, что могу я, — кратко ответил Акиро. — Поэтому я и предупреждаю тебя: если со мной что-то случится, ты не должен отвлекаться. Считай это моим последним приказом.

— Мы что, порознь пойдем?

— Пока нет. Потом — будет видно. Вперед!

По тому же канату они спустились во внутренний дворик,

который был пуст. Видимо, вход во вторую, внутреннюю крепость был около ворот.

Акиро подошел к стене второй крепости и внимательно осмотрел ее. Потом снова надел шипы и полез вверх. Вскоре он скрылся за гребнем крыши. Филька остался ждать внизу.

По правде говоря, Рватый жутко боялся встречи с ферритами. Он не был уверен в том, что сможет одолеть хотя бы одного шестирукого. Он также сомневался, что даже вместе с Акиро сможет забрать чашу Грааля. Но они уже зашли так далеко, что назад пути не было. Да и пролитая кровь требовала отмщения.

А пока он стоял и ждал возвращения командира.

Акиро появился примерно через полчаса. Филька уже весь извелся, но двинуться с места не посмел.

Внутренняя стена была высотой ярдов пять. Филька ожидал, что японец спустится так же, как залезал, или сбросит веревку, но он ошибся: Акиро просто прыгнул вниз. Филька только крикнул, когда приземистая фигура ниндзя оказалась рядом с ним.

— Ну ты даешь... — тихо произнес Филька, задирая голову, чтобы посмотреть на крышу.

— Ничего особенного, — пожал плечами Акиро и улыбнулся. — В крыше нет никаких отверстий, но на задней стене имеется окно, через которое мы с тобой проникнем внутрь. Я забрался туда и посмотрел, что к чему. Чаша стоит на постаменте в центре большой комнаты. Ее охраняют восемь ферритов. Еще трое стоят возле ворот, которые открыты настежь. Что творится за оградой, я не видел. Но там сейчас тихо. Либо сражение идет далеко за стенами, либо... — Он умолк.

Филька горестно вздохнул. Ему было жаль добродушного гиганта, к которому он успел привязаться.

— Не исключен вариант, что тебе придется сыграть роль приманки и отвлечь ферритов, — продолжил Акиро.

— Мне?! — Филька в ужасе прижал руки к груди. — Но как? Почему?

— Не забывай, что как только моя рука коснется чаши, — мы победили. Я постараюсь сделать это как можно быстрее, чтобы они тебя не убили.

— Но я не могу! Я не справлюсь! Я же их...

— Я их тоже боюсь, — просто сказал японец, и Фильке стало стыдно.

— Прости...

— Не извиняйся. — Акиро грустно улыбнулся. — Мне

тоже не по себе. Сколько хороших людей полегло... Мы должны взять чашу... ради них должны, понимаешь?

Филька смахнул рукавом слезу и стиснул зубы.

— Что надо делать? Говори.

— Сейчас мы с тобой залезем на крышу и спустимся через окно в зал. Ферритов там одиннадцать. Это много для меня. Поэтому я хочу перехитрить их. Ты пошумишь, а я по потолку подкрадусь к чаше и возьму ее. Понял?

— Но как ты это сделаешь? — изумился Филька.

— Мое дело. Только ты не подведи. Можешь убежать от них, если боишься сойтись ближе. Главное — шуми и, если сумеешь, убей хотя бы одного из них. Ты помнишь, что я говорил Эрику?

— Ноги им пообрубать?

— И руки. В ближний бой не лезь. Рук у них в три раза больше — живо потеряешь голову.

— Дак что ж мне тогда делать-то? — совсем растерялся Рватый.

— У меня есть одна идея, не знаю, правда, понравится ли она тебе или нет.

— Говори, чего уж там.

— Ты не полезешь на крышу, а пойдешь пешком к воротам. Сделаешь там попытку напасть на охранников. Она у тебя, естественно, не получится, и ты кинешься удирать. Тут есть два возможных варианта. Если ферриты так безмозглы, как кажутся, они кинутся преследовать тебя. Побегашь от них вокруг дома. На всякий случай я тебе оставлю веревку, по которой мы спустились. Залезешь по ней на стену и пересидишь там, пока я не возьму чашу. Есть также второй вариант. Они не станут тебя преследовать. Тогда тебе надо будет попытаться завязать с ними драку. Твое оружие несколько слабовато. Попробуй запастись огнем. Пару факелов... не знаю, как они будут реагировать на огонь, но как-то отреагируют наверняка. Справишься?

— Попробую. — Филька зябко поежился.

— Тогда начнем. Стой здесь и считай до ста, потом — вперед!

— Дак я... это... — Филька почесал в затылке.

— Что? — удивленно поднял брови японец.

— Не шибко грамотный я, вот чего! — сердито произнес Филька.

Японец улыбнулся.

— Тогда сделаешь так. Будешь загигать пальцы на руках

вот столько раз,— он быстро начертил на песке несколько палочек.— Загнул все — одна палочка, начинаешь снова. Как только все палочки кончатся — начинаешь двигаться. Теперь покажи мне, как станешь считать.

Впервые Фильке стало стыдно за свою необразованность. Он густо покраснел, поплевал на пальцы и принялся загибать их по очереди. Учеба продолжалась несколько минут, потом японец, удовлетворенный темпом, взятым Филькой, хлопнул его по плечу и полез по стене.

Филька уселся на корточки перед палочками на песке и принялся аккуратно загибать пальцы. От усердия на висках у него выступил пот. Акиро посмотрел с крыши, как Филька старается, высунув язык, усмехнулся и осторожно заскользил к окну.

Зачеркнув последнюю палочку, взмокший от напряжения Филька перевел дух и поднялся на ноги. Одну ногу он отсидел, пришлось слегка ее размять. Потом глубоко вздохнул, перекрестился, потуже затянул кушак и пошел к воротам.

С каждым шагом его уверенность куда-то улетучивалась, коленки тряслись. Со стороны можно было подумать, что он идет на казнь. Да, в принципе, так оно и было. Хотя веревка на стене и давала какой-то шанс, все равно надежда на успех была мизерной, и Филька сознавал это отчетливо. Но его вера в умение Акиро была так велика и так велик был его авторитет, что Рватый без колебаний шел навстречу гибели, продолжая надеяться, что всемогущий ниндзя вовремя остановит мечи ферритов.

Ворота показались довольно скоро. Самих ферритов не было видно. Филька остановился в двух шагах от проема. Еще секунда, и ноги понесли его прочь. Промчавшись несколько футов, он снова устыдился своей трусости и решительно побежал обратно.

Его появление не было неожиданностью для стражников. Они тут же встали поперек прохода с оружием наготове. Фильке впервые представилась возможность рассмотреть их поближе. Зрелище было, конечно, жуткое. Страшные паукообразные с шестью руками, в которых была зажата смерть. Остановившись перед ферритами, Филька заломил шапку на затылок, подбоченился и плюнул в их сторону.

— Ну что, рожи, кто пожелает сразиться с добрым молодцем?

Желающих не нашлось. Ферриты просто стояли и ждали развития событий. Филька постоял еще несколько секунд,

потом уселся на песок и принялся неистово ругаться. Но даже самые страшные проклятия не привлекли внимания ферритов. Охрипнув, Филька сердито крикнул:

— Ничем их, паразитов, не проймешь. Эх, что ж делать-то?

Он еще некоторое время орал и размахивал топором. Ферриты стояли стеной и равнодушно молчали. Только что-то мелькало в их сетчатых глазах. Может, это было отражение землянина, а может, еще что-то неизвестное Фильке.

Окончательно осатанев, Филька принялся швырять в них песком, потом, действуя по какому-то наитию, спустил портки и повернулся задом к ферритам, продолжая выкрикивать проклятия. То ли это напомнило ферритам какой-то их обряд, то ли им просто надоело смотреть на беснующегося ушкуйника, но как бы то ни было, они вышли из ворот и двинулись в атаку.

...И сделали это так быстро, что Филька едва успел натянуть портки. Поддерживая их руками и на ходу завязывая пояс, он со всех ног припустился в сторону веревки.

Ферриты оказались необычайно проворными. Вскоре расстояние между ними и драпающим во все лопатки Филькой значительно сократилось.

Но вот и веревка. Филька птицей взлетел на стену и самодовольно глянул вниз. То, что он там увидел, заставило его широко разинуть рот.

Ферриты шли по стене. Их тела располагались параллельно земле. Они опирались на заднюю ногу и две заспинные руки. Это было то, чего не мог предвидеть даже предусмотрительный Акиро. Теперь делать было нечего. Стена была шириной в локоть. Филька стал на колени и приготовил топор.

Рогатину он оставил внизу, за стеной, и сейчас сильно пожалел об этом. Знать бы, как дело обернется, можно было бы ее поднять и положить на гребень стены. Теперь вся надежда была на кистень, так как руки у ферритов были намного длиннее Филькиных.

Едва первая пара рук показалась над стеной, Филька махнул кистенем. Рука феррита хрустнула и повисла плетью, но остальные руки были целы и угрожающе размахивали мечами. Филька упустил из виду, что ферриты могли обойти его по стене, пользуясь своими особыми способностями. Так оно и вышло.

Пока он пытался скинуть первого феррита, второй прошел по стене и выбрался на гребень шагах в десяти правее Фильки, а третий возник прямо перед ним, едва не зацепив его длинным обоюдоострым мечом за ногу. Филька высоко подпрыгнул

и чудом опустился обратно. На какую-то долю секунды он потерял равновесие и отчаянно замахал руками, не выпустив, однако, кистеня из рук.

Воспользовавшись паузой, ферриты вдвоем вылезли на гребень. Третий остался на стене, грозно шевеля руками.

Филька затравленно оглянулся. Его положение было крайне невыгодным. Ферриты чувствовали себя удобно в трех плоскостях, были лучше вооружены, а у землянина не было ничего, чем он мог бы напугать или победить их. Шаг, еще шаг — молчаливые бестии постепенно приближались.

Филька снова еле увернулся от удара снизу, но на этот раз равновесие удержать не смог. Но, видимо, рука Господня направляла его падение. Грохнулся он прямо на стоящего внизу феррита. Тот от неожиданности не успел ничего предпринять и сорвался со стены. Полет длился какие-то доли секунды. Филька, обмирая, лежал на широкой груди феррита и горячо молился, хотя всю жизнь считал себя безбожником...

Удар был достаточно силен. Когда потрясенный Рватый открыл глаза, увидел, что лежит далеко в стороне от распростертого тела феррита. Во время удара о землю, видимо, задняя рука с мечом оказалась внизу и меч пропорол тело феррита насквозь. Филька задрал голову. Два уцелевших охранника медленно спускались со стены. Судя по всему, это составляло для них определенную сложность.

Филька быстро подобрал оружие, целясь в ноги ползущих по стене ферритов.

Те не могли уклониться, всецело занятые спуском. Известно, с какой именно попытки, но Филька все же преуспел. Пущенный им топор зацепил заднюю ногу феррита — а спускались они спиной вперед, если можно было это назвать спиной, так как разобраться, где перед, а где зад у этих странных существ было довольно сложно, — и свалил его на землю. Филька молнией метнулся к упавшему врагу, сразу отрубил ему две руки с топорами, потом вогнал три меча в туловище и побежал к стене.

* * *

— Довольно оригинальный способ ведения боя, — задумчиво пробормотал трифф, — но достаточно эффективный.

Уттару было не до шуток. Он неотрывно смотрел на экран, где Филька старался поразить последнего оставшегося в живых феррита.

— А он, пожалуй, убьет его, — ухмыльнулся трифф. —

Признаюсь вам, Харл, я был весьма невысокого мнения именно об этом вашем бойце, но теперь вижу, что ошибался.

— Я тоже,— склонил голову Харл.

* * *

Последний феррит пытался защищаться, но Филька легко уклонился от летевших в него топоров, подобрал их с земли и принялся швырять в прежнего владельца. Но лишь когда феррит опустился примерно на половину стены, Филька смог добиться успеха. Метко брошенный топор перебил заднюю ногу. Феррит попытался удержаться на стене, но не смог и камнем полетел вниз. Упал он очень неудачно и переломил еще две ноги. Теперь он мог только ползать. Но даже лажащий и пресмыкающийся, он представлял собой очень серьезную опасность.

Филька не полез на него очертя голову, а снова подобрал топоры и принялся методично расстреливать ими поверженного врага. Отрубив еще одну руку, Филька подобрался поближе и пустил в ход кистень. Вскоре еще одна рука повисла плетью. Перебив последнюю руку, Филька смело подошел с безопасной стороны и добил феррита несколькими ударами топора.

Еще сам не веря в свою победу, он отступил на шаг назад и обессиленно опустился на песок.

— Надо же...— только и смог произнести он.— А ведь я уже совсем было с жизнью распрощался.

Но долго отдыхать было некогда.

* * *

— Я посмотрю, как этот ваш хваленый воин управится с ферритами внутри храма,— раздраженно заявил уттар, выведенный из себя язвительными репликами триффа.— Там они не станут лазить по стенам.

— А если он их заставит? — пропульсировал л'гхоли, азартно болевший за землянина.

— Пусть попробует,— сердито заявил уттар.

* * *

Когда в дверях храма появился Филька, японец от удивления едва не свалился с потолочной балки, по которой полз, подобно пауку. Он никак не ожидал, что Рватому удастся так быстро управиться с тремя ферритами.

До чаши оставалось совсем немного. И удача Фильки вселила уверенность в слегка колебавшегося японца.

Радостный Рватый решил попытаться применить тот же трюк, чтобы выманить ферритов наружу. Но эти, стоявшие вокруг чаши Грааля, либо были из другого племени, либо имели твердый приказ не двигаться с места. Даже коронный номер со спущенными портками не прошел — стража стояла насмерть.

Акиро немало подивился старанию Фильки, но продолжал медленно и упорно продвигаться к центру зала. Он уже примерно знал, как поступит: спрыгнет в центр, прямо на чашу, и возьмет ее без боя.

Уставший Филька опустил на корточки и вытер пот. Ферриты упрямо не желали двигаться с места. Наверх Рватый даже и не думал смотреть. Не дай Бог это привлечет внимание ферритов — тогда Акиро придет конец.

Немного передохнув, он снова принялся орать и бегать вокруг ферритов, стараясь производить как можно больше шума. Это было только на руку Акиро, он мысленно поаплодировал Фильке, не переставая думать об огромных глазах ферритов, которые могли видеть во всех направлениях. Только неожиданность может сыграть свою роль в овладении чашей Грааля. Впрочем, если Рватый каким-то образом сумел победить трех ферритов, то почему бы ему не разделаться с восемью?

Филька настолько увлекся своими действиями, что прозевал появление противника у себя в тылу. Когда два феррита отделились от чаши, направившись к нему, он проворно развернулся и остолбенел... Ворота перегораживали два покалеченных Эриком феррита, которые смогли добраться до храма и преградить дорогу Рватому. Секундное замешательство едва не стоило Фильке жизни. Подоспевшие ферриты почти одновременно атаковали его сзади.

Совершив какой-то немыслимый пируэт, Филька чудом увернулся от мечей ферритов и понесся к воротам. Там был хоть какой-то шанс вырваться на простор. Теперь его уже не смущали направленные на него жала мечей раненых ферритов. Размахивая кистенем, он вихрем налетел на растерявшихся монстров. Сейчас скорость и маневренность были союзниками землянина в борьбе с покалеченными врагами.

Один меч все же достал его, оставив рваную рану в боку, но Филька смог прорваться, смахнул кистенем еще одну руку ближайшему ферриту.

Выскочив наружу, он отбежал немного в сторону и оглянулся. Три мертвых феррита громоздились возле свисающей со

стены веревки, но их соратники не торопились выбираться из храма. Филька по большой дуге обошел храм и опять оказался у самого входа. На пороге никого не было, но полутьма зала не особо располагала забираться в нее.

— Чего же он медлит? — как заклинание повторял Рватый, сжимая в руке кистень. — Почему не берет чашу?

Он напрасно волновался. Японец уже держал чашу в руке, но это не оказало никакого влияния на ферритов. Они все вместе навалились на нового противника, невзирая на то, что охраняемый предмет снят с пьедестала.

* * *

— Надо немедленно прекратить сражение! — вскочил со своего места Харл. — Факс мой!

— Они меня не слушают, — сквозь зубы процедил уттар. Он был чернее тучи.

— Такого не может быть! — категорично заявил трифф. — Это непеременимое условие Игры — немедленное прекращение военных действий, как только рука претендента касается чаши.

— Я ничего не могу поделать, — уттар пожал плечами. — Они отказываются повиноваться.

* * *

Пока всемогущие спорили, Акиро сам решил свою судьбу. Он уже понял, что что-то не сработало, и решил пробиваться на крышу. Он еще не знал, что ферриты достанут и там.

Кинув несколько дымовых бомб, японец с быстротой молнии вскарабкался по стене к окошку.

Потерявшие его из виду ферриты сначала забеспокоились, потом, когда дым рассеялся, моментально обнаружили удиравшего человека и тотчас кинулись за ним в погоню.

Буквально подпрыгивающий от нетерпения Филька заметил бегущего по крыше японца. Ферриты не смогли пролезть в окно, но решили вопрос просто: проломили крышу и вылезли на нее.

— Как же так?.. — прошептал Филька, увидев чашу Грааля в руках Акиро. — Ведь он же взял ее! Ведь он же взял ее! — дико закричал Рватый, потрясая кистенем. — Ведь он же взял ее!!!

* * *

— Раз они не подчиняются вам, тогда я могу уничтожить их, — сухо произнес Харл. — Уважаемые друзья подтвердят,

что я имею право остановить неповинующихся своими методами. Если через пять секунд вы не остановите ферритов, я их уничтожу. Итак, ваше слово?

Уттар ничего не ответил, но на экране было видно, как вылезшие на крышу ферриты побросали оружие и стали спускаться по стенам.

* * *

Японец издал пронзительный крик и прыгнул вниз, прижимая чашу к груди. Филька рыдал, стоя на коленях и размазывая слезы по грязным щекам.

— Дошли, дошли...— повторял он беспрерывно.

К нему мчался японец, потрясая чашей и что-то крича. Ферриты равнодушно провожали его взглядами. Они проиграли, но сражались достойно и не их вина, что противник оказался пусть не сильнее, но хитрее и проворнее.

Остановившись подле Фильки, японец бережно поставил чашу на песок и опустился перед ней на колени. Он низко поклонился, почти распластавшись и что-то шепча про себя.

Филька приник пересохшими губами к драгоценной чаше, обнял ее, прижал к груди и, не в силах что-либо произнести, только тряс головой.

Эпилог

Когда перед ними во всем блеске появился сияющий Харл, земляне уже немного успели прийти в себя.

Филька охнул и перекрестился, увидев улыбающегося кварра.

— Дьявол! Господи, спаси и помилуй! Ведь это он явился мне перед тем, как я сюда попал! Смотри, смотри, Кирюха!

— Ты ошибаешься.— Японца не ввела в заблуждение внешность Харла.— Это не дьявол, это наш господин.

Он склонился перед Харлом в низком поклоне. Видя это Филька тоже опустился на колени, но про себя продолжал горячо молиться.

— Ты прав, благородный Акиро Морита, я действительно тот, кто инструктировал вас и чьи интересы вы защищали. Теперь факс принадлежит нам, кваррам. И вы помогли достичь этого. Я вместе с вами скорблю об ушедших, они мужественно сражались и сделали все, чтобы этот предмет стал моим.

Вы уже знаете, что теперь можете просить меня о чем угодно. Я выполню любую вашу просьбу. Просите.

Филька неуверенно посмотрел на японца. Тот медленно поднялся с земли и встал прямо перед Харлом, глядя в глаза кварру.

— Если я правильно понял, ты можешь читать мои мысли,— произнес Акиро.— Значит, для тебя не секрет, чего именно я хочу.

— Ты весьма проницателен,— улыбнулся Харл.— Но это только твоя мысль. Может, Фил думает иначе?

— Фил, я предложил господину следующее: если он смог вытащить нас с Земли, то он должен вытащить наших погибших здесь товарищей...

— Правда? — обрадовался Филька.— Да я за Эрика готов руку отдать, только бы снова его увидеть.

— Но это еще не все,— остановил его японец движением руки.— Я попросил господина еще об одной услуге...— Он помедлил, потом громко и отчетливо заговорил снова:— Я предложил господину услуги нашего отряда. Мы снова будем вместе сражаться за него!

Видя, что Филька нерешительно переминается с ноги на ногу, японец предупредительно добавил:

— Это только мое мнение, и оно касается только меня. Если кто-то из отряда будет против, он может выбрать себе другую судьбу. Чтобы сбылась моя мечта, важно услышать и твое мнение.

Перед Филькой в одно мгновение промелькнула его прошлая жизнь на Земле: тяжелое, голодное детство, побои, произвол бояр, преследование стрельцов, его товарищи и друзья... Марфа... Это было, пожалуй, единственным светлым пятном. Но он не видел ее очень давно. Возле нее уже тогда увивался местный приказчик. А Филька был в бегах и видел Марфу только урывками. Их последняя встреча была и вовсе короткой. Марфа сухо говорила с ним, правда, обещала ждать, но не было в ее словах той убежденности, которая звучала раньше.

Харл и Акиро смотрели на него. Кварр безусловно знал все, что думает Филька, но не хотел оказывать на него никакого давления. Акиро напряженно смотрел в глаза товарищу по оружию и ждал.

— Сражаться, говоришь? — Филька глубоко вздохнул, стирая из памяти земные образы.— За святое дело чего ж не посражаться? Тем более если, как ты говоришь, он может ребят вытащить да и нас вытащит, если что.

— Непременно, — подтвердил Харл. — Только вы не должны проигрывать.

— А кто говорит о проигрыше?! — раздался чей-то голос. Филька резко повернулся и бросился на шею стоящему рядом Эрику с перевязанной рукой. — Привет, Фил! Акиро, я ужасно рад тебя видеть!

Гигант заключил в объятия друзей, а в пространстве крепостного двора один за другим стали появляться те, кто пал в борьбе за чашу, стоявшую сейчас на песке у ног Харла: Драго, Кайдар, Большое Озеро, Спыхальский...

У всех вновь появляющихся было еще удивление и недоумение на лицах, сменяющееся радостью и счастьем.

— Послушай, Акиро, — добродушно гудел викинг, — а этот наш хвостатый приятель не может нам еще пару парней восстановить?

— Кого это еще? — удивился Лукулл. — Немца, что ли?

— Да нет, — отмахнулся Эрик. — Ты до них не дожил. Циклопа того и пару гланов, с которыми я сражался. Будь они на нашей стороне, мы могли бы всю планету завоевать...

* * *

Услышав эти слова, л'гхоли буквально закипел от возмущения.

— Это мои солдаты! И никто, кроме меня, не может распоряжаться их судьбой!

— Так кто мешает вам снова привлечь их к Игре? — хмыкнул трифф. — Мне-то и взор остановить не на ком. Необходимо набирать новое войско, — тяжело вздохнул он. — Но если Харл оставит своих землян, мне придется заключить с ним договор об аренде факса на определенный срок. Я не думаю, что кто-то сможет их победить. Может быть, нам стоит подумать о какой-нибудь другой Игре, а факс оставить Харлу?

— Никогда! — завопил л'гхоли. — Я найду воинов, которые разобьют хваленых землян!

— А мне предложение триффа кажется дельным, — медленно произнес все еще не пришедший в себя уттар. — После поражения ферритов любые воины кажутся мне слишком слабыми.

— Может, вы и правы, — согласился л'гхоли, — но все равно, я буду настаивать еще на одной попытке.

— Это ваше право. — Уттар поднялся и подошел к экрану, чтобы поздравить Харла с победой.

Ф.Пол, Д.Уильямсон

РИФЫ КОСМОСА

ГЛАВА 1

— Зарегистрироваться, быстро! — резко скомандовал майор. — Опы, вы что там, заснули?

Антенны радара делали майора похожим на сатану — сонного дьявола с расслабленной челюстью, но очень, очень опасного.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Стив Райленд, оглядываясь по сторонам.

Вот он, Рейкьявик, совершенно новый мир для Райленда, только что прибывшего из лагеря максимальной безопасности за Полярным кругом. Жмурясь, он глаз не мог оторвать от тысячефутовых зданий, от реактивных лайнеров и ракет, разбросанных по полю аэропорта. Невысокий человек, стоявший рядом с ним, чихнул и подтолкнул Райленда.

— Порядок, — успокоил его Райленд и вошел в пустую тесную комнатку Службы Безопасности. Он выстучал на клавишах телетайпа, стоявшего в углу комнаты:

«ИНФОРМАЦИЯ: Стивен Райленд, оп. ABC-38440, и О. В. Опорто, оп. XVZ-99942, прибыли на... — он взглянул на табличку с буквами кода, прикрепленную к корпусу телетайпа, — станцию 3, радиус 4-261, Рейкьявик, Исландия. ЗАПРОС: Какие следуют указания?»

Через мгновение от Планирующей Машины пришел ответ — одна-единственная буква «П». Машина приняла и поняла сообщение и ввела его в свой банк памяти. Приказы последуют.

В комнату заглянула девушка-общительница, увидела железные воротники на шеях Райленда и Опорто. Губы ее, начавшие складываться в профессиональную улыбку, сжались в прямую линию. Опасники. Она кивнула майору и удалилась. Прозвенел сигнал телетайпа, и Машина напечатала следующее:

«ДЕЙСТВИЯ: Проследовать к поезду № 667, путь 6, купе 93».

Райленд прочел сообщение. Майор, заглянув через его плечо, ухмыльнулся:

— Прямой билет в орган-банк, как мне думается.

— Да, сэр,— сказал Райленд. Он не собирался вступать в споры. Бесполезно. Опу не переспорить офицера, у которого на племе майорские радарные антенны.

— Тогда пошевеливайтесь,— проворчал майор.— Да, Райленд...

— Слушаю, сэр?

Майор подмигнул.

— Спасибо за шахматы. Надеюсь, еще увижу вас. По крайней мере, отдельными частями.— Он довольно загоготал им вслед.— И без глупостей, не забывай,— предупредил он.

— Я не забуду,— тихо сказал Стив Райленд, дотронувшись до железного кольца на шее.

Опорто снова чихнул.

— Пойдем,— проворчал он.

— Ладно. Какой там был номер?

Темноволосый коротышка усмехнулся.

— Поезд № 667, путь 6, купе 93. Легко запомнить. Ап-чхи! Проклятье! — пожаловался он.— Я простужусь. Давай скорее уберемся с этого сквозняка.

Райленд направился к выходу. Без всякой охраны они пересекли тротуар и подошли к ряду такси, где сели в свободную машину. Прохожие — туристы, работники аэропорта и другие — бросали на них мимолетный взгляд, замечали железные воротники, и на лица их тут же словно опускалась непроницаемая завеса. Никто не заговорил с ними. Райленд набрал на пульте код места назначения, и такси помчалось по широким бульварам к огромному мраморному зданию на другом конце города.

Над широким входом в здание были высечены слова:

ПЛАН ЧЕЛОВЕКА СТАНЦИЯ СУБПОЕЗДА

Они пересекли обширный зал ожидания, полный шума и пассажиров, что не составило для них большого труда. Райленд грустно усмехнулся про себя: «Без глупостей, помни!» Еще бы — причина ясна. Человеку с железным кольцом на шее не стоит уклоняться от назначенного маршрута. А если

он это сделает, то всем остальным лучше быть в этот момент где-нибудь подальше — так будет полезней для их здоровья.

— Нам на шестой путь, так?

— Да, поезд 667, купе 93. Память у тебя дырявая, что ли? — поинтересовался Опорто.

— Шестой путь — это сюда. — Райленд зашагал вперед. Шестой путь оказался грузовой платформой. Они спустились по пролету выключенного эскалатора и вышли к путям субпоезда.

С тех пор как подземные линии субпоезда опоясали весь мир, невозможно было сказать, куда именно направляется интересующий вас поезд. Из Исландии он мог идти в Канаду, Бразилию, даже Южную Африку; чудовищные атомные буры Плана Человека прогрызали идеально прямые туннели сквозь любую породу. Субпоезда пролетали в безвоздушном пространстве туннелей, подстегиваемые электростатическими силами кольцевых ускорителей. Поскольку трения не было, скорость их была сравнима со скоростями межпланетных перелетов.

— Где же наш поезд? — проворчал Опорто озираясь.

Режущий свет заливал неуютную платформу, сверкая на боках гигантских алюминиевых емкостей, лежавших в гнездах своих люлек, пока еще по эту сторону вакуум-створов. Рабочие с помощью кранов и грузовиков загружали транспортные емкости на соседней платформе. На платформе в сотне ярдов от них у выхода с эскалатора появилась небольшая группа пассажиров.

— Ставлю шесть против пяти, что следующий поезд наш, — коротко сказал Опорто.

— Я пас, — ответил Райленд, решивший не заключать пари. Но он надеялся, что коротышка прав.

На платформе было холодно. Вызывающий знобкую дрожь воздух гудел в раструбах вентиляторов. Опорто, и без того продрогший, чихнул и начал шмыгать носом. Райленд и сам поеживался в своей лагерной робе.

Когда в лагерь пришло указание об отправке, их, как того требовали правила, подвергли тщательному медицинскому осмотру. Таково было всеобщее правило Плана Человека, и осмотр включал в себя горячий душ. «В орган-банке требуется чистенькое мясо», — грубо захохотал тогда охранник, но Райленд не обратил на него внимания. Он этого не мог себе позволить.

Человеку с железным кольцом на шее был свойственен

весьма суженный взгляд на будущее. Он мог думать только о том моменте, когда избавится от кольца, — и ни о чем больше.

В шахте туннеля прозвучал вопль предупреждающей сирены. Райленд едва не подпрыгнул. Опорто повернулся немного медленнее, словно он этого и ожидал.

На вакуум-створах шестого пути замигали красные огни. Завздыхали воздушные клапаны. Створы медленно разошлись, и появился тягач, тащивший за собой установленный на люльку-тележку вагон, который они и ждали.

— Ты бы проиграл, — заявил Опорто, и Райленд кивнул. Конечно, он бы проиграл.

Вагон остановился. Снова зафыркали выравнивающие давление клапаны, и потом его высокие двери откинулись, образуя входные рампы, и легли на платформу. Вдоль них побежали ленты эскалатора.

— Стив, мне это совсем не нравится! — с тревогой сказал Опорто.

Из дверей вагона показались два бегущих человека в форме. Они не взглянули на Райленда и Опорто, они спешили. У каждого была толстая кожаная сумка курьера такого же цвета, как и униформа.

Ярко-голубые униформы!

Но ведь это же цвет особой охраны...

Не веря себе, Райленд поднял взгляд. Под потолком, среди путаницы трубопроводов и кабелей, вспыхнул ослепительный свет, падая на сферу вагона. И на ее вершине, в сорока футах от платформы, ясно выделилась сверкающая голубая звезда, а под ней — выведенные снежно-белым легендарные слова:

ПЛАН ЧЕЛОВЕКА КАБИНЕТ ПЛАНИРУЮЩЕГО

Специальный вагон, которого они ждали, был личным вагоном самого Планирующего!!!

Первой мыслью, мелькнувшей в голове Райленда, было: «Теперь я наконец смогу представить мой случай самому Планирующему!»

Но вторая мысль перечеркнула первую: «Планирующий, как и всякий человек на Земле и планетах Солнечной системы, был лишь орудием Планирующей Машины. Если я буду свободен, если воротник снимут с моей шеи, то только потому, что

Машина примет соответствующее решение. Человеческие аргументы на нее не действуют».

Усилием воли Райленд выбросил эти мысли из головы. И все же он не мог избавиться от некоторого прилива надежды. По крайней мере, они направляются не в орган-банк!

— Какое у нас купе?

Опорто вздохнул:

— 93. Ты хоть что-нибудь способен запомнить? Поезд 667 — произведение двух простых чисел 23 и 29. Путь 6 — их разность. Купе 93 — их последние цифры в обратном порядке. Это очень легко...

Но Райленд уже почти не слышал его. Отношения особого рода, которые имелись у Опорто со всем, что касалось чисел и операций с ними, были для него не новостью, и сейчас его ум был занят более срочными вещами. Он направился к эскалатору и поднялся в вагон. Мимо прошла женщина в голубой форме охраны, заметила их воротники и нахмурилась. Прежде чем Райленд успел к ней обратиться, она промелькнула и исчезла. «Что ж, — невесело подумал Райленд, — еще одно доказательство эффективности наших воротников — она даже не сочла нужным узнать, что два опа делают в личном вагоне самого Планирующего». Беспокоиться не было причины — один неверный шаг, и железные кольца сделают его последним шагом вообще.

Но по этой же причине было небезопасно двигаться вперед наугад. Райленд остался стоять на месте, пока мимо не прошел другой человек.

— Сэр! — окликнул его Райленд. — Простите, сэр!

Это был седоволосый, строгой выправки мужчина в голубой форме охраны и с серебряными грибками полковника Технического корпуса.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил он.

— Нам приказано явиться в купе 93, — объяснил Райленд. Полковник задумчиво посмотрел на него.

— Имя, — коротко потребовал он.

— Райленд Стивен. И Опорто.

— Угу, — наконец полковник вздохнул. — Ладно, — сказал он ворчливо. — Не стоит пачкать вагон Планирующего. Осторожность не помешает. Вам туда.

Он проводил их в крохотную комнату и подтолкнул внутрь.

— Смотрите, — сказал он, поворачивая ручку двери, — замка нет. Но должен вас предупредить, что почти все коридоры перекрыты радаром. Вы поняли?

Они поняли.

— Отлично,— сказал полковник.— Кстати, меня зовут Лескьюри, полковник Паскаль Лескьюри. Мы еще встретимся.— И он затворил за собой дверь.

Райленд быстро обвел купе взглядом, но его интересовал не комфорт и не великолепие обстановки. Он искал телетайп. Он быстро зарегистрировал себя и Опорто.

Пришел ответ:

«П. ДЕЙСТВИЯ: Ждать дальнейших указаний».

Опорто к этому времени уже не мог сдерживать озноба, щеки его горели.

— Вот так всегда,— сказал он в нос.— Я простудился и если не подлечусь, то слягу на неделю. У меня уже жар!

Райленд покачал головой.

— Нет, жара у тебя нет. Мы уже едем.

Человек за пультом управления субпоезда знал, чей вагон он ведет по туннелям электростатического ускорителя. Громадная сфера тронулась с места совершенно бесшумно и плавно. Они не почувствовали никакого толчка, но сейчас начали ощущать необыкновенную легкость.

Такова была особенность путешествия субпоездом. Он стремительно мчался по хорде из одной точки в другую, и на дальних маршрутах глубина туннеля достигала тысячи миль от поверхности. После придания поезду начального ускорения первая половина пути напоминала падение в кабине сверхскоростного лифта.

Райленд рассеянно протянул руку и придержал за плечи покачивающегося Опорто. Он нахмурился. Кольцевые поля, опоясывающие стенки туннеля субпоезда, в известной доле были обязаны своей стабильностью ему, Райленду. В тот вечер, в пятницу, три года назад, когда полиция Плана ворвалась в его кабинет, он как раз закончил диктовать описание новой силовой катушки, у которой потери на гистерезис были уменьшены наполовину и срок службы увеличивался по сравнению со старыми катушками самое меньшее в два раза.

И тем не менее это было единственное, что он мог вспомнить.

Неужели с его мозгом что-то сделали? В тысячный раз задавал себе Райленд этот вопрос. Он мог вспомнить уравнения своей собственной теории геликальных полей, пришедшей на смену примитивным «магнитным бутылкам», ранее предохранявшим стены туннелей от расплавленного камня, подобно тому, как на заре ядерной энергетики физики изолировали водородную плазму.

Но он не мог вспомнить ход работы, который привел его к этим уравнениям. Он вспомнил конструкцию ионных ускорителей для двигателей атомных ракет, но, однако, автор этой конструкции — он сам — оставался для него загадкой. Что это был за человек? Что он сделал?

— Стив, — простонал Опорто, — ты не принесешь мне чего-нибудь выпить?

Райленд повернулся к нему, возвращаясь к действительности. Выпить! Опорто явно бредит.

— Наверное, я спрошу Машину, — сказал он.

— Да, спроси. Я заболел, Стив.

Райленд колебался. Коротышка явно был болен. Пока он раздумывал, Опорто невидяще направился мимо него к телетайпу.

— Я сам спрошу, — проворчал он. — Отойди в сторону.

Неверными пальцами он потянулся к клавишам, его недовольное лицо повернулось в сторону Райленда. Это была ошибка — он не должен был отвлекаться. Нетвердо держась на ногах, он покачнулся, споткнулся и тяжело повалился на телетайп.

С грохотом аппарат опрокинулся на пол. Внутри него сверкнула белая искра, и по комнате распространился запах горелой изоляции.

Райленд хотел что-то сказать, но молча сомкнул губы. Какой смысл? Телетайп явно приведен в негодность. Опорто сделал это неумышленно.

Больной застонал:

— Проклятье! Стив, куда ушел тот полковник? Может, он принес бы мне чего-нибудь...

— Не волнуйся, — рассеянно сказал Райленд.

Коротышка был явно не в самом лучшем состоянии, но, честно говоря, мысли Райленда сейчас занимало другое. Его волновал телетайп.

Всю жизнь, начиная с первых дней после школы, не было такого поступка, который Стив совершил бы без предварительной консультации с Машинной. Даже в лагере максимальной безопасности, в углу голого барака, стоял телетайп, непосредственно соединенный с Машинной.

У него было такое чувство, словно он оказался обнаженным и одновременно страшно одиноким.

— Стив, — едва слышно прошептал Опорто, — ты не мог бы дать мне воды?

Это, по крайней мере, он мог сделать. На столике имелся

серебряный графин и хрустальный стакан с золотой инкрустацией. Райленд налил воды в стакан и протянул Опорто. Коротышка выпил воду и погрузился в массивное, с роскошной обивкой, кресло. Глаза его закрылись.

Райленд принялся бродить по маленькому купе. Ничем другим он не мог сейчас заняться. Полковник предупредил их о радарных ловушках в коридорах. И думать было нечего о том, чтобы выйти из купе и пасть жертвой одного неосторожного движения.

Потому что они были опасниками, а железные кольца у них на шее содержали по восемь граммов мощной взрывчатки. Один шаг в запретную для опазону — а таких зон было полно по всему миру — заставил бы радарный луч воспламенить взрыватель. Райленду однажды пришлось быть свидетелем такого события. И он не хотел, чтобы это случилось с ним.

Тюрьма тюрьмой, но это купе все же было частью личного вагона Планирующего, и такой обстановки Райленд не видел уже три года. Он пощупал портьеры на фальшивом окне в стенке вагона и погладил блестящую, как зеркало, столешницу из полированного дерева.

Три года назад Райленд сам жил в подобной комнате. Нет, отметил он, та комната была поскромнее. Но она принадлежала только ему, и там была мебель, которой пользовался только он, и место для хранения одежды, книг и других вещей. Но в той жизни он был благонадежным человеком, у которого были свое место в Плане Человека и соответствующая доля материального богатства общества. Та жизнь кончилась три года назад, в тот фатальный вечер, в пятницу.

Даже теперь, после бесконечных сеансов того, что называлось восстанавливающей терапией, Стив не мог понять, что с ним случилось. Невнятно сформулированное обвинение звучало так: «Незапланированное мышление». Все его безжалостные терапевты безуспешно пытались заставить его припомнить хотя бы одну нелояльную по отношению к Плану мысль. Единственной уликой незапланированной умственной деятельности была его библиотечка книг о космосе — несколько пожелтевших старых книг Лея, Гамова, Хойла и Эйнштейна, которые ему удалось спасти из библиотеки отца.

Конечно, он знал, что эти книги не входят в список дозволенных Планом, но он не видел в своем увлечении никакой подрывной деятельности. Наоборот, он много раз объяснял терапевтам, как специальные уравнения геликального поля были тесно связаны с процессами во всей Вселенной. Не зная

уравнений, описывающих расширение Вселенной и непрерывное воспроизводство материи в ней, он вряд ли смог бы усовершенствовать кольцевые катушки для туннелей субпоезда.

Но терапевсты отказывались уточнить обвинение. У человека в системе Плана больше не было прав, а были только функции. И целью терапевстов было не снабдить его информацией, а извлечь информацию из него самого. Но сеансы оказались бесплодными, потому что он не смог вспомнить того, чего добились от него терапевсты.

Он многого не мог вспомнить...

— Стив, позови врача, — слабо простонал Опорто.

— Я не могу! — с горечью сказал Райленд. — Если Плану требуется, чтобы ты болел, ты будешь болеть.

Лицо Опорто стало еще бледнее.

— Заткнись! Кто-нибудь может подслушивать!

— А я ничего такого не сказал. Но мы не можем выходить в коридор, ты ведь знаешь.

— Райленд, — взмолился Опорто, и на него напал приступ кашля.

Райленд посмотрел на человека в кресле. Похоже, он заболел серьезно. Очевидно, его организм относился к особо чувствительному, аллергическому типу. После трех лет в стерильной атмосфере заполярного лагеря он теперь был беззащитен перед инфекцией. Больной дышал с трудом, и его лоб был очень горячим, когда Райленд потрогал его рукой.

— Потерпи, Опорто, — сказал он. — Еще немного, всего пару часов.

При скорости в тысячу миль в час они могли добраться почти до любого места на Земле за это время.

— За пару часов я могу помереть, — сказал Опорто. — Неужели ты не можешь позвать врача?

Райленд не знал, что делать. Коротышка был во многом прав. План заботился о дополнительной иммунизации тех, кто жил в подверженных инфекции районах, но сверхаллергический тип вроде Опорто мог бы потерять иммунитет за несколько месяцев. А он дышал стерильным воздухом целых три года.

— Хорошо, — устало сказал Райленд. Я сделаю, что смогу. Пойдем, Опорто.

Пусть коридоры перекрыты ловушками, пусть это и опасно, но речь шла о жизни и смерти Опорто.

Дверь открылась свободно.

Поддерживая Опорто, Райленд выглянул в коридор. Пусто.

Он вздохнул: «Если бы проходил кто-нибудь из охраны...»

— Стив, что ты делаешь? — забормотал Опорто. — Оставь меня! Нам нельзя выходить — полковник предупредил!

— Нужно доставить тебя к доктору, понимаешь?

Он осмотрел коридор. Там, где его пересекали другие проходы, были установлены непонятные устройства, напоминающие навесы балдахинов какого-нибудь восточного владыки. Очевидно, это и были радарные ловушки, ничего другого Райленду в голову не пришло. Но в том направлении, откуда они пришли, тоже имелось такое устройство, а там ведь ловушки не было...

Стоп. Райленд все тщательно обдумал. Тот факт, что им позволили благополучно добраться до 93-го купе, еще ничего не значил. Вполне возможно, что ловушки выключили специально, чтобы пропустить их. И вообще, рассуждая логически, по крайней мере, один маршрут был для них в любом случае запрещен — путь обратно к выходу из вагона.

— Опорто, — сказал Райленд, — видишь эти двери? Я думаю, мы можем попробовать пройти в одну из них.

— Разве, Стив? Почему ты так думаешь? — язвительно спросил коротышка.

— Потому что ничего лучшего у нас нет, — фыркнул Райленд и потащил Опорто за собой.

Железное кольцо на шее, казалось, вдруг потяжелело. Если бы только он был суперменом, вроде Дондерев, чье полузабытое имя удержалось в памяти... и чья судьба каким-то образом была связана с его собственной.

Кто он был, этот Дондерев? Терапевты так настойчиво спрашивали его об этом человеке, что должна быть серьезная причина. Действительно ли Райленд знал его? Когда он его видел в последний раз? Когда он получил от него сообщение? Что в нем говорилось?

Дондерев был сыном одного исследователя, а потом торговца, который сколотил состояние, исследуя пояс астероидов и луны внешних планет, и создал коммерческую Империю, не подчиняющуюся Плану Человека. Рон Дондерев прилетел на Землю изучать космическую медицину в том колледже, где преподавал математику отец Райленда. Во время его пребывания на Земле План аннексировал последние независимые астероиды и луны. Отец Рона был разбит в космической схватке, сопротивляясь захвату своих владений. Сам Дондерев попал в опалу в результате участия в студенческой демонстрации. Потом он вдруг исчез. Ходили легенды, что ему каким-то образом

удалось избавиться от кольца и бежать в космос, вне досягаемости Плана.

Райленд вспомнил лишь одну встречу с Роном в кабинете своего отца. Райленду было тогда всего восемь лет, а Дондереву был уже взрослым человеком, студентом-выпускником, романтичным и загадочным в ореоле путешествий к внешним планетам Системы и дальше, в неисследованный космос. Но разве это объясняет непрерывные допросы терапевтов?

Райленд уверял, что никакого сообщения он от Рона не получал, но убедить терапевтов не смог.

Во всяком случае, кем бы ни был Дондереву, его примеру Райленд последовать не в состоянии. Его воротник останется на месте, пока раскрыть его замок не позволит Машина.

У Стива мелькнула сумасшедшая мысль: услышит ли он тихий щелчок реле прежде, чем воспламенится обезглавливающий заряд? Будет ли он знать?

Или все кончится, в буквальном смысле слова, прежде, чем он сообразит, что происходит?

Найти ответ можно было только одним способом — открыть дверь и войти в чужое купе.

Он наугад толкнул одну из полудюжины дверей в коридоре. Опорто вырвался и удивительно проворно пробежал несколько шагов вдоль коридора, круто повернулся и замер с напряженным ожиданием на лице.

Райленд, не задумываясь, вошел в купе. И ничего не произошло.

Усмехаясь, смущенный Опорто последовал за ним.

— На первый раз пронесло, правда, Стив?

Райленд кивнул. Не было смысла ввязываться во взаимные обвинения, хотя на языке имелось не одно приятное слово для человека, который первым толкнул его на риск, а потом попытался удрать в кусты, опасаясь возможных последствий. Но сейчас наибольший интерес представляла комната, в которую они попали.

Она была примерно того же размера, что и их купе, и в ней никого не было. Обставлена она была скромно: узкая кровать, столик с несколькими цветами в вазе, большое зеркало, несколько шкафчиков. Здесь живет девушка, подумал Райленд, и она явно не принадлежит к высшему слою этого роскошного субпоезда. Видимо, секретарь или горничная. Кто бы она ни была, сейчас комната пустовала.

Но здесь имелась и другая дверь, ведущая на небольшой лестничный пролет.

На этот раз Райленд не стал дожидаться Опорто. Он набрал в легкие воздуха, задержал дыхание и перешагнул порог. Уставив еще раз, что и эта дверь не снабжена радарной ловушкой, он почувствовал во рту кисло-соленый вкус крови. Он, оказываясь, с такой силой прикусил губу, что потекла кровь.

Но он прошел.

Ступеньки были крутые, но помочь Опорто преодолеть их не составляло труда — свободно летевший по туннелю поезд уменьшал их вес на несколько фунтов. Они оказались в другой комнате, тоже пустой и небольшой.

Но эта комната была меблирована с роскошью. Похоже, это была гардеробная женщины. Все было выдержано в белых и розовых тонах, с эбеново-черными гребнями и щетками для волос на небольшом туалетном столике перед овальным зеркалом в золотой раме. По этой лестнице, догадался Райленд, должна была входить личная служанка владелицы этой комнаты.

И он вдруг услышал, как кто-то поет.

Райленд набрал воздуха в грудь и позвал:

— Эй, кто-нибудь! Вы меня слышите? Я ищу врача!

Ответа не было. Пение продолжалось, голос был девичьим, чистым и приятным. Она пела для собственного удовольствия, время от времени возвращаясь назад и повторяя строчку, потом делала паузу и снова начинала песню. И сквозь пение доносилось тихое мелодичное воркование, словно аккомпанемент.

Райленд посмотрел на Опорто, пожал плечами и толкнул дверь.

Перед ними была комната, вся выложенная изумрудным и серебряным. Подвижные зеленые огни мягкоплыли по ее стенам, в центре была установлена серебряная ванна в шесть футов в диаметре, частично утопленная в пол. Из пастей хрустальных дельфинов били тонкие струйки ароматной теплой воды во вспененную воду в ванне.

И над толстым слоем пены возвышались колени, голова и руки самой прекрасной девушки, какую только встречал в жизни Стив Райленд.

— П-п-прошу прощения, — смущенно и обеспокоенно сказал он.

Она повернула голову и спокойно посмотрела на него. На ее белых влажных плечах сидели две... птицы? Нет. Формой они напоминали птиц, голубей, но сделаны были из металла. Их перья были тончайшими чешуйками серебра, глаза горели, как рубины. Металлические создания беспокойно задвигались,

когда их глаза заметили присутствие Райленда и Опорто. Они тихо, но угрожающе ворковали, и серебряное оперение слегка позванивало, как маленькие колокольчики.

Опорто открыл глаза, всмотрелся и издал сдвоенное восклицание.

— Это... это... — Он слотнул и ухватился за Райленда. — Стив, это же дочка Планирующего! — выдохнул он и бросился на пол. — Пожалуйста! — взмолился он и пополз в сторону ванны. — О, пожалуйста, не сердитесь, мы не хотели вас побеспокоить!

Его приближение, должно быть, встревожило девушку. Но не слишком, потому что она не повысила голоса, а, прервав песню посреди строки, сказала тихо:

— Охрана.

Видимо, поблизости имелся микрофон, потому что снаружи внезапно послышался шум. Более того, у девушки имелись непосредственные защитники. Металлические голуби на ее плечах взметнулись в воздух и набросились на лежавшего ничком коротышку. Острые клювы рвали, кончики крыльев били, словно лезвия ножей. Распахнулась дверь, и в комнату вбежали четыре высокие женщины в форме охраны Планирующего.

ГЛАВА 2

Все три года смерть всегда находилась рядом со Стивом Райлендом. Она носила опрятный белый халат доктора Трейла, толстого, лысого, вкрадчивого человека, главного терапевста. Она шептала тихим, астматическим голосом доктора Трейла, в тысячный раз угрожая ему орган-банком, если только он не припомнит содержания сообщения от Рона Дондерево, если он не найдет правильные ответы на бессмысленные вопросы о наборе слов, которые ничего для него не значили: пространственник, Рифы Космоса, Дондерево, не реактивная тяга.

Смерть принимала и другие обличья. Замаскированный спуск радарной ловушки, угрожающие рога радарных антенн офицерского шлема, более отдаленная угроза орган-банка. Все эти личины смерти он знал и научился жить бок о бок с ними. У женщин же из охраны было пулевое оружие, а не радары. Очень странно, подумал Райленд даже в этот момент, потому

что доведенная до логического завершения мысль означала одно — опасность для дочери Планирующего могла явиться не только со стороны какого-нибудь опа, как он сам. Неужели обыкновенные граждане — благонамеренные граждане — могут представлять угрозу для Плана?

Но пока на этот вопрос не было ответа. Опорто вопил, атакуемый серебряными голубями, женщины-охранницы приближались к ним.

Девушка остановила всех одним словом:

— Подождите!

Она стерла пену с лица, чтобы лучше рассмотреть, кто перед ней, обнажив при этом алебастровой белизны шею. Глаза у нее были серо-зеленые и спокойные. Она казалась очень привлекательной и очень молодой.

Она застала Райленда врасплох.

В лагере изоляции не было женщин, даже картинки из журнала там не нашлось бы, а здесь он оказался в присутствии красивейшей женщины, да еще, так сказать, в интимной обстановке ее ванной комнаты. Не говоря обо всем прочем, она вряд ли могла не заметить громоподобный эффект, который произвела на него. Но она явно чувствовала себя совершенно свободно. Голосом, в котором чувствовалось больше вежливости, чем любопытства, она спросила:

— Что вам нужно?

Райленд закашлялся.

— Этому человеку необходим врач, — хрипло сказал он, отвернувшись.

Первая из четырех охранниц резко засмеялась. Это была высокая брюнетка с мощной фигурой девушки, которая могла бы быть весьма хорошенькой, если бы ее уменьшить на десять процентов во всех измерениях. Голос ее едва не попадал под определение баритона.

— Пойдем-ка, оп, — сказала она. — Мы позаботимся о тебе и твоём друге.

Но девушка в ванне лениво шевельнулась. Она взбила рукой пену, наблюдая, как разбегаются мыльные пузыри, и сказала:

— Не беспокойтесь, сержант. Отведите больного к врачу, если он этого хочет. Второго оставьте здесь.

— Но госпожа... Планирующий...

— Сержант, — повторил нежный голос, не повысив тона ни на йоту.

Сержант почти побелела. Указав остальным охранницам на

Опорто, она покинула ванную, за ней последовали охранницы, наполовину несшие коротышку. Из-за закрывающейся двери сержант метнула на Райленда взгляд, полный откровенной ненависти и презрения.

Голуби, описавшие в воздухе точные окружности, вернулись на плечи девушки. Их горящие крохотные глаза ни на секунду не выпускали Райленда из виду, но немного погодя они снова начали ворковать.

— Так вы один из людей с железными воротниками, да? — внезапно спросила девушка.

Райленд кивнул:

— Опасник, верно.

— Я еще никогда не разговаривала с настоящими железными воротниками, — сказала девушка задумчиво. — Вы не против, если мы поговорим? Меня зовут Донна Криири. Мой отец — Планирующий.

— Я знаю. — Райленд вдруг осознал, что на нем измятая роба и что он без разрешения ворвался прямо в ванную девушки. Он кашлянул. — Может быть, ваш отец... то есть я хочу сказать, что я не против, но...

— Отлично, — сказала девушка, кивая. Она переменяла положение, чтобы лучше видеть его. Зашипели лопающиеся пузырьки пены. — Я боялась, что вам будет неудобно, — сказала она. — Как вас зовут?

Райленд задрал подбородок и оттянул вниз воротник рубашки, чтобы стала видна полоска металла.

— «Стивен Райленд», — прочитала девушка, прищурившись, чтобы разобрать сверкающие алые буквы его имени и номера. — Подождите, ведь я уже встречала ваше имя. Вы врач, нет? Пилот?

— Я математик, мисс Криири.

— Конечно же! — воскликнула она. — Ваша папка лежит на столе у отца. Я видела ее однажды утром, когда мы уезжали из Копенгагена.

От внезапно нахлынувшего волнения Райленду даже стало трудно дышать. Три года пытался он выяснить, какие же выдвигаются против него обвинения. Терапевсты отказались дать ему сведения. Их вопросы были тщательно сформулированы таким образом, чтобы ничего не сказать. Они тысячу раз спрашивали его, что означает слово «пространственник», и не раз наказывали за естественное предположение, что это обитатель пространства.

— Было ли там сказано... — он сглотнул. — Назывались

ли конкретные обвинения против меня в этом деле?

Ее серо-зеленые глаза спокойно рассматривали Райленда.

— Вы проявляли незапланированный научный интерес.

— Как? Что это значит?

— Вы держали у себя тайное собрание книг и рукописей, запрещенных Машиной.

— Неправда! — В затылок ему словно дохнул ледяной ветер. — Это какая-то ужасная ошибка...

— Планирующая Машина не совершает ошибок, — строго напомнила ему девушка. — В деле были указаны названия этих запрещенных книг. Авторами их были ученые из эпохи, предшествующей Плану. Эйнштейн, Гамов, Хойл...

— Вот как! — он вздохнул. — Тогда это всего лишь книги моего отца... те немногие, что я сохранил. Понимаете, когда я был еще маленьким, я мечтал о полетах в космос. Я встретился однажды с Роном Дондерево. Я хотел стать пилотом космического корабля и исследовать новые планеты. Но Машина убила мою мечту.

Он вздохнул.

— Она перевела меня из Технического корпуса в исследователи-математики. Я был направлен в какую-то лабораторию в подземном помещении, не знаю, где оно находилось. Мы даже предположить не могли, находимся ли мы под дном океана, или над нами суша, или полярные льды. Не помню даже, были ли у меня на этот счет предположения... Память... В моей памяти сейчас много пробелов. У меня было два помощника: девушка-телетайпист и человек по имени Опорто, нечто вроде живого компьютера. Машина задавала нам проблемы для работы, вроде проблемы гистерезисной потери в катушках подземных туннелей субпоезда. Это проблема, на которую даже Машина не могла найти ответа, как я понимаю... даже она не знает всего. И все же мы находили решения.

Конечно, у меня не было необходимости в справочниках и других книгах для работы потому, что я мог спросить Машину, и она бы выдала мне любой фактический материал. Но для большей производительности она позволила мне держать у себя несколько книг, и среди них были книги из библиотеки отца.

Он с надеждой улыбнулся девушке.

— Вы ведь понимаете, что для человека, с детства мечтающего о космосе, жизнь в подземелье не очень привлекательна. Чтение книг о космосе было для меня нечто вроде хобби. В них содержались устаревшие теории о природе Вселенной. Исполь-

зую современную математику, я вывел несколько систем уравнений, описывающих расширение Вселенной и непрерывное воссоздание материи в межгалактическом пространстве...

Его остановил вид ее нахмурившихся бровей. Это, действительно, была не самая подходящая тема для беседы с молодой девушкой, да еще в ванной!

— Но это было не просто безобидное увлечение. Наоборот, оно было полезно для Плана. Уравнения, которые я вывел для описания новых катушек туннелей субпоезда, вытекали из описания процесса постоянного воссоздания материи в пространстве.

— И поэтому вы стали опасником? — Она задумчиво посмотрела на него и нахмурилась. — Но на вид вы совсем не опасны.

Что он мог на это ответить? Он ждал, а она тем временем слабо махнула рукой. Один из голубей покинул ее плечо и перелетел к хрустальному дельфину. Он клюнул точно в плавник-рычаг, и струйка ароматизированной воды послушно иссякла. Райленд наблюдал за голубем, более чем наполовину убаюканный запахом сирени и необычным окружением. В ванной комнате было тепло, но не душно. Видимо, вентиляция работала исправно.

— А на с а м о м д е л е все опасны? — вдруг спросила девушка.

— Нет, мисс Криири, — сказал Райленд. Он помолчал, не зная, как все объяснить этому ребенку. — Воротник — это не наказание, это предосторожность.

— Предосторожность?

— У Машины есть основания подозревать, что в определенных условиях я мог бы представлять опасность для Плана Человека, — ровным голосом сказал Райленд. — Я ничего преступного не совершал, поймите. Но Машина не хочет рисковать, и вот... воротник...

— Создается такое впечатление, будто вы это одобряете, — с некоторым удивлением сказала девушка.

— Я лоялен по отношению к Плану!

Она обдумала его слова.

— Но ведь мы все лояльны, верно? — сказала она. — Но все мы не носим воротников.

Но Райленд покачал головой.

— Я никогда не делал ничего такого, что угрожало бы безопасности Плана.

— Но, может, вы сделали что-то, и это было не совсем...

Райленд усмехнулся. «Удивительно легко с ней разговаривать», — подумал он. Усмешка превратилась в улыбку, настоящую улыбку. Райленду давно уже не приходилось по-настоящему улыбаться.

— Да, — признался он. — Я действительно совершил что-то «не совсем»... Там была девушка.

— Стивен, Стивен, — Донна Крири с насмешливой улыбкой покачала головой. — И опять девушка. Я думала, так бывает только в романах.

— И в жизни тоже, мисс Крири. — Райленд почти полностью расслабился.

Внезапно в ее настроении произошла резкая перемена.

— Но в вашем деле сказано нечто другое, — ледяным тоном проговорила она. — Вы обвиняетесь в сокрытии информации о некоем устройстве, представляющем угрозу безопасности Плану Человека.

— Но это не так! — отчаянно запротестовал он. — Кто-то допустил ошибку, несмотря на точность Машины. Меня три года обрабатывали терапевты в лагере повышенной безопасности, пытаясь вытащить сведения, которых не было!

Ее глаза чуть расширились, показывая спокойную заинтересованность.

— Какого рода сведения?

— Я сам не знаю. — Он вздрогнул, когда на мгновение вернулись воспоминания о пережитом. — Они тщательно избегали каких-либо намеков, а за попытку догадаться меня наказывали. Они выпытывали что-то о наборе определенных слов, — продолжал он. — Меня привязывали, цепляли электроды, записывали всякую реакцию. Они повторяли эти слова миллионы раз. Пространственник. Рифы Космоса. Фузорит. Пиропод. Нереактивная тяга. И еще два имени — Рон Дондерево и Даниел Хоррок. Собрав в одно целое эти слова и некоторые другие намеки, я понял, что терапевты были уверены, будто бы этот Хоррок доставил мне некое сообщение от Дондерево. Весть из космического пространства, что-то о Рифах Космоса, чтобы это ни означало. И обо всех этих пироподах, фузоритах. И в особенности о чем-то под названием «нереактивная тяга». Это-то они и пытались из меня вытащить: как построить нереактивный двигатель.

Она нахмурилась.

— А что это такое — нереактивная тяга?

— То, чего не существует, — ответил он. — Нереактивная тяга — это двигательная система, не основанная на противо-

действии. Сумасшедшие изобретатели уже триста лет пытались соорудить подобный двигатель. Но каждому ясно, что такая система будет противоречить Третьему Закону Движения. Невозможно толкать вперед лодку, не отталкивая одновременно назад воду.

— Я понимаю,— она серьезно кивнула.— Так же невозможно, как соорудить новые атомы и новый космос.

Он пристально взглянул на нее.

— Но я ни в коем случае не мог получить сообщения от Хоррока или кого-то еще,— отчаянно продолжал настаивать он.— Во всяком случае, не в тот момент, когда, как они думали, это произошло. В ту пятницу чудаковатый Опорто и телетайпистка были со мной весь день. Мы работали допоздна, заканчивая документацию для новой силовой катушки. Опорто я позволил уйти примерно в шесть часов вечера, у него разболелась голова. Телетайпистка вышла вместе с ним, чтобы принести кофе и бутерброды. Не прошло и получаса, как кто-то постучал в дверь. Я думал, что вернулась девушка, но это была полиция Плана.

— Но произошло все не в пятницу.— В глазах Донны Крийри было странное отсутствующее выражение.— Судя по записям в вашем деле, вы были доставлены в камеру предварительной изоляции в шесть часов вечера в понедельник. Таким образом, по крайней мере, три дня выпадают из вашего рассказа.

Райленд с трудом сглотнул.

— Не может быть! — он покачал головой.— Опорто и девушка только-только вышли, и...

— Я изучила ваше дело с известной тщательностью.— По какой причине, она не сочла нужным сообщить.— И я уверена, что взяли вас в понедельник.

Райленд почувствовал легкий укол возбуждения. Это даже больше, чем он надеялся узнать о своем деле.

— Что ж, это возможно,— пробормотал он.— Сначала я находился в одном месте, которое по ошибке называли центром отдыха, где-то под землей. Терапевты работали целые сутки, и я не мог знать ни времени, ни даты. И все же, я до сих пор не имею понятия, как создать беспротиводействующую двигательную систему. И я по-прежнему уверен, что Машина позволила себе совершить ошибку.

Донна Крийри укоризненно покачала головой.

Райленд прервал себя, чувствуя, как туго охватывает шею железное кольцо. Он сошел с ума! Так разговаривать с дочерью Планирующего! Он сказал хрипло:

— Мисс Крийри, я вам мешаю, я должен идти.

Она засмеялась, словно вдали заиграла неуловимая музыка.

— Но я вас не заставляю, — очень мягко сказала она.

— Но... вы... в ванне...

— А я всегда предпочитаю проводить поездки в воде. Так удобнее, когда начинается вторая половина пути. И не волнуйтесь о том, что скажет отец. Он правит миром, для Плана, конечно! Но он не властен надо мной, — она улыбнулась.

Наверное, ей нет и двадцати, подумал Райленд печально, но у него уже не оставалось сомнений в том, что Донна Крийри знает силу своих женских чар.

— Не опасайтесь моих голубей Мира, — сказала она.

Он насмешливо взглянул на серебряных птиц и на их стальные клювы.

— Мне очень жаль, что они поранили вашего товарища, — извинилась она. — Но они решили, что он угрожает мне. Как видите, даже без охраны я нахожусь под защитой.

Она взмахнула рукой, и комнату наполнила тихая музыка из невидимых динамиков.

— Та девушка, какая она была? — требовательно спросила она Райленда.

— Красивая, — коротко ответил он.

— И опасная!

Он кивнул, чувствуя, как под тяжелым воротником на обратной стороне шеи волоски начинают шевелиться. Опасная? Но именно эта девушка была куда опаснее для него. Он не имел права входить сюда. Машина так этого не оставит.

Донна Крийри сказала, успокаивая его:

— Расскажите мне о ней. Она была хорошенькая?

— Наверное. Мне так казалось. У нее были длинные русые волосы, зеленые глаза. Такие, как у вас. И она работала в тайной полиции, но я этого не знал до того самого дня, когда за мной пришла полиция.

Смех сорвался с губ девушки. Металлические голуби беспокойно зашевелились, сохраняя равновесие.

— И она предала вас. Теперь вы боитесь, что так же сделаю и я? Не бойтесь, Стивен, я обещаю вам.

Он пожал плечами.

— Я вам уже говорил. Мне еще повезло. Отправили только в лагерь. А могли ведь и в орган-банк.

Обдумывая его слова, она склонила голову, и он заметил, что на волосах ее играет красноватый оттенок. Наконец она вздохнула и сказала:

— И вы стали опасником. Но вам следовало быть осмоторительнее, Стивен. Вам не следовало уклоняться от требований Плана. Теперь вам приходится носить железное кольцо. Вы не можете от него избавиться?

Он отрывисто засмеялся.

— Нет, не можете, — серьезно сказала она. — Но на вашем месте, думаю, я нашла бы способ. Если бы я была математиком и мне пришлось бы носить этот воротник, то для меня это было бы только еще одной задачей, и я нашла бы решение для нее.

— Воротник был изобретен полковником Замфиреску, — с тоскливой нотой в голосе сказал Райленд. — Лучшим инженером в Техническом корпусе... до того, как он сам попал в утилизацию. Он все предусмотрел.

— Ведь это лишь полоска металла, Стивен!

— Самая прочная броневая сталь в мире. Внутри находится обезглавливающий заряд, подключенный к водородной энергоячейке — ее хватит лет на сто, и этого достаточно. А столько я ждать не могу. Кроме того, воротник застрахован от попыток повредить его. Если только я попытаюсь перепилить его... или хотя бы открыть запор, и случайно перепутаю ключ или поверну не в ту сторону — воротник прикончит меня на месте. Вы когда-нибудь видели, как работает обезглавливающий заряд, мисс Крири? Я видел.

Она вздрогнула, а потом сказала:

— На вашем месте я бы убежала.

— Далеко вы бы не ушли! Волны радара бегут быстрее. И даже если бы вам удалось удрать — куда-нибудь к Ледяным Мирам или на одну из орбитальных станций Меркурия, — то на этот случай в воротнике имеется реле времени. Периодически его нужно переключать специальным ключом. Если же вы вовремя его не перенастроите — бах! И неизвестно, когда наступит этот крайний срок, но случится это не позже, чем через год.

— О! — она печально покачала головой. — Тогда его необходимо снять, — мудро заметила она.

Он расхохотался, не в силах сдержаться. Что за нелепая идея!

— Не смейтесь, Стивен. Рону Дондерево это удалось, — сообщила она.

— Дондерево? Что вы знаете о Дондерево?

— Совсем немного. Я была с ним знакома, видите ли, когда была еще ребенком. Я помню, что видела его с кольцом на шее, а потом... Я снова видела его, но уже без кольца.

Он неотрывно смотрел на нее.

— Так вы видели Дондерево... — начал он.

Но тут в дверь громко постучали.

— Мисс Криири! — послышался настойчивый обеспокоенный голос из-за двери. — Планирующий послал за этим опом!

Райленд стремительно выпрямился. На мгновение он позволил себе забытья, но голос охранника вернул его к реальности.

— Вам нужно идти, Стивен, — сказала девушка. Она что-то прошептала, и один из серебряных голубей Мира слетел с ее плеча, описал круг, не спуская красных точек глаз с Райленда, и на лету тронул дверь, которая тут же открылась без звука.

— Будьте осторожны, — мягко сказала девушка. — И не расстраивайтесь особенно из-за Анджелы.

— Хорошо, — только и сказал Райленд, словно заводной автомат, направившись к двери, где офицер, ошетинившийся рогами радарной антенны, уже поджидал его со злорадным выражением на гранитной физиономии. И лишь когда дверь бесшумно задвинулась за ним, он вспомнил, что ни разу не упоминал имени той девушки, которая предала его, — Андже-ла Цвик.

Всю жизнь Райленда за ним наблюдал Планирующий. Бесстрашное, доброжелательное лицо смотрело на него со стереоплакотов на стенах комнат в доме родителей, в казармах Гехкорпуса, в классах школы, на любом перекрестке или площади, в любой лаборатории и в любом здании, где ему приходилось работать. Райленд знал это лицо лучше, чем лицо собственного отца, впрочем, так же, как и любой другой житель Земли и других планет. Планирующий сидел за массивным письменным столом в кресле, состоявшем из воздушных подушек и искусно упрятанных пружин. Он казался полностью погруженным в разложенные на столе бумаги из какой-то папки. Чувствуя себя крайне неловко, Райленд стоял и ждал.

Между Планирующим и его дочерью не было сходства. Она была черноволосой и привлекательной, с лицом святого-ребенка; он был угловатый, волосы посеребрила седина, и у него было лицо льва. Короткие седые волосы были подстрижены в виде шлема. И над самой головой, на спинке громадного кресла застыл серо-стальной ястреб. Но это было не украшение, потому что его металлические веки медленно приподнялись, а маленькие яркие гранатовые глаза уперлись в Райленда.

Наконец Планирующий поднял голову и улыбнулся.

— Сынок, разве ты не привык регистрироваться? — спросил он бархатным тоном.

Райленд подпрыгнул.

— Простите, сэр.— Он поспешил к облицованному золотыми пластинками телетайпу и выстукал свое имя. Кодовая пластинка на панели аппарата гласила просто: «Один».

Седоволосый человек усмехнулся.

— Итак, ты Стивен Райленд. Когда-то я тебя уже видел, но ты этого не помнишь.

— Сэр? — не понял Райленд.

— Это было очень давно, сынок,— задумчиво сказал Планирующий.— Я пришел к вам домой, ты был еще совсем ребенком. Не удивляйся. Понимаешь, я знал твоего отца.

Райленд пошатнулся. Он наполовину висел в воздухе — в этот момент гигантская сфера вагона достигла высшей скорости. Но голова его закружилась не от этого, и даже не потому, что он не ел почти целый день. Причиной были слова человека по ту сторону стола.

Он сказал, не веря услышанному:

— Сэр, мои родители никогда не упоминали ни о чем подобном. Наверняка, они были бы горды...

Планирующий громко и величественно рассмеялся.

— Сынок,— воскликнул он,— видишь, ты многого не знал о своих родителях! Они совсем не гордились знакомством со мной. Наоборот, им было стыдно, потому что, видишь ли, твой отец меня ненавидел, очень.— Он кивнул, улыбка его медленно иссякла. Голос стал скрежещущим, словно наждак.— Твой отец был врагом Плана! — рявкнул он.

— Сэр! — запротестовал Райленд.— Я ничего не знаю об отце. Он исчез, когда я был еще ребенком. И мать мне ничего не рассказывала.

— Еще бы,— свирепо сказал Планирующий.— Она была очень опасная и совсем не глупая женщина. Твои родители были неглупыми людьми. Что же это случилось с тобой, а?

— Сэр...— Райленд не знал, что сказать.

— Как ты попал в опасники? — проскрежетал Планирующий.— Тебе не следовало пытаться перехитрить План. Это была глупость!

Райленд глубоко вздохнул. Быть может, это его счастливый случай, чтобы представить свое дело.

— Сэр, позвольте мне объяснить,— начал он.— У меня и намерения не было идти против Плана. На меня донесла одна

девушка, и Машина переклассифицировала меня в опасники. Я думаю, это была ошибка, но...

— Ты сомневаешься в решении Машины?

— Нет, сэр. Не Машины, но информации, которая...

— Оставь! — фыркнул Планирующий. — Не усугубляй своего положения. Ты сын своего отца и должен помнить, что все, что ты делаешь, находится под подозрением.

У Райленда перехватило дыхание. На секунду он буквально онемел. Он слегка покачивался, пока шар вагона безостановочно несясь вперед, начиная вторую половину пути — уже против направления силы тяготения.

Райленд не выдержал:

— Сэр, верно ли я вас понял? Вы говорите, что Машина сочла меня опасником лишь потому, что мой отец совершил нечто еще до моего рождения? Это несправедливо. Это...

— Справедливо! — проревел Планирующий. Ястреб тем временем открыл оба глаза и беспокойно закружился на своем месте. — Что это за слова, Райленд? «Справедливость», «свобода», «демократия». Все эти слова часто повторял твой отец, они впитались в кровь. И они н и ч е г о не значат! Какое отношение имеет справедливость к 750 калориям в день? Справедливость давно себя изжила, ее больше нет. Крышка! Ты знаешь, чем занимались твои благородные предки, сынок? Они добывали «справедливость» и «демократию» из природных запасов мира. Они не выдумали их, они их в ы к а п ы в а л и точно так же, как фермеры истощали почву своих полей — двадцать колосьев пшеницы, и нет фута почвы. Чернозема больше нет! И вместе с ним исчезли «справедливость» и «демократия». Теперь мир — замкнутая система, сынок, у нас мало что осталось!

Этот дикий взрыв совершенно ошеломил Райленда.

— Но... но, сэр, — пробормотал он. — Ведь дальние планеты наверняка открывают новые горизонты, новые источники ресурсов...

— Молчать! — гаркнул Планирующий. Его угловатая седая голова качнулась вперед угрожающе, будто молот. Серо-стальной ястреб над ним многозначительно зашевелился.

Планирующий сверлил Райленда взглядом, пока кресло его компенсировало усиливающееся тяготение второй половины пути субпоезда. Вес стал нормальным, потом превысил норму. Планирующий Криири сказал:

— Райленд, ты совсем, как твой отец. Он так и не понял, что новых горизонтов нет, но ты должен это понять. План Че-

ловека основан на постоянном сокращении тех пагубных личных свобод, что когда-то почти разрушили наш мир. Война! Пылевые бури! Наводнения! Лесные пожары! — Каждое слово звучало будто ругательство, он словно выплевывал их в лицо Райленду. — Нам приходится платить по счету за то, что было растрчено твоим отцом и такими, как он. Никогда не забывай этого, сынок!

Райленд стоял молча. Спорить с этим человеком было невозможно. Эту властность и самоуверенность мог бы поколебать ствол пистолета, но не человеческие аргументы. Немного погодя, Райленд сказал:

— Я этого и не забывал.

«И не забуду, — подумал он, — пока у меня на шее этот железный воротник».

— Тебя беспокоит кольцо, — неожиданно сказал Планирующий и усмехнулся. Он как будто прочел мысли Райленда. — Но мы все носим свои воротники, сынок. Мы все, от Планирующего до отверженных, ждущих своей очереди в орган-банке, должны отчитываться перед Машиной за каждый час прожитого дня. Каждый из нас влачит невидимые кандалы Машины. Часть из них неосязаемой природы, — объяснил он серьезно, — и я согласен, что это не совсем то же самое.

Райленд невольно улыбнулся. Нет, в этом человеке была не только способность повелевать. Он обладал и обаянием, таким, что действовало даже на опасника.

— Но если ты это предпочитаешь, — добавил Планирующий небрежно, — ты можешь избавить именно свою шею и именно от этого железного воротника.

Мгновение Райленд не мог поверить своим ушам.

— Избавиться от воротника?!

Планирующий величественно кивнул. Он снова слегка шевельнулся, нажимая на кнопку. Массивное мягкое кресло наклонилось немного назад. Ястреб хлопал металлическими крыльями, взмыв в воздух, когда подголовник кресла выдвинулся из спинки и удобно обхватил голову Планирующего.

Субпоезд начал основной этап торможения. Слабый визг доносился сквозь звукоизоляцию комнаты — свидетельство силы, толкавшей вагон сквозь кольца невидимой электростатической силы. Визг вызывало не трение, а гетеродинные колебания от генераторов, мчавших вагон. Райленд зашатался, когда его вес начал увеличиваться.

— Все мы связаны с Планом так или иначе, — сказал вдруг Планирующий. — Я должен попытаться найти неразрушимую

связь, которая привязала бы к Плану тебя и заменила бы железный воротник. Или ты должен найти ее сам, тогда воротник будет снят.

— Наверняка моя работа доказывает мою лояльность, — с отчаянием сказал Райленд.

— Наверняка не доказывает, — передразнил Планирующий. Он покачал головой, как большой медведь, отчитывающий непослушного медвежонка. — Дело не в том, что ты уже успел сделать, — пояснил он, — а в том, что ты сделаешь сейчас. Ты работал, как тебе нравилось, Райленд, возможно, и талантливо, но работать ты должен только в рамках Плана. Всегда. Каждую минуту. Планирующая Машина даст тебе задание. И если ты выполнишь его...

Райленд тяжело дышал, тело его стало тяжелой ношей, пока субпоезд все дальше удалялся от расплавленного центра Земли. Он хотел поговорить — расспросить Планирующего, возможно, узнать секрет трех недостающих дней. Но тело его не желало напрягаться. Они мчались внутри туннеля из раскаленного добела камня, только силовые кольца не давали стенам сомкнуться. Он снова чувствовал себя как в лифте, только теперь лифт шел вверх. Вертикальная составляющая скорости шара вагона быстро поднималась до 150 миль в час. Даже голос Планирующего, несмотря на противоперегрузочное кресло, стал хриплым, и говорил он медленно.

— Ты можешь теперь идти, Райленд, — проворчал он. — Но, может, ты хочешь узнать, в чем заключается твое задание?

Райленд не ответил, но за него говорили глаза. Планирующий усмехнулся.

— Да, конечно. Машина считает, что ты справишься с ним. Ты должен... Впрочем, — глубокомысленно заметил он, — у нас у каждого своя роль, и я не обязан понимать все, что говорит Машина. Твоя задача: изобрести нереактивную тягу.

Райленд покачулся и поспешно ухватился за край стола Планирующего.

— Не... нереактивную тягу?

Планирующий, кажется, был доволен.

— Понимаю, — сказал он. — Видимо, в твою задачу понимание тоже не входит? И тем не менее это то, чего требует Машина.

— Вы имеете в виду... — Райленд старался отдышаться. — Вы имеете в виду безреактивнуюдвигающую систему?

— Именно.

— Знаете ли вы, что ваши мастера пыток, эти ваши восста-

навливающие терапевсты — три года пытались заставить меня сказать, как построить нереактивный двигатель? Почему-то они были уверены, что я знаю это.

— Я знаю об этом. — Величавый человек за столом пожал плечами. — Я знаю, что у них ничего не вышло. Машина получила информацию, что ты сконструировал такой двигатель. Эта информация, очевидно, была ошибочной. Но прошедшие три года сделали такой двигатель еще более необходимым для безопасности Плана, и еще более опасным для Плана, если он попадет в руки врагов.

Машине требуется нереактивная тяга. Ее записи о твоих достижениях и возможностях говорят о том, что ты пригоден для работы и создания такого двигателя. Я не обращаю внимания на тот факт, является ли твоя амнезия естественной или ты притворяешься вольно или невольно. Если ты хочешь избавиться от воротника и остаться живым, ты создашь нереактивный двигатель. Теперь, — сказал он усталым голосом, — ты должен идти.

Словно сквозь туман видел Райленд, как Планирующий шевельнул узловатой рукой в сторону выхода. Ястреб заволновался и слегка передвинулся с места на место, рассекая воздух металлическими крыльями. Дверь открылась.

Вошел один из офицеров охраны. Это был настоящий великан, но и он шагал очень осторожно под прессом взбирающейся к поверхности сферы вагона.

— Райленд, — прошептал человек в кресле за столом.

Райленд обернулся, полуопершись на офицера в голубой форме.

— Моя дочь, — тихо сказал Планирующий. Визг перешел в рев, почти совсем заглушая его слова. — У Донны мягкое сердце, которое она унаследовала от матери, но мозг она унаследовала от меня. Не придавай особого значения тому, что она позволила тебе беседовать с ней в ванной.

И глаза старого человека закрылись. Планирующий позволил своей голове опуститься на подголовник кресла.

ГЛАВА 3

Оператор-майор Чаттеради сказал мягко:

— Вам у нас понравится, Райленд. У нас тут приятная компания.

— Да, сэр,— сказал Райленд, глядя во все стороны.

Он находился в комнатке со стальными стенами, на одной из которых имелся знак Безопасности. Он понятия не имел, где, на Земле или под Землей, он мог сейчас находиться.

— Не волнуйтесь по пустякам,— продолжал тараторить майор.— Главное — делать дело, вот о чем мы здесь беспокоимся.

Райленд кивнул. Маленький майор был по-юношески подвижен и легок в движениях, словно котенок. Антенный шлем он носил небрежно, будто это была часть маскарадного костюма. Он перехватил взгляд Райленда.

— А, это...— смущенно заметил он.— Чертовски неудобная штука. Но все же, вы ведь опасник, и приказ Машины...

— Я к этому привык.

— Но вы здесь не единственный опасник,— поспешно добавил оператор-майор Чаттеради.— Бог мой, кое-кто из наших лучших работников тоже, и вообще...

— Простите, майор,— перебил его Райленд. Он нагнулся к телетайпу и быстро отстучал свои имя и код, подтверждая факт своего прибытия.

Без промедления телетайп ответил ему:

«П. ИНФОРМАЦИЯ: Оператор-майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать ваш статус.

ДЕЙСТВИЯ: Затребовать необходимое оборудование для расширения системы управлений общего силового поля и равновесного состояния».

Райленд нахмурился. Майор Чаттеради, заглянув через его плечо, воскликнул:

— Уже задание, Стив! О, у нас все делается быстро. У меня есть шестирегистровый калькулятор и комната, куда можно его поместить, пока вы переоденетесь. Гарантирую вам мешок долларов!

— Я не понимаю,— сказал Райленд.— Общая теория силового поля и равновесное состояние — что это значит?

Но майор оказался жизнерадостным невеждой в данном вопросе. Его дело — администрирование, все остальное Райленд узнает в свое время, не так ли? Райленд пожал плечами.

— Ладно. Но мне не нужен калькулятор — пока у меня есть Опорто.

— Второй опасник? — Оператор-майор моргнул.— Всегда держаться вместе,— кивнул он.— Понимаю. Я откомандирую его вам.

Райленд снова взглянул на телетайп. По-настоящему важ-

ная часть приказа требовала некоторого размышления. «Оператор-майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать ваш статус». Вот этот человек с блестящими, подвижными, как ртуть, глазами, крючковатым носом, вот этот человек и должен будет повернуть ключ, который откроет воротник?

Или это предположение было неверным? Машина всегда выражается точно. Лишь человеческое существо не всегда правильно понимает то, что она говорит. Например, имеется ли в виду, что майор Чаттеради сможет освободить Райленда, или это значит, что он лишь изменит его статус... до статуса сырого мяса в орган-банке?

Эта мысль его отрезвила.

Нереальная туманность всех событий прошлого, кроме фактов научного характера, вызвала у Райленда ноющее чувство одиночества и потерянности.

— Зачем Машине нужна нереактивная тяга? — неловко задал он вопрос майору. — Ионные корабли вполне способны достигнуть любой планеты, а План Человека и так, кажется, все глубже зарывается, покидая космические колонии...

— Прекратите! — резко одернул его майор. — Подобные мысли не входят в наши функции!

Но Райленд продолжал настаивать:

— Машина, кажется, опасается, что нереактивная тяга попадет в руки врагов Плана. Чьи же это могут быть руки? План покорил все планеты, теперь в него включено все человечество. Исключая нескольких беглецов вроде Рона Дондерево.

— Не говорите о нем! — майор, казалось, был потрясен. — Нам и без этого хватает здесь забот, чтобы допускать непланированные беседы.

Райленд пожал плечами и оставил бесплодные попытки, а Чаттеради сразу вернулся в прежнее жизнерадостное настроение.

— Вас нужно разместить! — заулыбался он. Золотая оправа его очков поблескивала. — Пора! Девочка, войди!

Дверь открылась. В комнату важно вплыла высокая блондинка. На ней были алые брюки и такого же цвета короткий жакет. Два века назад она могла бы быть мажореткой из оркестра, но теперь, в эпоху Плана, она исполняла более важную функцию.

— Познакомьтесь, Стив, это Вера. Одна из наших общительниц. Она поможет вам освоиться здесь, у нас. Я гарантирую!

Общительница улыбнулась натренированной лакированной улыбкой.

— В совершенстве знай свои функции — только свои, — пропела она. — Таков наш лозунг, мистер Райленд. — Голос у нее был кукольный.

— И превосходный лозунг, в самом деле! — поддержал майор, сияя. — Можете начинать, Вера. И не забывайте, в семь часов сегодня вечер общения.

Мысли Райленда вертелись вокруг нереактивной тяги, гипотезы равновесного состояния, трех пропавших дней его жизни и фразы: «Майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать...». И того факта, что Планирующий знал о его беседе с Донной в ванной. Но то, что говорила ему общительница, тоже имело немалое значение. Он попытался отставить в сторону все остальные мысли и прислушался.

— Вам здесь понравится, Стивен, — прошептала она, торжественно беря его под руку. Улыбнувшись, она направила Райленда вдоль туннеля с серыми бетонными стенами. Окон не было.

— Это называется Пункт Черный Круг. Странное название, правда? Но ты привыкнешь. Я тебя научу.

Пункт Черный Круг представлял собой штаб-квартиру, где оператор-майору Чаттеради, главному администратору, приходилось терпеть бесконечные волнения по поводу снабжения и работы персонала.

— Пункт Серый Треугольник, — пропела девушка, взмахом руки указывая на перекресток впереди. — Это медицинский сектор. Проверка, недомогания, травмы, а также... — она шаловливо хихикнула, — отправное отделение для орган-банка.

Райленд вздохнул.

— О, не стоит волноваться, Стив, — успокаивающе сказала она. — Можешь доверять майору Чаттеради. Ты делай свое дело, а он будет делать свое. Это и есть работа сообща.

— Да, я понимаю, — пробормотал Райленд. — Просто... я уже имел шанс попасть в орган-банк — целых три года. Признаться, идея оказаться в мясорубке меня не восхищает.

Общительница, шокированная, замерла на месте. Ее правильные бровки выгнулись.

— В мясорубке? Стив, что это за непланированное слово?!

— Я имел в виду...

— П л а н о в ы й термин, — твердо сказала она, — звучит так: «утилизация». Ты не можешь отрицать логику Машины,

правда? — Она не стала ждать ответа, увлекшись хорошо заученной речью. — Орган-банк, — твердила она, — обеспечивает проблемную группу необходимым стимулом, гарантирующим максимально продуктивную работу. Если их усилия окажутся успешными, группе нечего опасаться. Если же их постигнет неудача...

Она очаровательно пожала плечами и вздохнула.

— Благосостояние Плана Человека, — сказала она, — требует от них в таком случае другого рода лепты в общем деле. То есть их анатомические органы должны участвовать в улучшении здоровья других граждан. Такова работа сообща!

— Благодарю! — раздраженно сказал Райленд.

«В лагере изоляции за Полярным кругом, — подумал он грустно, — было тяжело и тоскливо, и не было никаких удобств, но там, по крайней мере, я не обязан был выслушивать лекции от девчонок, у которых еще молоко на губах не обсохло».

Название Пункта Серый Треугольник было изобретением Безопасности, как и все остальные. Все заведение называлось Группа-центром. Оно могло находиться под озером Эри или под дном Индийского океана — Райленд этого не знал.

В Пункте Серый Треугольник он прошел необходимые тесты. Он мельком видел Опорто, на вид тот был вполне здоров, но казался несколько удрученным. Они помахали друг другу, но поговорить возможности не было, так как Опорто как раз выходил из одной лабораторной комнаты, а Райленд входил в другую. «По крайней мере, — подумал Райленд, — коротышку еще не утилизировали».

Потом, за пять часов скрупулезных тестов, он забыл про Опорто. Сотрудники Серого Треугольника принялись за измерения его функциональных показателей и коэффициентов лояльности с помощью всех видов тестов, каким он подвергался до этого, и даже ввели один-два совершенно новых. Лаборанты раздевали его и закрепляли в кресле, прикрепляли электроды своих аппаратов, а тем временем допрашивающие требовали от Райленда мельчайших деталей о его жизни, вплоть до точного указания, какие игрушки подарила ему мать на третьем году жизни в день рождения.

Эти тесты снова вернули его память к тем горьким дням, когда он сеанс за сеансом проходил «терапию» в «Центре отдыха», дням, которые казались веками, когда его подвергали наказанию снова и снова, потому что он не в состоянии был понять смысл сумасшедших вопросов, которыми забрасывали его терапевты. И теперь, каждую секунду, все внутри Райленда

сжималось от страха — вдруг этот ад повторится? Кто-то задаст ему вопрос о пироподах или Роне Дондерево. Кто-то потребует ответа, куда делись три дня его жизни, или чтобы он начертил схему устройства, о котором он никогда не слышал.

Но все обошлось, вопросы были стандартными.

Практически каждый такой вопрос ему уже не раз задавали прежде и, может быть, по сотне раз. И каждый ответ был давно записан на барабанах памяти Планирующей Машины. Но допрос продолжался. За его реакциями наблюдали в слепящем свете, они же фотографировали при инфракрасном освещении, что для Райленда было равносильно полной темноте: Раз за разом брали различные анализы. Целые залпы инъекций сначала стимулировали, потом успокаивали его, а один раз погрузили в короткий сон. Бог знает, какие зонды и скальпели проверяли в этот момент мускульное напряжение внутренних органов.

Наконец все кончилось.

Он облачился в новые хрустящие алые брюки и куртку, и был снова выставлен в серый бетонный коридор, где его ждала Вера. На ее губах застыла лакированная улыбка, в глазах светилось удовольствие.

— Ты прошел все благополучно! — пропела она. — Я знала, что ты справишься. Теперь ты полноправный член Группы.

Она шла рядом с ним щебеча:

— Теперь я покажу тебе твою комнату. Очень симпатичная комната, Стив! А потом, о, потом у нас еще много дел. Тебе понравится наша общая столовая. У тебя будут замечательные условия для работы. Все превосходно — и это справедливо, верно ведь? От тебя так много ждут, и от всей Группы, правда? Вы должны оправдать доверие — такова работа сообща!

Она водила его по коридорам Центра примерно час и не умолкала ни на минуту. Девушка привела его в местную столовую, чтобы перекусить. Больше там никого не было, он опоздал к обеду из-за проверки в Сером Треугольнике. Пища была обыкновенным рационом для служащих особого профиля разряда «А» — примерно то же самое, что и в лагере повышенной безопасности, хотя с немного пониженным содержанием калорий. Но приятно было посидеть и покурить после еды. И еще Вера показала ему его жилище.

Комната оказалась довольно удобной. Кровать была неожиданно мягкой, книжный шкаф был уже полон — об этом успел позаботиться майор Чаттеради — справочников и таб-

ниц. Имелся даже просторный ящик для личных вещей, которых у него уже давно не было.

— Какая прелесть, правда? — с энтузиазмом воскликнула общительница. — Но нам нужно спешить, Стив. Уже почти семь часов!

Общая столовая находилась выше лабиринта туннелей, составляющих Группа-центр. Ее серые бетонные стены были довольно легкомысленно оживлены пестрой краской.

Здесь было светло и шумно от разговоров множества людей. Общительниц было примерно человек двадцать, все такие же симпатичные, как и Вера. Они танцевали со смеющимися офицерами Техкорпуса, сидели с ними за столиками, пели, собравшись вокруг фортепиано. Сновали торопливые официантки, тоже симпатичные, разнося напитки и легкие закуски. Были тут и другие сотрудники — новые коллеги Райленда.

Все они носили плотную алую униформу. Сердце Райленда забилося сильнее — он заметил, что, по крайней мере, трое из них носят железные кольца, такие же, как у него. И они смеялись. Один танцевал с высокой рыжеволосой девушкой, двое увлеченно играли в карты.

Железные воротники, казалось, не слишком их тяготили.

Райленд медленно, удивленно вздохнул. Может быть, именно о таком месте он и мечтал все три года.

С одной стороны комнаты имелось громадное окно двадцати футов в высоту, сделанное из бронестекла. Снаружи уже почти севшее солнце заливало оранжевым светом древние утесы. Вершины сосен качались под порывами неслышного ветра, а дальний склон горы был весь усыпан вечнозелеными елями и уже пожелтевшими осинами.

Вера тронула его за руку.

— Что случилось, Стив? Ты боишься высоты?

Но он едва сознавал, что видит за окном. Все его мысли были заняты воротником. Все же он моргнул и вернулся к действительности.

— Я... я до сих пор не знал, где мы находимся.

— Но ты и сейчас не знаешь, — засмеялась она. — Пойдем, я предоставлю тебя Руководителю Группы.

У генерала Флимера были большие глаза навывкате и тесная форма, отчего он выглядел, как большая самодовольная жаба.

— Значит, это вы Стивен Райленд? — генерал потряс его руку, глаза сияли дружелюбием общительности. — Рад, что вы к нам присоединились, Стив!

Он улыбнулся и щелкнул ногтем по воротнику. Металл слабо зазвенел.

— Мы с тебя эту штуку мигом снимем. Главное — давай результаты, и благонадежность тебе обеспечена! Что может быть справедливее?

Он подхватил Стивена под свободный от забот Веры локоть и направил его вперед. С другой стороны торопилась Вера.

— Хочу познакомить вас с некоторыми другими сотрудниками, — прогудел генерал. — Ага! Паскаль! На минуту. Стив, я хочу вас познакомить...

— Но я уже знаком с полковником Лескьюри, — сказал Райленд. Это был тот самый седоволосый офицер Техкорпуса, который показал им купе вагона поезда Планирующего.

Полковник кивнул ему и отвел в сторону, пока генерал собирал остальных членов Группы.

— Я не хотел ничего говорить вам тогда... но я уже знал, что вы направлены сюда. И я рад. Ваше... э-э... собеседование прошло удачно? — и он шутливо ткнул Райленда в бок.

Райленд прекрасно понимал, что полковник мог отнестись к нему не столь благосклонно, если бы собеседование прошло неудачно, но решил не придавать этому особого значения.

— Да, — сказал он. — Планирующий был настроен...

— Планирующий? — полковник Лескьюри подмигнул. — Я о другом собеседовании, парень. Ничего себе девица, а?

Стивену Райленду начало казаться, что едва ли найдется гражданин Плана Человека, которому еще не известно, что он три четверти часа провел в ванной комнате Донны Крири.

— Эй, там! — воскликнул генерал, призывно махая рукой. — И вы тоже, Отто!

Когда Райленд подошел к генералу, полковник Отто Готтлинг уже приблизился, тяжело ступая, с каменным выражением на лице. Оказалось, он был экспертом по ракетным камерам сгорания. Камера его конструкции применялась во всех кораблях последних двадцати экспедиций к внешним планетам.

Каждый сотрудник Группы был специалистом в какой-нибудь области, и Райленд с трудом мог себе представить, каким образом эти области знаний сочетаются здесь. Например, полковник Лескьюри, как он узнал, был Директором отдела Космической Биологии Плана. Майор по имени Лангрэн был астрофизиком. Были еще два других математика: один — специалист в области теории чисел, имя второго было Райленду смутно знакомо, кажется, он был автором работы по стандартным циклам. (По странному совпадению — или это не было

совпадением? — оба носили на шее кольца.) Третьим опом был химик, специалист по пищевым продуктам, полный веселый человек, владелец неистощимого запаса каламбуров и смешных стишков.

Но несколько часов спустя Райленду уже удалось кое-что узнать — вечер далеко не полностью был посвящен Сообщности.

Когда все собравшиеся успели немного охмелеть, генерал Флимер вскарабкался на стол и, застучав каблуком, потребовал всеобщего внимания.

— Тост! — проревел он. — За Работу Сообща и за План! Раздались одобрительные возгласы. Флимер вместе со всеми осушил свой бокал, потом вдруг стал серьезным.

— Кое-кто из вас, — крикнул он, — может, не понимает, на что нацелена наша Группа! Что ж, вы скоро поймете! Но ради новых наших товарищей позвольте мне в общем обрисовать философию Групповой Атаки. Это наисущественнейший инструмент нашего научного прогресса.

— Ура Групповой Атаке! — заревел один из математиков-опов, а девицы-общительницы вдруг захихикали.

Генерал Флимер благодушно улыбнулся и продолжил:

— В давние-давние времена — так объяснил мне групповой историк — наукой занимались одиночки. Кто-то из вас, может быть, думает, что так делают до сих пор. — Он послал ледяную усмешку Райленду и остальным опасникам. — Но эти времена давно прошли. Поворотным пунктом была Группа Эйнштейна, собравшаяся в городе под названием Хиросима, чтобы атаковать фундаментальные проблемы деления атомов.

— К сожалению, — с печалью в голосе продолжал генерал, протягивая стакан, чтобы его наполнили вновь, — все пионеры атомной науки были уничтожены в результате неожиданно успешного опыта по делению урана. Но принцип группового штурма проблемы выжил! С тех пор План Человека усовершенствовал этот принцип и отшлифовал приемы Групповой Атаки. Когда Плану Человека требуется новое научное открытие, для его создания образуется группа. Необходимость в такой группе созрела как раз сейчас, и эта группа — вы, вы моя Группа, вы все!

Последовали продолжительные аплодисменты и возгласы.

Флимер сделал паузу. Он улыбнулся улыбкой скорпиона, несколько не сочетающейся с его приторным рыхловатым лицом.

— Я уверен, вы понимаете, — он весело кивнул Райленду

и остальным кольценосителям, — почему от вас ждут успешного разрешения проблемы. Если вы добьетесь успеха, то поймете, что принцип Группы работает в обоих направлениях. Если вы добьетесь... Если же нет, то... тогда...

Он не продолжил фразы и мрачно взглянул на опасников еще раз.

Потом он широко улыбнулся и провел коротким толстым пальцем по тому месту, где у нормальной полноты людей находится шея.

— Жжжж! И в орган-банк! Но мы добьемся успеха!

Аудитория взорвалась смехом. Оператор-майор Чаттерради запрыгнул на стол, очки его отсверкивали.

— Троекратное «ура» генералу Флимеру и Плану Человека! Гип-гип...

— Ура-а-а! — возглас получился громкий, но не дружный.

— Гип-гип...

— Ура-а-а! — на этот раз громче. Теперь кричали уже все.

— Гип-гип...

— УРА-А-А! — Райленд обнаружил, что кричит вместе со всеми. Он не мог не поддаться настроению. Он был рожден в системе Плана Человека. Он не мог сомневаться в его правильности. Это лишило бы его жизнь смысла, как дарованный Планом железный воротник уже почти лишил его надежды.

Последовали громкие аплодисменты, и генерал Флимер, улыбаясь, поднял руку.

— На этот раз, — сказал он, — Машине требуется новый физический принцип. — Он изящно пожал плечами, насколько это только было возможно при его комплекции. — Я не ученый и не знаю, насколько это сложное задание. Вероятно, некоторые из вас считают его очень сложным. Что ж, — он захихикал, — все остальные просто должны будут убедить их в обратном! — и он шутливо ткнул пальцем в шею.

Как Райленд ни старался, но он мало что извлек из разговоров с остальными сотрудниками. Не потому, что они не хотели говорить, а потому, что он все должен был узнать в свое время. Машина даст ему детальное задание, заверяли его, а пока, как насчет одного стаканчика?

Час спустя Вера предложила показать ему самый короткий путь к его комнате. Они взялись под руки и отправились в путешествие по серым коридорам.

— А вот сектор, где ты еще не был, — щебетала Вера. — Видишь? Это Пункт Узел. Это Центр Связи.

— Отличный Центр Связи, — сказал Райленд. Он чувствовал себя прекрасно. Даже кольцо на шее не казалось таким уж твердым и холодным. «Какая она милая девушка, это Вера», — мечтательно подумал он. Конечно, девушки-общительницы отбираются специально, их обучают, едва ли не разводят как особую породу. Но она напомнила ему его Потерянную Любимую, Анджелу, о которой дочь Планирующего знала больше, чем ей следовало. Но она, конечно, могла все это прочитать в его личном деле и...

— Пункт Зеленый Полукруг, — пропела девушка, указывая на новую эмблему, украшавшую стену.

— Превосходно, — машинально заметил Райленд, потом взглянул повнимательнее. — Что это там происходит?

Девушка заколебалась. Она замолчала на полуслове, нахмурилась и сказала Райленду:

— Знаешь что, — она уже снова повеселела, — наверное, этот короткий путь — не совсем то, что нам нужно. На старом пути есть...

— Нет, ты посмотри, — настаивал Райленд, упираясь, когда она попыталась стащить его с места.

Было уже поздно, но там появились два охранника в алой форме Группы, и один из них отпирал ключом массивную оцинкованную дверь. Внутри виднелась громадная шахта, ее пол освещался ярким прожектором откуда-то сверху.

Райленд понял, что это! Посадочная шахта для ракеты: мощные фермы portalного крана, огромные трубопроводы пламягасителей и их черные раструбы в бетоне пола. Определенная часть сознания Райленда запоминала все эти факты, отмечая, что ракеты довольно часто садились здесь когда-то. Там, наверху, скрытые ослепительные светом, находились громадные створки входа, открывающиеся в небо.

Но в шахте сейчас не было ракет.

Там было что-то другое внутри массивной металлической клетки.

— Что это такое? — настойчиво спрашивал Райленд.

Существо напоминало морское животное — котика или тюленя, которых Райленду приходилось встречать на скалах близ изоляционного лагеря. Но это животное было золотистое — цвета металлического золота, когда его освещает закатное солнце, но клетку заливал только немилосердный свет прожектора из-под потолка.

Существо было живым. И все же такого животного Райленду не приходилось видеть за всю свою жизнь.

Оно лежало на полу большой стальной клетки, обессилившее после попыток вырваться на волю. Золотой мех был покрыт пятнами крови и разорван возле головы. Несколько прутьев клетки было погнуто, на них засохла кровь.

Что бы это ни было, оно пыталось вырваться на свободу!

— Пойдем скорее, Стив,— обеспокоенно сказала общительница.— Пожалуйста! Майор Чаттеради не велел показывать пространственника, пока...— она запнулась, смущенная. Потом попросила Райленда: — Пожалуйста, забудь, что я говорила. Я не должна была вообще вести тебя сюда, но... О, пожалуйста, Стив, пойдем отсюда!

С неохотой он позволил увести себя. Охранники поспешили войти в шахту, и тяжелая освинцованная дверь задвинулась. Смотреть было больше не на что.

Но что же он только что увидел?

ГЛАВА 4

В семь часов утра на следующий день звонок телетайпа вырвал его из глубокого сна. Не успев как следует протереть глаза, Райленд подскочил к машине, чтобы ответить. Его ждал запрос:

«ЗАПРОС: Присутствует ли Стивен Райленд, оп, АВС-38440?»

Побледнев, Стивен выстукал подтверждение. Все человеческие инстинкты поведения требовали добавить извинение, но Машину его извинения не интересовали. Рычаги литер застучали в ответ немедленно:

«ИНФОРМАЦИЯ: Гипотеза равновесного состояния основывается на теории Фреда Хойла, английского астронома и физика XX века, утверждающей, что облака водорода постоянно формируются в межзвездном пространстве, таким образом восстанавливая убыток материи, потерянной в процессе синтеза внутри звезд.

ДЕЙСТВИЯ: Дать оценку возможности математического подтверждения реальности нейтрализации и реверсии процесса формирования водорода».

Райленд уставился на бумажную ленту. В дверь тихо постучали, и в комнату танцующей походкой влетела общительница. Она несла поднос с чаем и стаканом розового сока.

— Доброе утро, Стивен! Проснись и пей! Я... ой! — Он нетерпеливо показал ей, чтобы она молчала.

Телетайп, словно того, что он настучал, было мало, издал серию щелчков, потом выбил новое сообщение:

«ИНФОРМАЦИЯ: Существуют экспериментальные подтверждения возможности механизма, не подчиняющегося Третьему Закону Ньютона.

ИНФОРМАЦИЯ: Вышеупомянутый механизм в дальнейшем именуется нереактивной тягой.

ДЕЙСТВИЯ: Разработать необходимое математическое основание возможности воспроизведения нереактивной тяги в двигателях кораблей Плана.

ДЕЙСТВИЯ: Просмотреть работу полковника Готтлинга по общей теории силового поля как необходимого первого шага».

Райленд оторвал кусок ленты, едва машина прекратила печатать, и сел, уставясь на нее. Кто-то сообщил сведения из его старинных запрещенных книг Машине, понял он.

Вера неожиданно извлекла ленту из его пальцев.

— Завтракать! — укоризненно напомнила она. — И душ! Сначала нужно как следует проснуться, тогда и думать будет легче.

Словно в забытии, Стивен позволил отвести себя в ванную. В его сознании бешеным вихрем крутились облака межзвездного водорода и неньютоновские силовые поля.

Обжигающий душ привел его в себя. К тому времени, когда он оделся и сел завтракать вместе с общительницей, он уже полностью проснулся.

— Нереактивная тяга! — повторил он. — Но это невозможно! Закон Ньютона!

— Пей чай, Стив, — успокаивающе сказала Вера. — Разве Машина давала бы тебе задание, если бы это было невозможно?

— Но я не... Хорошо, какие экспериментальные подтверждения? Я пока ничего не видел.

Общительница украдкой взглянула на свои часы.

— Полковник Лескьюри будет ждать, Стив. Допивай чай. Полковник казался очень официальным в своей алой форме и белоснежном халате поверх нее.

— Я вижу, вы взволнованы, Райленд. Успокойтесь, — сказал он.

Стив многозначительно коснулся своего железного воротника. Полковник улыбнулся.

— Естественно,— сказал он.— Но вы ведь стремитесь избавиться от него, а? И наилучший способ сейчас — это успокоиться, потому что в первую очередь вы должны внимательно выслушать меня. Я должен рассказать вам о Рифах Космоса.

РИФЫ КОСМОСА! Райленд судорожно сглотнул и попытался расслабиться. Вокруг будто закружился туман ошеломления и памяти о всех годах в изоляционном лагере. Он снова лежал, привязанный к кушетке в комнате терапевта, с холодными электродами на запястьях, и в лицо ему бил ослепительный свет. Над ним склонился доктор Трейл, толстый, вежливый, с тихим голосом, раз за разом повторяя слова: «пространственник», «пиропод», «нереактивная тяга», «Рифы Космоса», и методично записывал каждую реакцию.

— Успокойтесь, Райленд,— откуда-то издали донесся голос полковника.— К этой проблеме нужно подходить постепенно. Первый этап — ознакомление вас с информацией, которую я должен сейчас представить.

— Да, конечно,— вздохнул Райленд.— Я понимаю.

Он отчаянно пытался расслабиться. Возможно, в рассказе полковника он найдет ответ на загадку трех потерянных дней.

— Давайте сначала немного выпьем,— предложил полковник.— Жажда — плохой помощник в разговоре.

Райленд заколебался: алкоголь всегда был под запретом и в лагере, и в Академии.

— Присоединяйтесь,— сказал полковник, подмигивая.— Небольшая трансфузия не повредит.

Он открыл шкафчик и вытащил оттуда стаканы и маленькую коробочку.

Пока он наливал, Райленд нетерпеливо вернулся к теме их разговора.

— Рифы Космоса, что это? Наверное, метеоритные облака!

Паскаль Лескьюри захохотал.

— Нет, это примерно то же, что и коралловые рифы. Прощу.— Он поднял свой стакан.— Ну вот, другое дело,— пригубив, заметил он и открыл коробочку.

На стол высыпалась целая коллекция фантастических существ. Их миниатюрные подоби́я были сделаны из пластика. Райленд взглянул на них почти машинально: его мысли занимали слова Лескьюри.

— Но ведь коралл — это продукт деятельности живых организмов.

Полковник кивнул:

— И Рифы Космоса тоже построены живыми организмами, только на их создание ушло гораздо больше времени.

Райленд внезапно поставил на стол нетронутый стакан, напиток немного расплескался.

— Но какие организмы могут жить в космосе?

— Как какие? — очень серьезно сказал полковник, постукивая пальцем по пластиковым игрушкам. — Примерно вот такие же. Это уменьшенные модели реально существующих животных. Кроме того, имеются еще и сами создатели Рифов — простые одноклеточные создания. Они существуют повсюду!

Усилием воли Райленд принудил себя говорить медленно и рассудительно:

— Сегодня утром я получил приказ Машины. Я должен заняться гипотезой о равновесном процессе, и с этого момента я постоянно думаю... о теории Хойла и некоторых других его предположениях. О том, что жизнь появилась еще до образования планет, она возникла под воздействием ультрафиолетовых лучей в остывающих облаках газа и пыли вокруг звезд. Но как эта жизнь могла уцелеть? Облака исчезают, когда начинается формирование планет.

— Жизнь умеет приспосабливаться, — веско сказал полковник, поигрывая пластиковыми драконами.

Он снова отпил из своего стакана.

— Оставим в стороне пока непознанные аспекты, — тоном лектора продолжал он. — Жизнь есть сочетание материи и энергии. Эффект Хойла снабжает ее материей в виде облаков водорода, которые постоянно рождаются в межзвездном пространстве. А энергию жизнь добывает сама.

— Каким образом?

— Синтезируя на основе водорода более тяжелые элементы, — торжественно заключил полковник.

Он щелкнул выключателем. С потолка скользнул экран. На нем появилось изображение: дротикообразные тела, сверкая, проносились перед глазами. Все это напоминало картину микрожизни в обыкновенном пруду... если бы не странная форма существ, и если бы они не светились сами по себе.

— Фузориты, — мрачно сказал полковник. — Жутко выносливые малявки. Они производят термоядерный синтез водорода и генерируют энергию. И живут они в открытом космосе.

Фузориты! Тело Райленда напряглось, словно он получил удар тока. Он сознавал, что полковник пристально за ним наблюдает, и попытался расслабиться, но полковник еще секунду глубокомысленно его разглядывал.

— Не удивительно, что вы поражены, — только и сказал он, сочувственно подмигнув. — Это непростая идея. Она означает, что планеты — не единственные одинокие оазисы жизни в мертвом пространстве космоса. Это значит, что они — лишь острова в бесконечном океане жизни, странной жизни, о которой мы никогда и не подозревали.

— Но почему ни одно из них не побывало на Земле? — Райленда раздражала та неторопливость, с какой вел объяснения полковник. Для Райленда это был вопрос жизни и смерти, быть может, здесь был ответ на все его вопросы. А полковник, кажется, считал это лишь еще одной лекцией, и к тому же весьма скучной.

Полковник пожал плечами.

— Наверное, они тонут в воздухе. Я подозреваю, что более тяжелые элементы — это отходы их собственной жизнедеятельности и потому ядовиты для них. — Он сделал новый глоток. — Возможно, именно такие существа построили Землю, — задумчиво продолжал он. — Это объясняет вопрос содержания тяжелых элементов лучше, чем теории космогонистов. Но в сущности это не имеет значения. Я имею в виду, для Плана.

Райленд нахмурился. В тоне полковника было что-то почти нелицеприятное. Он постарался переменить тему.

— А эти существа, — он коснулся пластиковых поделок, — это ведь не фузориты?

— Нет. Это пироподы. Они живут в Рифах.

Не спеша полковник двинул рукой. Экран опять засветился.

Райленд подался вперед.

— Сказочная страна! — только и смог выдохнуть он.

Полковник хрипло засмеялся. На экране переплетались сказочные ветви и лианы, какие-то похожие на птиц существа легко сновали между ветвей.

— Называйте как хотите, — сказал полковник. — Когда я был там, я выражался немного иначе. Понимаете, во Вселенной действительно рождается новое вещество, и действительно в межзвездном пространстве формируются водородные облака. Я знаю — я видел это!

Он нервно сделал еще один глоток.

— Это было несколько лет назад. Пироподы были уже замечены, но поймать хоть одного не удавалось. Планирующий приказал мне отправиться в охотничью экспедицию и поймать пиропода.

Райленд нахмурился.

— Охота? Но ведь План Человека не располагает такими излишками энергии! Каждая калория должна расходоваться продуктивно!

— Ты старательный ученик, — кисло заметил полковник, — и все же это было решение Машины. Так, во всяком случае, сказал Планирующий. Как бы там ни было, а мы отправились искать планету за орбитой Плутона. Имелась ли таковая? Приходилось предполагать, что имелась, иначе откуда бы брались пироподы? Мы знали, что в пределах орбиты Плутона они не живут.

— Это был долгий полет. Ты ведь знаешь, почему невозможно путешествие к звездам. Энергии у нас достаточно, но где взять рабочую массу, которая толкала бы корабль вперед? Когда пересекаешь орбиту Плутона, эта проблема встает в полный рост. Мы шли на старом «Кристобале Колоне» с водородными двигателями. Рабочим телом служила вода. Весь наш запас едва ли посадил бы нас на предполагаемой планете. Перезаправляться мы должны были там, если только нам удалось бы ее найти. — Полковник сухо посмеялся. — Но мы ее не нашли, — добавил он.

— Тогда... как же вы вернулись? — удивился Райленд.

— Мы с чем-то столкнулись. Мы назвали это Краем. Не путай, это еще не Рифы. До тех оставались биллионы миль пространства. Край принадлежит Солнечной системе: редкий пояс небольших астероидов, снежных и ледяных осколков. В основном это метановый и аммиачный снег, но и воды мы нашли достаточно, чтобы наполнить баки. И мы отправились дальше. Машина дала нам совершенно определенное задание.

Полковник зябко поежился и допил остатки.

— Мы продвигались все дальше и дальше, — сказал он, приготовляя себе новый коктейль, — все дальше за пределы Края, пока Солнце не превратилось просто в яркую звезду, даже не особенно яркую. Мы тормозили и уже готовы были повернуть назад... И тут мы увидели первый Риф.

Полковник Лескьюри помахал на странную картину на экране. Он снова оживился.

— Сначала вид у него был не очень внушительный. Какая-то крапчатая, неправильной формы масса, не больше снежка, но она светилась!

Райленд обнаружил, что поглощает содержимое своего стакана. Молча он протянул уже пустой стакан, и полковник медленно наполнил его.

— Сказочная страна. Мы высадились в настоящий лес хрупких коралловых образований. Мы пробирались сквозь сверкающие кристаллические заросли, тонкие шипы ломались о наши скафандры. Мы бродили по металлическим джунглям, грозившим нам ловушкой из живой проволоки или ударами острейших лезвий. Но это еще что! Там были огромные прекрасные цветы, они сияли сверхъестественными оттенками и распространяли смертельные гамма-лучи. Еще там имелись такие золотистые лозы, что стоило к ним прикоснуться, как они отвечали высоковольтным ударом. То тут, то там встречались невиданные лужицы радиоактивных изотопов, и такие же изотопы местами били, словно гейзеры.

— Это был настоящий кошмар! Но пока мы дезактивировались и залечивали ранки и раны, мы познакомились с природой Рифа. Это было скопление живых существ — колония фузоритов! Мы насчитали до сотни видов. Наверное, они развивались из нескольких спор, плававших в межзвездном водороде. Росли они очень медленно — несколько дюймов, наверное, за миллион лет. Но фузоритам спешить некуда.

И тут мы посмотрели друг на друга. Мы поняли, что обнаружили нечто большее, чем то, за чем нас послали.

Мы открыли новый рубеж человечества.

Внезапный и неуправляемый всплеск эмоций заставил Райленда вскочить со стула.

— Новый рубеж! Могут... могут ли люди жить там?

— Почему бы и нет? Там есть все необходимое: водород для добычи энергии, металл для машин, сырье для производства пищи. Мы с собой привезли целое богатство! Мы загрузили в корабль по образцу все, что смогли найти. Невероятные алмазные сталактиты и кристаллические массы практически чистого ковкого железа. Живые призмы, светившиеся собственным светом радиоактивного процесса. И губчатые грибообразные конгломераты, в которых, как показал анализ, девяносто процентов урана-235. Попадались куски в сотню фунтов, а это гораздо больше критической массы! Но они все же не взрывались — пока были живыми. Но один «гриб» взорвался после того, как мы забросили его в открытое простран-

ство. После этого мы тщательно разделили массы на более мелкие части.

— Так вот зачем Машине нереактивная тяга!— перед Райлендом мелькнул луч понимания, пробивая серый туман запутанных фактов, не отпускавших его с того момента, как они покинули лагерь.— Я понял все,— продолжал Райленд.— Нереактивная тяга нужна Машине, чтобы достигнуть Рифов, ведь они находятся за пределами досягаемости наших ионных ракет!

— Очевидно,— кивнул Лескьюри.— Хотя подобные рассуждения несколько выходят за рамки наших функций.

— Но зачем Машине Рифы Космоса?— нахмурился Райленд.— Неужели что-то среди Рифов может угрожать безопасности Плана?

— Это не наше дело,— предупредил его Лескьюри.— Думаю, планеты хорошо защищены от космической жизни своими атмосферами и поясами. Хотя, конечно, нас ведь протаранил пиропод...

— Пиропод?

На мгновение Райленд снова оказался на кушетке в комнате терапии с холодными электродами на теле, и астматический голос Трейла цедил бессмысленные для него тогда слова: «нереактивная тяга», «фузорит», «пиропод»...

Глаза Лескьюри сузились.

— Райленд, вы слишком волнуетесь. Это ни к чему. Я не совсем понимаю вашу реакцию... если вы только раньше уже не слышали о Рифах.

— Нет, я не слышал.— Это было правдой. Терапевты всегда тщательно избегали каких-то деталей, и он ничего не мог узнать о Рифах Космоса, пироподах или фузоритах.

Еще несколько секунд Лескьюри неприятно наблюдал за ним.

— Тогда успокойтесь,— сказал он и улыбнулся.— Прошу прощения. Я спросил потому, что имел место неприятный инцидент. Член нашей команды бежал с корабля после посадки, похитив несколько образцов и описание жизни в космосе. Он, конечно, был отправлен потом в орган-банк.

Его глаза еще раз, словно случайно, остановились на Райленде.

— Не помню, как его звали. Хоррик? Хорлик? Хоррокс? Райленд сидел, окаменев.

Полковник Лескьюри небрежным жестом убрал экран обратно в потолок, потом спросил:

— Еще выпьете?

Райленд молча покачал головой.

Лескьюри вздохнул и пошевелил пластиковые фигурки на столе.

— Вот,— сказал он вдруг.

Райленд взял у него из пальцев маленькую, в два дюйма длиной фигурку из черного и серебристого пластика, с злобного вида лезвиеобразным носом. Блестящие глаза Лескьюри с восхищением продолжали ее рассматривать.

— Вот такая штука напала на нас,— сказал он.

— Такая маленькая?

Полковник засмеялся.

— Нет, в длину она была девяносто футов,— сказал он, забрав у Стива фигурку и погладив ее.— Злобное создание. Но злобными их сделала эволюция. Это живые боевые ракеты. Вечность эволюции выковала их до совершенства.

Он сгреб модельки обратно в коробку.

— Но они всего лишь ракеты,— задумчиво сказал он.— Им тоже нужна реактивная масса. Мы отловили около дюжины таких штук, и, в принципе, они не отличаются от петарды... И оттого они, видно, такие прожорливые. Они нападают на все что угодно с такой голодной яростью, какой вы даже представить себе не можете. Вещество не слишком распространено в космосе, и они потребляют все, что могут найти. Во всяком случае, вот такая штука нас протаранила, и... в общем, еще двенадцать человек получили повреждения.— Полковник пожал плечами.— Все произошло очень быстро. Его скорость превосходила нашу, но потом кто-то добрался до торпедной установки, и мы выиграли. Но даже пиропод не обладает способностью нереактивной тяги.

— Если вообще она возможна,— сказал Райленд.

Полковник Лескьюри усмехнулся. Он внимательно посмотрел на Райленда, словно подбирая наиболее подходящий вопрос. Потом сказал:

— Вы думаете, что Атака Группы провалится?

— Я сделаю все, что смогу,— сухо сказал Райленд.— Но, полковник, Третий Закон Ньютона...

Лескьюри резко засмеялся.

— Да, отлично,— сказал он.— Кто знает? Может, она и провалится. Может, нереактивной тяги и не существует.

Чем-то очень довольный, хотя Райленд и не мог сказать чем, полковник сунул коробку с фигурками обратно в ящик.

— Спокойной ночи, уродцы, — сказал он ласково.

— Вы так говорите, словно они вам нравятся, — прокомментировал Райленд.

— А почему бы и нет? Они нас не беспокоили. И если они не напали на Землю за прошедшие несколько миллионов лет, то вряд ли нападут в ближайшем будущем. Они не приспособлены жить в атмосфере или при сильном солнечном свете. Только несколько пироподов — из самых сильных — рискнули залететь за орбиту Плутона, где их и засекли перед наш й экспедицией. Дальше орбиты Сатурна их вообще не встречали а тот, что был замечен возле него, просто уже умирал.

Райленд был озадачен.

— Но... Вы говорили об опасности.

— Да, в Рифах Космоса таится опасность, да!

— Но если это не пироподы, то что?

— Свобода! — фыркнул полковник Лескьюри и плотно сжал губы.

ГЛАВА 5

Вера повела Райленда на его следующее собеседование.

— Полковник Лескьюри такой милый, правда? — тараторила она. — Очень милый. Если бы это от него зависело, рифокрыса не пострадала бы... — Она вдруг словно споткнулась, подлинно представляя собой картину крайнего смущения.

Райленд пристально посмотрел на нее.

— Что это такое — рифокрыса?

— А вот и кабинет майора Чаттеради, — нервно сказала Вера и почти втокнула его в дверь.

Оператор-майор Чаттеради, поднялся навстречу, его очки отсвечивали, он лучился улыбкой, помахивая рукой с копией приказа Райленду от Машины.

— Мы готовы, Райленд, — приветствовал он вошедших. — Мы уже готовы, слово за вами.

Райленд, задумавшись, подошел к столу.

— Мне потребуется мой компьютер, — сказал он. — И еще: пусть кто-нибудь познакомится со всеми работами по гипотезе Хойла, переварит их как следует и даст мне основные сведения.

— Правильно! Вы получите трех помощников из секции полковника Лескьюри. И я уже выделил двоичный компьютер.

— Нет,— нетерпеливо повторил Райленд.— Мне нужен мой компьютер. Чудо-Опорто.

Золотые дужки очков оператор-майора Чаттеради тревожно сверкнули.

— Опасника? Ну, в самом деле, Райленд!

— Он мне необходим,— упрямо сказал Райленд.— В приказе Машины все было сказано предельно ясно.

Чаттеради сдался.

— Нам потребуется одобрение генерала Флимера,— сказал он.— Пойдемте.

Он вывел Райленда в коридор к лифту, Вера ненавязчиво следовала за ними. Втроем они сначала поднялись вверх, потом спустились в другое помещение. Чаттеради постучал в дверь.

— Минуту,— проворчал голос из динамика над дверью, и она распахнулась.

Они вошли в комнату с серебряными стенами, с мебелью, украшенной серебром. Из спальни вышел генерал Флимер, запахивая полы серебристого халата.

— Слушаю.

Оператор-майор закашлялся.

— Сэр, Райленду нужен второй оп, Опорто, приписанный ранее к нему.

— Для производства расчетов,— вмешался Райленд.— Он феноменальный счетчик. Чудо природы.

Генерал уставился на него своими глубоко посаженными глазами.

— Это поможет вам разработать нереактивную тягу?

— Понимаете,— начал Райленд,— я еще не приступал к проблеме. Сначала мы займемся гипотезой Хойла. Приказ Машины...

— Приказ Машины мне известен,— проворчал генерал. Он задумчиво почесал нос.— Ладно, дайте ему этого человека. Но помните, Райленд, главное в вашей работе — это нереактивная тяга.

Райленд был удивлен.

— Но, генерал, Машина не указывала на срочность именно этой части.

— Зато я указываю,— громко сказал генерал.— Принимайся за работу, парень. Вперед!

Когда они вышли в коридор, майор Чаттеради поспешил в свой кабинет, а его место заняла общительница.

— Очень приятный человек генерал Флимер, правда? — зашебетала она, ведя Райленда обратно к лифту.

Он глубоко вздохнул.

— Вера, тут что-то не так. Генерал Флимер живет ужасно роскошно! И он все берет на себя, даже истолкование приказов Машины. Так всегда бывает при работе Группы?

Девица-общительница колебалась. Взглянув на Райленда, она снова повела его по коридору, но по дороге молчала. Вера остановилась перед другой дверью.

— Генерал Флимер — очень милый человек, — сказала она наконец. — И он тебе понравится, вот увидишь. И полковник Готтлинг тебе тоже понравится, не сомневайся! — и, не добавив больше ни слова, она открыла дверь в кабинет Готтлинга и оставила Райленда одного.

Но, как оказалось, возгореться к полковнику Готтлингу симпатией было нелегко.

Это был массивный человек с лицом, напоминающим череп, с рогатым шлемом радара на голове. Он сердито водил пальцем по контрольной кнопке этого радара, пока Райленд докладывал о своем прибытии Машине.

— Быстрее, быстрее, — бормотал он.

Когда Райленд кончил печатать, полковник вывел его в коридор и захлопнул дверь.

— Ты будешь следующим, — сказал он, когда они уже шли по коридору. — Лескьюри уже бился с этой тварью, и ничего не вышло. Они не разрешают мне за нее взяться! Теперь это твоя работа.

— Не понимаю, — сказал Райленд. — Какая тварь?

— Пространственник! Рифокрыса! Эта тварь, у которой нереактивная тяга.

Готтлинг развел костистые руки и раздраженно возвел глаза к потолку.

— Великий План, что это такое! Что за идиотов они начали направлять в Группы высшей степени важности?! Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о рифокрысе?

— Я слышал только само слово, — признался Райленд. — Но вы, кажется, только что сказали «пространственник»?

— Это одно и то же! — Готтлинг остановился и указал на ряд картотечных ящиков. — Вот, здесь все! — гаркнул он. — Все, что можно узнать о них. Начиная от веса в спокойном состоянии до химического состава той жидкости, что заменяет им кровь. Одною я не могу вам сказать, как они летают, но я бы и это выяснил, если бы мне разрешили взяться за эту тварь как следует!

— Но...

— Болван, оставь свои «но»! — закричал полковник. —
Смотри сюда!

Он распахнул дверь. Внутри была большая комната, в свое время — ремонтная мастерская, теперь наспех переоборудованная в лабораторию. Комнату делили на отсеки неокрашенные перегородки, по стенам бежала открытая электропроводка. На узких лабораторных столах сгрудились банки с реактивами, стеклянная химическая посуда. В воздухе стоял резкий запах химикалиев. Тут же стояли трансформаторы, генератор рентгеновских лучей, какие-то массивные устройства, похожие на центрифуги, и прочее бог знает еще какое оборудование для биологических исследований.

В лаборатории кипела работа.

У столов и приборов работало не менее дюжины мужчин и женщин в алой форме Техкорпуса. Они лишь вскользь взглянули на полковника и Райленда, когда те вошли и зарегистрировались у телетайпа, и сразу же вернулись к работе, ни слова не говоря.

Очевидно, оптимистические настроения, свойственные высшим чинам, не распространялись на нижние уровни Группы.

Полковник Готтлинг, снова пришедший в приятное расположение духа, закурил длинную зеленоватую сигарету и взмахом руки обвел комнату.

— Теперь все это в вашем распоряжении, — сказал он. —
На время.

Райленд взглянул на него.

— Или навсегда, — усмехнулся полковник. — Если вы откроете нам секрет, как пространственнику удастся летать. По-моему, ничего у вас не выйдет. Вы слишком мягкотелый человек, Райленд. Воротник вас не закалил. И все же... Может, рассказать вам что-нибудь о пространственнике?

— Да, будьте так любезны, — с нетерпением сказал Райленд.

— Ладно, почему бы и нет? Это существо довольно сообразительное. Стоит примерно на уровне низших приматов. Млекопитающее, теплокровное, дышит кислородом... Что вы на меня уставились?

Райленд закрыл рот.

— Я просто думал, что оно живет в космосе.

— И правильно думали! — загоготал полковник. — Оно там и живет! Дышит кислородом и живет в открытом пространстве! Забавно, верно? Но у него есть одно исключительное свойство.

— Какое именно?

Полковнику Готтлингу уже давно наскучил разговор.

— Вам следовало узнать все у Лескюри. Я занимаюсь двигателями. Ну, во-первых, это нереактивная тяга. Потом еще что-то. Какое-то силовое поле, удерживающее небольшое воздушное облако вокруг существа даже в межзвездном вакууме.

— Не могут ли эти два эффекта быть как-то связаны? — задумчиво спросил Райленд.

— Могут ли? Конечно, могут, идиот! Но связаны ли? Я, например, не знаю. — Но полковник Готтлинг начал уже оттаивать.

Обращаясь с Райлендом как с ненормальным, он постепенно развеселился и сказал снисходительно:

— Конечно, это возможно. Я сам об этом думал. Если рифокрыса способна ускорить себя без реактивного взаимодействия, она способна также воздействовать и на молекулы газа. Почему знать? Но... Давайте лучше посмотрим на пространственника. Тогда нам легче будет разговаривать.

Он вышел из лаборатории через дверь в противоположной стороне.

Через стальную дверь они прошли в камеру вроде воздушного шлюза. В зажимах у стен стояли неуклюжие защитные костюмы и выкрашенное красной краской аварийное оборудование. На внутренней двери шлюза пылало аварийное табло:

ОПАСНОСТЬ! ПОСАДОЧНАЯ ШАХТА. ЖДИТЕ ДЕЗАКТИВАЦИИ!

— Сейчас там безопасно, — заверил Готтлинг, — шахту дезактивировали еще несколько месяцев назад, когда посадили туда пространственника.

Он потянул рычаг. Заворчали моторы. Внутренняя дверь, массивная, обитая листами свинца, отягощенная стальной арматурой и огнеупорным кирпичом, дюйм за дюймом начала отползать в сторону.

Словно викинг в своем радарном рогатом шлеме, полковник вошел в шахту. За ним следовал Райленд.

Шахта представляла собой гигантское углубление, круглое в сечении. Прожектора лили потоки света на почерневший бетон пола. Даже дезактивирующая команда со всеми пеноструями и пескодуями оказалась не в силах справиться

черным воспламенением от выхода реактивных дюз.

Райленд сразу узнал это место. Это была та самая шахта, в которую ему удалось заглянуть на секунду прошлой ночью. Он инстинктивно поднял глаза, опасаясь увидеть голубое небо и опускающуюся ракету, но армированные стены уходили в туманную невидимость где-то над головой. Фермы кранов казались призрачными силуэтами. Ни один луч света не проникал сквозь громадные створки в сотне футов вверх, за которыми должно было голубеть небо.

Готтлинг тронул его за руку и жестом направил его внимание вперед.

На почерневшем бетоне стояла клетка размерами с комнату. Внутри нее светилось зеленоватым странное облачко, в центре которого на голом стальном полу неподвижно лежал...

— Пространственник,— гордо сказал Готтлинг.

Существо явно не раз пыталось вырваться на свободу.

Подойдя ближе, Райленд мог увидеть, какой яростной была эта борьба. Стальные прутья клетки толщиной превосходили человеческие запястья, но некоторые из них были согнуты. Красная кровь запеклась на них, и она же запятнала золотистый мех пространственника. Тяжело дыша, существо лежало на полу из листовой нержавеющей стали.

— Сейчас он лентяйничает, но мы его подстегнем!— хвастливо сказал полковник.

— Погодите, полковник!— сказал Райленд.— Существо поранилось. Клянусь небом, вы не...

— Что!— вспыхнул полковник.— Что?!

Его палец многозначительно коснулся кнопки управления радаром. Черепοοбразное лицо под угрожающими рогами испускало ненависть.

— Идиот, ты еще смеешь мне указывать? Может, желаешь, чтобы я расширил радиус поля радара? Одно движение пальца — и от тебя ничего не останется даже на утилизацию в орган-банк.

Райленд отступил, судорожно сглотнув. Невольно его рука коснулась железного воротника, заключавшего восемь граммов мощной взрывчатки.

— Так-то лучше!— рявкнул полковник. Он хлопнул в ладоши и позвал:— Сержант! Займитесь делом! Пощекочите пространственника!

Сержант в красной форме Техкорпуса подошел к клетке. В руках у него был длинный шест с острым лезвием на конце.

Черный провод бежал от лезвия к аккумуляторной коробке на его плече.

Пространственник повел своей разбитой головой.

Он открыл глаза: большие, темные, прозрачные, похожие на глаза тюленя. И в них, как показалось Райленду, жил ужас перед болью и страданиями. По гладким бокам существа пробежала дрожь.

— Пощекочи его брюхо!— приказал Готтлинг.— Мистер Райленд желает видеть некоторые трюки нашей крошки!

Пространственник закричал.

Его крик был полон ужаса, словно голос женщины в истерике.

— Не надо!— дрожа, выдохнул Райленд.

Полковник заревел от смеха. Из его кабаньих глазок выкатились две слезы и оросили костистые скулы. Наконец он взял себя в руки.

— Ну, конечно, почему бы и нет,— сказал он.— Ведь теперь ваша очередь. Пойдемте, сержант.— Готтлинг направился к выходу из шахты.

Райленд, опутив глаза, остался стоять у клетки с пространственником.

Значит, эти небылицы о нереактивной тяге, о которой все здесь разглагольствуют, вовсе не чепуха!

Потому что не обнаруживалось отдачи существа относительно его окружения, чтобы уравновесить силу, прилагаемую им к динамометру. То есть у пространственника имелся настоящий нереактивный двигатель!

Райленд поднял глаза и изумленно уставился на пространственника, который расслабленно лежал на дне клетки, не спуская с Райленда своих больших глаз.

Нереактивная тяга!

Он вдруг сам себе показался маленьким, потерянным, и, несмотря на все усилия Сообщности и Групповой Работы, ужасно одиноким. Нереактивная тяга вот здесь, в этом существе, где заключено семя, которое разрушит Третий Закон Ньютона, переменит облик Солнечной системы. Потому что, получив такой двигатель, область Плана Человека расширится до бесконечности. Миновав бесполезные ледяные метановые шары планет-гигантов, План шагнет к звездам!

Райленд покачал головой, мысли его потеряли ясность.

Ему вдруг совсем не захотелось, чтобы План достиг звезд.

«Свобода». Это слово сказал полковник Лескьюри... Свобода!

В системе Плана ей как-то не находилось места.

Вдруг ход мыслей Райленда был нарушен. В шахте словно загремел отдаленный раскат грома.

Райленд вскочил, ошеломленный; пространственник обеспокоенно замяукал в своей клетке. Темноту над головой пронзил луч света. Он поднял голову и увидел, как все шире становится полоска голубого неба.

Позади послышались звуки беспорядочной беготни, кто-то вбежал в шахту. Сержант Техкорпуса позвал Райленда:

— Мистер Райленд! Мистер Райленд! Уходите в сторону! Какой-то ненормальный идет сюда на посадку!

Сержант кинулся к клетке и начал отчаянно крутить болты, крепившие ее к полу, чтобы оттолкнуть клетку в сторону.

В раскрывшиеся створки люка хлынул водопад огня, и в шахту скользнула миниатюрная ракета, опускаясь на пламенной подушке.

«Слава Богу, это небольшая машина!» — мрачно подумал Райленд.

Ракета побольше прикончила бы и пространственника, и сержанта, и его в том числе. Но это небольшое гоночное судно могло спокойно опуститься, не испепелив находящихся в шахте. Одноместный кораблик, построенный для прогулок и развлечений, опустился на черный бетон в сотне ярдов от них, и волна зноя не причинила им особого вреда.

Сквозь отверстия вентиляторов в полу в шахту ворвался внезапный вихрь, выметая дым от посадки ракеты.

Опустилась рамка трапа.

Стройная фигура в белом комбинезоне легко сбежала на бетон пола, странно знакомые птицы виднелись над ее головой.

Внезапно Райленд словно проснулся.

— Стойте! — крикнул он. — Не подходите к клетке!

Но прибывший не обратил на него внимания. Широкими нетерпеливыми шагами Райленд преодолел расстояние до незнакомца, схватил за тонкую руку, рывком развернул и.. вздрогнул от удивления. Серебряные голуби свирепо клевали его руки и лицо.

— Убери свои руки, оп!

Это была девушка. Та самая девушка! Теперь белый комбинезон не скрадывал признаков ее пола. Глаза, серо-зеленые, были очень знакомыми. Ее голос, хотя и полный негодования, был тоже ему знаком.

Она махнула рукой, и голуби Мира отлетели в сторону.

— Что это значит?— потребовала она ответа, сбрасывая его пальцы с локтя.

Райленд судорожно глотнул воздуха. Это была дочь Планирующего, Донна Криири.

— Я...— начал он.— Я... я не знал, что это вы! Но что вам здесь нужно?

— Нужно?— Глаза цвета океанской волны сверкали.— Я хочу знать, что вы здесь затеяли... что вы здесь делаете и зачем мучаете моего пространственника!

ГЛАВА 6

Девушка пронизывала Райленда яростным взглядом. Это был словно совершенно другой человек. В ней почти невозможно было узнать красавицу из круглой ванны. Та Донна была еще девушкой, которая превращается в женщину, неся в себе оттенок юной застенчивости и невинности. Сейчас же перед ним был некто иной. Это была повелительница, дочь Планирующего. От ребенка не осталось и намека.

Райленд глубоко вздохнул. Дочь ли Планирующего или нет, но девушка стояла на его пути. Единственный способ, каким он мог избавить шею от железного кольца, был тесно связан с животным в клетке.

— Уходите, мисс Криири,— резко сказал он.— Пространственник умирает. Его нельзя беспокоить.

— Что?!

— Голуби Мира, успокоившиеся было на ее плечах, вновь заволновались и тревожно заворковали.

— Вам туда нельзя!— упрямо повторил Райленд.— Пожалуйста, уходите!

Она, не веря своим глазам, устремила на Райленда. Потом, не говоря ни слова, повернулась к клетке.

— погоди, маленькая,— прошептала она золотистому существу.— Не бойся, Донна с тобой.

Пространственник поднял голову и смотрел на нее большими прозрачными глазами.

— Мисс Криири,— недовольно сказал Райленд.— Я просил вас уйти.

Она даже не повернула головы.

— Хорошая, хорошая,— ворковала она, словно ребенок, успокаивающий щенка.— Где эта гадкая дверь?

Райленд разозлился.

— Туда нельзя!

Он опять схватил ее за руку. С таким же успехом он мог ловить тигра за хвост: быстро вскинув руку, так быстро, что он не успел среагировать, она раскрытой ладонью хлестнула Райленда по лицу.

От изумления он пошатнулся, а когда пришел в себя, дочь Планирующего уже нашла задвижку и проникла внутрь клетки.

Хныкая, пространственник пополз ей навстречу, переваливаясь с боку на бок, как морской котик.

Райленд попал в труднейшее положение. Если что-то случится с девушкой, то, нет сомнения, отвечать придется ему. Уж Готтлинг об этом позаботится. И тогда — прощай мечта о свободе!

Практически, что более вероятно, ему придется распрощаться с головой.

Райленд зло выругался. Голуби Мира пронзительно пискнули и закружили над ним. Он поискал вокруг, нашел обрывок тяжелой цепи на полу сразу же за дверью клетки. Бог знает, чем она служила, хотя характерные пятна на металле указывали на единственную возможность применения. Он поднял цепь и вошел в клетку вслед за девушкой.

— Стой,— спокойно сказала она.— Или я напущу на тебя голубей.

— Тогда выходите отсюда!— потребовал он.

Пол клетки скользил под ногами, покрытый какой-то вонючей слизью. Частично... какие-то разлагающиеся крохотные существа, которые не были знакомы Райленду. Видимо, это были животные, принесенные сюда вместе с пространственником. Неприятный запах был настолько сильным, что от него начинало тошнить, но Райленд не обращал на это внимания. Если его выдерживает девушка, это изнеженное существо, привыкшее к ароматам сирени, то и он выдержит!

Девушка склонилась над существом, ласково поглаживая золотистый мех.

— Брось цепь,— приказала она через плечо.— Она тебя боится.

Сначала существо вздрогнуло и уклонилося от прикосновения ее руки, потом успокоилось. Длинный черный язык лизнул щеку девушки. Клетку вдруг наполнило низкое рокотание, словно мурлыканье гигантской кошки.

Снаружи послышался шум. К клетке со всех ног несли полковник Готтлинг, наклонив голову с рогами антенны.

Ярость сверкала в его глубоко посаженных глазах на черепо-
видном лице. За ним следовали человек двенадцать в алых фор-
мах Техкорпуса.

— Убирайтесь отсюда, болван!— заревел он, махнув в
сторону Райленда электрическим щупом.

Пространственник увидел полковника, и громкое мурлы-
канье оборвалось. Существо начало дрожать.

— Стойте!— крикнул Райленд.— Вы пугаете простран-
ственника! Он может напасть на мисс Криири!

Но Донне Криири его помощь в данный момент не требова-
лась. Опустившись на колени прямо в крованистую слизь ря-
дом с пространственником, она подняла взгляд от разбитой, в
пятнах запекшейся крови головы существа, и глаза ее блес-
тели, словно ястребиные.

— Полковник Готтлинг,— сказала она, и голос ее был
пронзителен, как лезвие ножа.— Я должна поговорить с вами!

Рот на черепообразном лице полковника совершил глота-
тельное движение, но отступать Готтлинг не собирался.

— Вы должны выйти из клетки, мисс Криири! Это опасное
животное. Дюжина людей уже получила травмы и ра-
нения!

— А что эти люди делали с ним?

Девушка продолжала поглаживать золотистый мех. Две
или три большие зеленые мухи с жужжанием кружились в об-
лачке света, окутавшем раненого пространственника, подби-
раясь к ранам на боках.

— Какая здесь грязь,— скорбно сказала Донна.— Наве-
дите порядок!

Она встала и жестом указала Райленду на выход из клетки.

— Пусть соберется вся Группа,— холодно приказала она,
закрывая за собой дверь.— И сейчас же! А пока, Готтлинг,
пусть ваши люди вычистят клетку. А если я поймаю кого-
нибудь с электрическим щупом, то он узнает его действие на
себе!

Готтлинг побагровел. Напряженным от негодования голо-
сом он сказал:

— Это больше не моя обязанность, мисс Криири. Теперь
этим занимается мистер Райленд.

— Я возвращаю вас на старое место,— сказала девушка.—
Для мистера Райленда найдется другое дело.

Пораженный, Райленд запротестовал:

— Но приказ? Машина...

— О Машине я сама позабочусь,— спокойно сказала

она.— Принимайтесь за уборку, эй, там! Пространственнику необходимы его симбиотические сожители, а они быстро умирают.— Она повернулась к двери.— Теперь пойдем на собрание,— серьезно сказала она.— Нужно решить несколько вопросов.

Они вернулись в Пункт Зеленый Полукруг. Сотрудники Группы уже собрались. Разговоры жужжали, словно мухи вокруг ран пространственника.

Донна Криири предводительствовала на собрании. Что-то застенчиво лепетал майор Чаттеради, а генерал Флимер произнес полдюжины речей о пользе Групповой Работы Сообща. Полковник Готтлинг был в холодном бешенстве, а полковник Лескюри заявлял возражения. Но ни один не мог взять верх над девушкой.

— Если животное умрет,— яростно объявила она,— то большинство из вас направится вслед за ним. У меня есть для вас новости. В орган-банке образовалась нехватка утилизированного материала.— Она оценивающе обвела взглядом присутствующих.— Кое-кто из вас очень хорошо справится с ролью запасных частей. Я понятно говорю?

— Вполне понятно,— свирепо подтвердил генерал Флимер.— Но, мисс Криири, цель нашей Группы...

— Помолчите-ка,— ласково сказала ему девушка.— Да, что там?

С величайшим уважением в голосе оператор-майор Чаттеради сказал:

— Для вас сообщение на телетайпе.

— Это подождет.

По комнате пронесся явственный вздох, но девушка не обратила на него внимания.

— Начиная с этого момента,— продолжала она,— за Группу отвечает мистер Райленд.

Пораженный генерал Флимер прошипел:

— Мисс Криири, но о п а с н и к не может...

— Нет, опасник может,— отрезала Донна Криири.— Ну, хорошо, я вам сейчас выдам приказ.

Она прошла к телетайпу, спокойно нажала клавишу «Сбой». По комнате пронесся еще один вздох. Девушка начала печатать. Через минуту Машина прострекотала ответ:

«ДЕЙСТВИЯ: Группа Флимера подчиняется указаниям Донны Криири».

— Вас что-нибудь еще беспокоит?— требовательно спросила она.

— Ничего! — каркнул генерал Флимер. Его жабыи глаза казались еще более выпученными.

— Отлично. Все остальные могут разойтись. Райленд, я хочу с вами побеседовать.

Перешептываясь, сотрудники Группы потянулись к выходу из конференц-зала. Донна Криири потянулась и зевнула, голуби Мира заволновались и заворковали.

— Вот так-то лучше, — сонно сказала она. — Что там еще такое?

Райленд кашлянул.

— Кажется, это сообщение для вас, мисс Криири.

— Опять, — вздохнула она. Небрежно положив руку на его плечо, она встала рядом с ним у телетайпа.

«ИНФОРМАЦИЯ: Планирующий Криири находится в пути из Момбасы в Кейптаун.

ИНФОРМАЦИЯ: Личная ракета Донны Криири заправлена и готова к взлету.

ИНФОРМАЦИЯ: Лондонское филармоническое общество подтверждает подачу инструкций для открытия сезона.

ДЕЙСТВИЯ: Укажите исполнителей для концерта Бетховена для фортепиано.

ИНФОРМАЦИЯ: Лунная колония Альфа-6 просит Донну Криири присутствовать на праздновании 25-й годовщины.

ИНФОРМАЦИЯ: ...»

— Рутина, — рассеянно сказала девушка. — Это подойдет. — Она посмотрела по сторонам. — Ужасно мрачное место. У вас здесь есть своя комната? Пойдемте туда.

Она не стала ждать ответа Райленда, лишь поманила его за собой.

Он не удивился, обнаружив, что Донна знает расположение помещений в Центре. Похоже, этой девушке мало что неизвестно.

Но события выходили из-под контроля.

Эта девушка отдавала приказы целой исследовательской группе. Это явно было не ее дело. Это всем известно! В системе Плана Человека приказы отдает Машина. Люди же — даже дочери Планирующего — должны исполнять свою работу наилучшим образом, и только свою. Такова была логика планирования, логика Плана Человека.

В замешательстве он стоял у двери в комнату, размышляя над тем, что он скажет девушке. С интересом разглядывая обстановку, она вошла в комнату. Райленд вошел следом, оставив дверь приоткрытой.

— О, прикройте ее,— нетерпеливо сказала девушка.— Разве мои голуби не охраняют меня достаточно надежно?

Увидев выражение его лица, она засмеялась, хлопнулась на его койку и растянулась во весь рост, закулив сигарету. Изгнанные с привычного места, металлические голуби заворковали, жалуясь, и нашли себе насест на передней железной спинке койки.

Райленд скрепя сердце закрыл дверь. Он кивнул в сторону телетайпа:

— Вы не хотите зарегистрироваться?

— Машина меня найдет,— весело сказала Донна Крири.— Вот, посмотрите.

И в самом деле, едва она успела это произнести, как литеры телетайпа принялись щелкать:

«ИНФОРМАЦИЯ: Планирующий Совет просит Донну Крири назначить ежегодные премии Плана.

ИНФОРМАЦИЯ: Журнал «Лайф» просит разрешения использовать фотографию Донны Крири для обложки номера «Женщина года».

ИНФОРМАЦИЯ: ...»

— Кто-нибудь всегда окажет мне услугу и сообщит Машине, куда я отправляюсь,— уже без улыбки сказала девушка.— И даже если нет... Машина всегда почти точно способна угадать, где я могу быть. Она уже успела хорошо меня изучить.

«Она так говорит,— с интересом заметил про себя Райленд,— словно Машина — ее старый приятель».

Но девушка не предоставила ему возможности развить эту мысль дальше — внезапно она сказала:

— Ты тоже не слишком хорош, Стив, но лучше этих остальных. Ты сохранишь моего пространственника?

— Вашего пространственника?

Она засмеялась.

— Да, моего, потому что я его люблю. Все, что я люблю — мое. Такое у меня правило.— И она добавила серьезно:— Но я еще не решила, как относиться к тебе.

Холодок коснулся затылка Райленда.

— У меня есть обязанности, мисс Крири,— сказал он.— И я намерен исполнить их! Я надеюсь, что это не повлечет дальнейших неудобств для пространственника, но если возникнет необходимость... Вы хорошо видите вот это?— Он показал на свой железный воротник.— Я хочу его снять! Если мне для этого нужно будет прикончить миллион пространственников, я так и сделаю.

Девушка лениво ткнула в его сторону сигаретой.

— Готтлингу вы говорили другое,— заметила она.

— Откуда вы знаете, что я говорил ему?

— О, я многое знаю. Почему бы и нет! Машина вездесуща, а мой отец — практически часть Машины. И кроме того, мне нравится Машина, а все, что мне нравится...— Она грациозно пожала плечами.

Райленд напряженно смотрел на девушку. Она явно его дразнит. Иначе быть не может. Это совсем не смешная шутка.

— Мисс Крийри, я не одобряю подобных замечаний относительно Машины,— сдержанно сказал Райленд.— Я верю в План Человека.

— Ужасно мило с вашей стороны,— с восхищением сказала она.

— Черт бы вас побрал!— вскричал Райленд, не сдержавшись.— Хватит делать из меня клоуна! Плану Человека необходим нереактивный двигатель, понимаете, вы, глупая юбка! Если для этого пространственник должен умереть, то что из того?

Девушка спустила ноги на пол и встала с койки. Затем она вплотную подошла к Райленду. Ее лицо было спокойным и дружелюбным. Секунду она смотрела на опасника.

— Ты все еще любишь эту девушку?— неожиданно спросила она.

Вопрос застал Райленда врасплох.

— Какую... какую девушку?

— Анджелу Цвик,— терпеливо пояснила Донна.— Дочь Стефана Цвика. Блондинка, двадцать лет, рост пять футов четыре дюйма с четвертью, глаза зеленые, которая однажды вечером была назначена твоей телетайписткой, и в тот же вечер уже заставила тебя поцеловать ее. Ту, что донесла на тебя. Ты все еще ее любишь?

Глаза Райленда расширились от удивления.

— Я знал, что у вас особые источники информации, но...— выдавил он,— но я не подозревал, что...

— Отвечай на вопрос,— нетерпеливо потребовала она. Райленд глубоко вздохнул и задумался.

— Не знаю,— сказал он наконец.— Наверное, да.

Донна Крийри кивнула.

— Я так и думала,— сказала она.— Хорошо, Стив. Просто я думала... но нет, ничего не выйдет, правда ведь? Но я восхищена твоим сильным духом.

Райленд снова глубоко вздохнул. У этой девушки был прос-

то талант приводить людей в замешательство. Он решил, что ему не по силам соревноваться с ней, и единственная возможность сохранить свое лицо — придерживаться основных фактов своей жизни. Поэтому он сказал сдержанно:

— Никакой силы духа не требуется, если речь идет о Плане Человека. Плану нужен секрет нереактивной тяги — и такова моя функция в Плане. Это все.

Она кивнула и снова села на его кровать. Голуби Мира устроились у нее на плечах.

— Скажи мне, Стив, ты знаешь, почему План Человека требует эту информацию?

— Почему... нет, я точно не знаю. Я предполагаю...

— Без предположений. Она нужна для освоения Рифов Космоса. Ты знаешь, что ищет План среди Рифов?

— Нет, не могу знать.

— Ему нужен Рон Дондерев, Стив.

— Рон? — он нахмурился.

— Человек, который сумел снять железный воротник, Стив, — сказала девушка, утвердительно кивая. — Тот человек, которого ты мог не без пользы встретить опять. Оснащенное всеми видами ловушек, защищенное от любых попыток снять или разрушить его, это железное кольцо никто не способен снять с шеи, пока Машина не даст на это разрешения, а он ухитрился его снять. Машина очень хочет поговорить на эту тему с Дондерев. Очень.

Райленд напряженно смотрел на девушку.

Она кивнула.

— Дондерев сейчас там, в Рифах, — сказала она. — И Машина должна что-то сделать. Может, она просто уничтожит Рифы. Я знаю, над подобным проектом ведутся работы. Но если это не удастся, она пошлет кого-нибудь туда, чтобы найти Дондерев. Она пошлет человека с радарной винтовкой, Стив! Чтобы убить Дондерев! И вот почему Машине нужен секрет нереактивной тяги!

ГЛАВА 7

Новое положение Райленда как руководителя Групповой Атаки не заставило тем не менее его коллег проникнуться к нему особой симпатией.

Но это его не заботило. Его полностью поглощала работа.

Чудо-Опорто весьма ему пригодился. Дар молниеносного произведения вычислений, которым он обладал, сберегал Райленду массу времени. Опорто не превосходил по скорости компьютер, но у него было значительное преимущество перед этими машинами, работающими на двоичном коде, — отпадала необходимость кодирования и декодирования задания.

К тому же расчетов требовалось не так уж много. Проблема была действительно крепким орешком. Райленд не видел ни малейшей зацепки, с которой можно было бы начать приближаться к решению.

Но Опорто доказал свою полезность и в другом отношении. У него был тонкий нюх на новости и сплетни, так что он держал Райленда в курсе всех происшествий внутри Группы.

— Флимер в дурном настроении, — сообщил он как-то. — Заперся в своей норе, никуда не выходит.

— Понятно, — рассеянно ответил Райленд. — Слушай, куда подевались «Физические константы для уравнений равновесных состояний»?

— Они под индексом 603.811, — терпеливо сказал Опорто. — Ходят слухи, что Флимер затеял спор с Машиной. Сообщения идут туда и обратно, туда и обратно, без переделки.

— Что? — Райленд уставился на коротышку, мгновенно забыв о библиотечном заказе книги, который он выписывал. — С Машиной никто не может спорить!

Опорто пожал плечами.

— Тогда не знаю, как это называется.

— Генерал Флимер подает рапорты, — твердо сказал Райленд.

Он помахал Вере, скучающей в углу. Общительница охотно подошла к нему, увидела записку, поскучнела, пожала плечами и отправилась за книгой.

— Само собой, — сказал Опорто. — Слушай, ты что-нибудь получал от Донны Крийри?

Райленд покачал головой.

— Я слышал, она сейчас в Порт-Канаверал, — продолжал Опорто.

— Это ее дело, — отрезал Райленд. — Не сомневаюсь, что у дочери Планирующего множество причин отправиться в космос.

— И я не сомневаюсь, — согласился Опорто, — но...

— Но ты можешь заниматься собственным делом, — сказал Райленд, прекращая дискуссию.

Вера принесла книгу. Райленд проверил несколько цифр и подал лист с расчетами Опорто.

— Вот, надо кое-что решить. Чтобы ты не скучал, — сказал он.

Райленд встал, рассеянно оглядев комнату. Это была А-секция, занимавшаяся теорией Хойла. Здесь трудилась целая подгруппа.

«И все равно, — подумал он, — это пустая трата времени».

— Запросто, — жизнерадостно сказал Опорто, принимаясь за уравнивания.

— Благодарю.

Райленд через несколько секунд взял из его рук листок с готовым решением, посмотрел и положил на рабочий стол одного из помощников. Задачи были рутинными, он мог поручить их другим. Вот почему все было напрасной тратой времени. Все остальные проблемы уже рассмотрены, остались чисто математические расчеты. Потом он сможет ответить на вопрос Машины. Практически он уже знал, что может ответить и сейчас. При каких условиях возможен рост количества водорода в пространстве? Это просто. Большую часть ответов давала фундаментальная теория. Анализ данных экспедиции Лескьюри указывал путь к ответу на другие вопросы. Есть ли возможность задержать или повернуть этот процесс вспять? Это тоже очень просто. Люди мало чем могут повлиять на процессы, формирующие звезды. В конечном время и с конечным оборудованием вероятность успеха равнялась нулю.

Но не говорил ли такой вопрос об... отчаянии Машины? Если можно вообще использовать такое слово относительно Машины. Не было ли это показателем срочности, если она задает такой вопрос?

— Пойдем, Опорто, — чувствуя тревогу от таких мыслей, сказал Райленд, — посмотрим на пространственника.

Существо находилось в секции В, и дела там шли действительно из рук вон плохо.

Нереактивная тяга! Создать такой двигатель было невозможно, вот и все. Если бы Райленд не имел перед собой доводящего до сумасшествия очевидного факта в виде пространственника, он мог бы поклясться, что Ньютон был, безусловно, прав.

На каждое действие, как вывел Ньютон несколько столетий назад, имеется противодействие, равное по силе и противоположное по направлению. Этот закон движения распространяется на любое существо, передвигающееся по Земле. Рес-

нички мельчайшего одноклеточного в пруду и то перемещают это микроскопическое существо, отбрасывая назад пропорциональную массу воды. То же самое делает пропеллер в воздухе или винт корабля в море и в реке. Реактивная отдача толкает вперед ракеты: масса выброшенных дюзами раскаленных молекул летит в одну сторону, а масса корпуса корабля — в другую. Действие и противодействие!

Легко изобразить закон в виде уравнения: масса, умноженная на ускорение, равна массе прим, умноженной на ускорение прим. Трудно усомниться в верности такого уравнения.

И все же оно не было верным. Экспериментальное подтверждение, представленное испуганным животным из открытого космоса, опровергло правоту Ньютона. Это существо способно было висеть в воздухе, ни от чего не отталкиваясь и ничего от себя не отталкивая, и тем самым представляло глупцом величайшего гения, какого только знала история человечества.

Пространственник не выказывал реактивного взаимодействия вообще.

Что бы ни было то, что позволяло ему свободно парить в воздухе (назовем это фактором X), оно не вызывало возмущения воздушной среды, не раскачивало чувствительные маятники вокруг существа, не регистрировалось на фотоэмульсии, не взаимодействовало с заряженным электроскопом, магнитной стрелкой, не генерировало электрических, магнитных и электронных полей, поддающихся измерению, не увеличивало вес клетки, когда ее взвешивали вместе с парящим пространственником, не возбуждало слышимого звука, не оказывало влияния на основной метаболизм самого животного и не оставляло заметного следа в пузырьковой камере для регистрации элементарных частиц.

С другой стороны, фактор X проявлял себя в немногих вещах. Он оказывал влияние на работу мозга пространственника: имелись определенные изменения в его энцефалограмме в тот момент. Но он, похоже, возбуждал тревогу у других млекопитающих. Это было случайно замечено, когда кот забрел в ракетную шахту с клеткой. Едва пространственник взлетел, как кот молнией выскочил из шахты, выгнув спину дугой, шерсть его стояла дыбом, глаза горели.

Кроме того, он давал нереактивную тягу. Чем бы ни был фактор X, он поднимал пространственника со дна клетки.

Однажды пространственника даже замотали в цепи весом более шести сотен фунтов. Словно развлекаясь, существо взлетело с цепями так же легко, как и без них, и парило около часа, мурлыкая про себя.

Неразрешимая загадка могла кого угодно свести с ума.

«И все же,— думал Райленд,— пусть это небольшое утешение, но самому пространственнику стало в последнее время лучше».

Раны его затягивались, маленькие существа-симбионты сумели частично выжить. И сам пространственник казался сейчас более энергичным и подвижным.

Донна Крийри будет довольна.

Но больше, кажется, никто не был доволен Райлендом. Генерал Флимер большую часть времени проводил в своих квартирах и наружу выбирался только для того, чтобы отпустить ядовитые замечания или путаться под ногами. Другие высшие офицеры Группы не могли ретироваться по примеру Флимера, потому что имели непосредственные обязанности. Но они постарались в полной мере выразить Райленду свою неприязнь.

Дружелюбно держался лишь майор Чаттеради, что было его второй натурой. Он каждый час являлся с рапортом, не доставляя никаких хлопот. Если Райленд был занят, майор незаметно ждал у него за спиной. Если же Райленд был свободен, майор задавал ему минимум вопросов и уходил. Райленд был совершенно уверен, что все сведения поступали сначала в Машину, потом — генералу Флимеру, но он не видел причины, по которой следовало бы вмешаться в процесс передачи. Он также не видел причин надеяться на удачу, если бы он решил попробовать помешать.

Он был занят.

Однажды Опорто сказал ему:

— Слушай, тут что-то про твою подружку.

Моргая, Райленд поднял глаза от листа бумаги.

— О ком?— Он действительно не мог сразу сообразить, потом вспомнил предыдущие замечания Опорто и спросил:— Ты говоришь о мисс Крийри?

— Ну да, мисс Крийри,— коротышка ухмыльнулся.— Она отправилась на Луну. Вместе с папочкой.

— Прекрасно,— сказал Райленд.

Он следил за тем, чтобы голос не выдавал его, подумав одновременно, что неизвестно, кого он хочет обмануть. Как бы старательно ни скрывал он свой интерес от Опорто, он не мог скрыть его от самого себя. Что-то у него внутри отвечало на упоминание имени Донны Крийри.

Опорто лениво облокотился на стол Райленда.

— Ну, не знаю, так ли это прекрасно, Стив,— обеспокоен-

но сказал он.— Может, им стоило остаться дома и присмотреть за делами. Ты слышал о катастрофе в парижском туннеле субпоезда?

— О чем?— Райленд устало отложил в сторону пачку докладов и, моргая, посмотрел на товарища.

Глаза горели. Он протер их, подумав, что ему необходимо выспаться. Но не сейчас, решил он, ведь восемь часов он уже проспал за прошедшие двое суток. В любом случае, у него не было времени. Поэтому он выбросил эту мысль из головы и спросил:

— Черт побери, о чем речь, Опорто?

— О том, что я сказал,— ответил коротышка.— Парижский субпоезд, направляющийся в Финляндию, попал в катастрофу. Пропало без вести больше сотни человек. То есть, погибли, ясное дело. Если туннель проваливается на глубине сотни миль, то понятно, что это за «пропали».

Райленд был поражен.

— Но этого не может быть!— крикнул он.— Я ведь знаю расчеты этих туннелей! Они могут обвалиться, верно, но не сразу. По крайней мере часа за три до аварии начнется ослабление кольцевого поля. Всегда можно успеть задержать поезд.

Опорто пожал плечами.

— Сто погибших были бы рады это услышать, Стив,— сказал он.

Секунду Райленд молчал, а потом произнес устало:

— Может быть, ты и прав. Вероятно, Планирующему следовало бы лично проследить за подобными вещами... А, здравствуйте, майор.

В комнату, дружелюбно поглядывая сквозь стекла очков и улыбаясь, вошел майор Чаттеради.

— Я подумал, нет ли у вас новостей, мистер Райленд.

Пока Райленд перебирал бумаги на столе, Опорто сообщил:

— А мы как раз говорили о катастрофе в туннеле под Парижем, майор.

Карие глаза Чаттеради сделались непроницаемыми.

Повисла неловкая тишина.

Райленд вдруг понял, что Чаттеради очень интересуется аварией между Парижем и Финляндией. «Странно,— подумал он.— Какое Чаттеради имеет к ней отношение?» Но Райленд слишком устал, чтобы развивать эту мысль дальше. Он нашел нужный листок и протянул заявку майору.

Чаттеради просмотрел бумагу сначала мельком, а потом

более внимательно. Его подстриженные ежиком волосы, казалось, встали дыбом.

— Но, мой дорогой Райленд!— запротестовал он, замигав сквозь линзы очков с золотой оправой.— Это оборудование...

— Я сверился с Машиной,— упрямо сказал Райленд.— Вот.— Он показал майору Чаттеради на телетайп.

«ДЕЙСТВИЯ: Запрос одобрен.

ДЕЙСТВИЯ: Связаться с майором Чаттеради.

ИНФОРМАЦИЯ: Источник энергии Пункта Черный Круг не удовлетворяет запросу».

— Но, мой дорогой Райленд!— На лице майора появилось мученическое выражение.— Дело не только в источнике энергии. Примите во внимание и другие соображения!

— Все, что требуется Плану, он должен получить,— процитировал Райленд, чувствуя, как — улучшается настроение.

— Конечно, конечно, но...— майор изучил листок еще раз.— У нас сейчас и без этого электронного оборудования хватит на университетскую лабораторию,— простонал он.— А вы просите еще. Часть этих устройств небезопасна. Вы понимаете, что после инцидента, о котором упоминал мистер Опорто, мы не можем позволить себе рисковать?

— А какое отношение это имеет к работе Группы?— уставился на него Райленд.

— План не терпит случайных аварий!— сердито сказал майор.— Указанное вами оборудование создает угрозу радиоактивного облучения, кроме всего прочего. А в Пунктах Черный Круг, Серый Треугольник, Зеленый Полукруг и Серебряный Квадрат трудятся восемь тысяч человек. Мы не можем рисковать их безопасностью.

Райленд многозначительно постучал по телетайпу.

— Ох,— вздохнул майор.— Если Машина одобряет...— Он задумался на мгновение, потом повеселел:— Придумал! Нужна ракета на орбите!

Райленд не сразу понял его.

— Что?

— Нужно вывести на орбиту ракету, поместить в нее оборудование,— горячо объяснил Чаттеради.— Почему бы и нет? Все будут управляться на расстоянии. Ракету я могу вам сразу выделить, мистер Райленд! И можете заполнять ее любым, самым опасным оборудованием. Какое вам дело до какого-нибудь заблудшего пространственника, а?— Он подмигнул и захихикал.

— Ладно, — с сомнением сказал Райленд. — Можно сделать и так.

— Конечно можно! Мы устроим телевизионный связной контур с дистанционным управлением. Вы себе работаете в лаборатории, а оборудование летает в космосе. Устраивайте любые эксперименты. И если, — он расцвел улыбкой, — вы устроите взрыв, то повредите только ракету, а не нас всех. — И он выскочил из комнаты.

Поразительно, но План Человека действительно творил чудеса. Ракета была оборудована и запущена за сорок восемь часов.

Райленд ни разу ее не видел. Он управлял приборами на ее борту через телевизионный экран дистанционного монитора.

Проверив все приборы, он одобрил их, и теперь на катодном экране наблюдал за тем, как огнехвостая птица выпрыгнула в небо со своей пусковой установки. Он сразу же принялся за работу. Единственное, что он успел установить относительно пространственника и того, что Планирующий называл «нереактивной тягой», это была ее нерегистрируемость. И это уже было нечто само по себе. Исследования Группы Райленда открыли также другой факт — высокопродуктивную ядерную реакцию, дававшую больше энергии, чем уходило на нее. И это тоже было вполне возможно, более того, это мог быть реальный факт подтверждения того, что недостающая энергия вовсе не пропала, а просто ее нельзя было зарегистрировать.

Так же, как и энергию пространственника... Райленд был намерен смоделировать ядерные реакции, имеющие отношение к проблеме.

Но однажды утром девушка-общительница разбудила Райленда неожиданной новостью.

— Проснись и пой, Стив! — прощепетала она, внося завтрак. — Угадай, что я сейчас скажу! Генерал Флимер будет присутствовать на собрании Группы сегодня.

Стив поднялся на нетвердые после сна ноги.

— Это большая честь, — хрипло сказал он.

Общительница была, как всегда, свежа, привлекательна, сияла молодостью, хотя полночи неутомимо исполняла поручения Райленда.

— Разве ты никогда не устаешь? — спросил он.

— Нет, Стив. Завтракай! — Она присела на край стула, глядя на Райленда, потом сказала серьезно: — Мы здесь не для того, чтобы отдыхать. У нас есть работа! Мы — общительницы, мы соединяющие провода, скрепляющие цельность Плана.

Он уставился на нее, но она говорила совершенно серьезно.

— Да, да,— кивнула она.— План Человека так же нуждается в нас, как в транзисторах, сопротивлениях и компенсаторах. Это ты и прочие чины. Не забывай, Стив:— «Каждому его дело и только его дело».

— Не забуду,— пообещал он и вяло выпил свой лимонный сок.

Но у девицы что-то было на уме, он видел это. Она ждала возможности заговорить с ним.

— Ну? Что случилось?

Она казалась смущенной.

— Просто, ну, понимаешь, Стив... девушки спрашивают... Они хотели бы узнать...

— Ради Бога. В чем дело?

— Мы просто подумали,— сказала она чопорно,— правда ли, что наша Группа связана с этими авариями в туннелях?

Райленд моргнул и протер глаза. Но от этого ничего не изменилось, девушка по-прежнему сидела на стуле, выражение ее лица было слегка смущенное, слегка извиняющееся.

— Аварии? Вера, о чем ты говоришь?

— О туннеле на линии Париж — Финляндия,— объяснила она.— Взрыв на энергостанции в Бомбее. Катастрофа грузового самолета в Неваде. Ты понимаешь ведь, о чем речь.

— Нет, не понимаю. О половине из этих случаев я вообще не слышал. Оперто начал, видимо, бить баклуши.

— Есть и другие, Стив. И девушки говорят...— она сделала паузу.— Я только волновалась, вдруг это правда. Они говорят, что аварии вызывает работа нашей Группы. Они даже сказали, что ты, Стив...

— Что я?

— О, я понимаю, это нелепость. Генерал Флимер сказал, что вряд ли это правда, будто ты связан с этими авариями. Но они говорили, что ты конструировал два субпоезда...

— Они говорят чушь!— прорычал Райленд.— Извини, я буду одеваться.

Но он не мог избавиться от услышанного. «Что за нелепость,— подумал он.— И как только возникают подобные слухи?»

Дневное собрание Группы и вправду почтил своим присутствием генерал Флимер. Хмурясь, Райленд задумчиво посмотрел на него, потом вспомнил о глупых слухах, о которых узнал утром.

— Прежде чем мы начнем,— властно сказал он,— скажите

мне, слышал ли кто-нибудь что-то насчет нашей работы, вызывающей аварии?

Его взгляд встретила дюжина ничего не выражающих лиц. Потом руководитель компьютерной секции кашлянул и сказал нерешительно:

— В общем, есть такие разговоры, мистер Райленд.

— Какие именно?

Компьютерщик пожал плечами.

— Так, разговоры. Один из кодировщиков слышал от двоюродного брата, а тот слышал от кого-то еще. Вы знаете, как это бывает. Суть этих разговоров в том, что якобы наша работа здесь расстраивает контуры радиоконтроля. Бог знает, как это может быть.

— Какая ерунда!— взорвался Стив.— Что они хотят этим сказать, черт бы их побрал?

Он постарался сдержать себя, ведь электронщик ни в чем не виноват в конце концов.

— Ладно,— примирительно сказал Райленд.— Если кто-нибудь услышит разговоры подобного рода, пусть доложит мне!

Головы кивнули в знак согласия. Головы всех присутствующих, кроме генерала Флимера. Он каркнул раздраженно:

— Райленд! Мы пришли сюда, чтобы наметить задание для Группы на этот день или разводить сплетни?

Райленд погасил злость. Несмотря на тот факт, что Донна Крийри поставила его во главе Группы, звание генерала не позволяло связываться с ним понапрасну.

— Хорошо,— сказал Райленд.— Приступим к делу. Я видел ваш доклад, Лескьюри. Желаете сделать сообщение?

Полковник Лескьюри прокашлялся.

— По предложению мистера Райленда,— сказал он, кивая,— мы провели серию новых исследований пространственника с помощью рентгеновских лучей. Используя метод тенеграммы его внутренних органов и способ дистанционной хромографии при обработке данных, мне удалось обнаружить некую кристаллическую массу, концентрирующуюся на пересечении основных нервных каналов животного. Примерно то же самое предвидел мистер Райленд.

— И что это означает?— хриплым голосом спросил Флимер.

— Это означает, что мы движемся вперед,— с готовностью ответил Райленд.— У пространственника должно было иметься какое-то образование, управляющее нереактивной тягой. После вчерашней обработки данных на компьютере и расчетов,

подготовленных Опорто, я попросил полковника Лескьюри провести опыты. Он выполнил просьбу, и в неурочное время, как видите. Это означает, что мы нашли то место, где генерируется нереактивная тяга животного. И еще одну вещь мы узнали после вчерашних расчетов: вероятность электромагнитной или гравитационной природы этой силы равна нулю. Вот мой доклад, готовый к передаче в Машину.

Генерал Флимер, глядя на Райленда, медленно кивнул. Помолчав, он спросил:

— И это объясняет то, что произошло в рудничных колониях Антарктиды?

— Я не понимаю... — озадаченно начал Райленд.

— Не понимаете? Я имею в виду взрыв реактора, случившийся прошлой ночью и уничтоживший все рудники с большим убытком для Плана Человека. И это не единственная потеря, Райленд. Пропал корабль из-за аварии в кольцевых полях ускорителя. То же самое вызвало катастрофу с реактором и все остальные аварии, мистер Райленд. То самое кольцевое поле, которое вы помогали создавать.

— Конструкция здесь ни при чем, — отчаянно запротестовал Райленд. — Если и произошли аварии, то причиной должна быть механическая поломка или ошибка человека, или намеренный саботаж...

— Вот именно!

— Как я могу отвечать за аварию в Антарктиде или в сотне миль под землей, или где-то в космосе, дальше Луны?

— Вот именно это и захочет узнать Машина.

— Возможно, это чистое совпадение. — Райленд лихорадочно искал причину. — Аварии и раньше случались целыми сериями...

— Когда именно?

— Я не помню. Я... не могу сейчас припомнить.

Он запнулся и судорожно вздохнул. Туманная пелена, скрывающая его прошлое, стала еще гуще. Все, кроме научных фактов и воспоминаний о работе, превратилось в вихрь невероятного и противоречивого свойства.

Уже наедине с собой, в своей комнате, он снова попытался разрешить загадку трех недостающих дней в его прошлом. Что подозревали терапевсты? Что он мог сделать за это время? Почему они считали, будто он получил сообщение из рук Дана Хоррока и знал о пироподах, фузоритах или о том, как создать нереактивный двигатель?

Кое-что он понял из рассказа Лескьюри, но ясности эти детали не прибавили. Хоррок покинул борт «Кристобал Колона» с описанием и образцами животных из Рифов Космоса. Неужели Машина подозревала, что он связался с Райлендом прежде, чем его поймали и отправили в орган-банк?

Райленд проворачивал эту головоломку в мозгу, но не видел никакого намека на разгадку.

В соответствии со словами Донны Криири между стуком в его дверь и появлением полиции Плана действительно прошло три дня. Но неужели тогда к нему стучал Хоррок?

Если так, то что стерло его воспоминания?

Он смотрел на стену перед собой и пытался проникнуть сквозь серый туман в сознании. Он пытался припомнить Хоррока, на котором, наверное, еще была форма, но она была испачкана, забрызгана кровью из какой-нибудь его раны, он тяжело дышал от усталости и напряжения побега и тащил с собой черный полотняный полетный саквояж, в котором хранились украденные записи и образцы...

Эта картина стала почти реальной. Или это была только игра воображения? Принес ли ему Хоррок какую-то информацию, необходимую для создания нереактивного двигателя? Он не мог вспомнить. Наконец он погрузился в беспокойный сон, в кошмар, где он и Хоррок спасались бегством от полиции Плана.

На следующее утро Райленд прямо от себя пошел к клетке пространственника в ракетной шахте и замер на месте, охваченный испугом.

Истекая кровью, пространственник неподвижно лежал на дне клетки.

Райленд бросился к дверце и вошел в клетку. Существо не испугалось — оно успело к нему привыкнуть. Пространственника окружала гаснущая туманная аура, глаза его погасли, но, когда вошел Райленд, они снова загорелись гневным огнем. Существо поднялось в воздух. Поняв, что происходит, Райленд вперед спиной выскочил за дверь и захлопнул ее — и вовремя. Пространственник устремился на него с молниеносной быстротой. Клетка покачнулась, когда он ударился о захлопнувшуюся дверь. Кровь заструилась по прутьям решетки, оторвался клочок золотистого меха. Животное рухнуло на пол, жалобно мяукая.

Первый раз за все эти годы Райленд почувствовал настоящее бешенство.

Он стремительно повернулся на каблуках.

— Готтлинг! — рявкнул он. — Дьявол вас поberi! Что вы наделали?

Появился полковник, вид у него был ядовитый и самодовольный.

— Здравствуйте, мистер Райленд, — кивнул он.

Райленд приказал себе успокоиться. Лицо Готтлинга больше, чем обычно, напоминало череп, радарные рога антенн придавали ему сатанинское выражение.

Но антенны были не просто украшением. Хотя Райленд и являлся руководителем Группы, он оставался опом. Холодная самодовольная усмешка тронула углы тонкогубого рта Готтлинга, и ее было достаточно, чтобы напомнить о шатком положении Райленда. Одно прикосновение к кнопке радара на портупее полковника — и Райленду конец.

Но это было уже слишком.

— Вы опять мучили несчастное создание! — взорвался Райленд.

— Очевидно, что это так, — спокойно согласился Готтлинг.

— Черт поberi! Я приказывал...

— Заткнись, оп! — улыбка с лица полковника исчезла совершенно. Он сунул Райленду листок телетайпа. — Сначала прочти вот это, чтобы не напортить себе самому!

Райленд колебался, потом взял листок. Там значилось: «ИНФОРМАЦИЯ: Настоящий ход работы признается неоправданно замедленным. Связь метода исследования и аварий должна быть изучена на предмет вероятности.

ИНФОРМАЦИЯ: Возможно, Райленд связан с прямым саботажом туннелей, реакторов, ионных двигателей.

ДЕЙСТВИЯ: Руководство Группой вернуть генералу Флимеру. Дополнительные действия производить полковнику Готтлингу по его инициативе».

Райленд в изумлении взирал на бумагу. Машина снова изменила решение!

Но, по правде, не собственное положение больше всего волновало сейчас Райленда. Опасность грозила пространственнику.

— Дополнительные действия! — проревел он. — Послушай, ты же ее убьешь!

Готтлинг пожал плечами, рассматривая пространственника.

Тяжело дыша, животное лежало на металлическом полу и смотрело на них.

— Возможно, я не стану ждать, пока она умрет сама, —

задумчиво сказал полковник.— Паскаль не хочет производить вивисекцию, но он вряд ли осмелится отказать, когда получит приказ Машины. Едва ли.— Он усмехнулся с ледяным выражением.— Вы все из одного теста: ты, он, дочка Планирующего, Паскаль Лескюри. Бойтесь вида крови. Но боль — это не заразная болезнь. Не надо бояться вида боли других, это на вас не перейдет, честное слово. Наоборот,— он развеселился,— на страданиях других можно многому научиться.

— Я доложу об этом Донне Криири,— сухо сказал Райленд.

Полковник широко раскрыл глаза.

— Неужели? Значит, для обороны тебе требуется дочка Планирующего?

Он подождал, пока тишина не повисла между ними на некоторое время. Потом сказал снисходительно:

— Но это не имеет значения. Ничего у тебя не выйдет, Райленд. Мисс Криири сейчас на Луне. Ты понял, оп, все, что случится с пространственником, зависит теперь только от меня.

ГЛАВА 8

Райленд рывком распахнул дверь своей комнаты и направился прямо к телетайпу в углу. В комнате сидели Опорто и общительница. Он задержался на мгновение: кажется, он чему-то помешал, но чему? Не важно.

— Опорто!— гаркнул он.— Какой номер вызова у Донны Криири?

Опорто кашлянул.

— Да ну же, Стив, я не знаю. Три? Пятнадцать?

— Не тяни,— с угрозой предупредил его Райленд.

— Три.

Райленд ударил по клавише телетайпа.

«ЗАПРОС: Прошу разрешить прямой канал с Донной Криири, станция три».

Телетайп едва ли не мгновенно выстучал ответ:

«ИНФОРМАЦИЯ: Отказ».

— Вот видишь,— благоразумно пояснил Опорто,— ничего не вышло. А ты думал, что Машина свяжет свои контуры с...

— Замолчи.— Райленд снова начал печатать, требуя связи с самим Планирующим.

«ИНФОРМАЦИЯ: Отказ».

— Видишь, Стив? Это бессмысленно. Отчего ты так разбушевался?

— О, как плохо,— пробормотала общительница.— Бедное создание.

— Тяжело,— поддержал ее Опорто.— Ну, и что ты думаешь делать? Мы всего лишь опасники. Мы не можем сосориться с Готтлингом и всеми остальными.— Он чихнул и пожаловался:— Вот, Стив, ты совсем меня расстроил. Держу пари, что я простудился.

Райленд невидяще взглянул на него, он не слышал слов Опорто и едва ли помнил, что в комнате были еще двое, кроме него.

Что же ему делать? Отрезанный от Планирующего и его дочери, он не мог предотвратить убийства Готтлингом пространственника. И в этом был конец работы Группы. Если то, что сказал ему Планирующий, правда, то это ставит под угрозу сам План, потому что для его безопасности был очень важен способ, которым пространственнику удавалось перемещаться, не отталкиваясь от чего-либо,— нереактивная тяга. И все же Планирующая Машина не позволит ему...

Он моргнул, и комната в его глазах снова обрела четкость очертаний.

— Планирующая Машина!— громко сказал он.

— Что ты говоришь, Стив?— простонал Опорто.— Что ты задумал?

Но Райленд не ответил ему. Он сел за клавиатуру теле-тайпа и твердой рукой напечатал сообщение обо всем, что произошло: «Полковник Готтлинг предумышленно противостоит приказам Донны Криири и самой Машины. Пространственник в опасности. Опасность также угрожает самому Плану».

Он закончил печатать и стал ждать ответа.

Он ждал долгие минуты, пока Опорто и девушка шептались за его спиной. Невероятно, что Машине требуется столько времени на ответ! Лихорадочно Райленд спрашивал себя: возможно ли, чтобы были перерезаны провода, или Машина так перегружена, что сообщение не было принято? Он нагнулся и, не вполне сознавая, что делает, на самом деле проверил, вставлен ли штепсель в розетку, но тут телетайп вдруг зажужжал и застучал.

Словно пораженный молнией, Райленд вскочил.

Но сообщение было невероятно кратким. Оно состояло из одной буквы: «П».

— Принято и понято,— дружелюбно сказал Опорто из-за спины Райленда.— Ого-го, Стив, это все? Вот тебе и Машина, видишь? Нам спрашивать и спорить не положено. Эй, Стив! Ты куда?

Но Райленд уже вышел.

Он поспешил к генералу Флимеру. Стив потерял время зря, уже довольно поздно, придется разбудить генерала, но сейчас он об этом не думал. Он постучал в дверь и тут же, без паузы, забарабанил кулаком.

— Минуту, минуту,— послышался ворчливый голос.

Потом дверь распахнулась.

Генерал был уже в пижаме: пурпурной куртке и полосатых ало-пурпурных штанах. Воротник и манжеты украшали витые серебряные шнуры, и комната позади него утопала в серебряном свете. Серебряные стены и мебель на серебристого цвета ковре. Это производило ошеломляющий эффект.

— Райленд?— раздраженно проворчал Флимер.— Какого дьявола вам нужно?

— Мне необходимо поговорить с вами, генерал.

Он не стал ждать разрешения войти и проскользнул в щель между генералом и дверью. То, что он здесь увидел, заставило его застыть на месте и забыть даже о чрезвычайно важном деле, с которым он пришел.

У камина стояла статуя, сверкающая серебристая статуя девушки. Но она двигалась! Она открыла глаза и посмотрела на Райленда. Медными губами она спросила:

— А это кто?

— Пойди в другую комнату!— рыкнул генерал.

Серебряная статуя пожала плечами и пошла к двери. Это была не статуя, а живая девушка. Это стало ясно Райленду, едва он увидел, как она двигается.

Стив не верил своим глазам. Девушка, вся покрытая серебряной пылью, даже волосы у нее были серебряные... Действительно, приятная личная жизнь у генерала. Но сейчас это его не касалось.

— Сэр, полковник Готтлинг намерен уничтожить пространственника,— быстро сказал Райленд.— Я опасаюсь, что он преднамеренно хочет саботировать наш проект.

Лицо генерала неожиданно преобразилось. Глаза по-кошачьи скользнули вниз, черты лица приобрели каменную твердость.

— Продолжайте,— сказал он секунду спустя.

— Но это все, сэр. Разве этого не достаточно? Если полков-

ник Готтлинг не прекратит вивисекцию; то убьет несчастное животное. В этом я уверен. Мисс Криири оставила совершенно определенные приказания...

— Подождите,— сказал генерал, но не предложил сесть. Повернувшись к Райленду спиной, он направился к рабочему столу. Нажав кнопку на селекторе, Флимер склонился к микрофону.

— Готтлинг!— завопил он.— Зайдите ко мне, здесь Райленд.

Из динамика слышалось бормотание. Динамик был направленного действия — Райленд не мог разобрать слов.

— Быстрее!— пролаял генерал, прекращая дискуссию, и выключился.

Не глядя на Райленда, он тяжело опустился в кресло, прикрыл ладонью глаза и просидел так до тех пор, пока не послышался короткий стук в дверь.

Вошел полковник Готтлинг. Он не казался встревоженным ни в малейшей степени. И он был не один. Улыбаясь и кивая, за ним следовал оператор-майор Чаттеради.

— Какая прелестная комната, генерал! В самом деле прелестная! Только истинно утонченный вкус способен преобразить наши унылые бараки в...

— Заткнись!— Генерал Флимер поднялся с кресла.

Райленд ждал, что Готтлинг сейчас скажет что-то в свое оправдание, и приготовился подтвердить обвинение фактами.

Но генерал не спешил с началом разбирательства. Он вообще не смотрел на Готтлинга. Он повернулся к Чаттеради.

— Итак, Чаттеради, вы получили приказ?

— Да, генерал, конечно! Вот, пожалуйста, я знал, что он понадобится, поэтому...

Генерал чуть двинул рукой, и майор замолчал. Флимер взял листок телетайпной рулонной бумаги из рук майора и молча передал Райленду. Тот озадаченно посмотрел на бумагу.

Потом внутри у него что-то вспыхнуло, словно неожиданно в тело вошел нож. В приказе говорилось:

«ИНФОРМАЦИЯ: Стивен Райленд, оп, подлежит одобренному изменению в классификации.

ДЕЙСТВИЯ: Означенный оп должен быть доставлен в резерв НЖК без промедления».

— Резерв НЖК?— вслух повторил Райленд. Ошеломленный, он покачал головой.— Но... здесь, должно быть, какая-то ошибка. Резерв НЖК — это ведь «Небеса». Я хочу сказать...

— Ты хочешь сказать, орган-банк — вот что это такое.— Генерал Флимер кивнул с умным видом.— Верно, и как раз туда ты и отправишься. Ты правильно угадал насчет Готтлинга — о том, что он саботирует проект. Твоя единственная ошибка в том, что ты думал, будто он действует один.

ГЛАВА 9

Орган-банк «Небеса» находился на Кубе.

Субпоезду понадобился почти час, чтобы добраться туда. Райленд едва ли обратил на это внимание. Они ехали внутри серого стального шара, гораздо менее роскошного, чем вагон Планирующего.

Когда они прибыли на место назначения, Райленд, еще не вполне пришедший в себя после потрясения, выбрался наружу и, моргая, увидел массивную бетонную арку над стальными воротами.

Буквы на бетоне гласили:

ВОСКРЕСНЕШЬ В ЛИЦЕ ПЛАНА

Стены станции сияли угрюмым серым бетоном. Раструбы вентиляторов обдавали их своим холодным и влажным дыханием. Навстречу вышел охранник в белой форме, на груди его куртки было вышито красное сердце.

Майор, конвоировавший партию Райленда — двадцать два свежих живых трупа для орган-банка — с радостью передал их под ответственность охранника и вернулся в вагон поезда, даже не оглядываясь. Он не любил конвоировать. Никто не любил. Это напоминало о всеобщем качестве смертности. Даже майор был способен осознать, что одна грубая ошибка, один промах — и он тоже может оказаться на «Небесах».

— Пошли! — рявкнул охранник, и двадцать два ходячих вместилища запасных частей вяло последовали за ним сквозь стальные ворота.

Узкий коридор. Потом длинная прямоугольная комната с деревянными скамьями. Райленд сел и стал ждать. Одного за другим их вызывали в соседнюю комнату поменьше.

Когда подошла его очередь, он вошел в дверь и девушка в

белом схватила его за руку, сунув ее в поток ультрафиолетового света. У нее были рыжие волосы, такие же яркие, как и сердце, вышитое на ее униформе. В потоке невидимого света татуировка на руке призрачно засветилась. Девушка скороговоркой прочитала его имя и номер.

— Стивен Райленд,— продолжала она тем же быстрым голосом,— после входа в эти ворота твоя жизнь была оставлена тобой позади, потому что как индивид ты не оправдал своего места в системе Плана...

Она резко зевнула, потом покачала головой и усмехнулась.

— Прошу прощения, где я остановилась? Да, но ткани твоего тела могут все еще служить Плану. Прежде чем войти, хочешь ли ты что-нибудь сказать?

Райленд подумал. Что он тут мог сказать? Он отрицательно покачал головой.

— Тогда вперед. Сквозь эту дверь,— сказала девушка.

Позади него, когда он переступил порог, дверь захлопнулась со стальным звоном необратимости.

Сначала нужно было пройти тесты.

Райленда раздели, вымыли, взвесили, обмерили, просветили рентгеновскими лучами, взяли образцы крови, тканей, прощупали, и только что не обнюхали и не попробовали на вкус. Кусок его плоти был отторжен и быстро перенесен на лабораторный стол, где целая команда девушек пропустила его через серию операций по окрашиванию и микроскопическому исследованию. В результате была составлена генетическая карта его хромосом, и ее закодировали двоичными символами, которые потом оттиснули на его воротнике.

Это было интересно. Пересадка органов тела невозможна, даже если применять вещества, подавляющие сопротивление организма, если донор и получатель слишком разнятся по своим генетическим структурам. Начинают формироваться антитела. Пересаженная ткань подвергается атаке нового окружения и умирает. Вслед за ней, как правило, погибает и пациент. Чем сложнее участвующие в операции органы, тем более близким должно быть сходство генетических карт. Это была старая проблема. Роговую оболочку легко пересадить из одного глаза в другой, ткани ее грубы и примитивны, в основном это вода. Миллионы людей передают свою кровь друг другу — она тоже немногим более сложна, чем роговица.

Но более высокоспециализированные части тела могут быть пересажены — без использования подавителей антител — лишь у близнецов.

Подавители-медикаменты вроде антиаллергических препаратов, которые когда-то помогли справиться с эпидемиями сенной лихорадки, расширяют границы совместимости тканей, но даже в этом случае генетические структуры должны соответствовать друг другу как можно лучше. Хорошо, что Райленда заинтересовал этот вопрос. Это помогло ему освободить ум от мыслей о будущем.

К счастью, он не чувствовал себя сейчас в том же положении, что и пространственник в руках Готтлинга. Ему не пришлось вообразить, что ждет его впереди.

А его ожидала, пусть тщательно анестезированная и смягченная, Смерть от Тысячи Ран.

Потом его вдруг оставили в покое, без предупреждения. Он ожидал, что попадет в тюремную камеру. Вместо этого он оказался в парке отдыха для миллионеров.

Он чувствовал под ногами сплошной ковер травы и шурился от блеска теплого солнца Карибского моря.

Солнце уже клонилось к закату. Он оказался в обширном парке с деревьями и уютного вида домиками. Он шагнул вперед, потом что-то вспомнил и вернулся к охраннику.

— Что я теперь должен делать? К кому мне обратиться, чтобы зарегистрироваться?

— Ни к кому, — сказал охранник, тихо закрывая дверь. — Больше регистрироваться тебе не придется.

Райленд пошел по широкой зеленой аллее к воде, сверкающей в конце. Это направление было не хуже любого другого. Еще ни разу в жизни он не оказывался в таком положении — без приказов и регистрации. Это беспокоило его почти так же, как и будущая перспектива быть разобранным на запасные органы. Он так погрузился в это чувство беспокойства, что не расслышал, что его кто-то зовет, пока человек не повысил голос.

— Эй! Эй, новенький! Вернись!

Райленд повернулся.

Человеку, который звал его, было лет пятьдесят — самый, так сказать, расцвет. Это должен был быть крепкий загорелый мужчина с прекрасной шевелюрой на голове, и очки ему вряд ли были нужны. Статистически, у него впереди имелось бы еще сорок приятных лет.

Но в направлении Райленда, спотыкаясь и хромая, продвигался человек совсем другой внешности. Он был совершенно лыс. Через мгновение, когда на его голове блеснул луч света, Райленд понял, что это не кожа, а пластиковое покрытие. Хо-

дил он с помощью длинной, почти до плеча высотой, трости, едва ли не с костылем. И держали его в вертикальном положении не ноги из плоти и кости, а протезы. Один глаз заменяла заплата, другой был вынужден косить, так как новый кусок пластика покрывал то место, где раньше было ухо.

Слушайте! Вы только что прибыли?— Голос его был глубоким и резонирующим. Хоть это ему удалось сохранить.

— Да, только что,— ответил Райленд, с трудом сохраняя вежливое выражение.— Меня зовут Стивен Райленд.

— Вы играете в бридж?

Выражение лица на миг вышло из-под контроля Райленда, но он тут же снова овладел ситуацией.

— Боюсь, что нет.

— Проклятье.— Когда мужчина нахмурился, объявилась новая особенность его лица: у него не было бровей.— А в шахматы?

— Да, немного!

— Громче скажите!— крикнул мужчина, поворачивая в сторону Райленда уцелевшее ухо.

— Я сказал «да»!

— Ага, это уже кое-что,— сказал мужчина, все еще чем-то недовольный.— Хм. Может, вы научились бы в бридж, а? У нас хорошая компания. Без грубостей и чужого не берут. И без «обрубков». Я староста в нашем домике,— с гордостью сказал он.— Я здесь дольше всех остальных. Посмотрите на меня — много чего еще осталось, верно?

— Вы хотите сказать, что я могу выбирать, в каком доме поселиться?— медленно спросил Райленд.— Я еще не знаю здешних правил.

— А правил тут никаких нет. Впрочем,— мужчина вздохнул,— запрещено драться с повреждением органов тела, никаких опасных игр — вас утилизируют в целом виде, понимаете ведь. Все это вам уже не принадлежит. Это собственность Плана, и вы должны заботиться о ней...— Он продвинулся немного вперед, налегая на трость-костыль.— Ну, так как? Помоему, вид у вас самый подходящий. Послушайтесь совета и пойдемте со мной. Не слушайте тех, из других домов. Они будут хвастаться своим настольным теннисом, а какой от него прок, если завтра вы не сможете играть в настольный теннис?— Он усмехнулся, обнажив ряд небрежно вставленных искусственных зубов.

Райленд пошел вместе с этим одноглазым, которого звали, как выяснилось, Уайтхарт. Из него вышел бы хороший прода-

вещь, но, как понял Райленд, он дал верный совет насчет выбора дома. Райленд увидел, что у некоторых домиков внешний вид был неприглядным, запущенным и неопрятным. Их обитатели слонялись вокруг с угрюмым скучающим видом. Домик Уайтхарта, по крайней мере, был просто оживленным.

Как это было ни унизительно, но «Небеса» показались Райленду даже приятным местом. Еду давали отличную. Как гордо сообщил Уайтхарт, продукты были исключительно натуральные — ни синтетиков, ни эрзацев. Ткани тела нужно было поддерживать в приличном состоянии. Множество свободного времени. Пациент всегда должен быть в форме для серьезной операции. Здесь была даже, скажем прямо, свобода, так, по крайней мере, выразился Уайтхарт, но он показался Райленду смущенным и не захотел объясниться. Но Райленд понял, что это так. Если «Небеса» и были тюрьмой, то стены все-таки находились вне поля зрения. Исчез страх перед совершением фатальной ошибки — фатальнее орган-банка им ничего угрожать не могло.

Обстановка была превосходная. По зеленому холму были разбросаны домики. На зеленых холмах шевелили ветвями пальмы. Вокруг озера разрослись дубы и кедры, а в озере водилась настоящая рыба. Тропическое небо было вечно голубым, а в вышине его оживляли кучки облаков.

Обитатели коттеджа, в котором жил Уайтхарт, называли себя Президентами Дикси. Никто уже не помнил, какой обреченный на утилизацию антиквар выбрал такое название, но давать названия домам стало традицией, и последующие поколения обитателей сохраняли название. Президенты Дикси были по договору чисто мужским коттеджем. Обитатели имели право выбирать: на «Небесах» не придерживались строго монашеских правил и существовали смешанные коттеджи, откуда по вечерам исторгались жуткие вопли и смех. Это тоже было правом обитателей.

Прислушиваясь вечером к разговорам соседей по комнате, Райленд обнаружил несколько вещей, сильно его удививших. Коттедж напротив занимала целая семья. Странно! Фамилия их была Минтон: мистер Минтон, миссис Минтон и их пятеро взрослых детей. Какое групповое преступление совершила семья Минтонов, чтобы попасть в запасные части в полном составе? Что-то тут было не так.

Принцип, лежавший в основе орган-банка, был ему хорошо знаком. Ему подробно объяснили этот принцип во время транспортировки в вагоне субпоезда, будто в системе Плана имелся

хотя бы один человек, не знавший о нем с детства. Каждый индивидум в системе Плана обязан был вносить лепту в общее дело на благо всех людей. Если неумение или нежелание не давали ему исполнять заданную работу, тогда свою долю он должен был внести иным способом... Его утилизировали. Конечности и иные органы тела шли на лечение более ценных граждан Плана, заменяя их поврежденные в авариях или разрушенные болезнями части тела.

Конечно, этот процесс выглядел гораздо более привлекательным для реципиента, а не для донора. Но в нем была своего рода суровая справедливость и, как подумал Райленд, была возможность, собрав все силы, перенести все, что могло с ним случиться, — благо целого мира было важнее, чем его собственное благополучие!

И все же...

Его чрезвычайно беспокоила одна мысль. За свою жизнь он слышал или лично знал значительное число людей, утилизированных в орган-банке. Но он не мог припомнить, чтобы хоть раз встречал человека, получившего новые органы...

И теперь, кажется, когда поздно было над этим размышлять, Райленд мог вернуться к загадке трех пропавших дней. Его мучило предположение, что когда-то он мог обладать секретом, способным преобразить весь План Человека, если только бы он смог вспомнить.

В тот вечер, посмотрев немного, как другие играют в бридж, он лег на койку, стараясь напрячь память. Неужели в его дверь постучали два раза — первый раз в пятницу и потом еще в понедельник? Если действительно приходил к нему Хоррок, что за сообщение он мог принести? И даже если нереактивную тягу можно было изобрести, то какую она могла бы представлять опасность для Плана? Кто еще, кроме Дондерево, был свободен от власти Машины?

Ответов он найти не мог. Туман в его памяти стал еще гуще. Даже пухлое, с вечно извиняющимся выражением лицо доктора Трейла успело немного затуманиться. И он больше не вздрагивал, припоминая, как холодные электроды пристегивались к телу. Райленд заснул, и ему приснилось, что он изобрел нереактивный двигатель.

Это было обыкновенное помело. Сидя на нем, он летел сквозь джунгли пятиконечных мишурных звезд, а по пятам следовал генерал Флимер верхом на пространственнике. Флимер прищипывал и терзал животное, и оно жутко вскрикивало.

— Подъем! Подъем! Всем вставать!

Райленд будто вылетел из сна, ему снилось, что он в орган-банке, лежит в необыкновенно мягкой постели, и оказалось вдруг, что это так и есть на самом деле. Он сел, протирая глаза, глядя на кровать напротив. Она больше напоминала склад хирургических принадлежностей, а не кровать нормального человека. На колесном кресле с автономным питанием мотора были смонтированы десять фунтов стальных, медных, резиновых и пластиковых заменителей. Большая часть товарища по комнате Райленда находилась не в постели, а в этом кресле.

Комнату с Райлендом делил некогда полный человек с розовым лицом — в тех местах, что еще от него уцелело — и с неприятным характером. Звали его Алден.

— Давай, Райленд, — проскрипел он тонким шепотом недавно оглохшего человека. — Ты знаешь наши порядки. Помоги мне.

— Хорошо.

Времени до утренней поверки и завтрака оставалось достаточно, как знал Райленд, иначе старожилы в коттедже не успевали бы переместить на места свои многочисленные искусственные руки, ноги и прочие органы. В качестве новичка, не тронутого пока утилизацией, Райленд имел некоторые обязанности. Младшие члены орган-банка заботились о старших. Авторитет здесь имел не возраст, а время пребывания на «Небесах». Система была справедливой, как объяснили Райленду, и укреплялась еще интересом в собственной пользе.

— Увидишь потом сам, — мрачно сказал Уайтхарт. — Подожди, пока от тебя отрежут пару кусочков.

С утра разговоры имели менее вежливый и мирный характер, чем вечером. Это тоже странно, подумал Райленд, внимательно прислушиваясь. Вероятно, это была лишь обычная раздражительность пробуждения, свойственная всем людям, но даже несчастные человеческие обрубки — «корзинки», как их здесь называли, — из соседнего помещения громко рассуждали о своих планах и тщательно выверяли расписание патрульного облета территории вертолетами охраны.

Алден минут двадцать бормотал о том, что можно было бы уплыть за линию прибрежных рифов, где, если бы таковой имелся, верный друг ждал бы с надежной подводной лодкой.

Слушать его было и смешно и грустно. От Алдена осталось меньше, чем стоила возня с побегом. И в его тоне еще вчера вечером сквозило полное смирение.

— Ты поймешь, сынок, — говорил он Райленду, — мы все здесь не зря оказались. Мы сами заслужили.

Как-то одно не сочеталось тут с другим.

Еще ночью Райленду что-то мешало спать, упираясь в ребра.

Едва Алден выехал в своем кресле из комнаты, он поднял матрас. Под ним лежала плоская алюминиевая коробка. Он открыл крышку и вытряхнул оттуда куски сахара, листки с планами местности и жалкими подделками дорожных приказов Машины. И тетрадь.

Это был дневник какого-то предшествующего жителя комнаты, обозначавшего себя только инициалами «Д. У. Х.», и он охватывал период почти в три года.

Первая запись содержала трезвую суровую оценку положения.

«16 июня. Сегодня утром нас привезли на «Небеса». Выбраться отсюда я не могу. А если бы и мог, мне некуда податься. Но если я оставлю надежду каким-то образом выбраться отсюда, это равносильно смерти сразу, на месте. Поэтому я попытаюсь бежать. Маяться здесь я не намерен».

Последняя запись, сделанная уже явно полупарализованной рукой, была менее трезвой, менее решительной.

«Май, число, кажется, 9-е. Одна мин. прд. поверкой. Каж. я нашел! Нкто нкда не следит за свалкой останков трупов! Я знал других, кто выглядел лучше меня, и — уууп! — вниз по трубе и прямо на баржу. Поэтому сегодня ночью. Главное — пройти еще одну проверку. У меня еще много осталось всего. Наружн. рли не играет. Если я только... Звонят. Остл. потом».

Остальные листы были чистыми.

Завтракали до начала утренней поверки, и Райленд, сунув дневник под матрас, задумчиво направился завтракать.

Уайтхарт не обманул его относительно еды. Здесь не было нормированного рациона вообще. Вволю сахара. Кофе. Настоящие густые сливки. Ветчина под красным соусом. Овсянка, фрукты и горячие бисквиты.

Райленд ел, пока не набил полный желудок. Он почувствовал себя гораздо лучше. Мир показался ему более спокойным и ярким. Его соседи бросили ворчать и строить планы побега, слышался смех, кто-то переговаривался с другим концом стола.

Рядом с Райлендом сидел Уайтхарт, и Райленд заговорил с ним о бывшем обитателе комнаты.

— А, старина Дэнни,— сказал одноглазый.— Он здесь уже целую вечность. Видно, какой-то очень нужный тип, с него столько всего посрезали. Под конец он держался только на механическом искусственном сердце и фильтрующей искусственной почке. Забавный он был парень, набирал всегда неплохо, но когда играл...

— Что с ним потом случилось?

Уайтхарт нахмурился.

— Взяли сразу оба легких. Жаль, да? Но он до конца был с обеими руками — от плеча до кончиков пальцев.

Звонок позвал их на утреннюю поверку.

Поверки проводились три раза в день, и каждый обязан был присутствовать, иначе — полная утилизация и немедленно.

Вдоль нестройных рядов собравшихся сновали охранники в белых формах с красными эмблемами сердец на груди, сверяя татуировки с номерами в списках.

— Гатник, Файвецер, Бриин, Морчанд,— пропел охранник, занимающийся домиком Президентов Дикси.— Для вас сегодня ничего нет, парни. Можете ступать обратно. Алден, Хенсли... Хенсли? Что такое, он как сюда попал? Его ведь на прошлой неделе совсем разобрали! — Полдюжины голосов подтвердили, что так и было, охранник вычеркнул имя из списка.— Паршиво работает администратор. Так, а ты кто? — Он поднял руку Райленда.— Ага, Стивен Райленд. Добро пожаловать! Для тебя сегодня ничего пока нет. Уайтхарт. Так, Уайтхарт, пойдем-ка, сегодня твоя очередь.

Райленд ушел оттуда как можно скорее. Все собравшиеся смеялись и чувствовали себя свободно, но при виде Уайтхарта, которого уводили, Райленд ощутил, что легкое тепло, распространившееся по телу после завтрака, куда-то исчезло. В любой момент его собственное имя могло попасть в список. Если он что-то мог сделать, чтобы помочь себе, делать нужно было немедленно.

Он снова извлек дневник из-под матраса, выскользнул через черный ход из коттеджа и отыскал солнечное укромное местечко на вершине холма. Он присел, облокотившись о каменную стену ограды, и начал изучать дневник покойного Д. У. Х.

Там ничего не говорилось о прошлой жизни человека. Но кем бы он ни был, это был умный и образованный человек, имевший понятие о методе. Он начал с систематического изучения своего окружения. Из записей за первые месяцы Райленд извлек некоторые первые полезные цифры. На «Небе-

сах» в тот период обитало 327 человек, включая двенадцать детей в возрасте до 18 лет. И что они могли совершить, чтобы попасть сюда?

«Небеса» не были единственными в своем роде, имелось еще, видимо, несколько таких заведений. Дважды партии обитателей орган-банка отправлялись куда-то в неизвестные места за пределами ворот, очевидно, пополнять запасы материала в других банках.

Внутри стен не было никакой охраны, исключая поверки. Обычно на поверки выходило до двенадцати охранников, а один раз Д. У. Х. насчитал пятнадцать человек еще и наружной охраны. Территория «Небес» простиралась на сто акров, и в дневнике имелась карта, много раз переделанная и исправленная. Заметка на карте говорила, что стены наверху защищены электричеством и перебраться через них невозможно, а в глубину они уходят самое меньшее на пятьдесят ярдов. Видимо, кто-то на самом деле совершил подкоп такой глубины.

Морская сторона не огораживалась, но там имелась стальная сетка, а за ней — акулы. Стену нарушало только здание, через которое Райленд попал сюда, и сопутствующие ему строения: клиника, силовая станция, дом администрации и санитарное отделение. Именно там находилась «свалка», которая привлекла внимание Д. У. Х. Она находилась недалеко от берега, и трубопровод вел на баржу, которую буксировали потом в море и освобождали от останков обитателей «Небес» вместе со всеми остальными отходами этого небольшого общества нескольких сот жителей.

Райленд задумчиво рассматривал карту. Обещающе выглядела лишь «свалка». И, однако, писавший дневник не подумал о ней сразу, а мысль эта пришла к нему лишь через несколько месяцев, когда, судя по характеру записей, способность к трезвому мышлению начала покидать его. Все же это стоило обдумать. Возможно, этим путем удастся бежать...

Но куда потом деваться?

Райленд пока отбросил эту мысль и принялся вчитываться в записи дневника более внимательно, пока шум, доносившийся от коттеджей, не сообщил ему, что подошло время полуденной поверки.

Никого из обитателей «Президентов Дикси» в полдень не вызвали. И лишь когда им позволили разойтись, Райленд осознал, что почти все время стоял не дыша. Гатник, занимающий в шеренге место рядом с ним, подмигнул и сказал:

— Поначалу оно всегда так. И потом тоже, все равно.

— Что это? — только и сказал в ответ Райленд.

Гатник повернулся. Вдоль посыпанной гравием дорожки два охранника торжественно катили кресло на колесах и тележку с дополнительными приспособлениями. Все это было присоединено к занимавшему место на сиденье кресла. От него мало что осталось. Вся голова была закутана бинтами, только в том месте, где положено быть рту, виднелось отверстие. Дополнительная тележка везла на себе внушительное сооружение из помп и трубок, цилиндров из нержавеющей стали и электрических проводов.

— А, этот, — сказал Гатник. Помахать рукой он не мог, так как они понадобились кому-то в другом месте, но он наклонил туловище и крикнул:

— Привет, Алек! Что на этот раз?

Забинтованная голова едва заметно кивнула. Все остальные части человека оставались неподвижными. Невидимые губы почти беззвучно зашевелились, словно задыхались:

— Это ты, Гатник? Всего лишь вторую почку, я думаю.

— У тебя еще полно всего осталось, — жизнерадостно сказал Гатник, и они пошли на ленч.

Но Райленда не покидала картина встречи с «корзинкой».

— Я не знал, что они поддерживают нас живыми, когда не остается почти ничего.

— Я так думаю, что Алек — особый случай. Он старше всех на «Небесах». Он здесь уже, — голос Гатника выдавал уважение, — почти шесть лет.

Особого аппетита у Райленда не было, к тому же едва он сделал пару глотков, как ему пришлось заняться питанием Гатника, а потом он как-то приободрился.

«Поразительно все-таки, — думал он, без определенной цели прохаживаясь по дорожкам «Небес», — как еда облегчает жизнь человеку. На хорошей диете человек и чувствует себя хорошо. Это доказывает... да нет же, — на миг вспыхнуло озарение, — это показывает только, что обреченное существо, такое, как он, способно утопить свои страхи в приливе физического удовольствия».

Он решил сейчас же вернуться в дом, взять дневник, изучить...

Его кто-то звал.

Он повернулся и увидел, что к нему мчится чудо-Опорто.

— Ух ты! Райленд! Это ты!

Опорто остановился. То же сделал и Райленд. В следующий миг он вдруг понял, что оба рассматривают друг друга, проверяя, нет ли недостающих частей. Как быстро это превратилось в привычку!

— Кажется, у тебя все на месте.

— Я здесь всего пару дней. Попал в партию прямо перед тобой... Я видел, как ты выходил... Эх, лучше бы я остался в Исландии. Нет, я тебя не виню, конечно,— мрачно заключил он.

— Извини.

— Ничего. Ну, так где же ты живешь теперь?

Райленд рассказал о «Президентах Дикси».

— Ха! Эти старые развалины? — рассмеялся Опорто.— Слушай, почему бы тебе не перейти в нашу компанию? У нас как раз есть два свободных места, и среди наших ребят есть отличные парни. Знаешь, как получается, потеряешь то да это, и остается одна голова. Поэтому занятие приходится искать в основном умственное. Так вот, один парень, мой сосед, он нашел «Лилавату», сборник древних индийских задач — это, в основном, диафактные уравнения, если подойти к сути, но...

— Я интересуюсь сейчас другой проблемой,— мягко прервал его Райленд.

Опорто ждал продолжения.

— Я хочу выбраться отсюда.

— Ну, нет, погоди! Стив, не сходи с ума. Такой парень, как ты... у тебя здесь впереди годы. Неужели ты хочешь...

— Да, хочу,— сказал Райленд.— Хочу отсюда выбраться. И это не только вопрос моей жизни, хотя, признаюсь, и она очень меня волнует.

— А что еще? А-а. Можешь не говорить. Та девушка.

— Нет, не девушка. Не совсем. Но она тоже частично сюда входит. Что-то опасное происходит с пространственным и полковником Готтлингом, и это нужно остановить.

— Ну-ну, Стив,— мрачно сказал Опорто.— Эти разговоры ни к чему. Во всяком случае... — он умолк.

Райленд достаточно хорошо знал коротышку и не стал ждать добровольного продолжения.

— Во всяком случае, что? — подсказал он.

— Во всяком случае,— сказал Опорто с колебанием в голосе,— я не понимаю, зачем тебе та девушка. Я думал, что для тебя важнее другая. Ну, помнишь, 837552... Я забыл, как ее звали.

Для Райленда это было равносильно удару между глаз. Номер... Он не обладал необычайной памятью Опорто на цифры, но это явно был номер...

— Анжела Цвик,— прошептал он, вспоминая русые волосы, голубые глаза и губы, вкус которых он ощутил на своих губах, едва произнеся ее имя.

— Вот именно. Ага, так ты ее не забыл! — Опорто наслаждался эффектом своей бомбы.— Почему бы тебе не повидать ее? Она здесь уже некоторое время, вон в том коттедже возле озера.

— Она здесь? Но она работала в полиции Плана.— Райленд был изумлен. Неужели План начал утилизировать собственных агентов?

— Да,— рассудительно сказал Опорто.— Я бы сказал, что она здесь. Во всяком случае, преимущественно. Ты можешь увидеть ее сам.

Сначала Райленд почувствовал потрясение и смущение. Неловко волоча ноги, он подошел к девушке в кресле на колесах. Он грубовато произнес ее имя, потом встретил ее взгляд и больше ничего не говорил.

Анджела? Неужели в кресле та самая девушка, которую он когда-то знал? У нее не было рук, и, судя по складкам халата на коленях, этих коленей у нее тоже не было. Но лицо ее оставалось нетронутым: те же зелено-голубые глаза, золотистые волосы, и голос был тот же — сильный, грудной.

— Стив! Как я рада тебя видеть! — Она не смутилась ни на секунду, только приятно удивилась.— Не смотри так,— засмеялась она.— Я знаю, что ты чувствуешь. Ты только что прибыл, а я здесь уже двадцать один месяц.

Чувствуя неловкость, Райленд присел на траву рядом с ней. Коттедж Анджелы стоял посреди небольшой рощицы, и вокруг него пестрели аккуратно ухоженные клумбы. Цветы! Райленд не мог вспомнить, чтобы вокруг дома он где-нибудь видел цветы. Только в парках. Хотя это тоже был своего рода парк.

— Я думала, увижу ли тебя еще когда-нибудь,— тихо сказала Анжела.— После того, что случилось.

Она вздернула подбородок, и маленький мотор кресла зажужжал. Очевидно, в подголовнике, обитом бархатом, были скрыты выключатели, чтобы она могла управлять колесами

кресла. Повернувшись теперь лицом к Райленду, она сказала:

— Ты не винишь меня, правда?

— Ты только исполняла свою работу, как и все мы,— пробормотал Райленд.

— Это очень мудрая мысль, Стив. Ах, Стив! Я рада снова видеть тебя.— Она подняла свой красивый подбородок.— Нам нужно о много поговорить. Отвези меня к озеру,— приказала она.

Почти целых три года готовился Райленд к возможной встрече с Анджелой Цвик, если таковая выпадет на его долю. Но теперь он забыл все, что хотел сказать. Все, о чем он молча и яростно думал ночью на койке и о чем разговаривал с валунами в изоляционном лагере. Теперь, оказавшись лицом к лицу с девушкой, он болтал о пустяках. Они смеялись. И это было ему приятно. П р и я т н о! И это она надела на его шею железное кольцо!

— Работая для Плана, всегда чувствуешь себя правым,— заметила она, будто прочитав его мысли.

Они остановились на берегу озера.

— Я больше даже не обращаю внимания на воротник,— пробормотал он, подавляя зевок.

— Конечно, Стив.

Он почесал лопатку о ствол пальмы.

— Никогда бы не подумал, что смогу. Я даже помню, как разговаривал с одним человеком в лагере. Он сказал, что я привыкну. А я сказал...

Он замолчал и слегка нахмурился.

— Что ты ему сказал, Стив?

— Я сказал,— медленно повторил Райленд,— что никогда не перестану ненавидеть воротник, только если умру или наглотаюсь наркотиков.

Она улыбнулась ему с безмятежностью китайского мандарина.

Вернувшись в коттедж «Президентов Дикси», Райленд перелистал дневник, принадлежавший раньше бывшему владельцу его койки. Там была одна запись, которую он хотел перечитать.

Он отыскал ее.

«Это коварное место. Атмосфера такая покойная — Бог знает, отчего! — что так и тянет расслабиться, и пусть все идет как идет. Сегодня Каллен вернулся из клиники хихикая, потому что сестра рассказала ему анекдот. Ему вырезали оба глаза!»

И два дня спустя:

«Вчера я потерял вторую ногу. Больно, но мне делают уколы обезболивающего. Странно, почему я так равнодушно к этому отношусь? Вспоминаю Каллена».

Нахмурившись, Райленд закрыл тетрадь и направился на вечернюю поверку. Остальные жители «Президентов Дикси» уже были там и приветствовали его холодно. Райленд слабо на это отреагировал, хотя понимал, в чем дело: он мало времени уделял общественной жизни коттеджа. Он даже едва заметил охранников в белой форме с алыми сердцами, вышитыми на куртках, когда они пошли вдоль шеренг, монотонно читая списки.

Ум его занимало нечто более важное.

Райленд был почти уверен, что мозг его работает так же хорошо, как и всегда. И все же он не обращал внимания на воротник, тот его перестал беспокоить. Это было первое положение силлогизма. Второе вытекало из записи в дневнике. Каково же заключение?

— Пойдем, я сказал! — раздраженный голос охранника привел Райленда в чувство, и он осознал, что было произнесено его имя.

— Я? Вы называли меня?

— Тебя. Именно так я и сказал, сегодня твоя очередь. Пошли в банк тканей!

ГЛАВА 11

Группа вызванных на утилизацию ждала у лифта.

Стоявший рядом с Райлендом человек что-то лихорадочно, почти неслышно шептал, глаза его прикипели к дверям лифта, словно это были врата самой преисподней. Он заметил, что Райленд смотрит на него, и судорожно улыбнулся.

— Вы первый раз? Я тоже. Я думаю, на первый раз много не возьмут, правда?

— Давай, давай, — охранник начал вталкивать их в раскрывшиеся двери лифта. — Давай проходи!

Лифт стремительно полетел вниз и высадил их всех в подземном зале. На стенах помаргивали голубые асептические светильники. Гул в вентиляционных решетках говорил о том, что работают очистители воздуха. Охранники приказали им садиться. Здесь стояла дюжина длинных деревянных ска-

мей. В «зале ожидания» было просторно, хотя два десятка «живых трупов» слонялись туда-сюда. Райленд принялся рассматривать их. Некоторые, казалось, имели все части тела на месте, если чего-то и не хватало, на внешности это не отражалось. У некоторых имелись признаки предшествующих операций: не хватало ноги, уха, пальца. А кое-кто был настолько запротезирован, так мало оставалось в них плоти и крови, что приходилось удивляться — что еще могут снять с них хирурги.

Нервного вида мужчина поменял место, чтобы сесть рядом с Райлендом, и прошептал ему на ухо:

— Послушайте, как мне кажется, на первый раз они много не возьмут. Зачем? Например, тело у вас может плохо пересаживаться. Тогда они сначала должны сделать пару опытов и посмотреть, как идет дело, прежде чем начать основную операцию. Друг, я в этом положительно уверен...

Он замолчал, так как дверь отворилась. Глаза у него были, как у умирающего котенка. Но это лишь вошла сестра. Она почти не обратила на них внимания.

Райленд поспешил отвлечься от собственных забот, чтобы успокоить человека.

— Совершенно верно,— сказал он.— Так оно и должно быть.

Хотя так на самом деле не было. План уже учел все, что нужно было знать об их тканях. Но нервный мужчина ухватился за это предположение.

— Да, сейчас нам ничего серьезного можно не бояться,— пробормотал он.— Наверное, какой-нибудь болван отрезал себе пару пальцев. Ну, так они возьмут палец. Или пару пальцев...— Он удивленно посмотрел на свою ладонь.— Пару пальцев. Ну и что? Можно обойтись и без них. А может, понадобится нога. Но в первый раз ничего серьезного не берут, потому что...

Дверь отворилась.

Вошел молодой стройный охранник. Он явно скучал, и во взгляде, который он бросил на ожидающих, не было ничего особо гуманного.

— Экротч! — вызвал он, глядя в свой список. Мужчина, сидевший рядом с Райлендом, подскочил.— Пошли!

Нервный человек с отчаянием посмотрел на Райленда, сглотнул и вышел. Дверь беззвучно затворилась за ним, будто навсегда.

Райленд сидел и ждал.

Одного за другим «живых трупов» вызывали в операционные, чтобы дать Плану то, что ему требовалось. Райленд смотрел, как они уходят, потому что лучше смотреть на других, чем думать о себе и о том, что сейчас случится.

Здесь был ветеран с ярко-голубыми глазами, сипевший трубками дыхательного аппарата, заменившего его собственный; молоденькая девушка со странно плоской одной стороной тела; мужчины и женщины разных телосложений и возрастов. Райленда вызвали почти самым последним.

Его поманила сестра. Он встал, чувствуя внутри необычную пустоту. Где-то на окраинах нервной системы возникло странное, щекочущее чувство, будто рождалась боль, еще не нашедшая себе места в его теле.

Что с ним сделают? Нога, рука, какие-то внутренние органы?

— Пойдем-ка,— сказала сестра раздраженно. Это была симпатичная рыжеволосая девушка. На пальце у нее он даже заметил кольцо. Удивительно, подумал Райленд. Она обручена! Где-то есть планообязанный парень, который смотрит на нее с любовью и теплом. А здесь она — воплощение чего-то, что скоро намерено лишить Стивена Райленда части его собственного тела.

Он напряженно зашагал вслед за сестрой. В ушах гремел пульс — стук собственного сердца. Краски казались очень яркими, в воздухе висел резкий запах антисептиков. Он чувствовал тесноту своей поношенной красной униформы. Голубой свет стерилизующих ламп стал непереносимо ярким.

Он находился в маленькой комнате, где основное пространство занимал большой операционный стол, сверкающий нержавеющей сталью.

Райленд посмотрел на этот стол и провел языком по пересохшим губам.

Неожиданно сестра захихикала:

— Боже! Вы такие все нервные. Разве ты не знаешь, зачем ты здесь?

Райленд напряженно кивнул. Он это прекрасно знал. И все же почему не видно сверкающих никелем инструментов?

— Не думаю,— с веселым преувеличением сказала девушка.— Сегодня у тебя возьмет только кровь, друг. Только пол-литра красной крови. Конечно, в другой раз может быть по-другому.

Райленд лег на стол на спину. Его накрыли накрахмаленной белой простыней, пристегнули руку ремнем. Он лежал,

глядя, как течет его кровь в литровый сосуд. Она была вино-красного цвета и текла очень медленно, пока не наполнила половину сосуда.

Боли он не ощущал совсем. Конечно, ничего особо приятного тут тоже не было. Что-то неприятно подергивалось в руке, как предупреждение о чем-то, что могло бы привести настоящую боль, словно нервы, привыкшие справляться с более серьезными ранами, не знали, что передавать мозгу, и только выражали таким образом свое беспокойство. Трубка время от времени издавала неприятный звук, словно сифон, всасывающий воздух, и снова воцарялась тишина. Сестра оставила его одного. Поразительно, как все вокруг замерло...

И поразительно, как четко начало работать мышление Райленда.

Он был спокоен.

И, более того, он знал, что он спокоен.

А сверх того, он начал сознавать, что был спокоен — невозможно, безумно, глупейшим образом спокоен — с самого прибытия в орган-банк! Так же, как и все остальные! Это объясняло жизнерадостность ветеранов ампутации и их товарищей в комнатах «Президентов Дикси». Успокоение! Но это было неестественно и, следовательно, вызвано наркотиками.

Райленд лежал, глядя на пузырьки, возникающие на конце трубки, из которой текла его кровь, и удивлялся, как он мог этого не заметить раньше. Даже писавший дневник человек не заметил этого, хотя подошел к разгадке вплотную. Наркотики!

План Человека понимал, что некоторые части в мозгу человека не подчиняются здравому смыслу. Одна из них — стремление к самосохранению. Но Машина не может рисковать возможностью внезапного взрыва инстинктов. Машина должна знать, что каким бы ни было настроение членов Плана, направленных в орган-банк, как бы они ни были обработаны в духе исполнения своих обязанностей перед Планом, угроза расчленения может пересилить любое чувство долга.

Поэтому Машина предприняла меры. Очевидное средство — и как это ни один человек не заметил этого? — накачать «живые трупы» транквилизирующими наркотиками.

Вошла сестра. Она постукала пальцем по стенке сосуда, отсоединила трубки и проворно вытащила иглу из вены Райленда. Она что-то про себя напевала, прижимая ватку, смоченную в спирте, к красной точке на руке Райленда. Потом она приказала:

— Согните руку и держите ватку.

Райленд едва слышал ее. Транквилизаторы, подумал он, словно в голове его отозвалось эхо. Это все объясняет. Вот почему тщательные планы Д. У. Х. ни к чему не привели: пока они успели созреть, исчезло побуждение, способное провести их в жизнь. Вот почему сам Райленд зря терял драгоценное время. Удивительным было только одно: каким образом ему удалось найти отгадку.

Сестра распрямила его руку, выбросила ватку и сказала:

— Прямо туда.

Райленд послушно направился к двери, потом остановился, придя наконец в себя.

Медбрат вез вдоль коридора металлические носилки на колесах. На них, закрыв глаза, лежал тот самый нервный человек, с которым Райленд сидел вместе в «зале ожидания». Ему явно что-то удалили, но что именно? Руки были на месте, ноги тоже проступали сквозь простыню, на лице не было заметно следов операции.

— Простите,— сказал Райленд сестре.— Что случилось с этим парнем?

Сестра посмотрела куда-то мимо.

— А, с этим...— Ее глаза потемнели.— Это была большая операция. Вы его знали?

— Да.

— Понимаю.— Секунду помолчав, она сказала быстро: — Нам нужен был целый позвоночник. Не было особого смысла утилизировать все остальное.

Райленд, спотыкаясь, вышел в коридор, следуя за трупом нервного мужчины, который теперь уже навсегда обрел покой. Он посмотрел через плечо на сестру и сказал:

— До свидания.

— До встречи,— ответила она.

За пределами стен «Небес» тридцать миллиардов людей работали, учились, любили, ссорились, одним словом, исполняли свои маленькие обязанности в структуре Плана Человека. В Саскачеване инженер повернул рубильник, и половина склона горы поднялась на воздух и скользнула в озеро, открыв жилу бедной урановой руды, одно из последних оставшихся месторождений. В городе Фиесоле, в Италии, полковник Технического корпуса производил инспекцию водохранилища. Уровень воды со времени последнего рапорта поднялся на добрых девятнадцать дюймов. Стоя в своем плоскодонном суденышке, он заметил, что беспорядочно разбросанные доми-

ки на берегу, которые он раньше видел здесь, уже почти полностью погрузились под воду. Это был дворец Питти, но он о таком никогда не слышал. Под Гондурасом обвалился туннель субпоезда, и тысяча восьмьсот мигрирующих сельскохозяйственных рабочих были мгновенно поглощены магмой.

Планирующий, вернувшись из поездки на Луну, подписал приказ, который приведет к понижению уровня Средиземного моря на девяносто футов, создав тысячи миль новой земли на своих сократившихся берегах и гигантскую электростанцию в проливе Гибралтар...

Но на остров Куба не доносилось даже эхо этих событий. Здесь царил покой. Здесь так уютно. И Стив Райленд думал об этом, как только мог напряженно. Он серьезно поссорился с представителями «Президентов Дикси». Главный старожил был шокирован, обижен и подавлен. В результате он потерпел проигрыш в 800 очков в вечерней партии бриджа. Райленд был весьма доволен. Ссора повышала содержание адреналина в крови. Он направился на воздух поискать кого-нибудь для новой ссоры.

Самым подходящим кандидатом, если рассуждать логически была Анджела, и он обнаружил ее на том же месте, что и прошлый раз. Девушка загорала перед своим коттеджем.

— Стив, дорогой,— прошептала она.

Но он не желал поддаваться ее обаянию.

— Только что я сделал первый взнос в наш банк,— грубо сказал он.— Угадай, какой? — Он дал ей время осмотреть себя, потом объяснил: — Ничего особенного, всего только кровь. Повезло, а?

Тон его был отвратительно грубым.

— Да, Стив,— сказала она.— Это большая удача. Мы должны говорить только об этом? Давай снова пойдем к озеру. Сегодня тепло, и у фонтана должен быть ветерок...

— И это все, что тебя заботит, не так ли?

— Стив!

— Еда и уютная обстановка. И это все, что тебе требуется?

— Стив, сегодня ты в дурном настроении,— раздраженно сказала Анджела.— Если ты не хочешь идти со мной, я пойду одна.

— А тебе не все равно?

Она раскрыла рот, потом закрыла, посмотрела на него, тряхнула головой. Девушка была рассержена. Райленд раздражал ее, значит, она уйдет от него.

Задумавшись, он стоял на месте. Даже когда Андже́ла метнулась в сторону, если это подходит для описания движений женщины без рук и ног в электрическом кресле на колесах, он продолжал стоять на месте, размышляя.

Одно дело знать, что в крови находятся транквилизаторы, другое дело знать, что предпринять по этому поводу. Он мог поддерживать адреналиновые железы в боевом состоянии, ссорясь с другими обитателями банка, но это утомляло. Лучше всего сначала вывести наркотик из крови...

Это было сделать просто.

Для этого нужно было одно — он должен был совсем перестать есть и пить.

Когда на следующий день время подошло к завтраку, Райленд понял, что в системе имеются недоработки. Он начал разрабатывать ее более тщательно. Что-то есть ему все же необходимо, иначе он умрет. А от этого лучше не станет. Он остановил свой выбор на сахаре. В тот день после полуденной проверки он унес свой поднос в самый угол столовой... и оставил его там, не притронувшись к еде. Набив незаметно карманы кусками сахара, насколько это было возможно, Райленд вышел из столовой.

Это был оправданный риск. Вся еда попадала под подозрение, в том числе и сахар. Но вряд ли Машина, при всей ее педантичности, станет возиться с наспигивкой наркотиками сахара.

Конечно, вода тоже вызывала подозрения. Райленд уже начал ощущать жажду и принялся обдумывать возможность создания дистиллятора для очищения воды из озера. Это привлечет внимание... И он очень хотел пить уже сейчас.

Стив оправился повидать Андже́лу, чтобы отвлечься от чувства жажды.

Они прогуливались, и девушка весьма удобно чувствовала себя в своем поразительно маневренном кресле. Райленд сегодня показался ей мрачнее обычного. Они сели у озера, и Стив с вожделением уставился на воду.

Вода, такая чистая, притягивающая! Сладкая вода! Но это был источник всей питьевой воды на «Небесах», и, несомненно, его уже успели обработать.

Он разговаривал с Андже́лой в основном о плавании и о том, как позванивает лед в стакане с водой, как разбегаются волны от носа лодки. Придя в легкое раздражение, Андже́ла сказала:

— Тогда иди поплавай. Обо мне не беспокойся. — Нежная

улыбка.— Я, пожалуй, не буду по очевидным причинам, а ты поплавай. Ведь тебе хочется искупаться, правда?

И это было так. Сначала он упорно отказывался, потом ему в голову пришла одна мысль. Он отправился поискать пару обломков древесных стволов. Почему бы и не поплавать? Этот фокус придумали матросы несколько веков назад, когда их корабли шли на дно от попадания торпед. Если просто лежать на воде, расслабившись, это поможет утихомирить жажду... Хотя и мало, но все-таки поможет. Он продержится до тех пор, пока его мозг полностью не освободится от воздействия наркотиков и он сможет найти какой-нибудь выход. Да, но вода была такой соблазнительной!

Он лежал на мелководье и затеял собственную игру. Ставкой в ней была вся его жизнь. Он позволял воде подойти к самому подбородку, позволял ей коснуться губ, даже взял несколько капель в рот, потом наполнил весь рот водой.

Как легко было бы проглотить воду! Так легко утолить жажду! И, конечно же, сказал он себе, перекачивая глоток во рту от щеки к щеке, наслаждаясь этим ощущением, конечно же, один маленький глоток не играет большой роли...

С кашлем он выплюнул воду и поспешил выбраться из озера.

Он едва не поддался соблазну. Но кое-что он успел уже понять: жажда играла ту же роль, что и раздражительность. Стив уже замечал и чувствовал многие вещи, которые не привлекали к себе внимание еще вчера или час назад.

Ранка на внутреннем сгибе руки саднила. Сестра неловко вставила иглу. Одежда растерла ему бедра — она сидела отвратительно. И какая радость, возликовал он, ощущать все это!

Анджела смотрела на него с подозрением.

— Что с тобой? — требовательно спросила она.

— Ничего.

— Ты так себя ведешь... я просто не знаю. Словно Машина отдала приказ перевести тебя отсюда. Словно тебе скоро снимут воротник.

И даже это не так уж невозможно, подумал Райленд. Если только он продержится еще немного, у него будет шанс.

— Почему бы и нет? У Дондерево получилось.

— Стив,— предупреждающе сказала Анджела.— Это неплановые мысли! Я в тебе разочарована. Никто не может бежать путем, которым бежал Дондерево. И даже если бы мог, то твой долг перед Планом...

— Подожди минуту,— он перестал вытираться и повернулся,

глядя на нее. — Что ты сказала? Что ты знаешь о Дондереве?

— Я знаю, как он бежал. В конце концов он бежал именно отсюда.

Райленд услышал звук рвущейся ткани, опустил взгляд и обнаружил, что его руки непроизвольно так сжали полотенце, что оно разорвалось. Он бросил его на землю и прошептал:

— Как?

Анджела небрежно развернула свое кресло, чтобы оказаться в тени. Она нахмурилась, взвешивая возможность, потом сказала:

— Думаю, это не принесет вреда. У тебя все равно ничего не выйдет, даже если бы ты захотел повторить его побег. На это никто больше не способен.

— Анджела! Как он это сделал?

— Ни одним из тех методов, которым ты можешь последовать, Стив. — Ее улыбка дразнила его. — Он нашел группу врачей в здешней клинике, которую соблазнил непланированными мыслями — рассказами о космосе за пределами Плана. Он ухитрился подкупить их, пообещав свободу и богатство в Рифах Космоса. Он подкупил их, чтобы снять кольцо... хирургическим способом.

— Как?

— Все было спланировано экспертами, — ответила она. — Предатели-хирурги подделали бумаги. Дондерев вызвали однажды утром, как это бывает обычно. На операционном столе он был полностью разобран на составные части и органы, включая позвоночник. И все эти части были перевезены в соседнюю операционную и собраны вновь, но уже без железного кольца на шее.

— Но ты не радуйся, — предупредила она его. — Заговор раскрыли, участники его быстро попали в утилизацию. К сожалению, Дондерев успел к этому времени убежать.

— Каким образом?

— Это самое важное. Понимаешь, хирурги придумали хитрость, чтобы замести следы. Из отходов утилизации они собрали человека и поместили его в воротник Дондерев. Этот «симулянт» занимал место Дондерев, пока преследовать его не стало слишком поздно.

Райленд поежился, хотя сидел на солнце. Такой метод побега казался устрашающе жестоким, даже если бы у него была возможность последовать ему.

— Давай займемся чем-нибудь поинтересней, — предложила Анджела.

— Я хочу узнать еще кое-что.— Он посмотрел на нее.— Как ты все это узнала?

Она лениво потянулась медленным грациозным движением змеи.

— Наверное, я могу тебе сказать, Стив.— Она доверительно улыбнулась ему.— В конце концов для тебя не секрет, что я работала в полиции Плана. Понимаешь, я сюда попала по делу Дондерево. Его не могли раскрыть, пока мне не удалось уговорить одного из виновных врачей помочь мне бежать тем же способом.

Она улыбнулась, зевая, с удовлетворенностью кошки.

— Если ты попала сюда как шпион, то почему ты...

Он замолчал, почувствовав внезапную неловкость.

— Почему я до сих пор здесь? Не стесняйся задать этот вопрос, Стив. Я здесь до сих пор потому, что к тому времени, когда я завершила дело, я уже была... вот в таком виде, как сейчас. Естественно, План не мог ради меня пойти на возвращение уже использованного материала... поэтому... меня переклассифицировали. Не буду отрицать, поначалу это меня немного беспокоило, но потом я к этому привыкла. И ты тоже привыкнешь, Стив. Потому что у тебя нет другого выхода.

ГЛАВА 12

Но смириться с судьбой он не мог, как ни было сильно искушение. Его разбудил ночной дождь, и он выскочил наружу, перебудив соседей, нашел водосточную трубу под карнизом и пил, пил, пил. Это придало ему необходимую силу. На следующее утро он увидел результат. Райленд вытянул руку перед собой, и она задрожала. Она дрожала! Значит, Стив нервничал.

И еще ему хотелось есть.

Пока что вода у него была. Он отыскал кувшин и аккуратно наполнил его водой из дюжины водостоков. Она отдавала цинком и смолой, зато в ней не было наркотиков.

Но голод...

Он не стал завтракать.

Утром к нему пришел Опорто, и его глаза на смуглом маленьком личике ничего не пропустили.

— Нет аппетита, а?

Райленд отодвинул в сторону нетронутый поднос: ветчина и великолепный соблазнительный кофе!

— Нет. Не хочется.

Позже, уже в домике «Президентов Дикси», куда вслед за ним увязался коротышка, тот указал на кувшин с дождевой водой:

— Что это?

— Это вода. Если вдруг захочется пить,— ответил Райленд, позволив себе маленький глоток.

Лицо Опорто сохраняло задумчивое выражение.

Райленд обнаружил, что сила рока неотвратимо нависла над ним — страх высушил его рот, обеспокоил пищеварение, и без того нарушенное неправильным питанием. Но он радовался этому. Он наслаждался дрожью ужаса меж лопаток. Он смотрел по сторонам на остальных обитателей «Небес» и видел перед собой толпу зомби, живых, но уже обреченных. Они смеялись, улыбались, прогуливались, если имели нижние конечности, но они уже были мертвецами. Но только не он, Райленд. Он был жив и охвачен паникой. И очень хотел есть.

Ему удалось оторваться от Опорто почти перед самой полуденной поверкой и выкроить время, чтобы прочесть несколько страниц дневника.

«16 октября. «Свалку» только осматривают. За ней следит охрана на обзорной галерее в Северной клинике. Иногда там никого нет, не знаю, почему».

«5 ноября. Сегодня я был в Северной клинике, на пятом этаже, где находится охранник. Я, кажется, понял, почему он иногда отсутствует. Его дважды вызывали помочь перенести пациента. Очевидно, это входит в его обязанности. Так как меня привязали к столу, я не мог видеть непосредственно, но, кажется, всякий раз, когда его вызывают внутрь, он остается там, по крайней мере, на полминуты, и, вероятнее всего, его вызывают наиболее часто, когда график операций особенно плотный. Видимо, три часа, или около того вслед за каждой поверкой — наиболее удобное время. Утреннняя и полуденная поверки отпадают. Во-первых, мне не удастся скрыть свое присутствие на «свалке» более чем на пару часов, во-вторых, мусор не сбрасывают, как правило, раньше ночи. Остается ночь. К сожалению, операций делают в это время немного... Сегодня у меня взяли левую ногу, включая бедро».

«3 декабря. Сегодня на утренней поверке вызвали необычно много народу. Ходят слухи, что в Хадже, Калифорния, взорвался завод реакторов и потребуется много запасных частей. Когда же? Сегодня ночью?»

Райленд перевернул страницу, но он уже знал, что найдет там.

Следующая запись была последней. Д. У. Х. близко подошел к отгадке, но недостаточно близко.

Голод начал серьезно мучить Райленда. Его организм отказался принимать один сахар.

Опорто явно начал что-то подозревать. Он не отставал от Стива ни на минуту. Сидя спиной к валуну у озера, он наблюдал, как Райленд мрачно швыряет камни в кокосовые орехи. Сбить хоть один ему не удалось, но зато, посетив несколько пальмовых рощиц, он обнаружил упавшую пальму.

— Ты, видно, очень любишь кокосовое молоко, — хмуро заметил Опорто, глядя, как жадно разбивает Райленд камнем скорлупу.

— Я его обожаю.

На самом деле орех перезрел и вкус у молока был отвратительный.

— Хорошо идет с чесноком, а? — Опорто имел в виду какие-то дикие коренья, который нашел Райленд.

Их стрелообразные зеленые листья высывались из травы, а под землей скрывались маленькие, узловатые, с сильным запахом корешки. Опорто заметил, как Райленд пробовал их на вкус.

— Оставь меня одного, пожалуйста, — сказал Райленд. — Я... э-э... не совсем хорошо себя чувствую.

— И не удивительно, — вздохнул Опорто.

Немного погодя, он куда-то побрел.

Стив сразу забыл о нем. Он чувствовал себя слабым и истощенным. Это только самовнушение, говорил он себе, ведь потерпевшие кораблекрушение моряки выдерживали месяцы и даже годы почти на той же диете, что и Райленд, и даже более скромной! Но они, конечно, не подвергались искушению три раза в день при виде полного стола вкусной еды, которую нельзя было отвесть.

Имелись и другие соображения. Он с вождением смотрел на рыб в озере. Он мог поймать одну из них и зажарить на костре.

Но он и так уже привлек к себе внимание, больше рисковать не стоило. Охранники «Небес» наверняка знают, что делать с обитателем, раскусившим загадку транквилизаторов. Едва ли они обнаружат такого, но если обнаружат, то от него потребуются только имя на поверке, потом в вену вопьется игла, и вся сила успокоения вошьется в жилы, и сила воли ему больше не поможет.

Но полностью он не мог избежать подозрений, если будет продолжать отказываться от восхитительной пищи, которую предлагали на «Небесах». Уже сейчас на него поглядывали соседи по «Президентам Дикси», не говоря об Анджеке Цвик и прежде всего, Опорто, которые открыто подозревали его в мыслях о побеге. Сомнений быть не могло — коротышка догадался.

На следующее утро Райленд скрылся от остальных и обошел «Небеса» по периферии. С сожалением ему пришлось согласиться — стены были непроницаемы. Оставалась только «свалка».

Останки утилизированных обитателей орган-банка сначала скапливались в сборнике из нержавеющей стали рядом с Северной клиникой. Сейчас там было пусто — тонны человеческих останков были переправлены на баржу, и буксир оттащил ее в море. Горячее солнце блестело на стальных стенках резервуара. Его окружала ограда из колючей проволоки, которую, в свою очередь, скрывала масса цветущих кустов бугенвиллей. Райленд подумал, что проволока, наверное, под током. А может, и нет...

Видимо, подумал он тут же, с попыткой не следует тянуть. Чем раньше он попытается бежать, тем больше шансов сохранить свое тело. Уже сейчас охранники проявляли некоторую активность: по крыше Северной клиники прохаживались люди в форме, там же стояли устройства, очень напоминающие мощные прожекторы. Райленд нахмурился, если «свалку» будут освещать, его задача усложнится. Хотя прожекторы были какие-то странные: с рефлекторами, но без линз, и размерами довольно скромные. Райленд сложил пальцы крестом. Видимо, у этих аппаратов другое назначение. Ему оставалось только надеяться.

— Стив! Стив Райленд! — послышался громкий знакомый голос. Это был Опорто. Он что-то кричал, улыбался, махал рукой.

Райленд не спешил ему навстречу. Откуда коротышка узнал, что он здесь? И от чего он так возбужден?

Опорто тяжело сопел, едва не дрожал.

— Вот кошмар, Стив! Ты уже слышал?

— О чем?

— Еще один туннель обвалился! На этот раз погибли тысяча восемьсот человек. Знаешь, что я думаю? Это саботаж. Вот что я думаю!

Райленд покачал головой. Настороженность не покидала его. И все же оставалась надежда на то, что Опорто что-то знает, как бы ни были они отрезаны от мира.

— Саботаж? Но кто?

— Антиплановские элементы, — жизнерадостно объяснил Опорто. — Аварии ведь были повсюду, ты знаешь. Тысячи человек убиты! Повреждены пути сообщения! — Он бросил взгляд через плечо, улыбнулся и сказал громко: — Или ты так не думаешь, а, Стивен Райленд?

Ноздри Райленда расширились, он явственно чувствовал запах опасности. Он посмотрел в ту сторону, куда оглядывался Опорто, и увидел то, что видел тот. Три мощного сложения охранника в белых униформах направлялись прямо к ним. Он понял, почему Опорто так громко назвал его имя, и коротышка кивнул, немало не смущенный.

— Да, Стив, Иуда Искариот — вот мое второе имя.

Охранники словно бы готовы были к сопротивлению со стороны Райленда. Но он сопротивляться не стал. Стив позволил отнести себя в клинику, где в его руку вонзилась игла, и он смотрел на нее бесстрастно. Укол был почти безболезненным, хотя он знал, что это означает. Это снова транквилизаторы в его крови, но на этот раз он уже был к ним готов.

— И чтобы больше таких глупостей не было, — проворчал охранник, выводя его из ворот клиники.

Тело Райленда мгновенно прореагировало на укол. Он смирился с этим. Уютная теплота обволакивала его. Он едва не расхохотался. Стив даже не чувствовал гнева из-за предательства Опорто — больше ему он доверять не будет, теперь он не совершит такой ошибки... И тем временем... тем временем он может есть!

Во время ленча у стола «Президентов Дикси» возвышался мрачный охранник. Райленд наслаждался жареной свининой и картофелем и выпил целых три чашки кофе. Все было очень вкусным. А почему бы и нет? Ведь транквилизаторы не затуманивают мыслей, а просто снимают уровень эмоций, которые и служат наивысшим побудителем действий. Но беспокоящийся страж уже сыграл для Райленда свою благотворную роль. План был готов. Он приведет его в исполнение сегодня ночью, если удастся, или следующей ночью — наверняка. Он рассудил, что теперь, когда Опорто донес охране о том, что Райленд избегал пищи, оставаться на голодной диете не имело смысла — транквилизаторы ему станут вводить прямо в вену. Ладно, это не имело значения, как и все остальное. Он уже знал свой путь.

Райленд едва смог дождаться сумерек и возможности начать побег.

Время тоже не собиралось ждать Райленда. В этот день вызывали очень многих. Сосед Райленда по комнате попал в список на полуденной поверке и до сих пор не вернулся — и уже не вернется, говорили опытные обитатели. Потому что если вы не возвратились к следующей поверке, то не вернетесь никогда. Днем вызвали пятерых. После ужина — еще семерых.

«Ого,— подумал Райленд сквозь приятный туман мепробамата,— во всем коттедже остается всего три человека, не вызванных в этот день».

И среди них он, Райленд. Судьба явно была к нему благоклонна.

После вечерней поверки он в последний раз прошелся по дорожкам банка и отправился испытать свою удачу. И сделал это как раз вовремя.

Едва он успел скрыться в сгущающихся сумерках на расстоянии прямой слышимости, как до него еле донеслись слова охранника в белом, проходившего по ракушечной дорожке. Райленд приостановился, вслушиваясь.

«Райленд»,— явственно сказал охранник и еще что-то кажется, «клиника».

Ему ответил басовитый голос одного из немногих пока уцелевших обитателей «Президентов Дикси».

— А-а,— сказал охранник, не очень заинтересовавшись,— ладно, когда он появится, скажите, чтобы пришел. Она подождет.

Райленд затаился в ночной темноте. Он не мог знать, чего они от него хотят, но он был уверен, что его время подходит к концу даже быстрее, чем он предполагал. Кто была эта «она»? Которая могла подождать? Анджела?

Едва ли это так, и все же почему не пойти повидаться с ней? Если окажется, что это Анджела каким-то образом уговорила охранника взять на себя миссию мальчика-курьера, то ему не помешает выяснить причину. Если же это не она... Все равно, чем дальше он будет от коттеджа «Президентов Дикси», тем лучше для него.

Посылала за ним не Анджела. Она совершенно не имела понятия, почему охранник искал его, и просто этим не интересовалась.

Чувствуя напряжение, постоянно оглядываясь на случай неожиданного появления охранника, он присел рядом в темноте теплой тропической ночи. Больше для того, чтобы проверить ее реакцию, а не затем, чтобы облегчить чувства, он рассказал о доносе Опорто и о полученной им в результате новой дозе транквилизаторов.

— И правильно он поступил, Стив. Ты не должен совершать антиплановые поступки..

Он печально покачал головой.

— Я тебя не понимаю,— заметил он.— Одно дело работать для Плана. Это понятно, это обязанность. Другое дело — выдать товарища...

Райленд замолчал и быстро посмотрел на нее, но Анджеला лишь засмеялась.

— Я знаю, Стив, но ты ошибаешься. Помнишь, что я делала, когда мы впервые встретились?

— Работала с компьютером.

— Правильно! Мы задавали ему задачи, о, самые сложные задачи! Я так любила эту работу, Стив! И компьютер решал все задачи одну за другой, щелк-щелк! И он не ошибался, он был частью Плана, понимаешь! Одной из частиц всеобщего Плана Человека, которым управляет Машина. А знаешь, почему он не ошибался?

— Почему? — проворчал он.

— Потому что мы его проверяли постоянно! — торжественно произнесла она.— Там был специальный выключатель тестирующего контура. После каждой задачи мы посылали проверяющий сигнал. О, он в пять раз превышал по напряжению обычный. Посылали через каждую лампу, каждую микросхему, каждый транзистор, каждое реле. Если какая-то деталь была ненадежной, она выходила из строя сейчас же, и мы знали, где неисправность, и могли заменить ее. И... Стив,— добавила она с серьезным выражением,— я тоже такой проверяющий заряд.

Анджеला подалась вперед, опираясь на высокое ограждение, не дававшее ее безрукому телу выпасть из кресла.

— Такие, как ты, не имеют права разрушить План! — крикнула она.— Вас нужно находить и... заменять. Опорто и я — у нас была одна функция в системе Плана: находить и сообщать о ненадежных деталях. Ты был плохой деталью, Стивен, признай это. Ты мог подвести. И ты действительно подвел! И Машина куда лучше справится без тебя!

Райленд заходил вокруг кресла. Девушка смотрела на него с торжественным и сострадательным выражением в больших глазах. Наконец он с неохотой спросил:

— И ты по-прежнему желаешь служить Машине, даже теперь, когда она отобрала твои руки и ноги?

— Да, желаю.

— Тогда ты ненормальнее Опорто! — рявкнул он.— Ма-

шина — это чудовище! План Человека — надувательство!

Но Анджела сохраняла непоколебимое спокойствие.

— Он сохраняет жизнь тринадцати миллиардам людей на Земле, — напомнила она ему.

— Тем, что держит в рабстве все эти тринадцать миллиардов!

— А ты знаешь другой способ?

Он нахмурился.

— Не знаю. Но, возможно... в Рифах Космоса...

— Рифы Космоса больше для тебя не имеют значения, мой дорогой. Так же, как и Рон Дондерево. О да, это был настоящий мужчина, и, возможно, Рифы действительно существуют, я не знаю. Но какая нам разница? — Она шевельнула головой, и колеса кресла передвинули ее ближе к Райленду. — И разве это так уж плохо, Стив? Быть рабами? Я знаю, у тебя есть идеалы... и я тебя за это уважаю, честное слово! Но ведь речь идет о жизни и смерти человечества. И разве неправда, что почти для всех в Плане Человека предусмотрена доля счастья?

Он коротко рассмеялся.

— Это счастье попадает в нас со стаканом воды.

— Только ли? — Она лениво откинулась на спинку, глядя на него большими искренними глазами. — Ты забыл обо мне, Стивен. Разве ты не хочешь меня?

Вопрос застал его врасплох. Он вспыхнул.

— Я... я не знаю, что...

— Ведь я здесь, Стив, — продолжала она мягким, нежным голосом. — Если ты хочешь меня, то я рядом. И я беспомощна, я не могу сопротивляться.

Он сглотнул.

— Ты... ты можешь закричать, прибежит охрана... Проклятье! — Он отпрыгнул в сторону. — Я тебе этого никогда не прошу, Анджела! Ты стащила меня до своего уровня, так? Но дважды этот фокус не пройдет!

В ее спокойном голосе слышалось искреннее сожаление:

— Не знаю, о чем ты говоришь, дорогой.

И мгновение спустя Райленд понял, что она говорит правду. Она принадлежит ему, если он хочет, и она не станет его за это винить.

— Ты и в самом деле высоковольтный проверяющий контур, Анджела, — грубо сказал он. — Но ты меня однажды уже пережгла. И я не намерен допускать этого еще раз.

Теперь он уже не сомневался в том, что нужно делать.

Он внутри огражденного пространства. Но у стены две стороны, и ему необходимо выбраться по другую сторону! Возможно, он будет только человеческим обрубком, у которого к тому времени отберут все полезные части, но он выберется.

Потому что... потому что на той стороне стены есть кое-что... Возможно, там есть даже свобода — в Рифах Космоса. И еще там, вероятно, есть человек, который знает, как убрать с шеи кольцо.

А еще там была Донна Криири.

Внезапно он повернулся к Анджеке, встревоженный этой мыслью о дочери Планирующего. Не желая продолжать размышления в этом опасном направлении, он сказал:

— Я... я не хотел...

— Не надо извиняться, Стив. Ты один из всех остальных людей...

Он заметил, что она остановилась посреди предложения.

— Что ты хотела сказать?

— О... ничего. Ничего особенного. Просто...

— Анджека! — сердито сказал он. — Ты всегда что-то от меня скрывала! Пожалуйста, хотя бы сейчас — перестань. Ну, так что ты хотела сказать? Что я чем-то не такой, как все остальные? Чем же я отличаюсь от них?

Ее красивые большие глаза безмятежно смотрели на Райленда. Помолчав, она сказала:

— Так ты не знал, кто ты такой?

Райленду стало как-то не по себе. Ему пришлось сглотнуть, прежде чем он спросил, что она имеет в виду.

— Разве тебе не приходилось замечать, что ты несколько не такой, как все?

Он уже собрался отрицательно покачать головой, но что-то удержало его. Он вспомнил о загадке трех пропавших дней. И еще о том времени, когда ему казалось, что он уже слышал голос Анджели, доносящийся из темноты за конусом света, направленным на него, пристегнутого к кушетке терапевта.

— Ты должен был заметить, что отличаешься от других, Стив, — насмешливо продолжала она своим нежным голосом. — И ты никогда не задумывался, почему?

Ему вдруг захотелось ударить ее. Железный воротник неожиданно стал таким тесным, что он едва мог вздохнуть, и в жилах шеи запульсировала кровь. Он сидел на траве, внезапно онемевший, и смотрел на Анджеку.

— Ты думал, что ты человек, как все? — голос ее был полон презрения. — Я думала, ты мог догадаться, когда я рас-

сказала тебе, как бежал Дондерево. Ты — «подсадная утка».

— Подсадная... что?

Волосы шевельнулись у Райленда на затылке. Он вздрогнул, хотя было тепло. Железный воротник вдруг стал тяжелее свинца, холоднее льда.

— Я тебе уже говорила, это то, что хирурги собрали из ненужных частей, чтобы скрыть побег Дондерево. Подсадная утка для охраны. Так вот, Стив, это ты и есть.

Он сидел неподвижно, осторожно дыша сквозь мертвую хватку воротника.

— Ты обладаешь привлекательной внешностью, Стив. Это потому, что хирурги старались придать тебе сходство с Дондерево, а он был красивым мужчиной. Если ты ненавидишь План, то это потому, что твои внутренние железы и мозг были собраны из того, что осталось от нескольких наиболее неблагонадежных граждан, выдающихся, так сказать, врагов Плана. Если ты и отличился изобретением в области геликальных полей, то только потому, что лобные доли твоего мозга взяты у человека, который эту теорию разработал... Если остальные части твоей памяти несколько расплывчаты и противоречивы, так это потому, что остальной мозг был собран из смешанных остатков тканей.

— Нет! — хрипло прошептал он. — Это невозможно!

Но воротник сжал горло и задушил слова. Он почувствовал слабость при жуткой мысли, что это может быть правдой.

— Если бы я был здесь раньше, — в отчаянии возразил он, — я все равно ничего об этом не помню.

— Это еще одно доказательство. — Анджела улыбнулась. — Люди, собравшие тебя, были исследователями так же, как и враги Плана. Они использовали ненужные мозговые ткани, пытаясь улучшить уже созданное природой. Когда они собирали твой мозг, они использовали возможность создать опасный для Плана ментальный механизм.

Потрясенный, он мог только покачать головой.

— Доказательств достаточно, если ты даже и не веришь мне, — продолжила Анджела. — Вспомни все свои попытки диверсий. Туннели субпоезда и реакторы на заводах, ионные ускорители в ракетах, которые ты уничтожил своими «усовершенствованиями»...

Райленд вздрогнул, словно в агонии.

— Я не помню...

— Это еще одно преимущество, вложенное в твой мозг, — спокойно сказала она. — Врачи-хирурги оснастили созданный

ими мозг контуром самостирания памяти, чтобы предохранить тебя от соблазна выдать секреты под пыткой. Неужели ты не замечал пробелов в своем прошлом?

— Я... я замечал,— кивнул он, задрожав.

— Вот и все.— Ленивая угроза поблескивала в ее улыбке.— То особое внимание, которое тебе уделяли последние три года, еще раз доказывает, что как орудие диверсий ты действовал великолепно. Но теперь ты свое назначение исполнил. Думаю, ты теперь представляешь беспрецедентный случай — твои органы будут использованы повторно. Но, несмотря на это, Стив, я не могу не заметить тебе, что ты слегка задираешь нос. Собственно, ты представляешь только сто шестьдесят фунтов подкормки для акул, которую эти предатели-хирурги от них стащили.

ГЛАВА 13

Корм для акул! Если это правда, то там ему и место!

Райленд нырнул в заросли бугенвиллей, окружавших стальной сборник для отходов, наблюдая за часовым на крыше клиники. Уже почти полностью стемнело, и в разрывах между тучами появились звезды.

Ни прожекторы, ни другие осветительные устройства еще не включили.

Притихший Райленд наблюдал и старался не думать. Одной тревогой меньше. И все же придется подождать, когда станет совсем темно. Охранники со скучающим видом смотрели в сторону моря. Ночь была теплой, нежной, тропической.

Но то, что лежало перед ним, представляло ужасающее зрелище.

Очень странно, подумал Райленд, что План Человека позволил себе сохранить это напоминание о естественном человеческом ужасе. Этот мир так был закутан в предохраняющую от шока изоляцию, что, казалось, подобного рода зрелища должны быть надежно спрятаны от посторонних глаз. Перед ним в сборнике отходов лежало несколько тонн человеческого мяса: ампутированные конечности, части тел и целые тела, из которых были удалены жизненно важные ткани — кости, участки артерий и нервных тканей.

У этих побелевших мертвых тел за проволочной оградой отобрали самую малость: их жизнь. Осталось только превосходное органическое вещество. И это тоже странно, подумал

Райленд. Эти отходы могли бы пойти на отличный корм животным. Или, может, по крайней мере, в этом отношении План Человека имел основания проявить гуманность. Но подумать только, ведь гектары истощенной обрабатываемой почвы могли бы быть восстановлены с помощью протеина и фосфатов, заключенных в этих трупах.

План решил не употреблять их таким способом. Каждую ночь накопившиеся отходы переправлялись трубопроводами на баржу. Их плоть достанется крабам, ракам, морским медузам. Почему бы и нет? Эту рыбу съедят потом люди. Почему бы не сократить цепочку?

Рейленд с беспокойством заерзал и переключил мысли на другой предмет, потому что, если Андже́ла сказала правду, из таких же отходов было составлено и его собственное тело... К тому же почти подошло нужное время.

Со стороны коттеджей донеслось бормотание динамиков всеобщего оповещения. Он не мог разобрать слов, но обычно так поздно вечером их никогда не включали. Потом пришли в действие другие громкоговорители, расположенные ближе, и, кажется, он разобрал свое имя.

Райленд беззвучно выругался. Ближайший к нему часовой стоял неподвижно, как сама Машина, уставясь на территорию «Небес». Неужели он не может на мгновение посмотреть на звезды, зевнуть, почесаться, потянуться, сделать что-нибудь, кроме того, чтобы исправно нести бдительное дежурство на посту?

Снова заговорили динамики. Эти были расположены вокруг озера, как понял Райленд. И в тоне говорящего появилось раздражение, словно там, в радиоцентре, на верхнем этаже клиники, его подстегивало какое-то более высокое начальство, и он переключал раздражение на несчастных обитателей «Небес».

Потом заговорили громкоговорители, расположенные еще ближе, и Райленд ясно услышал произнесенное имя, его собственное имя. «Райленд!» Каждый громкоговоритель был расположен на некотором расстоянии от другого, и словно эхо скрикошетило вдаль: «РАЙЛЕНД, Райленд, Райленд...»

Он не удивился, он почти ожидал этого. Стив слушал, как эхом отдаются слова говорящего: «Вам... приказано... явиться... в Южную клинику... Немедленно!..» И в направлении озера Райленд увидел передвигающиеся огни ручных фонариков.

Он глубоко втянул в легкие воздух. Ему придется испытать судьбу, даже если охранник так и не отвернется...

Стив напрягся, замер. Охранник на крыше вдруг шевель-

нул. Он повернул голову и кивнул кому-то внутри здания. Потом так быстро, что Райленд и не заметил движения, если бы глаза его не были прикованы к фигуре часового, исчез, шагнув в коридор верхнего этажа.

Райленд бросился бежать, перелетев через загородку, разорвав одежду, тут же стянул ее с себя и спрятал под кучей мертвых тел и сам упал туда, содрогаясь от прикосновения этих останков.

Это был самый настоящий ужас, в лучших традициях старинных рассказов о заживо погребенных людях: пробуждение в тесном ящике гроба, во тьме, и пахнет сырой землей, в которой на глубине шести футов находится гроб.

Он чувствовал себя солдатом в бою, который получил смертельную рану, но потом пришел в себя, оказавшись в общей могиле среди десятков убитых. Вокруг были одни мертвецы, и сам он был почти что верный мертвец.

Райленд благодарил Бога за то, что тот создал мепробамат. Он пытался лечь как можно естественнее, насколько это было возможно. Конечности он постарался по мере сил спрятать под туловищем, чтобы часовой не удивился, каким образом на свалке оказался внешне неповрежденный труп.

Райленд замер. Едкий прокисший запах вызывал тошноту, его на мгновение обдало ледяной волной. Он молча выругался. Ему раньше и в голову не приходило, что металлические стенки сборника будут охлаждаться.

Он лежал и ждал.

Он не осмеливался поднять голову, не осмеливался как следует вздохнуть. Как он прикинул, только через несколько часов содержимое сборника будет переправлено на баржу. По коже пробежали мурашки, но он не позволил себе даже вздрогнуть.

Вспыхнул яркий свет.

Райленд услышал отдаленные голоса. Ничего. Видимо, подошло время смены часовых. И это хорошо, значит, время бежит даже быстрее, чем он смел надеяться. Свет — это только обычный осмотр, ничего страшного... Загорелся еще один прожектор, затем еще один.

Теперь металлическое углубление сборника отходов было залито светом, тонуло в ослепительных лучах, а над головой Райленда послышался шум винтов вертолета, и его прожекторы тоже были направлены вниз. Райленд не осмеливался шевельнуться, не осмеливался даже моргнуть, но напрасно, все было напрасно.

Послышалась команда. По металлическим ступеням лест-

ницы зазвенели шаги спускавшихся в сборник охранников. Их было четверо. Они напрямик направились к Райленду, наступая на куски тел, отпихивая их в сторону носками ботинок. Они приближались именно к нему.

— Неплохо придумано, — ухмыльнулся один из них. Потом добавил, но уже угрожающе: — Не вздумай пробовать еще раз!

Они подтолкнули его к лестнице, не позволив даже найти одежду.

Теперь, когда все кончилось, его тело сотрясилось от озноба, он спотыкался.

— Как... как вы нашли меня? — едва смог выговорить он.

Охранник взял его за локоть и помог взобраться на крышу Северной клиники. Проявляя некоторую человечность, он показал на ряд устройств, которые Райленд принимал за прожекторы.

— Это инфракрасные локаторы, Райленд. Учуяли тепло твоего тела. Да, их можно тоже обмануть, но только если на тебе одежда, чтобы скрыть тепловое излучение тела. А одежда сразу же выдала бы тебя и так, — добавил он сочувственно. — Поэтому не расстраивайся. У тебя не было ни единого шанса.

Он открыл дверь и подтолкнул Райленда внутрь, в холл клиники.

— Теперь ступай. Там кто-то тебя требует. Кто-то очень важный.

ГЛАВА 14

Его быстро провели по коридорам, втолкнули в какую-то комнату, оставили на мгновение одного, потому сунули комбинезон, дали ему время, чтобы он натянул одежду, не обращая внимания на тот факт, что комбинезон был размера на четыре меньше, чем требовалось.

— Там на это смотреть не станут, — проворчал охранник в белой куртке с алым сердцем на груди. — Пошли!

Они отвели его в другую комнату и снова оставили одного.

Сквозь открытую дверь Райленд видел операционную.

Хорошо, что есть на свете транквилизаторы, подумал он спокойно, потому что он явно прибыл на конечный пункт своего пути. Над двойным столом пылали асептические лампы. Все члены операционной бригады собрались за прозрачной стерильной перегородкой. На столе лежал человек примерно

того же телосложения, что и Райленд. Рядом с ним сложный аппарат с колоколообразными помпами шипел воздухом по системе трубок и шлангов. Искусственные легкие? Да. Этот человек, понял Райленд, должен получить новые легкие. И он получит их, естественно от Райленда...

Или не от Райленда? Второй стол был уже занят обитателем «Небес».

Это было странно.

Но видимо, заверил он себя, это означает только, что ему придется стать донором в следующей операции. План Человека не располагал возможностью заботиться об эмоциональном состоянии каждого человека, и вследствие этого Райленду позволили стать свидетелем операции.

Он посмотрел в сторону, потом опять заглянул в зал операционной, глядя со страхом, но одновременно и с любопытством, как хирург отдает короткие приказания, рассекает кожу, мышцы, проламывает кости...

Операция подошла к концу, когда за спиной он услышал звук.

Он повернулся.

В комнату вошла Донна Криири.

Донна Криири! Она взглянула на Райленда, словно он был частью мебели.

— Долго же вы его искали,— недовольно сказала она человеку, который вошел вместе с ней. Судя по выражению лица и знакам отличия, это был главный хирург клиники.— Ладно, у меня есть эта штука,— она помахала радарным пистолетом,— поэтому я с ним спокойно справлюсь. Правда, Райленд?

— Но это совершенно против правил,— с сомнением сказал хирург.

— Вы сами видели приказ Машины,— произнесла Донна Криири и помахала куском телетайпной ленты.

— О, конечно,— поспешил согласиться хирург,— конечно, мисс Криири. Вы ведь знаете, я не стал бы... Только это совершенно против наших правил.

Донна холодно кивнула и поманила Райленда рукой.

— Машина имеет право менять правила,— сказала она.— Теперь покажите, как нам пройти к ракете.

Они вышли из клиники по другую сторону стены и направились к посадочной площадке. Там, присев на хвостовых стабилизаторах, стояла скоростная ракетная яхта Донны.

— Чиквита! — прошептала девушка.

— Одну минуту, мисс Крийри,— решительно сказал Райленд.— Куда вы меня везете?

Она задумчиво посмотрела на него.

— У меня приказ Машины,— немного помолчав, ответила она.— Который предписывает доставить вас в другой орган-банк, где ваши органы необходимы для лечения одного важного члена Планирующей комиссии.

— Звучит довольно странно! — запротестовал он.

— Да, очень. Чиквита! — Девушка топнула ногой и сердито уставилась на ракету.

Внутри люка что-то золотисто сверкнуло, потом засветилась бледная голубоватая дымка.

Из люка выплыл пространственник.

Его оранжево-коричневые глаза с обожанием смотрели на Донну Крийри. С кошачьей грацией он изогнулся, завертелся в воздухе — от радости, как казалось,— и замер, повиснув перед девушкой.

Райленд начал что-то говорить.

— Помолчите,— прошептала девушка.— На споры нет времени. Нам нужно выбраться отсюда, пока они за вами не вернулись.

— Вернулись? Но почему? Дорожное указание Машины...

— ...подделано.— Она хладнокровно встретила его изумленный взгляд.— Да. Я лично подделала его, поэтому знаю, что говорю. Хирург отправится за вами, как только подаст обычное сообщение о выполнении приказа Машине. А когда это произойдет... как вы думаете, когда? Минут через пять?

— Я не понимаю!

— А вы и не должны понимать! — взорвалась девушка.— Пока времени нет на это! Я пытаюсь спасти вам жизнь. Кроме того...— она заколебалась,— есть и другая причина, если говорить начистоту. Вы нужны моему отцу.

— Планирующему? Но... но... стал бы он подделывать приказы Машины.

— Я не могу вам все объяснить сейчас.— Она посмотрела по сторонам. Вокруг никого не было.— Помогите вам Бог, если что случится! Я не могу спрятать вас в ракете — там негде укрыться, а туда они наведаются прежде всего. Не думаю, что они посмеют тронуть меня. Но вас...— Она пожала плечами.

— Что же я в таком случае должен делать?

— Делать? — воскликнула она.— Ну как что — влезть на спину Чиквиты! Зачем же, по-вашему, я привезла ее? Влезайте ей на спину, а она сама знает, куда лететь.

Райленд летел на пространственнике. Это напоминало езду верхом на золотом потоке.

Обтекаемое золотистое туловище было более стройным, чем у тюленя, мех отливал чистым золотым цветом, переходя на хвосте в черный. Это наверняка был самый необыкновенный скакун, на котором приходилось ездить человеку. Когда Райленд взобрался ему на спину, Донна произнесла короткую команду. Пространственник едва слышно замурлыкал, мускулы его рябью пронзила дрожь, и внезапно они подпрыгнули в воздух на сотню футов.

Он не почувствовал ни сотрясения, ни удара перегрузки. Просто они вдруг оказались на высоте.

Сквозь тонкую ткань комбинезона — своей единственной одежды — Райленд чувствовал, как вибрирует тело пространственника. Внизу он увидел дочь Планирующего. Она уже входила в ракету, не собираясь ждать начала неприятностей. Райленд услышал звук работы двигателей, но он все больше удалялся, хотя ракета начала взлетать.

Стив затаил дыхание и приник к спине пространственника. Он все еще не чувствовал давления встречного ветра. Далеко внизу он видел передвигающиеся, словно муравьи, фигурки людей на дорожках. Но они не смотрели вверх и, возможно, не смогли бы заметить Райленда, потому что было еще темно, а патрульные вертолеты с прожекторами висели между пространственником и «Небесами».

Теперь они уже поднялись на высоту тысячи футов. Ракета Донны, похожая на черную точку посреди огненного цветка собственных двигателей, казалось, была прилеплена к бетону посадочной площадки внизу. И только то, что она не уменьшалась в размерах, позволяло сказать, что она движется вслед за ними. Но вскоре даже ракета начала пропадать из виду.

В северо-восточном направлении собирался шторм. Перистые облака предостерегающей завесой закрыли звезды. Кучевые дождевые тучи вздымались черными башнями. Шквалы ветра с дождем уже двигались над темными горными районами Кубы.

Пространственник повернул в сторону грозы.

— Подожди! — крикнул Райленд. — Не надо туда!

Но пространственник или не понимал его, или не хотел слушаться. Он громко мурлыкал, как пушистый котенок, и стремительно летел навстречу грозовым тучам с их жестокими шквалами.

Райленд до сих пор еще не ощущал движения.

Поле пространственника, какова бы ни была его природа,

одновременно ускоряло каждый атом его тела. С ним передвигался и своеобразный воздушный карман, заключенный в пространство светящегося голубоватого ореола вокруг животного. Полет их был почти беззвучен, хотя они неслись едва ли не со скоростью звука. Невероятно! Математический ум Райленда мгновенно взвесил факты: видимо, пространственник создает вокруг себя силовую капсулу, форма которой зависит от природы встречаемого сопротивления.

В данном случае сформировалась тупоносая обтекаемая капля, когда они летели со скоростью сотни миль в час, а при достижении звукового барьера капля преобразовалась в иглу.

И по-прежнему не было чувства давления, хотя «Небеса» давно уже скрылись из вида.

Сейчас они летели над водой. Повсюду вокруг лежали облака. Они неслись в клубящийся фронт грозы, предшествовавшей урагану.

Ледяной дождь мгновенно промочил Райленда насквозь.

«Интересно,— подумал он,— дождь проникает сквозь капсулу, которая не пропускает воздушный поток!»

Но размышлять над этим не было времени. Неприятный холодный дождь не понравился пространственнику. Довольное мурлыканье превратилось в жалобное мяуканье. Он задрожал, но продолжал стремиться вперед.

Райленд потерял всякое представление об их положении в пространстве.

Со всех сторон надвигались буря, туман и ледяной дождь, мелькали молнии далекими вспышками. Но он надеялся, что пространственник знает, куда летит.

Они пробурили верхнюю кайму облачного фронта и вышли в чистое воздушное пространство. Под ними ураган закручивал облака гигантской спиралью, крутившейся вокруг неподвижного «глаза бури». Их окатил ослепительный свет. Это солнце снова показалось из-за горизонта. Значит, они поднялись на значительную высоту! И продолжали подниматься еще выше!

Райленда охватила невыразимая радость.

Он совершил невозможное! Он бежал и при этом остался цел!

Стивен Райленд перестал быть нумерованным кандидатом в сборник отходов. Он снова стал человеком. И Донна Крийри помогла ему там, где он потерпел неудачу. Он многим обязан ей. На секунду он вспомнил, что она не успела ему сказать относительно отца, потом оставил эту мысль. Чувство удивления растворилось в более впечатляющем чуде парения в беско-

вечных просторах неба, которое уже стало черным вокруг — воздух был совсем разреженным. И они продолжали подниматься, пока громадное пространство океана не обрело отчетливо выпуклый характер.

Но этого не должно было случиться! Это Райленд знал наверняка: поле пространственника должно было удерживать воздух. Но само космическое существо теперь начало тяжело дышать. Его мурлыканье и мяуканье перешло в сухой кашель. Они все еще продолжали подниматься, но Райленд чувствовал, что полет существа стал неуверенным.

Они достигли опасной высоты. И вдруг он почувствовал, что не может вздохнуть. Его измученное тело насквозь пронзил ледяной холод, несмотря на немилосердное сияние белого солнечного диска.

Райленд понял, что всему виной раны пространственника. Попытки в клетке Готтлинга не прошли бесследно. Часть симбионтов пространственника погибла. А ведь именно фузориты давали теплокровному существу возможность жить в открытом пространстве. Они не исчезли полностью, потому что воздух еще оставался вокруг пространственника. Он наполнял горячие легкие Райленда, предохраняя кровь от выкипания в вакууме, хоть немного защищал его от холода и убийственной ультрафиолетовой радиации солнца. Воздух еще был... Но хватит ли его?

Райленд мрачно засмеялся, почти что на последнем дыхании.

— Это я скоро узнаю,— прошептал он хрипло, задыхаясь. И потерял сознание.

Он не заметил момента, когда отключился, он только знал, что это должно произойти.

Когда он пришел в себя, то искренне удивился, что до сих пор жив.

Совершенный овал лица Донны Криири склонился над ним, что еще более усилило его изумление.

— Мы добрались,— прошептал он, не веря самому себе.

— Да, пока что все в порядке,— без улыбки сказала девушка.— Но не радуйтесь раньше времени, Райленд. Мы все еще в опасности.

Он попытался встать — и поплыл по кабине, пока рука девушки не подтолкнула его обратно на металлическую противоперегрузочную койку. Они находились в кабине корабля и, по всей вероятности, в невесомости. Он посмотрел по сторонам.

— Мне нужно за...— рефлекторно начал он и тут же остановился.

Он хотел спросить, где стоит телетайп, чтобы он мог зарегистрировать свое местонахождение. Но в этом, конечно, больше не было необходимости.

Донна Крийри показала рукой на кабину.

— Тебе здесь нравится, Стив? Она твоя.

— Моя? — он был поражен.

— Да. Ты помнишь ту ракету, которую генерал Флимер оборудовал для тебя, — для дистанционного управления из Пункта Серый Треугольник? Это она и есть, но с некоторыми переделками. Я убрала приборы дистанционного управления. Во всем остальном — это отличная межпланетная ракета. Она вращалась на орбите, куда вполне могла доставить тебя Чиквита. Только... — Ее лицо выражало беспокойство. — Только, почему отца до сих пор нет?

Райленд потряс головой.

— Простите, — сказал он, — но я не понимаю. Почему Планирующий должен быть здесь и зачем ему я?

— Он должен был сам вам рассказать, но, видимо, это смогу сделать и я. Стивен, знал ли ты, что за последние два месяца произошло больше сотни подземных толчков и все они были по основным населенным пунктам? Отец думает, правда, звучит это не очень хорошо, когда я говорю, но мой отец думает, что вызывает эти толчки Машина.

— М а ш и н а?

— Я понимаю, Стивен. Но отец беспокоится. Он обнаружил, что теперь Флимер и другие что-то делают с Машиной! Отец слишком хороший человек, он говорит, что не может это понять. Но я могу. Флимер жаждет получить контроль над Машиной, потому что хочет власти над Планом Человека. И уничтожение проекта разработки нереактивного двигателя — это лишь один шаг в цепи его плана. Все подземные толчки и аварии субпоездов, взрывы реакторов и ионных ускорителей в ракетах — все это части его плана. Изошренные диверсии!

О Стивен! Как тщательно все это было разработано! Машина — это только транзисторы и реле, ты сам понимаешь, она знает только то, что в нее вкладывают люди. Флимеру удалось изменить ее входные контуры. И теперь Машина почти открыто противостоит отцу. Сердцевина всех неприятностей — нереактивная тяга. Машина уверена, будто бы такой двигатель уничтожит План Человека. Поэтому отцу пришлось пойти на хитрость и подделку. Он позволил мне спасти тебя — это один из его ответных ходов. Но я боюсь, что уже слишком поздно.

Она обеспокоенно заглянула в иллюминатор на стенной панели.

— Пока, кажется, нас не преследуют. Пока.

Райленд наконец почувствовал, что дрожит от холода. Не потому, что на корабле было холодно, а потому, что его слишком короткий комбинезон насквозь промок.

— Кто? — спросил он.

— Полиция Плана, — ответила она. — Генералу Флимеру нужна Чиквита, даже если он и не подозревает, что со мной еще и ты. Хотя не стоит на это рассчитывать — вряд ли Машина так неблагоразумна, что не сообщит о твоём бегстве из органбанка. Флимер собирался убить Чиквиту, вот в чем дело, поэтому-то я и похитила ее. — Она нахмурилась, когда Райленд покачал головой. — Ты считаешь, что я не должна была этого делать? — вспыхнула девушка. — Она моя! И единственное безопасное место для Чиквиты — Рифы Космоса. Если мне только удастся ее туда доставить. Кроме того, это единственное безопасное место и для тебя.

— Ты уговариваешь меня бежать от Машины! — сердито сказал Райленд. — Стать преступником, отверженным!

— Стивен, но как, по-твоему, кто ты такой сейчас? Ты уже позабыл про «Небеса»? Я спасла тебе жизнь, и радуйся, что ты оказался здесь, — серьезно сказала она, поглаживая пространственника. — Я вовсе не была уверена, что Чиквита сможет запрыгнуть за пределы атмосферы.

— И я тоже.

Она улыбнулась и на секунду снова превратилась в ту немного капризную шаловливую девчонку, которая разговаривала с ним в ванной. Но лицо ее снова быстро помрачнело.

— И все-таки, если бы отец успел прилететь... Чиквита не выживет, если не вернется в Рифы и не пополнит запас своих фузоритов. А я... что ж, свою ракету я направила обратно на Землю, и она взорвалась. Они найдут обломки. Возможно, это убедит их в том, что мы оба погибли. Но они все же не настолько глупы, чтобы надолго поверить в это, а Машина тоже не допускает глупостей. Положение вещей пока что очень неустойчивое. Но мы с отцом все тщательно обсудили, он знает Машину очень хорошо и думает, что у нас есть двенадцать часов.

— А что потом?

— Ну, потом Машина взорвет твой воротник.

Невольно Райленд коснулся тусклого металла кольца на своей шее.

Девушка была права. Машина именно так и поступит.

Двенадцать часов? Возможно, Планирующий не ошибался. Хорошо. Тогда за двенадцать часов они должны выйти за пределы действия радаров Машины.

— Мы сможем выйти за пределы действия радарного луча Машины за двенадцать часов? — спросил он.

— Не знаю, Стивен. Думаю, можем. Вся надежда на то, что Машина еще не знает, что ты в космосе.

Девушка беспокойно подобралась к иллюминатору.

— Но отца с нами нет. Не знаю, как долго мы можем ждать. Конечно, как только мы доберемся до Рифов, можно считать себя в безопасности. Тогда тебе больше не придется носить воротник.

Вид у Райленда был удивленный. Она улыбнулась.

— Разве ты забыл, Стив? Рон Дондереве, человек, который избавился от воротника, — он там, в Рифах. Наверняка он может сделать то же самое и с твоим воротником.

Райленд беспокойно тронул кольцо.

— Пожалуйста, — попросил он, — расскажи мне, что ты знаешь о Дондереве...

«Об этом человеке, — молча подумал он, — для замены которого было собрано мое тело и мозг».

— Ты знаешь все, что я могу рассказать. Или почти все. Когда-то он был другом отца, несмотря на разные взгляды на будущее Плана Человека. Именно Дондереве первым рассказал отцу о Рифах и пространственниках и уговорил его попытаться создать нереактивную тягу.

К сожалению, когда План присоединил к себе его владения, Дондереве принял участие в антиплановой деятельности и был классифицирован как опасник. И в конце концов направлен на утилизацию. Отец поддерживал с ним связь, когда он был в орган-банке, и не пытался мешать бегству. Этот факт генерал Флимер тоже использовал, настраивая Машину против отца.

Я думаю, Дондереве сможет теперь помочь отцу в борьбе с Флимером за управление Машинной. По крайней мере, он сможет больше рассказать Машине о Рифах: не только то, что она знает из рапорта Лескьюри, который Флимер успел надлежащим образом отредактировать. Вот туда мы, Стивен, и должны отправиться искать Дондереве. Искать Рифы Космоса!

Райленд вдруг побоялся сказать Донне Крийри, как отчаянно нужен ему Дондереве. Он, возможно, поможет ему снять воротник. Он может помочь ему рассеять туман, застилающий прошлое. Но вполне возможно, что Дондереве

объявит воротник неснимаемым без сложных хирургических приспособлений, доступных только в орган-банке. И было даже вероятно, что Дондерево подтвердит то, что говорила Анджела, будто Райленд был «подсадной уткой», что его собрали из отходов орган-банка и он не стоит того, чтобы его спасали.

Если это правда, он не вынесет, если Донна Криири когда-нибудь об этом узнает. Дочь Планирующего — и несколько десятков фунтов утилизированного человеческого мяса. Пропасть между ними будет слишком огромна, чтобы ее могло преодолеть хоть какое-нибудь теплое чувство.

Донна Криири снова взглянула в иллюминатор и вздохнула.

— Не знаю, почему отца до сих пор нет, — сказала она с тревогой в голосе. — Но мы не можем больше ждать. Я пошлю ему сообщение. А нам необходимо как можно скорее отправляться в путь. Даже обычный радарный луч может сейчас до нас добраться. — Она улыбнулась. — И не только ради твоей безопасности. Если заряд будет включен внутри этого корабля...

Она сурово поджала губы и покачала головой.

ГЛАВА 15

Райленду снилась золотоволосая блондинка, у которой не было ни рук, ни ног... Потом над ним нависло ухмыляющееся лицо Опорто, в руках которого была ультразвуковая пила... Когда начала вздрагивать земля, его тело завибрировало, словно струна... и он проснулся.

Над ним стояла Донна Криири.

Он потянулся и потер затекшие ладони и лодыжки. Потребовалось несколько секунд, чтобы проснуться полностью. Ничего необычного в этом не было: сон того рода, что помогает преодолевать межпланетные расстояния, не так-то легко стряхнуть. Их путешествие должно было длиться сто пятьдесят дней. Подошло ли оно к концу?

На лице Донны читалась тревога, и громкое мяуканье доносилось из грузового отсека. Райленд застонал, пытаясь избавиться от песка, который, казалось, набился в суставы и кости. Слава Богу, что они были в космосе. Максимальное ускорение экономичных траекторий типа хохманновских предохраняло тело при контакте с койкой от пролежней и синяков, неизбежных на Земле.

— Стивен! — с отчаянием воскликнула девушка.

— Извини, — пробормотал он, заставляя себя проснуться, и наконец проснулся окончательно.

— Чиквита сошла с ума!

Он вздохнул и пробрался к иллюминатору грузового отсека. Пространственник молнией метался по отсеку, как кот, упустивший мышь. Он отчаянно мяукал.

— Мы уже на месте?

— Нет, Стив! Но Чиквита так громко мяукала, что сработала аварийная система и разбудила меня. Нам осталось еще много дней пути!

— Ладно. Посмотрим, что ее беспокоит.

— Но ничего не видно. Мы в глубоком космосе, далеко за орбитой Плутона, но до Рифов еще далеко. Здесь нет ничего такого, что могло бы ее взволновать...

Она замолчала, прислушиваясь.

Они оба одновременно слышали приглушенное постукивание по обшивке корабля.

— Ну-ка, поглядим, — мрачно сказал Райленд.

В иллюминаторах ничего не было видно, но на наружной двери воздушного шлюза имелось окошко, заслоненное шторой от радиации. Райленд отодвинул задвижку и раздвинул штору.

Снаружи в шлюз заглядывал человек. На его лице было выражение нетерпеливого раздражения.

Человек!.

Райленд и Донна посмотрели друг на друга. Этого не могло быть! И все же это было!

На человеке даже не было скафандра. Он кутался в ветхое одеяло и стучал по люку ручкой длинного ножа. Это был худой, невысокий, рыжебородый мужчина, уже немолодой.

— Стивен! — вскрикнула вдруг Донна. — Я его знаю. Это Куивера. Да, это он привез на Землю Чиквиту, чтобы спасти Дондерево из орган-банка. — Она заколебалась, потом резко сказала: — Стивен, открой люк!

— Что?

— Открой люк!

— Но воздух...

— Об этом можно не беспокоиться, — нетерпеливо сказала она. — Смотри!

Она указала на плавно очерченный силуэт, колеблющийся позади головы мужчины. Еще один пространственник! Неудивительно, что Чиквита так волновалась, она, несомненно,

почуяла присутствие собрата. Тот был побольше размерами и более темного цвета.

— У них собственный воздух,— сказала Донна.— Чем же иначе они дышат? Открой люк!

Райленд колебался. Здравый смысл говорил ему, что девушка права, другого объяснения быть не могло. Но открывать люк ему все равно как-то не хотелось: ощущение вырывающегося в пустоту воздуха было слишком сильным, чтобы сразу уступить поле боя чистому разуму. Только усилием воли Райленд заставил себя повернуть ключ клапана.

Послышался металлический воющий звук, зашипел клапан, выравнивая давление. И вот люк был уже открыт, а они по-прежнему дышали, втягивая странно пахнущий воздух. Он отдавал каким-то приятным химическим ароматом.

В шлюз поспешно влетел человек. За ним последовал его пространственник. У этого существа был красный нос, и он светился пульсирующим светом. Его большие глаза осмотрели камеру шлюза. Существо громко урчало от удовольствия и возбуждения.

— Стой! — крикнул маленький человек.

Пространственник очень волновался, но подчинился ему ожидая, пока человек откроет внутренний люк и закрутит клапан наружной двери.

Покончив с этим, Куивера сказал:

— Ладно, Адам, беги, встречай друга.

Два пространственника бросились друг к другу.

Они описывали круг за кругом в тесном пространстве грузового отсека, мяукая и мурлыкая, один — густым баритоном, другой — более высоким сопрано.

— Дети,— усмехнулся Куивера.— Как они рады встрече!— Он поклонился и снял с головы то, что еще оставалось от шляпы.— Дамы и господа, я — Квинтано Куивера, ваш покорный слуга.

Он снова посмотрел на Донну Криири и улыбнулся с неподдельным удовольствием.

— О, дочь Планирующего! Рад вас видеть. И вас, сэр, я тоже рад видеть, хотя не знаю пока вашего имени.

— Стив Райленд,— Стивен протянул руку, и они скрепили знакомство крепким рукопожатием.

— Мы тоже рады тебя видеть, Куивера,— проговорила Донна,— но...

— Но что Куивера делает здесь?— Человек улыбнулся и снова поклонился.— Думаю, я смогу вам помочь ответить на этот вопрос. Мой Адам почуял присутствие Чиквиты.— Он

протянул руку и погладил золотистого пространственника. Оба существа висели сейчас неподвижно, прижимаясь друг к другу боками.— Поэтому он захотел присоединиться к вам. Кроме того, есть другая причина.— Улыбка сошла с его лица.— Я и мой Адам уже некоторое время поджидаем вас. У Адама есть отличная способность видеть даже в темноте космоса, не говоря уже о даре ощущать присутствие другого пространственника даже там, где не может помочь никакое зрение. И Адам кое-что увидел. С его помощью это увидел и я.

— Что именно?

— Вы, наверное,— с тревогой сказал Куивера,— и сами не знаете, что за вами следует крейсер Плана Человека.

Невольно пальцы Райленда добрались к холодному металлу воротника. Лицо Донны Криири побелело, как мел. Должно быть, их сообщение Планирующему было перехвачено и Флимер теперь знал, где они находятся.

Уравнения военных действий в космосе допускали только одно решение: более быстрый корабль навязывает бой менее скоростному. Логика действия радарного запала в воротнике Райленда не оставляла сомнения в единственно возможном исходе такого боя. Если они попытаются бежать, крейсер Плана догонит их. Даже если они включают двигатели, на крейсере рассчитают их положение, исходя из последних зарегистрированных координат и скорости движения, и ошибки тоже не будет. Пламя дюз представляло отличную мишень, видимую за миллионы миль при помощи специальных сканеров. Любая попытка бегства сейчас же вызовет новый всплеск сигнала на инфракрасных экранах крейсера.

А потом импульс радара детонирует воротник.

— На корабле есть оружие?— хрипло спросил Райленд.

На иссеченном морщинами лице Куиверы появилось удивленное выражение.

— Сражаться против Плана? О нет, мой юный друг. Мы с ними сражаться не станем, это их метод. Мы пойдем своим путем — просто убежим, вот и все.— Он кивнул.— Да, до Рифов еще несколько миллионов миль — это приличный путь. Но в конце его ждет свобода. Возможно, даже...— он посмотрел на пальцы Райленда, поглаживающие металл кольца,— свобода даже от этой штуки на шее.

— Но у нас нет шлюпки!

Куивера поджал губы и показал в сторону двух пространственников.

— Нереактивная тяга,— быстро догадался Райленд.— Ко-

нечно же! Они могут снять нас с ракеты, а так как не используют раскаленных дюз, то приборы Плана не смогут их зафиксировать. Но... самка ранена. В прошлый раз она едва не погубила меня всего за несколько минут в открытом космосе. Смотрите!— Он указал на шрамы, которые полковник Готтинг оставил на золотистой шерсти.

— Но прошло достаточно времени, чтобы раны зажили, Стив,— возразила Донна.— Не забывай, мы в полете уже более четырех месяцев!

Куивера внезапно забеспокоился. Не обращая внимания на слова девушки, он наклонился над пространственником. Чиквита резко повернулась и повисла перед ним, весело мурлыкая. Наконец Куивера поднял встревоженное лицо.

— Это были опасные раны, мисс Крийри. Я не думал, что вы с ней так обойдетесь.

— Но это не я сделала!

Куивера покачал головой.

— Очень опасные раны,— повторил он.— Не знаю, заживут ли они когда-нибудь полностью.

— Это означает, что мы не сможем бежать отсюда на пространственнике?— упавшим голосом спросил Райленд.

— Нет, нет,— сказал маленький человек печально,— я не хотел вас пугать. Мой Адам сможет перевезти нас всех, я обещаю. Но нам нужно спешить.

— Нет,— сказал Райленд.

Девушка и Куивера замерли, глядя на него.

— Подождите, не сразу,— сказал Стив.— Эту ракету специально оборудовали для меня, чтобы исследовать неактивную тягу. Мне необходимо это оборудование, потому что, если это имеет такое значение, как вы говорите, мы должны овладеть ее секретом. Пространственникам придется тащить его... Не возражайте,— добавил он, видя, что Куивера хочет что-то сказать,— я знаю, что это трудно. Но мне эти приборы необходимы, и еще...

Куивера холодно смотрел на Райленда, но в конце концов он улыбнулся и сказал:

— Очень хорошо. Если желаете ползти, как улитки, Адам и Чиквита смогут тащить все, что вам потребуется. Что еще?

— Я хочу поставить запал на топливный бак корабля. Чтобы не обыскивали корабль после нашего ухода, лучше будет его взорвать.

За десять последних минут они отобрали устройства, источники питания и множество другого оборудования. Еще пять

минут у Райленда ушло на установку контактов реле времени на запале, который он поместил в топливный отсек, и после этого они были готовы отправиться в путь.

Ступить за борт корабля оказалось не легче, чем спрыгнуть с крыши небоскреба. Они стояли у открытого люка шлюза и снаружи мерцала звездами Вселенная. Райленд чувствовал себя таким беспомощным и крошечным, как никогда в жизни. Как может человек выжить в этой холодной пустоте, пронизанной светом далеких звезд?

Но Куивера заверил его, что поле пространственников удерживает воздух вокруг корабля даже сквозь стенки корпуса. И действительно, хотя глаза их еще не привыкли к темноте после яркого света кабины корабля, они различили движущиеся силуэты странных цветов.

Райленд и девушка взялись за руки и прыгнули вперед, всплывая в мир пространственников.

Они ничего не чувствовали, но двигались. Рядом летели пространственники, внешне не обращая на них внимания, но поле нереактивной тяги двигало их по касательной к курсу ракеты, постепенно отклоняясь в сторону. Когда они удалились от корабля, воздух силового пузыря пространственников оторвался от корпуса, сконцентрировался и дышать стало легче.

Позади, указывая своим концом на покинутый корабль, изредка вспыхивал в звездном небе хвост, состоящий из взятого оборудования, которое отобрал Райленд. Но они лишь мельком обратили на него внимание, потому что вокруг уже мерцал мир пространственников, и это была сказочная страна.

В это было трудно поверить! И Донна с Райлендом смотрели по сторонам, не веря собственным глазам.

Когда некие частицы и тельца заняли надлежащее им обычное положение внутри поля, оно приобрело вид холодноватого светящегося зеленого облака, такого яркого, что Райленд едва видел звезды. Невероятные лозы с необычно длинными листьями несли на себе невиданные плоды. Сквозь ветви этих лоз порхали существа, похожие наполовину на рыб, наполовину на птиц.

Они находились внутри пузыря, где плотность воздуха достигала земной, и невидимые крошечные существа, дающие свет и жизнь, были сконцентрированы наиболее плотно. Они могли свободно передвигаться. Райленд неустанно сновал туда-сюда по небольшому пространству воздушного облака, где лишь несколько ярдов отделяли его от открытого пространства, время от времени бросая Куиверу быстрый вопрос. У малень-

кого человека было не так уж много ответов, но факты говорили сами за себя.

— Невероятно!— бормотал Райленд.— Фантастика!

Он уцепился за виток лозы всего в восемнадцать дюймах от прозрачной границы сияния, обозначавшей конец обитаемого пространства, и смотрел на звезды. Он не мог найти ни одного знакомого созвездия: Орион и могучий Южный Крест остались на своих местах, но утонули в тысяче более слабых звездных огоньков, которые с Земли не видны. Наконец в его глаза впилась игла голубого света, и он понял, что отыскал хотя бы одну знакомую звезду. Это мог быть только Сириус. Он тоже оказался более ярким, чем видимый с Земли, и смотреть на него было почти больно.

За его спиной послышался нерешительный голос Донны:

— Стивен, что это такое?

Райленд повернулся к ней лицом.

— Это замечательно! Кажется, я начинаю понимать... Тяговое поле удерживает вокруг облако воздуха. Из пространства оно улавливает пыль и атомы водорода. В этих лозах и лианах находятся клетки фузоритов, которые синтезируют кислород из водорода, как и все другие необходимые элементы: углерод и так далее. Они же излучают свет и тепло, достаточное для жизнедеятельности пространственника и нашей. Подозреваю, что в этих растениях изрядная доля тяжелых элементов. Консервация энергии. Реакция термоядерного синтеза освобождает слишком много энергии. Если бы она переводилась только в легкие элементы и тепло, мы бы так или иначе погибли. Но синтез тяжелого серебра уже требует энергии...— Он покачал головой.— Извини. Но я не могу от всего этого оторваться. Это настоящий маленький мир с его собственным совершенным кругооборотом.

— А что мы будем есть?— просто спросила Донна.

— О, еда!— вмешался Куивера.

Он поплыл сквозь зеленоватое свечение облака, словно пловец под водой, где роль водорослей исполняли необычные лозы фузоритов, набрал полные руки странных ярких плодов и поплыл обратно к ним.

— Попробуйте,— предложил он.— Они вкусные. Платина? Золото? Я ничего не знаю о тяжелых элементах, мистер Райленд, но я знаю, что такое настоящий вкус!

В этот миг позади, в той точке, откуда они вылетели, распустился ослепительный беззвучный цветок пламени. Все повернулись в ту сторону.

— Это наша ракета,— с тревогой сказал Райленд.— Я надеюсь, что нам понравится в Рифах, Донна. Ничего другого нам не остается.

Они сгрудились у границы пузыря воздуха, выглядывая наружу.

— Не подходите к границе слишком близко,— предостерег Куивера.— Даже не пытайтесь высунуть наружу палец. Вас разорвет.

Райленд мгновение смотрел на него, пораженный, потом кивнул.

— Конечно. Все, что превышает размерами молекулу, поле не отражает, так? И если поле пробито, его разорвет внутренним давлением воздуха.

С большой предосторожностью они устроились немного подалее от границы поля, чтобы посмотреть, что происходит с кораблем. Пламя взрыва уже погасло, но оно успело раскалить металл корпуса корабля добела, и теперь они могли видеть остывающий оранжевый скелет корабля. Обшивка и оборудование были уничтожены взрывом, но неподалеку от слабо светящихся остатков корабля они заметили мигание световых точек. Это был крейсер, как уверенно объяснил Куивера. Мигающие световые точки — это были вспышки вспомогательных двигателей. Крейсер корректировал свое положение относительно остатков корпуса ракеты.

Пространственники наблюдали за звездным небом из-за путаницы лиан и издавали хмыкающие звуки. Куивера прислушался к ним, погладив блестящую шерсть, что-то ласково говоря им вполголоса.

— Они увидели крейсер Плана,— объяснил он остальным.— Корабль сам излучает инфракрасные лучи. Теперь, когда крейсер близко, они хорошо его видят.

— Близко?!— Райленд был поражен.

— Конечно, мистер Райленд. План не настолько глуп.

— Но... они должны были подумать, что мы погибли! И даже если нет, они не могут засечь нереактивную тягу пространственника...

— Нет,— согласился Куивера.— Они просто не хотят рисковать. Я могу представить, что они сейчас говорят на крейсере: «У них была спасательная шлюпка? Если была, то куда они могли направить ее? К Рифам — больше некуда». А План знает, где находятся Рифы.

Пространственники проявляли все больше признаков беспокойства.

— А наши друзья начали уже уставать,— заметил Куивера.— Им нужна передышка. Даже вдвоем им тяжело тащить и нас, и все оборудование, мистер Райленд. Двигаться быстро они не могут, поэтому они попытаются спрятаться.

Он показал куда-то сквозь светящиеся лианы.

Райленд посмотрел в ту сторону, но ему мешало свечение атмосферного блеска от облака. Он оттолкнулся ногой очень осторожно и перелетел на другую сторону воздушного пузыря, где уцепился за лиану и повис, всматриваясь. Но если там что-то и было, его нетренированные глаза неспособны были разобрать, что именно.

За ним последовал Куивера.

— Это скопление рифовых образований,— пояснил он.— Вон там, возле трех голубых звезд.

Привыкшие к условиям Земли, глаза Райленда не могли справиться с задачей. Но Чиквита и Адам проскользнули рядом с ним и неподвижно повисли среди ярких светящихся листьев. Их большие грустные глаза были направлены куда-то в усыпанную звездным порошком пустоту. Райленд покачал головой.

— Я ничего не вижу.

— И я тоже,— признался Куивера,— тоже ничего не видел, пока мне не показали пространственники. Мы не в состоянии отыскать камешек в крошечной тьме, но они могут.

— Даже если здесь есть Рифы,— с сомнением сказал Райленд,— и мы до них доберемся, то почему за нами не может последовать корабль Плана?

Куивера пожал плечами.

— Может, конечно, но Рифы окружает гораздо более плотное облако, чем содержит этот небольшой пузырь. Там целые рои светляков, которых вы называете фузоритами, они создадут помехи для поисковых экранов. Большие куски Рифов замедлят ход их ракеты, а может быть, произойдет даже катастрофа, мистер Райленд, если они будут неосторожны. Хотя они вполне могут пробраться и найти нас. Это так. Но это наш единственный шанс, и ничего другого нам не остается, как только испытать его.

Они летели уже несколько часов. Трудно сказать, сколько именно: часов у Райленда не было. Поскольку цель назначения и преследователи для него одинаково невидимы, единственными точками отсчета могли служить звезды. Но гигантские расстояния до них были несоизмеримы с ничтожной относительно них скоростью пространственников. Адам и Чиквита, казалось, совсем не напрягали сил, грациозно скользя между лианами, но

Куивера заверил Райленда, что они движутся почти так же быстро, как и крейсер Плана, несмотря на следующий за облаком хвост приборов и оборудования.

Вдруг Куивера сказал:

— Мы уже почти на месте.

Райленд принялся высматривать среди звезд это «место». Задача осложнилась тем, что у их «корабля» не было ни носа, ни кормы, и невозможно было определить, в каком направлении они двигались. Он ничего не мог разглядеть. Звезды сияли в своем великолепии, не замутненные атмосферой. Райленд повис почти у самого края воздушной капсулы, созерцая светящиеся точки голубых гигантов, красных карликов, скопления туманностей.

Потом впереди он увидел Риф.

ГЛАВА 16

Сначала это было пятнышко света, потом оно выросло в выпуклую, бугристую сферу мерцающего великолепия. Это был уже инкрустированный самоцветами мяч, плывущий в пространстве, и самоцветы были лесами кораллов...

Словно комета, они подошли совсем близко, потом замедлили полет. Райленд видел шипастые деревья кристаллического углерода — алмазы! — переливающиеся собственным внутренним светом, странные пузыристые массы, напоминающие формой человеческий мозг, излучали голубой и фиолетовый свет на прогалины призрачно-белого песка, на замерший лес с яркими металлическими листьями.

Для Райленда и Донны это была волшебная, сказочная страна, но Куивера смотрел вперед цепким оком профессионала и качал головой.

— Для укрытия место не очень подходящее, — сказал он, всматриваясь в сияющий шар Рифа. — Хотя твердое ядро может нам пригодиться. Рифы большей частью пустые внутри, потому что там они уже умерли.

Райленд кивнул.

— Очевидно, организмы на поверхности поглощают весь попадающий свободный водород и поэтому могут расти. Оставшиеся на глубине умирают от голода.

Куивера не слушал его. Он вдруг воскликнул весело:

— Ага! Вот и пещера, и свободная! Хотя это еще неизвестно.

Райленд смотрел на него, ничего не понимая. Куивера пожал плечами.

— У этих Рифов не очень сильная гравитация, и воздух здесь нужно держать искусственно, как это делают пространственники. Это может делать другой пространственник или микроскопические живые клетки самих Рифов. Каждый Риф — это особый мир, и я не знаю, что именно мы здесь встретим. Но воздух может держать и нечто очень неприятное. — Он поднял руку. — Подождите, надо посмотреть.

Шар из драгоценностей был уже близко.

— Смотрите, — показал Куивера, — смотрите, как Чиквита входит в атмосферу Рифа. Сейчас нас тянет Адам, а Чиквита следит за воздухом. Видите?!

Пространственник-самка в этот момент устремилась вперед, в то время как Адам повис неподвижно.

— Я над этим уже задумывался, — отметил Райленд. — Когда две сферы встречаются, давление воздуха должно расталкивать их в разные стороны.

Куивера покачал головой.

— Видите, они нас «шлюзуют».

Райленд внимательно наблюдал за происходящим.

Они подошли к Рифу все ближе и ближе. Маленькие существа, полуптицы-полурыбы, испуганно засуетились, и он понял, что оболочка пузыря сокращается. Но он не ощущал возрастания давления.

— Я понял! — воскликнул Райленд внезапно. — Она создает новую оболочку, достаточно большую для нас и для Рифов. Потом она продырявит нашу теперешнюю оболочку, и выходящий воздух из нее уравнивает давление!

Куивера кивнул. Они почувствовали внезапную вибрацию, словно к ним дошла ударная волна далекого взрыва, отозвавшись в барабанных перепонках. Внутренняя оболочка полностью исчезла.

Райленд был поглощен новым миром. Непрекращающийся световой дождь мириад звезд даже сквозь затуманенную атмосферу Рифа являл ему картину волшебной страны. Солнце, само не ярче Сириуса, вызывало желтоватый отблеск на кристаллических ветвях... Мог ли он называть эти образования растительностью? Но Куивера не дал ему времени насладиться зрелищем необычайного мира.

— Теперь наша очередь, Райленд, — усмехнулся он.

Стив увидел, что оба пространственника повисли на некотором расстоянии от темной пасти входа в пещеру, наблюдая за ним большими влажными глазами. Их красные носы быстро

и мелко вздрагивали. Они похныкивали, и по бокам Чиквиты, усеянным шрамами, пробежала волна дрожи.

— Что мы должны делать?

Куивера спокойно объяснил:

— У пространственников есть природные враги — этикие грубые бронированные разбойники. Двигаются они медленно. В космосе им пространственника не догнать. Но они смертельно опасны. Они подстерегают их вот в таких местах. — И он добавил вежливо: — Так что нам придется лезть в эту нору, мистер Райленд, если вы окажете мне честь присоединиться.

Оттолкнувшись, Куивера подлетел к входу в пещеру, заглянул внутрь, обернулся и пожал плечами.

— Посмотрим, — сказал он.

Спокойно размотав тряпичный узелок, он вытащил довольно старый полицейский пистолет. Обращался он с ним не очень искусно: долго не мог открыть магазин, чтобы проверить заряды. Райленд заметил, что их у него осталось только четыре. Несомненно, у Куиверы были трудности с пополнением боеприпасов. Наконец Куивера вскрыл магазин и поудобнее ухватил за рукоятку. Потом, оттолкнувшись каблуком поношенного ботинка от зеленоватого кристального сталагмита, он сломал его у основания. Длинной кристалл был восемнадцать футов и довольно острый на конце.

«Получился вполне пригодный к бою меч», — подумал Райленд и сообразил, что из сталагмита вышел еще лучший факел. Внутри пещеры было темно, а кристалл светился благодаря заключенным в нем клеткам фузоритов.

Куивера забрался в пещеру, и Райленд последовал за ним, не успев оглянуться на Донну.

Внутри их ждало странное скопление извилистых коридоров. Стенки входа были поразительно ровными, словно вытертые прикосновением какого-то массивного тела, постоянно входившего и покидавшего пещеру. Райленд быстро прикинул возраст Рифа и немного успокоился. Время здесь текло по иной шкале. Перемена могла быть мгновенной, а могла происходить крайне медленно. Края входа могли быть истерты много миллионов лет назад. Все эти погруженные в темноту коридоры, гладкие стены, созданные телами умерших фузоритов, были, наверное, мертвы еще в ту пору, когда Земля не успела еще сконденсироваться и остыть, оставаясь клубком раскаленного газа. Ничего нельзя было определить точно. Райленд также не имел представления о длине и глубине коридоров. Они находились в лабиринте, вроде тех, что встречаются среди

земных морских кораллов, внутри которых крабы поджидают добычу в виде заблудившейся мелкой рыбешки.

Куивера задержался у развилки, где коридор разделялся надвое, и оба рукава всего в нескольких ярдах разделялись снова. Он рассматривал стену.

Райленд присоединился к нему и понял, что привлекло его внимание.

На гладкой стене прохода виднелись параллельные царапины, словно их выкрошили клыки какого-то невероятного чудовища.

— Кажется, они этим проходом пользуются, — сказал весело Куивера. — Если бы мы только знали, когда именно. Ладно, я вас попрошу, если не возражаете, охранять это место. — Он повернулся, взглянув на Райленда. — Понимаете, на этом опасном посту должны оставаться именно вы, потому что если пиропод объявится из одного из этих коридоров, когда меня не будет, то... — Он сделал мрачное лицо, вежливо развел руками и исчез.

Райленд уцепился за выступ скалы и принялся ждать.

Пиропод...

Он снова услышал это слово, которое произносил тихий застенчивый голос доктора Трейла. Он снова будто лежал на кушетке терапевта в «Центре Отдыха», беспомощно ожидая, когда кончится эта пытка щупом, продирающимся в его потерянную память. Райленд вздрогнул, зябко поеживаясь, вспоминая безжалостную силу, пытавшуюся вырвать у него секрет, которого он не знал...

Или он действительно когда-то знал, как построить нереактивный двигатель? Призрачный туман забытья и неразрешимых противоречий прошлого снова хлынул в его сознание. Сквозь него послышался голос Анджелы, дразнивший Райленда ответом на загадку. Итак, он — «подсадная утка», искусственный человек, созданный для диверсий против Плана, лишенный памяти, поскольку у него не было прошлого.

Да, неплохой товарищ для дочери Планирующего. Он еще раз дал себе слово никогда не рассказывать Донне ничего о своем происхождении. Теперь, когда она одинока, когда в ее мире остались только два человеческих существа — он и Куивера, — сможет ли она справиться с потрясением, узнав, что он не настоящий человек?

Он нетерпеливо повел плечами, словно этот жест был в состоянии развеять парализующий туман, окутавший память, и объяснить, наконец, истинную сущность Райленда. Но эта

старая загадка подождет решения, очевидно, до момента, когда сработает механизм и детонирует заряд в воротнике, навсегда лишив его хозяина необходимости разгадывать загадки. Сейчас основного внимания требовали насущные проблемы.

В глубине пещеры было тепло, хотя основное тепло и свет производили фузориты на поверхности небольшого неправильной формы шара Рифа. Но Райленд обнаружил, что дрожит. Пиропод? Да. Он уже слышал это название, и ему не хотелось сейчас вспоминать, что ему о нем рассказывали.

Время шло.

Темно... тихо... пусто... Райленду казалось, что мертвые стены вокруг начинают вдруг сжиматься. Он вытирал покрывшиеся потом ладони, касаясь стен и убеждаясь, что они остаются на месте и не собираются давить его... Невольно он усмехнулся. Приступ страха — и это здесь! За миллионы миль от Земли, внутри плывущей в пустоте пылинки! Нелепость ситуации придала ему уверенности. И когда наконец он увидел в дальнем проходе отсвет факела Куиверы, он уже был спокоен и бодр.

Показался светящийся кристаллический меч, и Куивера весело приветствовал Райленда.

— Здесь тупик, и там никого нет. Очень хорошо. — Он подтянулся ближе к Райленду и заглянул в другой коридор. — Я думаю, что эти коридоры мы пока оставим в покое. Похоже, что они пусты, а обследовать их все — на это нужна неделя. Считай, что нам повезло, мой друг. Мы еще не познакомились с пироподом.

По призыву Куиверы пространственники плавно проплыли вниз по коридору. Их красные носы подрагивали, когда они посылали в темноту коридоров импульсы инфракрасных локаторов. За ними нерешительно следовала Донна, оглядываясь по сторонам с любопытством и легким страхом.

— Здесь безопасно? — спросила она.

— Пока с нами воротник Райленда, мы в опасности постоянно, — спокойно сказал Куивера. — Что же касается пироподов, то взрослых особей здесь точно нет, но какой-нибудь щенок может бродить где-либо в коридорах. Если так, то мы это скоро обнаружим, а пока... Почему бы нам не устроиться здесь поудобнее?

Они трудились три дня без перерыва. Пространственники постоянно беспокойно мяукали. Это потому, как объяснил Куивера, что крейсер Плана по-прежнему, где-то рядом в окрестностях.

Поскольку они ничего по этому поводу сделать не могли, они ничего и не делали. Но в новом доме все трудились упорно.

В каверны и переходы они внесли лозы и лианы выделяющих кислород фузоритов; устроили отделение для еды, отдыха и сна. Каждое помещение окутывали лианами, устанавливали сияющие кристаллы рубинов и топазов для обогрева и освещения. Это было так красиво, что Донна не удержалась от восхищенного восклицания. И это было еще не все. Под руководством Куиверы Райленд научился плести сети и канаты из волокон лиан. Поверхность Рифа снабжала их кристаллами и кусками металла: железа, меди, алюминия, серебра. Из этих кусков они выковали примитивные инструменты. Наконец они установили предохранительную сеть, сплетя ее из лиан и замаскировав, натянули поперек входа в пещеру, чтобы скрыть его.

Куивера подался назад, оценивая работу.

— Ну, что ж, — сказал он. — Сойдет. Хотя она могла быть и потолще. И все твои приборы можно было упрятать получше. Будем надеяться, что крейсер тебя не почует.

— Меня? А вы?

— Я отправляюсь на основной Риф. — На сухом морщинистом лице Куиверы появилась радостная улыбка. — Я там возьму в помощь еще одного пространственника и захвачу Рона Дондереву.

Райленду и девушке было жаль расставаться с ним, но их печаль не шла в сравнение с печалью расстававшихся пространственников. Адам должен был нести на себе Куиверу. Чиквита оставалась с ними, чтобы поддерживать атмосферу и дать возможность спастись им бегством, если крейсер Плана окажется слишком настойчивым.

Они смотрели, как улетает Куивера. Все трое: Райленд, Донна и Чиквита. Спустя секунду он уже скрылся из вида. На миг Райленду показалось, что он заметил красную искру — нос Адама, повернувшегося, чтобы послать последний привет Чиквите. И вот уже снова пустота. Они всматривались, пока на глаза не навернулись слезы.

Крейсер Плана мог затаиться в сотне миль, тысяча пространственников могла прятаться в десятке миль: без радара Райленд и Донна были слепы. Снаружи сияли только звезды.

Донна коснулась руки Райленда.

— Здесь так... одиноко, — прошептала она. — Пойдем вниз.

— Обратно в пещеру! — резко сказал он. — Снова в каменный век! Подходящая ли это обстановка для принцессы Плана?

Она отодвинулась от него и через секунду вместе с пространственным исчезла за маскирующей сетью лиан.

Райленд же бродил по Рифу, пытаясь успокоить внезапную бурю, поднявшуюся в нем.

Но успокоиться он не мог. Спокойствие, как он понимал, не придет к нему, пока он не избавится от душившего кольца на шее... и пока не удастся пересечь пропасть, разделившую его с собственным прошлым, затмившую его облаком забвения и противоречивых фактов...

Или пока взрыв кольца не утешит его вечным покоем.

Время шло. Они оба нашли, чем его занять. Теперь, исключая пространственного, они непонятным образом чувствовали себя скованно. Райленд едва узнавал в девушке самоуверенную дочь Планирующего, с ее обычными голубыми Мира на плечах и охраной, готовой прийти на помощь по первому ее зову. Донна стала спокойнее и, казалось, моложе. Они разговаривали о ее отце, и впервые в жизни Райленд начал думать об этой полумистической фигуре, как об обыкновенном человеке. Донна ужасно за него волновалась.

— Но ведь мы не могли его ждать, Стив! И все-таки... лучше бы мы подождали.

Он снова спрашивал ее, почему Планирующему пришлось скрываться от Машины, и получил тот же ответ, что и раньше. То есть никакого ответа.

— Я не знаю, Стив, но он был взволнован. И ключом ко всему являются твои уравнения.

Это, естественно, заставляло Райленда смотреть на кучу оборудования и машин, которую они притащили с собой, с грустью, ведь для работы были нужны порядок и пространство. А на этом маленьком Рифе не было ни того, ни другого.

Они жили словно на необитаемом острове, вылавливая маленьких летающих существ плетеной сетью и наслаждаясь плодами лиан. Райленд ужасался при мысли о радиации, которую они поглощали с каждым куском, но желудок его ликовал.

«Кроме того,— думал он,— мы не первые, кто их пробует, оставаясь живыми».

Возможно, радиация имела чисто световой характер или представляла какой-то род люминесценции, сходной с фосфорическим светом светлячков.

Райленд снова расспрашивал девушку о том, каким образом Флимеру и его соратникам удалось взять власть над Машиной, и снова получал тот же ответ, что и раньше. То есть никакого ответа.

— Я не знаю, Стив. Но все это как-то связано с нереактивной тягой. Отец говорит, что поиски двигателя для межзвездных перелетов были им одобрены как часть первоначального Плана, встроенного в Машину. Когда он узнал о пространственниках и понял, что возможна нереактивная тяга, он начал прилагать усилия для изучения этого феномена. И сразу натолкнулся на сопротивление таких людей, как Флимер. Я не знаю причины их оппозиции. Это нечто большее, чем желание захватить власть, место отца. Каким-то образом они научились манипулировать Машинной, взяли её под свой контроль. Но я все же верю, что мы можем спасти и отца, и Машину, и План Человека... если узнаем секрет пространственника.

Это, естественно, заставило Райленда начать сборку и настройку компьютера, привезенного с ракеты. Но туман в его памяти стал еще гуще. Он сидел, уставясь на панели компьютера, но не мог придумать подхода к проблеме, кроме того, что он уже испытал под началом генерала Флимера. Он не был уверен, что провал Групповой Атаки имел причиной только саботаж Флимера.

К тому же, думал он, мало что можно сделать, сидя на этом крошечном Рифе. Даже если бы у него были чертежи настоящего нереактивного двигателя, он беспомощен без инструментов и мастерской.

И он оставил усилия, видя их безнадежность.

Дни проходили за днями, недели за неделями. Пространственник, все еще обеспокоенный, бродил по поверхности их маленького Рифа. Они не обладали способностью Куиверы читать реакции пространственников, но его беспокойство было очевидным. Был ли этому виной крейсер Плана или какая-то другая более близкая угроза? Они сказать не могли. Донна становилась все грустнее. Они даже однажды поссорились из-за пустяка, и она разразилась рыданиями.

Потом она прижалась к нему.

— Извини. Это потому, что я привыкла к удобствам. Слуги, чистая одежда, готовая еда. И власть... А теперь...

Она улыбнулась, глядя на него. Однако Райленд отстранил девушку. В нем бушевали чувства, которые он не мог ни объяснить, ни справиться с ними. Теперь настала его очередь хмуриться и раздражаться, потому что, хотя он сам этого не знал, его внутреннее «я» стало полем боя между здравым смыслом и растущей сильной любовью к дочери Планирующего.

Даже сон его стал беспокойным.

Он спал тревожно, ему казалось, что он задыхается. Во сне

он сидел с своим кабинетом, в милях под поверхностью Земли, в спрятанном сложном сплетении туннелей с кондиционированным воздухом, в котором работали обслуживающие Машину операторы. Он слышал стук в дверь и открывал ее, чтобы впустить Анджелу.

Но это была не Анджела.

Это была Донна Крири, облаченная в белый халат, как медсестра в орган-банке. Она принесла кофе и бутерброды на пластиковом подносе, но, подняв глаза на Стивена, закричала и уронила его на пол.

— Дондерево! — кричала она. — Это Рон Дондерево!

Он хотел сказать ей, что он не Дондерево, но вдруг оказался привязанным к кушетке терапевта, и его тело сотрясал агонизирующий шок. Она снова подошла к нему в белом халате с алым сердцем на высокой груди и потянулась к нему длинным изогнутым скальпелем.

— И вы могли бы нам сказать, — шептала она астматическим голосом доктора Трейла, — как устроен нереактивный двигатель.

Он был готов все ей рассказать. Описание конструкции ясно светилось в его мозгу. Все было очень просто. Он не понимал, зачем столько шума. Но голос его был парализован шоком, который болезненными волнами прокатывался по телу от кольца на шее. И Донна не позволила бы ему говорить.

Теперь у нее на голове был рогатый радарный шлем. Она насмешливо говорила голосом жабы-Флимера:

— Одно прикосновение, Райленд. Одно прикосновение к кнопке детонации, и твой драгоценный секрет умрет вместе с тобой.

А теперь у нее было лицо Анджелы Цвик.

Кольцо на шее вдруг вспухло...

И он проснулся, задыхаясь.

— Это был только сон! — Он панически потянулся к шее.

Нет, это был не сон. Кольцо было там, и оно наверняка вот-вот должно было взорваться.

Воображение заставило его почувствовать, как оно пульсирует, сдавливая пересохшее горло. Ему показалось, что он слышит какой-то звук внутри кольца: тиканье, жужжание...

— Нет! — крикнул он, выскакивая из гнезда, в котором спал.

Кольцо взрывается! Не через год, не через минуту, а сейчас!

Он бросился к выходу из пещеры, вскрикивая.

К нему быстро подлетела Донна Криири, и настоящий ужас на ее лице заставил его забыть наконец о своих воображаемых кошмарах.

— Что случилось? — сурово спросил он.

— Стив... Чиквита! Она бродила по нижним коридорам, куда мы никогда не ходили, и... — Она замолчала, не в состоянии продолжать.

Позади нее показался пространственник, жалобно мяукая.

Ее бок представлял собой ужасное зрелище — мешанина рваной плоти и золотистой слизи, словно след от громадного острого клыка.

ГЛАВА 17

В магазине пистолета было четыре патрона. Райленд проверил их наличие, поблагодарил мысленно Куиверу за то, что тот оставил оружие, и направился в глубь коридора. Он ничего не сказал Донне Криири, он не знал, что ему говорить.

Значит, на их Рифе появился пиропод...

В горле у Стива было сухо. Пиропод, то есть «огненогий». Обитатели открытого космоса, напоминающие в принципе, как смутно помнил Райленд, обыкновенные земные петарды. Он пытался нарисовать в уме хотя бы одного пиропода, но ничего не выходило. Но Куивера говорил, что где-то в Рифе может оказаться пиропод. А страшные раны Чиквиты превратили эту вероятность в нечто гораздо более серьезное.

Райленд приостановился у конца коридора, который они уже успели исследовать, и поднял кусок кристалла, брошенного Куиверой. Он все еще ярко светился, и это был единственный источник света, который мог использовать Райленд, направляясь в первый извилистый коридор.

Через пять минут он был уже в его конце. Туннель резко сужался, так что он едва мог двигаться, и повисшие посреди прохода мелкие осколки указывали, что в последнее время здесь никто не появлялся.

Райленд отправился назад. Новый туннель, на этот раз гораздо более длинный. И снова он закончился тупиком. Стиву трудно было передвигаться: в почти невесомом состоянии он не мог идти, а сечение туннеля затрудняло прыжки.

Он подошел к началу нового разветвления и остановился.

Перед ним лежали два туннеля, оба гораздо больше предыдущих, оба темные и безмолвные. Воздух был таким же,

который принесли пространственники, но с неприятным запахом, словно от горящего пороха.

И вход одного из туннелей был отмечен царапиной гигантского клыка, подобно стене туннеля у поверхности.

Не раздумывая, Райленд двинулся вперед.

Почти сразу же он оказался в большом зале. Он завис у входа, всматриваясь в темноту, едва раздвигаемую слабым светом кристалла в руке. Зал был грубого сферического сечения, и дальняя стена была видна довольно плохо. В нише с одной стороны что-то лежало.

Он настороженно приблизился.

Это напоминало мусорную кучу, и кровь вдруг начала пульсировать у него в ушах. В кучу были свалены предметы, очень напоминавшие кости и клыки какого-то животного, только ничего подобного никогда не обитало на Земле. Некоторое время Райленд рассматривал эти странные останки, потом приблизился с осторожностью. Ничто не двигалось. Он поднес «факел» к куче костей, но ничего не обнаружил. Все продолжало пребывать в неподвижности.

Райленд отступил в сторону.

У космоса собственная мера времени, решил он. Брошенная куча костей и следы клыков на стене будут выглядеть такими же свежими и через миллионы лет. Пещера, несомненно, давно покинута. И он повернулся, чтобы уйти прочь.

За спиной послышался вопль. Он едва успел повернуться, как куча костей взорвалась.

От мгновенной смерти Райленда уберег тот факт, что пещера имела ничтожные размеры по сравнению с межзвездным пространством. У пиропода,двигающегося по ракетному принципу, не было времени и возможности разогнаться как следует. Но он кинулся на Райленда с молниеносной быстротой.

Пиропод был огромных размеров — больше лошади — и его тело покрывала броня зеркальной чешуи. Единственный глаз выдвигался вперед на тонкой ножке, как большое зеркало. На переднем конце гибкого, извивающегося тела находился единственный клык. Ревя, как ракета на взлете, — а он был живой ракетой, — зверь мчался на Райленда, и его огромный металлический клык угрожающе щелкал.

Стив мгновенно прицелился и выстрелил.

Даже сквозь рев двигателя пиропода он услышал визг пули и понял, что та срикошетила от зеркальной брони чудовища. Пиропод не развернулся для новой атаки, наоборот, он повернул в сторону Райленда сверкающий хвост. Ударило бешеное

белое пламя. Хвост! Это было еще более страшное оружие, чем клык: пламя, передвигающее пиропода в космическом пространстве, способное испепелить Райленда в мгновение ока.

Но Стиву удалось уклониться, и заряд выхлопа прошел мимо, хотя отраженный от стены хвост огня задел его за ногу, и как он потом обнаружил, оставил на ней огромный волдырь ожога.

Райленд врезался в стену, перевернулся, как пловец в бассейне, и выстрелил — раз, два, три!

Теперь обойма была пуста...

Но одна из пуль все же попала в цель. Ножка, поддерживающая глаз, была повреждена. Пузырь глаза взорвался, и чудовище ослепло. Оно носилось по пещере, словно взбесившаяся ракета, врезаясь в стены, отскакивая, снова устремляясь вперед. Пламя выхлопа лизнуло стену в опасной близости от Райленда.

И вдруг рев двигателя послышался уже в коридоре, удаляясь все дальше и дальше...

Райленд ушибся, был обожжен, у него из пореза текла кровь и болел каждый мускул. После этой огненной стычки он никак не мог отдышаться. Но ждать было нельзя. Райленд прыгнул в коридор, преследуя пиропода. Наверху была Донна!

Он летел по темным туннелям, давно потеряв светящийся кристалл, пытаясь хоть что-то рассмотреть в темноте, прикрывая голову от ударов о стены...

Хорошо все-таки, что туннель был таким узким, он мог двигаться лишь в одном направлении.

И после бесконечных мгновений он наконец увидел свет.

Райленд завернул за поворот и обнаружил, что к нему спешит Донна. Она жива! У нее в руке был кусок лозы со светящимися фузоритами.

— Стивен! Слава Богу!

Она бросила ему конец лозы, он ухватился за него, и они подтянулись друг к другу. Райленд ухватил Донну за плечо.

— Пиропод! Где он?

— Убежал, — ответила девушка. — Он пронесся мимо меня, и я не стала его задерживать, ведь у меня не было атомного гарпуна. Думаю, мы больше его не увидим.

— Он прятался в куче костей, — сказал Райленд, почувствовав вдруг ужасную усталость... — Я... я, кажется, попал ему в глаз.

— Да, по крайней мере он вел себя так, словно слепой. И... Стивен!

Он взглянул на нее, не понимая, в чем дело. Нервная реакция? Он попытался подбодрить девушку:

— Он не вернется, Донна. Ты ведь сама сказала...

— Нет, нет, это из-за Чиквиты... Стивен, она, кажется, умирает...

Он кивнул, едва слушая ее.

— Бедняга, но мы за нее отомстили.

— Но что будет с нами, Стив? Ты забыл, что если Чиквита умрет, то некому будет удерживать воздух!

Пространственник лежал неподвижно в небольшой пещере, оплетенной лозами.

Время от времени он беспокоило вздрагивал, чтобы привлечь к себе свежий воздух. Чиквита казалась одновременно осунувшейся и обрюзгшей. мех потерял блеск. Огненно-красное свечение покинуло нос, он стал сухим, черным и горячим.

Райленд дотронулся до нее: бок горел. Быть может, у нее просто жар? Сейчас она была явно горячее, чем в тот раз, когда он на ее спине бежал из орган-банка.

Казалось, пространственник понимал, что он пытается помочь. Чиквита слабо пошевелила черным языком, и это было единственное усилие, на которое она была еще способна.

— Наверное, мы ничем не сможем ей помочь, — с неохотой признал Райленд.

— По-моему, ее беспокоит свет, — сказала Донна.

— Хорошо, я попробую. Это, по крайней мере, в наших силах.

Но затемнить пещеру в этом мире светящихся лиан и кристаллов оказалось непросто. Они нашли какие-то растения, что светились совсем слабо, и начали стаскивать их в пещеру. В глазах Чиквиты прочитывалась слабая благодарность, но вид у нее был болезненный.

Оставив ее одну, они вышли на поверхность поглядеть на звезды. Полная беспомощность буквально сводила их с ума. Райленд уцепился за выступ у входа в туннель и уставился в пустоту.

Где-то там находились невидимые, но реально существующие Рифы. Большие, настоящие Рифы, где удалось выжить бежавшим и освободившимся от Плана, где, прежде всего, жил Дондерев, человек, родившийся в космосе, бывший сначала студентом на Земле, потом гостем и, наконец, пленником Плана. Он носил железный воротник опасника — тот же воротник, что сейчас душил Райленда, если только Андже́ла сказала правду. Он рассказал Планирующему о нереактивной тя-

ге и был списан в орган-банк, и Чиквита помогла ему бежать обратно в Рифы.

Но... был ли он суперменом?

Смог бы он снять воротник здесь, в Рифах, без сложного хирургического оборудования, имевшегося в орган-банке? Сможет ли он заполнить пропасть в мучившем Райленда туманном прошлом? Или там действительно не было пробела, просто он сам не существовал до того момента, когда останки утилизированных врагов Плана не были соединены в думающее существо без прошлого?

К этому времени Куивера мог уже добраться до него. Возможно, они уже вылетели в обратный путь, и через несколько дней Куивера и еще кто-то доберутся до маленького Рифа и найдет Райленда и девушку.

Найдут ли?

Райленд знал, что, скорее всего, они обнаружат их трупы.

Время шло, а пространственник все еще был жив. Но с каждым днем он слабел.

Рифы Космоса превратились в мечту Райленда. Он потерял чувство времени. Часов у него не было, по небесным телам он не умел отмечать течение времени. С большим трудом Райленд отыскал Алголь и начал нести вахту звездочета: период изменения яркости звезды должен был стать его часами.

Донна как-то мягко сказала ему:

— Это не поможет. Ты ведь не знаешь, когда этот воротник должен сработать.

И он понял, что она читала те из его мыслей, о которых он сам и не подозревал. Именно убегающие мгновения оставшегося ему года пытался он измерить. Того года, который был максимальным сроком его жизни, пока кольцо безмолвно охватывает его шею. Чиквита может выжить, крейсер Плана может не вернуться, но воротник-убийца все равно настигнет свою жертву. Можно убежать от радаров крейсера, можно добраться до Рифов и там скрыться от сверхмощного импульса, который пошлет через всю систему Машина, но невозможно остановить часовое устройство, которое не знает жалости. Самое большее через год оно взорвет воротник...

И по предположению Райленда, основывающемуся на наблюдениях за Алголем и тщательном восстановлении в памяти предыдущих событий, он уже использовал шесть месяцев из этого срока.

Чиквите стало совсем плохо. Раны от клыка пиропода начали зарастать, но жар не спадал. Казалось, ее мучает жажда, но

пить она не хотела. Похоже, ей не давала покоя боль, но она едва шевелилась. Лишь тихое хныкающее мяуканье доносилось из укрытия, которое они для нее сделали.

Райленд принял решение и отправился наверх исполнять его. Потребовалось всего несколько секунд, чтобы за ним последовала Донна.

— Что ты делаешь? — резко спросила она.

Он замер, склонившись над грудой аппаратуры, которую пространственники притащили из ракеты и которую он до сих пор не использовал. Теперь же он собирался применить ее с другой, чем первоначально, целью.

— Как там Чиквита? — спросил он, продолжая работать.

— Я спрашиваю, что ты делаешь?

— Хочу собрать передатчик, — ответил Райленд. — Может, удастся связаться к Куиверой и поторопить его...

— Или связаться с крейсером Плана?

— Почему бы и нет? — решительно ответил Райленд. — Возможно, мы слишком понадеялись на удачу! План Человека достаточно благоразумен. Они возьмут нас на борт, если я сдамся. Это не хуже, чем просто сидеть и ждать смерти.

— Стивен! — Она заглянула ему в глаза. — Я не пушу тебя обратно!

— Какого черта! — вскричал он в приступе холодного гнева. — Какого черта ты мне приказываешь?

Но она приложила палец к его губам.

— Не надо, — прошептала она. — Я все равно тебя не пушу. И к тому же, кажется, уже поздно...

Потребовалась секунда, чтобы он понял.

— Чиквита!

Обогнав девушку, он помчался по туннелю к умирающему пространственнику. Чиквита уже погрузилась в бессознательное состояние. Она лежала неподвижно, чуть заметно дыша. Ее брюхо приобрело еще более болезненный, раздутый вид, словно от долгого голодания или того, что соответствует ему в строении космического существа; в остальном тело стало еще более худым и сморщившимся. Она теперь напоминало голодных детей из рассказов о древних засухах в странах Востока.

Райленд протянул к ней руку... И опустил ее обратно.

Слишком поздно, все уже было кончено. Пространственник перестал дышать.

Машинально Райленд погладил тускнеющий мех на ее холодной шее. Да, она умерла. Какие бы секреты ни таил метаболизм иной жизни, в этом не было сомнения.

И теперь... как долго продержится поле, дающее им воздух?

У Райленда не было даже понятия. Он помнил, что биолюминесценция светляка продолжается еще несколько часов после его смерти. Схожи ли между собой эти два эффекта? Вероятно, нет. Непонятная сила,двигающая пространственника, не имеет ничего общего с зеленоватым свечением его поля. Оно может продержаться еще несколько минут или исчезнуть в любую долю секунды. И они тогда мгновенно погибнут во взрыве вырывающегося в вакуум воздуха.

— Стивен,— мягко сказала Донна,— давай пойдем наверх, там видны звезды.

Риф был маленькой, пустой внутри планеткой, которая теперь медленно вращалась, очевидно, в результате какой-то предсмертной судороги пространственника. Из входа в пещеру им открылось все звездное великолепие неба. И само Солнце, желтая далекая звезда, показалось сквозь лианы защитной сети, словно прожектор идущего вдали поезда.

— Солнце,— прошептал Райленд.— По-прежнему ярчайшая из звезд. Мы еще не так далеко ушли.

Он взглянул на большие созвездия, выглядевшие странно в маске добавочной звездной пыли, но все еще различные. Могучий Орион, туманное скопление Плеяд, обширный серебристый рукав Галактики.

«Вот она,— с горечью подумал Райленд,— новая империя, которую я надеялся помочь завоевать для человека. И проиграл».

Как это ни было странно и удивительно, но он почувствовал себя умиротворенным. Они все еще были живы, и этот факт принес с собой чувство обладания безмерным богатством. Со смертью пространственника они потеряли последнюю надежду, и теперь каждая секунда, которая у них оставалась, стала драгоценностью, каждая секунда была наслаждением.

Райленд зацепился за выступ космического коралла, отливающего рубиновым и серебряным цветом. В его руках невесомым грузом покоилась Донна Криири. Они разговаривали без всякой последовательности. Каждый хотел что-то сказать.

Не упоминали они только одного: того факта, что их жизнь висела на тончайшем волоске.

— Отец, наверное, все еще на Земле,— сказала Донна.— Он не получил моего сообщения, иначе бы последовал за нами. Он был вечно занятым, подвижным человеком, Стив, и я его за это не любила, но... О, Стив, как я об этом теперь жалею!

— Возможно, ты не помнишь, как я случайно попал в комнату, когда ты была в ванне. Я смутился. И ты, наверное, тоже. Нет, ты, кажется, совсем не смутилась. У тебя были голуби Мира. Они чуть не заклевали... как его звали? А, Опорто.

«Удивительно,— подумал Райленд,— я почти забыл имя человека, который был для меня самым близким существом».

— Голуби Мира — это придумал отец,— сказала Донна.— Если ты ненавидишь черное, назови его белым и будешь любить. Поэтому он и назвал убивающую машину голубем Мира. Он всегда любил похвастаться, что Планирующий — первый правитель на Земле, которому не нужны телохранители. Но как же еще назвать эти штуки? Его ястребов, моих голубей?

Райленд сказал во внезапном приливе изумления:

— Донна! Мы до сих пор живы!

ГЛАВА 18

Они посмотрели друг на друга с удивлением: они не умерли от недостатка кислорода, и окружающий их мир маленького Рифа был цел и невредим.

— Но пространственник наверняка умер!— воскликнула Донна.

— В этом нет сомнений. Я ничего не понимаю.

Они с тревогой посмотрели вокруг. Сияли звезды, и это все, что они могли видеть сквозь границы маленького воздушного пузыря, составляющего их мир.

— Смотри,— крикнул Райленд.— Что это там?

На краю Рифа вдруг словно произошел маленький беззвучный взрыв. Пуфф! Взлетело облачко тумана. Колония летающих полурыб-полуптиц, кружевное плетение лоз фузоритов — все это было отброшено в сторону. Потом там все успокоилось.

Очертание воздушного пузыря изменилось: один край их мира потерял воздух. На тягостную секунду Райленду показалось, что это и есть конец, которого они ждали. Пространственник Чиквита наконец умерла окончательно, непонятные силы, позволявшие ей удерживать воздух вокруг Рифа, начали ослаблять свою хватку, и они лицом к лицу встретились со смертью.

Донна, почувствовав внезапный приступ ужаса, прильнула к Райленду.

— Что-то не так, Донна,— прошептал он тихо.— Что-то

происходит, но этого мы не ждали. Если поле пропадет, оно должно пропасть все сразу и полностью.

— Но что это такое, Стивен?

— Посмотрим.

Они повернулись и нырнули в глубь пещеры. Быстрее, быстрее! В мозгу Райленда плясали сумасшедшие мысли: маленький мир гибнет, все миры, все солнца гибнут, потому что Райленд не смог дать им безынерционный двигатель межзвездного полета...

Они обречены на гибель, не оставив в пространстве семян жизни. Они замерли, ухватившись за бледно светящиеся лозы.

В зеленоватом полумраке своего укрытия лежала Чиквита. Она явно была мертва. Ошибки быть не могло.

Но рядом с ней...

Рядом с ней что-то двигалось! Что-то вздрагивало и поднималось в воздух. Оно полетело прямо к ним — маленькое, даже меньше, чем Донна. И сущая игрушка рядом с мертвой Чиквитой, какой бы осунувшейся и сморщенной та ни была.

Это был пространственник! Детеныш пространственника! Его красный нос быстро помаргивал. Он смотрел на Райленда и Донну яркими дружелюбными глазами.

— Ой, миленький! — вскрикнула Донна, протянув к нему руку, и он лизнул ее пальцы черным языком.

— Смотри! — прохрипел Райленд, пораженный почти до немоты, показывая рукой в сторону Чиквиты.

Там было еще одно маленькое тюленеобразное существо... и второе... и третье... и четвертое, и, казалось, их целая дюжина. Они танцевали вокруг Райленда и Донны в воздухе, тыкались носами, смешно пульсировавшими розовым, красным, пурпурным или оранжевым.

— Чиквита умерла, но дети ее живы, — тихо сказал Райленд.

Всего детенышей было восемь, насколько можно было пересчитать их юркие, словно шарики ртути, непоседливые фигурки. Восемь детенышей-пространственников, веселых, словно щенки. Были ли они рождены уже после смерти матери, благодаря какой-то загадке организма пространственников, или они появились раньше? Райленд не знал. Он знал только, что они здесь.

— Слава богу, — прохрипела Донна, когда Райленд вынес одного детеныша на свет, чтобы рассмотреть получше.

— Слава, слава, — пробормотал Стив. — Смотри, Донна, они совсем как взрослые пространственники, только еще ма-

ленькие. Они родились полностью сформировавшимися. Ясно, что они в состоянии поддерживать атмосферу и могут пользоваться нереактивной тягой. К счастью для нас. Хотя,— сказал он, вспомнив маленький взрыв на краю Рифа,— им еще придется немного потренироваться.

Он вдруг замолчал, челюсть его отвисла.

За воздушной границей их пузыря что-то двигалось и подмаргивало.

— Ракета! Плана!— в ужасе воскликнула Донна.

— Нет! Нет!— крикнул Райленд, подпрыгивая в воздух.— Разве ты не видишь? Оно слишком маленькое и слишком близко! Это пространственник! Куивера вернулся... и с ним еще кто-то! Он привел с собой Дондереву!

Дондереву! Гигант шести футов и восьми дюймов ростом, с черным от загара лицом и сияющими голубыми глазами.

Пространственник ловко вплыл в их воздушный пузырь, и Рон Дондереву одним прыжком покинул его спину.

— Донна!— воскликнул он, хватая девушку за руку.

Донна радостно обняла его, прижимаясь к бронзовой щеке Рона. Освободившись, она сказала:

— Рон, то Стивен Райленд.

— Я вас помню,— едва слышно прошептал Райленд.— Когда я был кадетом Техкорпуса, мне было всего лет восемь. А вы были студентом-медиком и носили кольцо, потому что ваши люди не покорились Плану...

Со смехом гигант пожал ему руку. Потертая кожаная куртка Дондереву была распахнута у шеи, которая казалась бронзовой мускульной колонной. На ней виднелся тонкий шрам, но кольца не было.

— И я тоже помню тебя,— пророкотал гигант.— Я всегда восхищался твоим отцом. Он был не только математиком, но и философом, и историком. Он был тем человеком, который помог мне понять настоящее значение освоения космоса.

— А воротник?— перебил его Райленд.— Вы действительно смогли от него избавиться?

— Да, и от воротника, и от уютного места в заведении, которое называется «Небеса»,— торжественно кивнул Дондереву.— Мне повезло больше, чем твоему отцу.

— Я не знаю, что с ним случилось.

Райленд перевел дыхание и хотел задать еще один вопрос, но внезапно железная хватка не дала ему возможности вымолвить хоть слово. Он хотел узнать, как Дондереву удалось снять кольцо, но он страшился услышать ответ. Он боялся, что

Рон подтвердит невероятную историю, рассказанную Анджелой Цвик, будто он, Райленд, был «подсадной уткой», которую хирурги-антиплатилисты смонтировали под кольцо Дондереву, чтобы прикрыть его побег.

— Рон,— голос Донны немного дрожал от беспокойства,— ты сможешь снять кольцо со Стива?

— Только не тем способом, каким мне сняли мое,— Рон Дондереву покачал головой.— Мой воротник сняли в хирургическом центре орган-банка, куда я попал на утилизацию. Работали полдюжины хирургов при помощи лучевого оборудования...

— А что сделали с вашим воротником?— перебил его Райленд.

— Я обещал не рассказывать,— ответил Дондереву.

— В этом кольце,— начал Стивен и запнулся. Прокашлявшись, он начал снова:— В этом кольце был собран новый человек, «подсадная утка», что-то вроде живой мумии, чтобы отвлечь внимание, пока вас не увезет пространственник?

— Да, это так,— неохотно кивнул головой гигант.— Но думаю, теперь это не имеет особого значения.

Для Райленда это имело очень большое значение. Его кожа покрылась мурашками... наверное, она была такой вот холодной и прежде, когда его еще не составили из разных частей и не оформили в виде человека. Он чувствовал отвратительную слабость в ногах.

— Что с тобой, Стив?— испугалась Донна.— Ты так побледнел!

Он не мог объяснить ей, что «подсадная утка» — это, скорее всего, он.

— Я надеюсь, что вы сможете снять мое кольцо,— сказал он Дондереву. Это тоже был достаточно большой вопрос, чтобы объяснить его волнение.— Вы изучали на Земле медицину... может, вам удалось бы сделать операцию?..

Дондереву начал уже отрицательно качать головой, но вдруг пристально взгляделся в лицо Райленда. Потом бросил взгляд на Донну, снова посмотрел на Райленда. Его лицо тоже дрогнуло и посерело под бронзой загара.

— Думаю, что можно попробовать,— неохотно сказал он.— Конечно, вы понимаете, что у меня нет опыта и того оборудования, которым располагали хирурги в орган-банке. При операции в таких условиях, без ассистентов, с помощью плохого оборудования я могу вам обещать один шанс из пяти, что вы сможете ходить, даже если и останетесь в живых.

Чувствуя, как кружится голова, Райленд облокотился о большую кристаллическую ветвь. Радужные птицерыбы взлетели стайкой и, мерцая, поплыли прочь.

— Однако, — с чувством пробасил Дондерев, — ты прав, Стивен, и другого выхода нет. План может убить тебя за десять секунд: ракета всего лишь в трех миллионах миль отсюда. Нажатие кнопки и — пуф! — транслируется твой кодовый импульс, и ты мертвец. А также я, — продолжал он чистосердечно, — и старый Куивера, и Донна. А поэтому ты совершенно прав, Стивен. Мы должны спасти тебя или погибнем все вместе.

— Расскажите, как это будет, — бесцветным голосом сказал Райленд. — Что это включает. Я хочу знать.

Дондерев поколебался, потом начал объяснять.

Его глубокий голос напоминал ворчание тигра, но руки были мягкими, как у девушки. Рон Дондерев, могучий Рон Дондерев произвел для Плана не одну операцию.

Но на Земле, в орган-банке, объяснял он с дотошностью, имелось то, чего нельзя раздобыть здесь. Там были в достатке медсестры и ассистенты-хирурги, здесь он располагал только Донной и старым Куиверой. Склады были полны медикаментов и оборудования. Здесь у него было только то, что удалось погрузить на пространственника. Этого хватит, конечно, если только все пройдет исключительно благополучно. Но резерва у них не было. Если выйдет из строя кровяной насос, заменить его будет нечем.

Там, в орган-банке, в распоряжении хирургов имелся неограниченный выбор органов и частей тела. Здесь же их было только четыре человека, и лишних частей или органов у них ни у кого не было.

Сначала, как объяснил Дондерев, нужно будет создать асептическое пространство вокруг Райленда, которого перед этим подвергнут анестезии. Это будет довольно просто, учитывая почти полное отсутствие гравитации и тот факт, что только они могли занести сюда какой-нибудь микроб. Дондерев продемонстрировал небольшую желтую металлическую трубку — распылитель полиантибиотического аэрозоля.

Потом — скальпели, зажимы, рефракторы, нити для швов. Уже стерильные и от рождения негостеприимные для какой-нибудь микроскопической жизни, эти принадлежности были извлечены из блестящих контейнеров по требованию Дондерев. Лицо Донны побледнело, но она продолжала внимательно слушать Дондерев, глядя на блестящие инструменты. Она на миг отшатнулась, когда Рон описывал, как скальпель проведет

первую кровяную нить на шее Райленда, как раз немного ниже кольца, но тут же справиться с собой.

Ткани эпидермиса и лежащая за ними плоть будут рассечены и оттянуты назад, как чулок на ноге. Красная плоть и белые мышцы будут рассечены быстро, а большие трапецевидные мышцы придется рассечь, зажать и держать — нужно, чтобы они оставались под напряжением. Малый кровеносный сосуд шеи придется перерезать, большие сосуды: сонную артерию, яремную вену, сосуды спинного мозга — придется перевязать, перерезать и подсоединить к двухкамерному механическому сердцу. Не потому, что собственное сердце Райленда перестанет работать, а потому, что запас крови в камерах искусственного сердца поможет ему справиться с постоянной потерей крови из каждого мелкого сосуда или капилляра.

Потом настанет черед нервов. Они будут осторожно препарированы, рассечены и приеоединены к пломбам из органического серебра, которое сделало пересадку органов возможной. Нервные ткани плохо восстанавливаются у высших позвоночных, если не оказать им помощи. Органическое серебро — это тот «припой», который в виде сплетений тонких проволочек позволяет нервам сохранить проводимость. Иначе, когда будут рассечены основные шейные ганглии, многие участки тела Райленда начнут конвульсивно сокращаться.

Затем очередь костей. Ультразвуковая пила вопьется в третий шейный позвонок. Спинной мозг будет раскрыт, запломбирован, «запаян». Внутримозговая жидкость...

— Этого достаточно, — сказал Райленд, лицо которого уже превратилось в застывшую маску. — Я понял, больше не нужно объяснять. — Его глаза встретились с глазами Донны. — Начинайте, — сказал он. — Начинайте операцию.

Он шагнул вперед, лег на импровизированный операционный стол и стал терпеливо ждать, пока Дондерево и Куивера привяжут его. Потом Рон кивнул, и Донна шагнула вперед. Ее лицо вздрагивало, она едва сдерживала слезы. В руках у нее была мягкая гибкая маска анестезатора, которая закрывала рот и нос.

Он быстро отодвинул голову в сторону и прошептал:

— Прощай, моя единственная. Но не навсегда.

Потом он позволил положить маску на лицо.

Маленький Риф сложился, как бутон, и сам он оказался в сердцевине этого бутона, в жидком золоте, как в одном из странных цветков Космического Рифа...

И он потерял сознание.

Он потерял сознание, но в глубине его мозг продолжал лихорадочно работать.

Ему снился сон. Память вдруг начала работать. Окутывающий ее туман начал рассеиваться, туман, который преследовал его с самой Земли. Сейчас он окутывал все вокруг, холодный, безмолвный, липкий. Он покрыл Рона Дондерево и Донну, искажил их фигуры и лица. Все вдруг переменялось, противоречиво и безнадежно вывернулось наизнанку.

Он больше не лежал в походной хирургической палатке. Теперь его держали ремни кушетки терапевта. Над ним склонились доктор Трейл и генерал Флимер.

— Признайтесь нам, Райленд,— хрипел настойчивый голос Флимера.— Мы знаем, что в дверь к вам постучали, а теле-тайпистка вышла из кабинета за бутербродами и кофе. Мы знаем, что вы оставили свои бумаги на столе и пошли открывать дверь. Скажите нам, кто там стоял?

И вдруг он вспомнил.

Каким-то образом анестезия рассеяла туман, окутывавший до сих пор память. Это была не Анджела Цвик! И это была не полиция Плана — они действительно пришли, только в следующий понедельник. За дверью стоял худой мужчина в запятнанной кровью рабочей форме, сгибаясь по тяжести набитого и тоже испачканного саквояжа, типичного полетного саквояжа космонавтов...

— Хоррок...

— Т-с-с!

Райленд впустил его в комнату и запер дверь. Хоррок бросил саквояж и тяжело оперся о стол. Он дышал с трудом. На губах выступила розовая пена, брызги сукровицы падали на желтую телетайпную ленту на столе Райленда.

— Вы ранены,— сказал Райленд.— Я вызову врача...

— Это может подождать,— прошептал Хоррок.— У меня для вас сообщение... очень срочное... От вашего... старого друга.

Райленд усадил его в кресло и выслушал сообщение. Хоррок запыхался, иногда было трудно разобрать слова. Старым другом был Рон Дондерево. Хоррок виделся с ним в маленькой колонии на нанесенном на карты астероиде, где корабль пол-

ковника Лескьюри сделал остановку для пополнения запасов реактивной массы.

Само сообщение потребовало от раненого Хоррока больших усилий и долгого времени для пересказа, и еще больше времени ушло, прежде чем Райленд разобрался в нем.

Вначале говорилось о Рифах Космоса и особой форме жизни — фузоритах, которые эти Рифы и построили. Самым основным сообщением были сведения о пространственниках и их способе передвижения.

— Дондерево хочет, чтобы вы знали, — в космическом пространстве тоже есть жизнь, — с трудом прохрипел Хоррок. — Это новый край для освоения — живой и бесконечный. Но с помощью ракет его не освоить... Нам необходим... двигатель... нереактивной тяги...

В своем сне Райленд попытался объяснить раненому, что нереактивная тяга невозможна в соответствии с Третьим Законом Ньютона.

— Неправильно... — прохрипел Хоррок. — Пространственники!.. Они ведь летают. Дондерево велел... чтобы вы это знали... и еще одно. Ваш отец ему рассказывал... Эффект открытого края...

Хоррок закашлялся, обрызгав Райленда кровавой слюной.

— Простите! — прохрипел он вновь. — Это означает, что замкнутый край освоения — замкнутое общество, как в Плане. Открытый край — это Рифы... — Он снова закашлялся, с трудом отвернувшись в сторону. — Это свобода, навсегда!

Райленду понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что все это значит, но когда он более или менее освоился с основными фактами сообщения, он начал понимать, что случилось с его отцом.

План существовал для управления замкнутым обществом, дошедшим в развитии до пределов дальности полета ионных ракет. Отец Райленда видел бесконечные возможности развития в освоении межзвездного пространства, но даже мечта об этом была предательством в замкнутом мире Плана.

— Дондерево знает Планирующего... Криири, — закончил свой рассказ Хоррок едва слышным шепотом. — Кажется, ему можно верить... он сможет понять, что человек важнее Плана... Если мы только покажем ему работающий нереактивный двигатель. Но он сказал... не доверяйте больше... никому.

Передав сообщение, Хоррок отказался от помощи врача. Он позволил Райленду сделать ему укол эвабиотики из набора первой помощи, который Хоррок стащил с «Кристобаля Коло-

на», а потом спрятался в комнате отдыха, опередив возвращение Анджели Цвик с подносом, полным бутербродов и кофе. Когда Райленд избавился от Анджели, Хоррок успел уже исчезнуть.

В то, что ему сообщили, Райленд едва мог поверить, но Хоррок оставил свой испачканный кровью саквояж. Стив вывалил содержимое на стол и вскрикнул от удивления. Здесь были большие светящиеся кристаллы-восьмигранники из углеродного коралла, потрясающие стереофотографии Рифов Космоса, пироподов и пространственников. Еще здесь была тетрадка с наблюдениями Рона Дондерево, доказывающими, что пространственники действительно летают, не используя реактивного противодействия.

Вынужденный поверить очевидным фактам, мозг Райленда начал работу. Как сказал Хорроку Дондерево, одного факта полета пространственника должно было хватить Райленду для поиска ответа на загадку нереактивной тяги, приняв этот простой факт. Вывести все остальное было уже легко.

Как математик, он знал, что части уравнения должны равняться друг другу. Как физик, он уже знал, что физически это уравнивающее количество может быть неуловимым. Примером могло служить нейтрино, необходимое для уравнивания ядерных реакций, то есть их уравнений. В его собственных выводах, которые подтверждались эффектом Хойла, новая масса вновь появившегося вещества была еще более неуловимой, чем нейтрино, потому что он даже не мог определить природу этой массы.

И теперь он понял, что заключенная в самом факте полетов пространственников истина была так проста, как дважды два — четыре. Незвестное количество, равнявшееся новой массе в его уравнениях, было наконец идентифицировано.

Это была кинетическая энергия! Момент движения, заключенный в разбегающихся Галактиках, которые неизбежно расталкивала расширяющаяся Вселенная!

С удовлетворением профессионала он отметил, что Третий Закон Движения вовсе не нарушается. Он просто трансформируется. Кинетическая энергия летящего пространственника точно уравнивает эквивалентную энергию новой массы. Реакция описывается классическим уравнением зависимости энергии от массы: $E=mg^2$. Последний множитель — квадрат скорости света — означал, что ничтожная масса была эквивалентна гигантской кинетической энергии. Вот почему он так долго не мог определить свои неизвестные. Даже самый долгий

полет пространственника создает неошутимо малое количество атомов водорода к тому облаку, что уже успела создать его жизнедеятельность.

Запершись в своем кабинете, Райленд принялся за работу. Прилив возбуждения смыл всю его усталость и даже страх, который породил в нем приход Хоррока.

Простое замещение моментом движения неизвестного множителя в его уравнении позволило Райленду развить теперь целую теорию. Несложное преобразование описывало поле, необходимое для создания новой массы и эквивалентного момента движения. Более сложными были вопросы материалов и конструкций, но к полудню в воскресенье он уже составил полное описание нереактивной тяги с эффективным усилием в полмиллиона тонн.

Почувствовав внезапный голод и слабость, он побрел в безмолвную темноту туннеля, чтобы умыться в лаборатории. Раковина до сих пор была испачкана кровью Хоррока. Он доел последний засохший бутерброд из хлореллы, допил остатки горького дрожжевого кофе и заснул в кресле, перед этим вяло поразмыслив, как добраться до Планирующего Криири, не доверяя никому более.

Он проснулся рано утром в понедельник. Шея затекла, и его мучили воспоминания о кошмаре, в котором он и Хоррок спасались бегством от полиции Плана. Спрятав полетный саквояж за ящиком картотеки, он сунул испачканные кровью бумаги в люк мусоросжигателя и упаковал свои записи и стереоснимки в чемоданчик.

За два часа до времени положенного прихода Анджели и Опорто Райленд поспешно покинул кабинет, выйдя в лабиринт серых туннелей, которые соединяли помещения компьютеров Планирующей Машины и рабочие помещения людей Планирующего.

Никому не доверяй больше...

В туннелях царили полумрак и пустота. Прохладный воздух с трудом вырывался из труб вентиляторов. Утренний час пик передвижения клерков еще не наступил, но время от времени он встречал ремонтников в серых комбинезонах.

Как странно было напоминание о милях грунта над головой, когда в его руках был ключ к звездам!

Хотя он никогда не бывал в приемной Планирующего, дорога ему была известна. После того как он вышел из автоматического лифта, его внимательно осмотрел охранник и взмахом руки разрешил проходить.

На стене висел предупреждающий плакат:

ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП! ВХОД ОПАСНИКАМ ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ!

Он тогда еще не был опом, и его шею не обременял воротник безопасности.

Перед входом в помещение Планирующего новый охранник еще раз изучил значок Райленда, потом выбил его номер на телетайпе. Стивен затаил дыхание, ожидая ответа Машины. Но охранник поднял глаза от отстучавшего телетайпа, и невольное уважение смягчило строгую официальность его лица.

— Проходите, сэр.

Девушка за телетайпом в приемной потребовала назвать причину визита. Райленд объяснил, что у него секретное сообщение для Планирующего Криири. Она попросила сообщить характер донесения. Когда он отказался это сделать, настаивая, что секретность слишком велика и говорить он может только с Планирующим, она направила его к старшему помощнику.

Старший помощник оказался громадным, с выпученными лягушачьими глазами и синеватым лицом. На полированной дощечке стола была впечатляюще начертано: «Генерал Рудольф Флимер». Его глаза отличались цепкостью, в них читалось живое любопытство по поводу донесения Райленда.

Планирующий Криири? К сожалению, он еще не вернулся из недельной поездки с семьей. Несомненно, в конце недели он уже будет на месте, но и тогда вряд ли сможет выкроить хоть минутку — слишком напряженно он работает. Несмотря на то, что Планирующий Криири имеет полное представление о заслугах автора новых гелиокальных полей перед Планом, обширность его обязанностей заставляет перекладывать многие дела на подчиненных. Генерал Флимер также намекнул, что те люди, которые высказывают недоверие помощникам Планирующего, редко имеют возможность встретиться с ним лично.

Видя, что иначе он ничего не добьется, Райленд с крайней неохотой оставил сообщение для Планирующего, указав, что речь идет о Роне Дондерево и новом двигателе для ракет. Генерал Флимер угрюмо пообещал ему дать знать, если Планирующий Криири решит принять Райленда.

Когда Стивен вернулся в свой кабинет, стрелки часов уже миновали полдень. Следов Опорто и телетайпистки в кабинете не обнаружилось, словно они вообще не приходили на работу. Испачканный кровью саквояж по-прежнему лежал за ящиком картотеки. Из телепайта на пол свешивалась набежавшая лента. Он запер дверь и начал искать место, чтобы спрятать описание нереактивного двигателя.

Среди справочников на полке места не было. Щель между ящиком и стеной и так уже вызывала подозрение. В столе не было тумб и ящиков. Практически, мелькнуло в его голове, План не предусматривал места для личных секретов и личных бумаг. Прятать описание было некуда... кроме собственной памяти.

Он бросал листы чертежей в люк мусоросжигателя, когда в дверь громко и требовательно постучали.

И снова в своем сне он был невольным гостем «Центра Отдыха», глубоко спрятанного под землей. Комнаты справа и слева были заняты неблагонадежными хирургами, уличенными в каком-то антиплановом деле. Терапевтический кабинет, находившийся дальше по коридору, заключал внутри какое-то антиплановое существо. Его создали хирурги из остатков тканей орган-банка. Оно бешено металось в привязных ремнях, пока не умерло.

Потом с хирургами покончили. Оставались только Хоррок в соседней комнате и Опорто в комнате напротив. Но Райленд редко видел их, потому что большую часть времени его держали в терапевтическом кабинете, где недавно умер «составной» человек.

Райленд был пристегнут к кушетке, шею сдавливал железный воротник, электроды впились в дрожащее тело. Безжалостный свет бил в лицо. Толстый терапевт в белом халате склонился над ним, хрипло повторяя вопросы тихим вежливым голосом.

Какое сообщение передал ему Хоррок от Рона Дондерево?

Где обитают пироподы, фузориты и пространственники?

Как построить нереактивный двигатель?

Сначала он мог бы ответить, но кольцо раскаленным обручем сжимало горло, едва он пытался что-то сказать.

Даже когда он был окончательно сломлен и готов с радостью малодушия доверить любому все, что знал, они не позволяли ему произнести хоть слово, стараясь вычерпать из него даже мечту о побеге.

Дондерево?

Рифы Космоса?

Нереактивный двигатель?

Мягкий, настойчивый голос не умолкал, и агония Райленда продолжалась, пока все прошлое не исчезло в тумане боли и безумия. Даже когда воротник перестал его душить, он уже не пытался говорить. Он даже не пытался думать об ответе. Его память была стерта.

ГЛАВА 20

Райленд пришел в себя. Яркий свет заставил его прищуриться, но он успел заметить, что над ним склонился человек в белом.

Стивен не сразу понял, что это не доктор Трейл, а Дондерев. Еще больше времени у него ушло на осознание того, что кристаллическое свечение и сияние пещеры может быть только здесь, на Рифе. Он лежал на операционном столе, и привязные ремни были уже растегнуты.

Райленд постепенно вспоминал, что к чему. Это стоит Дондерев, а девушка, которая повернулась спиной, — это, несомненно, Донна Криири, а другой человек — это...

Вдруг он невольно вскочил, широко раскрыв глаза. Потому что третьим в импровизированной операционной был не Куивера. Это был офицер Техкорпуса, и он наблюдал за Райлендом с хладнокровием кобры, приготовившейся к броску.

Во внезапной судороге отчаянной надежды и страха руки Райленда метнулись к шее.

Они коснулись привычно холодного закругленного воротника. Кольцо было на месте! Он по-прежнему оставался опом, и его жизнь зависела от прихоти любого охранника с радарным пистолетом или от поворота контакта в недрах далекой Машины...

— Что... — На миг голос перестал его слушаться. Все еще в полусне он вспоминал волны шока, заставившие его забыть правду, которую он знал. — Что случилось?

— Мы опоздали, — с сочувствием сказал Дондерев. — Едва мы начали операцию, как пространственник почуял приближающийся крейсер. Он пробил воздушный пузырь Рифа. Мы залатали твои разрезы, и вот теперь мы снова под опекой Плана Человека... — Бессознательно он тронул шрам на шее и добавил: — Мне очень жаль, что ты остался с воротником, Рай-

ленд. Но если я не ошибаюсь, мне тоже скоро придется надеть новый воротник.

Девушка повернулась, и Райленд получил третий удар, потому что это была не Донна Криири.

— Где Донна?— спросил он.

— Она в безопасности,— пробормотал Дондереве.— Насколько человек вообще может быть в безопасности под властью Плана. На крейсере ее отец. Она сейчас с ним.

— Могу ли я...— Райленду пришлось на секунду остановиться и сглотнуть, потому что память об агонии парализовала горло.— Могу ли я их увидеть?

— Я скажу, что ты пришел в себя,— согласился Дондереве.

Он направился к выходу, потом с сомнением опять повернулся к Райленду.

— Я хочу тебя предупредить... Не рассчитывай получить помощь от Криири. Он, собственно, уже не Планирующий. Он сам теперь носит воротник.

Райленд сидел на краю складного стола, закутавшись в простыню. В пещеру влетели Донна и ее отец. Хотя бывший Планирующий нежно улыбался дочери, его лицо было посеревшим и напряженным. Он был облачен в тонкую робу опасника. Хромированный воротник кольца холодно поблескивал, отражая свет кристаллов космической пещеры.

Два офицера следовали за ним. Один из них был полноватый полковник из Техкорпуса. Рога антенны придавали ему мрачный сатанинский вид. Второй был сержантом связи, он прижимал к себе футляр портативного телетайпа.

Донна взволнованно повторила все, что Дондереве уже успел рассказать Райленду.

— Я надеялась,— грустно сказала она,— что отец сможет избавить тебя от воротника.

— Мне не избавиться даже от собственного.— Натянута улыбка Криири исчезла.— Как видите, положение изменилось. Наш старый друг генерал Флимер исполняет сейчас обязанности Планирующего. Я был переклассифицирован и направлен в эту опасную экспедицию.

Он неловко взглянул на полковника.

Лицо Донны дрогнуло.

— Что за экспедиция, отец?— прошептала она.

— Она связана с Планом Человека,— ответил он.— Понимаешь, когда Машина получила доказательства бесчисленных возможностей развития и освоения космоса в Рифах, она подготовила проект второй ступени Плана. На этой

ступени имеющиеся здесь в избытке природные ресурсы покончат с жестким нормированием благ настоящего Плана. К сожалению, эта фаза не начнется, пока новый край освоения не будет открыт для основной массы человечества, а для этого нужна нереактивная тяга.

Бывший Планирующий сделал паузу. Его измученные глаза пронизательно взглянули на Дондереву, с сожалением — на Райленда, без всякого выражения — на полковника Техкорпуса.

— Генералу Флимеру удалось убедить Машину в моей некомпетентности, — продолжал Крири. — Надеюсь, вы знаете о многочисленных авариях силовых катушек вашей конструкции. — Его потухший взгляд вернулся к Райленду. — Флимер повесил все эти катастрофы на меня. В результате столь вопиющих ошибок в управлении Планом я был смещен. Но я настоял на еще одной попытке найти секрет нереактивной тяги. У меня осталось достаточно власти, чтобы Флимер не смог помешать мне отправиться в эту экспедицию. Теперь это мое задание. Я видел, как навстречу крейсеру вылетели пространственники. Я должен знать, как они двигаются! — Но в его голосе не было надежды.

— Если Райленд не смог найти ответа, — сказал Дондереву, — то я сомневаюсь, что он вообще есть.

— Но... но я нашел его!

Воротник вдруг стал очень тесным. На мгновение горло Райленда опять парализовало. Прежний туман начал сгущаться в его сознании. Он посмотрел на Донну и ее отца. Улыбка девушки, словно солнечный луч, пронизывала туман.

Он вспомнил. Он мог говорить.

Он описал свою теорию эквивалентности момента движения и новой массы, которая соотносила полеты пространственников и расширение Вселенной. Райленд рассказал об описании двигателя, которое он запомнил, прежде чем полиция в тот понедельник ворвалась в его кабинет.

Полковник, словно скептический сатана, наблюдал, как обсуждают они детали конструкции и диктуют сообщения сержанту-связисту. Потом все стали ждать, пока сообщение обрабатывалось специальной секцией Машины на борту крейсера.

Шло время — радиоволны несли сообщение на Землю.

Райленд взглянул на взволнованное лицо Донны Крири и вспомнил забинтованного «сборного» человека, который бешено рвался и бушевал в привязных ремнях кушетки терапевта, пока не умер.

Значит, он сам не был «подсадной уткой»!

Значит, эта часть рассказа Анджели Цвик была злостной ложью!

Защелкал телетайп.

Райленд, бывший Планирующий, Дондерево и Донна сгруппировались вокруг сержанта, чтобы прочитать сообщение. Полковник начальственным жестом приказал им держаться в стороне и начал сосредоточенно читать ленту.

Его рука потянулась было к кнопке управления радаром, но вдруг выражение лица изменилось.

— Я знал, мистер Планирующий,— в его голосе вдруг появилось дружелюбие,— я знал, что Флимер — не более как предатель, которому до сих пор просто везло. Теперь он наверняка получит по заслугам! Любой человек с частицей здравого смысла в голове понимал, что нереактивная тяга должна быть создана.

Усмехаясь, он протянул руку Криири.

— Я рад первым поздравить вас, мистер Планирующий, и вас, мистер Райленд. Специальная секция Машины на борту крейсера завершила оценку, пока предварительную, вашего изобретения. Она передала сообщение основному комплексу Машины на Земле, предупреждая о необходимости подготовить План Человека к переходу на вторую ступень, на которой свобода и богатство космического пространства сделают настоящие строгие меры безопасности излишними и нецелесообразными.

И как первый шаг в претворении этого дела в жизнь Машина направила радарный импульс...

Райленд услышал, как в его кольцо что-то щелкнуло.

Воротник раскрылся.

Словно под воздействием того же импульса сделала шаг и оказалась в его объятиях Донна.

Они вместе выплыли из пещеры в волшебное мерцание их маленького Рифа. С одной стороны нависал громадный серый корпус крейсера Плана, который больше не был врагом. А за ним сияли звезды.

Звезды! Бесконечный, непчатый край для освоения человеком. Пространство между солнцами, где постоянно рождается новый водород, создавало новые миры, подобно тому, как жажда свободы непрестанно рождается в сердце человека.

— Миллионы, миллиарды новых миров,— прошептал Райленд.

И девушка сказала уверенно:

— Наши дети увидят их все!

Фред Саберхаген

**ЗЕМЛЯ
ВО ВЛАСТИ ВОЛШЕБСТВА**

ГЛАВА 1

Человек готовился к смерти. Он должен был умереть в мучениях, корчась на колу, на потеху императора Востока Джона Оминора, который сидел сейчас в глубокой задумчивости в своем великолепном тенистом саду. На отлогой лужайке, чуть поодаль от простого стула императора, как раз посередине обсаженного высокими цветами квадрата, уже установили заостренный кол.

В нескольких ярдах от лужайки сад заканчивался низкой каменной стеной-волнорезом, за которой простиралась безмятежно спокойная гладь гигантского озера. В сущности вода была так близко, что император при желании мог без всяких особых усилий время от времени швырять в воду алмазы: других камешков поблизости не было.

Далеко на востоке гладь озера смыкалась с небом, где стучались свинцовые тучи. Что-то необычное было в очертаниях темных облаков, словно какая-то гигантская воздушная сила нависла над сердцем Восточной империи. Будь это в любом другом месте, можно было их принять за духов воздуха, но здесь ничего подобного не могло произойти: демоны, на которых возлагалась охрана, давным-давно организовали защитное поле против любого, кто посмел бы вторгнуться в окрестности дворца.

Джон Оминор не обращал внимания на приготовления палачей: он был поглощен куда более важными заботами. Однако, услышав жуткий вопль, который испустил пленник, когда острое кола вонзилось в его тело, Оминор удовлетворенно вздохнул и поудобнее откинулся на стуле. Имелись неопровержимые доказательства, что несчастный связан с заговором против императора.

Джон Оминор выглядел моложаво, хотя на самом деле был глубоким стариком. Одежда на нем была самая простая. Ослепительную белизну рубашки лишь подчеркивали черные пятна отворотов и отделки. На шее на прозрачной цепи висела массивная сфера черного цвета размером с мужской кулак. Она

маслянисто поблескивала, словно смазанная жиром. В сфере не было никаких отверстий, и поэтому она была заключена в серебряную сетку тончайшего плетения, которая крепилась к цепи.

Император бросил взгляд на озерную гладь. Над водой бились два крыла, с каждой секундой увеличиваясь в размерах. Должно быть, очередной курьер-рептилия несет последнее сообщение во дворец, сообщение, быть может, посланное с другого конца бескрайней империи. Эта мысль лениво проплыла в голове императора, но он не стал задумываться, что это за сообщение. Он заметил на поверхности озера рыбацью лодку, она качалась на воде чуть более чем в пятистах ярдах от дворца. Рыбакам наверняка были отлично слышны крики осужденного, но император не придавал этому никакого значения, ибо сегодня сам АРДНЕЙ должен был прибыть во дворец.

Долгое время Оминор разыскивал по всему свету своего злейшего врага АРДНЕЯ: прибегал к помощи электроники и старого доброго волшебства, не брезгая и обычным сыском. Он прилагал усилия во всех краях света, сжигаемых военной лихорадкой. Сначала он задался целью разыскать и уничтожить врага, но с течением времени выяснилось, что найти АРДНЕЯ во плоти нет никакой возможности, и тогда первоначальные намерения императора изменились. Он решил найти способ вступить в контакт с АРДНЕЕМ и начать с ним переговоры.

Кроме АРДНЕЯ у императора было множество врагов. Перебирать их в памяти даже доставляло удовольствие. Он поживался от мысли, что до сих пор еще жив. У подножия той иерархической пирамиды Восточной империи, вершиной которой являлся Джон Оминор, постоянно кто-то плел интриги. Среди заговорщиков были люди, подобные тому, кто сейчас корчился на колу; были дьявольские силы, лишь наполовину материализованные; были и животные с разумом и хитростью человека. И все они ждали, чтобы император хоть чуть споткнулся, хоть каплю ослаб, чтобы тут же свалить его и взобраться на его место. Но они зря старались. Он ни разу не допустил ни малейшего промаха, ни разу не ошибся, а наоборот, всегда переигрывал своих врагов, натравливая неверных друг на друга, не давая им окрепнуть настолько, чтобы стать реальной угрозой для своего трона.

Таков был Восток. Проигравшие в этой смертельной игре доставляли немалое удовольствие своим победителям. Вот и сегодня император все утро развлекался зрелищем мучений

своих врагов — предполагаемых участников очередного заговора. Все это были враги внутренние.

Но ведь в мире не прекращалась беспощадная кровавая война, и это свидетельствовало о том, что и внешние враги с Запада были все еще могущественны и многочисленны. За десятилетия Великой войны перевес, равно как и преимущество в ресурсах, медленно, но верно оказались на стороне Востока. Всего лишь несколько лет назад совсем уж казалось, что все те, кто сражался на стороне Запада, будут обращены в рабство и перебиты как бы храбры, отчаянны и упрямы они ни были. Впрочем, и сейчас это казалось наиболее вероятным. Если бы только...

В последние годы возник новый фактор, новый враг, который грозил разрушить все планы. Могущество этого врага пока не установили с достаточной точностью, но, несомненно, оно было чрезвычайно велико. И только две вещи знал Оминор наверняка.

Во-первых, пока враг действует только на западной окраине того огромного континента, в центре которого находится дворец Оминора; во-вторых, имя врага — АРДНЕЙ.

Вопли осужденного теперь больше напоминали рев животного. Несколько мгновений Оминор с любопытством наблюдал за казнью. Кол медленно раздирает внутренности человека и вот-вот должен был появиться через рот или глаз. Но у Оминора не было времени полностью насладиться этим зрелищем: ему необходимо было расслабиться и отвлечься от неприятных мыслей перед встречей с АРДНЕЕМ. АРДНЕЙ слишком много значил в его жизни. А встреча с ним предстояла не более чем через час.

По правде сказать, те тысячи квадратных миль на западной окраине империи, которые пришлось уступить АРДНЕЮ, а значит, Западу, были всего лишь узенькой полоской на огромных территориях Востока, который фактически правил семью восьмыми частями Земного шара.

Правда и то, что перед лицом всего мира вовсе не АРДНЕЙ был главным противником Оминора, ибо весь Запад считал своим наиболее выдающимся вождем предводителя океанической исландской нации принца Дункана, поэтому приверженцы Востока видели именно в нем своего самого главного противника.

Дункан был достаточно грозен. В настоящий момент его армия находилась на землях Востока. Приморская территория, захваченная АРДНЕЕМ, разоренные земли и несколько других отдаленных провинций обеспечили Западу необходимый стра-

тегический плацдарм, где можно было дать армии отдых перед началом очередной кампании.

Оминор, разумеется, предполагал со временем вернуть себе приморскую полосу. Но пока ему никак не удавалось собрать необходимые силы и вооружение, так как все это время не прекращались конфликты и восстания, а это требовало неусыпного внимания императора. Но ведь и Дункан не останется на месте, он непременно устроит так, что его армия начнет просачиваться в самое сердце континента...

Неподалеку от стены-волнореза, шагах в тридцати левее императора, стоял летний домик-беседка, крытый темным стеклом и весь обвитый плющом. Бросив взгляд в сторону беседки, император увидел, что его советники уже собираются там.

Восьми приближенным было предписано присутствовать при встрече императора с АРДНЕЕМ, они-то и прибывали на предварительное совещание. Каждого сопровождал эскорт прислужников и советников, облаченных в черные одеяния с белой отделкой. Их внешний вид был негативом одежды императора.

Убедившись, что все уже в сборе, Джон Оминор поднялся со стула и неторопливо направился к беседке. Два палача на минуту прервали свой добросовестный труд, чтобы стукнуться лбами оземь при виде проходившего императора. С любопытством Оминор бросил взгляд на осужденного, который не сгибаясь в поклоне торчал на колу и которого нельзя было более наказывать за непочтительность.

Оминор несколько замешкался на пороге беседки. Легкая улыбка лишь слегка изменила его лицо, но оно от этого не стало менее заурядным. Восемь самых могущественных людей Востока склонились перед ним до земли, и он с минуту наслаждался этим зрелищем. Советники застыли, касаясь лбами усыпанного песком пола, в ожидании, пока император придвинет к себе стул во главе стола, и только потом расселись сами, строго соблюдая иерархию: наиболее могущественные уселись ближе к императору.

Покончив с формальностями, можно было приступить к совещанию. Оминор бросил взгляд на того, кто сидел по правую руку. Это был главный кудесник, Верховный волшебник Востока, у которого было множество всяких имен, однако сейчас его для краткости и удобства именовали Вудом. Вуд сразу понял, что он должен говорить, и немедленно объявил:

— Мы можем продолжать обсуждать наши планы, исходя из допущения, что АРДНЕЙ не является человеком.

На предыдущем совещании всего лишь несколько дней на-

зад Вуд вовсе не был склонен к такому выводу. Сам Вуд был человеком, хотя это и не всегда проявлялось достаточно отчетливо. Сегодня, однако, он был в своем самом что ни на есть человеческом обличье и казался изможденным стариком, с кривыми ногами и узловатыми венами на руках, напоминая портного из древних сказок. У него был огромный крючковатый нос и выпученные глаза, куда никто не любил заглядывать.

— В таком случае, это какая-то стихийная сила, — прокомментировал император. Квасиматериальные силы, называемые стихиями, которые порождались самой природой во всех видах, обычно считались подвластными волшебникам с Запада так же, как демоны более или менее охотно подчинялись волшебникам Востока. Убедившись, что предположение не было немедленно подхвачено Вудом, император быстро спросил: — Но ведь АРДНЕЙ не животное?

Оминор, как обычно, говорил громко и быстро, и слушателю было трудно понять, велико ли его нетерпение.

Вуд ответил, осмелившись при этом посмотреть в глаза императору:

— Мой повелитель, АРДНЕЙ не мужчина и не женщина, и уж, конечно, не животное. Следовательно, он какая-то сила, но я поостерегся бы назвать эту силу стихией. Я думаю, что он не джинн и не демон. Он вообще не подходит ни под какую категорию. Я должен честно признаться, что в нем есть что-то, чего я до сих пор не могу понять.

— Утешительно, нечего сказать. Так что ты можешь предложить мне сегодня? — Император замолчал, глядя на Вуда, словно тот уже осужден на казнь. Но именно так он смотрел на всех своих подданных.

— Мы должны делать все как решили, мой повелитель, — ответ последовал без колебаний.

Вряд ли Вуд мог бы удержаться на своем посту Первого Советника, если бы не обладал изрядным мужеством и мудрой осторожностью. Семь остальных советников молча сидели вокруг стола, словно каменные изваяния. Эбнер — Комиссар полиции Востока, Главнокомандующий армиями Оминора — сидел совершенно прямо по левую руку императора и непроницаемым взором глядел на Вуда.

— Если АРДНЕЙ так могуществен, — продолжал Вуд, — что мы не в состоянии будем защититься от него даже здесь, в самом сердце нашего мира... — Он замолчал на полужестком, пожав плечами, словно комментарии были излишни.

Несколько минут в беседке царил молчание.

Из сада доносились глухие вопли несчастного, испускающего дух на колу. Оминор отвел тяжелый взгляд от Вуда и сверкнул глазами на сидевших у дальнего конца стола:

— Вы, кто все свое время отдает необычному искусству, что вы можете сказать мне сегодня такого, чего я еще не слышал от других?

Младший из двух советников, владеющих техникой, только склонил голову, а старший, поднявшись на ноги, произнес:

— О-очень н-немногое, повелитель,— голос его дрожал от страха.— Электронные станции обнаружения не прекращают свою работу, а после нашего последнего разговора уже начато строительство еще двух. Но мы пока не в силах сказать, где именно скрывается АРДНЕЙ.

Только откровенное признание, пусть даже и неутешительное, было единственным более или менее безопасным способом разговора с императором. Все, кому удалось уцелеть на высоких постах рядом с Оминором, прекрасно знали об этом.

Большинство присутствующих выразили на своих лицах презрение к столь экзотическим методам поиска врага. Техника вовсе неплоха там, где дело касалось таких вещей, как изготовление колес для экипажей, ковка сабель, короче, там, где нужно было орудовать наковальней, молотом и гвоздями. Но никто, решительно никто не разбирался в электронике, даже те, кто пытался забавляться с древним изобретением, пережившим века, хотя они и искусно притворялись, что все отлично понимают.

Оминор не разделял общего презрения к технике. Слишком убедительны были доказательства того, что Запад регулярно прибегает к помощи технологии и притом весьма успешно. Древние люди Старого Мира также отлично владели этим искусством. Тому остались свидетельства в виде многочисленных, но все еще хорошо работающих аппаратов различного назначения, которые много древнее, чем сам Восток или Запад.

Оминор понимал, что тому, кто сумеет овладеть этими силами, не имеющими ничего общего с магией, откроются поистине великие возможности.

— Послушаем, что скажут остальные!— сказал император, обводя глазами присутствующих.— Кто-нибудь из вас мне изложит причины, по которым нам следует отменить или отложить встречу с АРДНЕЕМ?

Этого никто не мог сделать. Раздалось тихое бормотание присутствующих. Эбнер напустил на себя мрачный вид, но и ему нечего было сказать. Император коснулся черной сферы, висевшей на цепи:

— И вот эту вещь я должен предложить АРДНЕЮ в качестве дара, чтобы подкупить его?

Советники опять разногласно забормотали, на этот раз выражая согласие. Никто не знал наверняка, что представляет собой эта сфера, хотя бесспорно, это было какое-то хитрое наследие Старого Мира. Внутреннее строение сферы, видимое только колдунам и квазиматериальным силам, было очень сложно и невероятно прекрасно. Сидящие за этим столом понимали, какой бесценный дар они собираются преподнести врагу. Демоны, джинны и стихийные силы, подвластные этой сфере, по-видимому, считали ее чем-то равноценным гигантскому рубину или изумруду в человеческом понимании.

Повернувшись снова к своему главному кудеснику, Оминор вернулся к прежней теме:

— А какую опасность он будет представлять для нас, Вуд, если очутится здесь?

— Никакой опасности, повелитель. Мои демоны и подвластные мне кудесники всех рангов начеку. Некоторые из предполагаемых нейтральных сил, которые выступали в качестве посредников при организации этой встречи, — как известно вам, мой повелитель, но, может быть, не известно вашим советникам — на самом деле наши помощники, хотя и тайные. АРДНЕЙ, правда, относится к ним недоверчиво, но все же они сообщают, что нет никаких признаков того, что он сегодня собирается на нас напасть. Да и как он может попытаться совершить такое нападение? Ведь для этого ему придется так или иначе проявиться перед нами в своей материальной сути, а чем больше он себя проявит, тем уязвимее станет для нас. Мои демоны наготове, и их пасти тотчас же поглотят его. — Позади волшебника Вуда над безмятежным озером воздух вдруг дрогнул и в нем отчетливо проступили три неопределенные тени, видимые даже на фоне ослепительного солнца. Вскоре тени исчезли, и снова воцарилось спокойствие. Вуд продолжал:

— Честно говоря, я даже хотел бы, чтобы он попытался атаковать нас сегодня, но боюсь, слишком он хитер для этого.

Оминор все же не был удовлетворен.

— Наш могущественный посетитель, — сказал он сурово, — которого, как ты говоришь, в любую минуту могут уничтожить твои демоны, убил уже Великого демона Запронета в Черных Горах, причем с такой же легкостью, с какой человек мог бы раздавить жабу. Ты ведь сам сообщил мне об этом.

Вуд моргнул и всем показалось, что он даже улыбнулся.

— Да, мой господин. Но не придавайте этому слишком большого значения. Для самого слабого из тех трех демонов, которые находятся в воздухе позади меня, для самой ничтожной из этих сил Запронет был всего лишь мелким вассалом. Что же касается этих трех демонов, то во всем мире есть только одна сила могущественнее их, всего одна.— Вуд совсем понизил голос, но все же эти последние слова прозвучали очень ясно.

Великий господин, однако, понял намек, и, по-видимому, нашел нужный ответ. Но все же он не торопился отдать последние приказания. Наоборот, он с таким подозрением вновь оглядел своих советников, что некоторые из них в тот же миг позабыли, что этот план встречи лицом к лицу с АРДНЕЕМ принадлежит самому Оминору.

Он изложил его им месяц тому назад и тогда же объяснил, что сила, называемая АРДНЕЕМ, без сомнения, является источником всяческих неприятностей для Востока, хотя, конечно, ее нельзя рассматривать как смертельную опасность. До сих пор все усилия выяснить местопребывание этой силы, что является необходимым условием для ее уничтожения, оказывались безуспешными. АРДНЕЙ, по-видимому, никогда не появляется в собственной материальной форме, если, конечно, она у него вообще имеется. Вместо этого он вселяется то в одного, то в другого человека, незаметно оказывая на него нужное влияние и покоряя его своей волей, которая неизменно служит Западу. При этом АРДНЕЙ так ловок и осторожен, что избранный им человек не осознает даже, что действует по чужой воле. И только самые великие колдуны и верховные вожди Запада полностью отдают себе отчет, насколько своими последними успехами в войне они обязаны АРДНЕЮ. Вот поэтому Оминор и решил встретиться с АРДНЕЕМ, убедившись, что все попытки поймать его в свои сети бесполезны.

В летнем домике воцарилась тишина. Даже крики осужденного затихли, палачи отошли подальше от беседки, и несчастный испустил наконец дух.

Повелитель встал из-за стола и коротко сказал:

— Что ж, пусть он является. Не будем откладывать.

Совещание закончилось, и слуги поспешили навстречу хозяевам, чтобы выслушать распоряжения. Вскоре весь сад до самой увитой плющем стены дворца, который едва виднелся за деревьями в противоположном от озера конце сада, был очищен от посторонних — простых солдат, рабов и всех тех,

кто не был непосредственно занят в предстоящей церемонии встречи с АРДНЕЕМ. Палачей удалили, но предварительно Вуд распорядился, чтобы они не убирали свою жертву.

Обращаясь к повелителю, Вуд сказал:

— Бывали случаи, когда АРДНЕЙ выбирал себе именно такую жертву, вселялся в нее и далее действовал через ее плоть. Если он попробует поступить так сегодня, то он в наших руках.

Оминор секунду подумал, потом кивнул в знак согласия.

Сопровождаемый процессией подданных, он покинул летний домик и направился к тому месту, где помощники Вуда все подготавливали для предстоящей встречи. Это была площадка примерно в двенадцать футов в диаметре, вымощенная булыжником и огражденная балюстрадой, спускавшейся прямо к озеру, которое мягко плескалось вниз. Вскоре все приготовления закончились — ведь основная работа по подготовке этой встречи была проведена заранее. И теперь, поскольку окончательное решение уже было принято, с помощью промежуточных сил АРДНЕЮ послали сообщение, что его ждут и что он может прибыть как только пожелает.

Прошло несколько минут.

— Что же все-таки на уме у нашего гостя? — прервал молчание император. — Или он решил снова поразмыслить, разумно ли вообще нас навещать?

Вуд поднял свои узловатые руки и встряхнул ими перед собой, будто остужал на легком ветерке. Маленькие пальцы шевелились, словно насекомые.

— Великий господин, он уже близко.

Выпученные глаза Вуда казались сейчас совсем незрячими, хотя видел он в этот момент куда лучше всех присутствующих. Он смотрел на озеро.

— Мой император, он приближается. Когда вы сумеете различить рябь на поверхности озера на расстоянии вытянутой руки, можете заговорить, и он услышит.

Глядя мимо своего главного кудесника на гладь озера, Оминор пока что видел только далекую рыбацью лодку и нависшую над ней тучу, которая за это время нисколько не изменилась. Затем, следя глазами за легким жестом Вуда, он обратил внимание на едва заметную рябь у самого берега. В другое время он принял бы эти пузырьки за обычное явление, вызванное легким ветерком. Но полоска ряби подбиралась все ближе к берегу, нисколько не смешиваясь с остальными легкими волнами, чуть покачивающимися на поверхности озера. Император обладал достаточной силой волшебства, чтобы

понять, что это такое. И теперь он уже сам почувствовал присутствие волшебной силы, настороженной, полной спокойной уверенности, ждущей. Пузырьки замедлили свой бег и постепенно остановились в нескольких десятках ярдов от балюстрады. Тренированный глаз Оминора заметил, что над пузырьками витает что-то неопределенное и едва уловимое.

Громким, уверенным и спокойным голосом он произнес: — Слушай же меня, посланец Запада! Теперь уже всем понятно, как и тебе самому, что час твоего полного уничтожения не за горами. Однако я сознаю, что ты все еще в состоянии причинить мне некоторое беспокойство. И поэтому я предпочитаю вместо того, чтобы зря губить такие силы, какие в тебе таятся, привлечь тебя на свою сторону.

Произнося свою речь, Оминор не спускал глаз с Вуда. Император был готов уловить малейший сигнал колдуна, почувствовавшего опасность. Ничего не заметив, Оминор продолжал:

— Я желал бы предоставить тебе какой-нибудь видный пост в иерархии Востока, такой, который, возможно, окажется много выше, чем ты смеешь надеяться.

Оминор говорил достаточно медленно, чтобы тот, к кому он обращался, мог в любой миг прервать его и ответить. Теперь он сделал большую паузу, но ответа все равно не последовало. Император бросил взгляд на Вуда и советников, но они ничем не помогли ему. То ли АРДНЕЙ молчал из страха, то ли стремясь, наоборот, утешить их самих, а может, и по другой причине, невозможно было догадаться.

При таких обстоятельствах Оминору не имело смысла продолжать свою пространную речь, поэтому он только добавил:

— В знак моей искренности...

И сняв с шеи хрустальную цепь с необычной подвеской, он взмахнул ею над головой и метнул в воду, так что она ярко сверкнула в лучах солнца. Император, не спуская глаз с цепи, ожидал, что она немедленно исчезнет в сгустках воздуха или в конечности материализовавшегося существа. Но результат был самым прозаическим — с тяжелым всплеском бесценное сокровище упало в воду и тут же исчезло с глаз императора, уйдя на дно, словно простой камень.

И на этом месте больше не было необычной зыби, воздух снова стал абсолютно прозрачен.

Рядом с императором прозвучал голос Вуда:

— Мой повелитель, это существо исчезло. Контакт нарушен.

Император почувствовал, что напряжение, сковавшее его, постепенно исчезает. В его мозгу словно молния промелькнуло полное понимание и тут же исчезло, сменившись на презрение к врагу и возмущение:

— Он не взял подарка?

— Нет, я совершенно уверен в этом. Сфера так и лежит где-то там, на дне, — ответил колдун.

Император потер подбородок, обнажив в улыбке зубы. АРДНЕЙ мог бы принять подарок, а затем отказаться от предложенной чести, в таком случае потеря была бы невелика. Конечно, можно было предполагать, что он откажется, присовокупив к отказу презрительную речь или жест. Но вот так бежать... В панике... вряд ли происшедшее можно понимать иначе. Очевидно, АРДНЕЙ был потрясен и напуган императором, его колдунами и демонами, охраняющими дворец...

— А может, он учуял отравленную наживу? — спросил император.

На черную сферу были наложены все самые таинственные и могущественные заклятия, известные Вуду.

— Нет, мой господин. — Вуд тоже улыбнулся: ведь это был миг его торжества, он доказал, что может справиться с величайшим врагом, даже когда тот совсем рядом.

Отойдя от балюстрады, император направился к своему дворцу, за ним потянулась свита. Совсем рядом торчал во весь рост насаженный на кол человек, застыл в торжественном безразличии ко всему происходящему.

Не оборачиваясь к Вуду, император распорядился:

— Придумай подходящий план, как разделаться с АРДНЕЕМ. Но будь осторожен, теперь мы уже знаем, что это не простой смертный. И хотя в нем нет для нас смертельной угрозы, все же...

— Да, повелитель.

Обернувшись к одному из своих помощников, Вуд приказал:

— Будьте осторожны, когда станете доставать сферу из воды, и установите охрану. Пусть сфера полежит на берегу. Тому, кто завладеет ею в ближайшие несколько часов, потребует умение, чтобы остаться в живых.

Императорский эскорт легким шагом двинулся во дворец. Казалось, стало легче дышать, настолько спало царившее ранее в воздухе напряжение. По дороге во дворец стали попадаться простые прислужники, вдалеке тихо прозвенел гонг, отмечая послеполуденный час. Проходя мимо клумб с необык-

новенно роскошными цветами, император вдруг замедлил шаг и тут же перед ним появился складной столовый стул. Он опустился на сиденье и сделал знак палачам:

— Какое развлечение можете вы нам предложить?

И почти тотчас перед императором появилась клетка на колесиках, в которой сидел человек — как видно, его держали поблизости на случай, если император потребует развлечений. На заключенном не было ран и вообще непохоже было, чтобы с ним жестоко обращались, но вид у него был очень болезненный и жалкий. Он скорчился в углу своей клетки и трясся мелкой дрожью. Глаза его были устремлены не на Оминора, а на что-то видное лишь ему одному, находящееся под его клеткой.

Император спросил главного палача:

— Этот человек предстал передо мной в третьем часу после полудня вчерашнего дня, не так ли?

— Это тот самый, который предстал перед вами вчера в четвертом часу, господин!

— Ах, да.— Оминор уже забыл, в чем именно виновен этот человек, но зато он помнил, какое тому назначено наказание.— Ведь это его мы отправили спать с демонами, а? Добрый день, сэр. Наверное, с нетерпением ожидаете вечера, а? Уже недолго осталось.

Эти слова заставили человека поднять глаза. Лицо его не слишком изменилось, но у Оминора был большой и долгий опыт в таких делах. Император внезапно рассмеялся резким каркающим смехом и, хлопнув ладонями по подлокотникам стула, воскликнул:

— Пусть никто не говорит, что я никогда не откликаюсь на желания подданных... Я заметил, что ты не слишком доволен, как провел прошлую ночь. Что ж! Пожалуй, я мог бы согласиться сократить твоё пребывание у демонов сегодня ночью — ну-ка, ну-ка! — ровно на столько, сколько ты сможешь держать свои руки в огне! Что скажешь?

Человек колебался лишь ничтожную долю секунды и кивнул. Лицо его было по-прежнему совершенно спокойным, а может, просто мускулы уже не в состоянии были сокращаться, вся энергия, казалось, вытекла из его тела.

Тотчас же принесли жаровню, человек просунул обе руки сквозь решетку и окунул их в низкие языки пламени. Страшно гримасничая и жалобно вскрикивая, он-таки ухитрился несколько секунд продержать руки в огне, прежде чем потерял сознание.

Оминор приказал:

— Позаботьтесь, чтобы он был в полном сознании, когда вечером отправится к демонам. И подумайте, какой выбор мы сможем предложить ему завтра.

Удовольствие императора было испорчено каким-то мимолетным ощущением нездоровья: словно его на секунду обдало ледяным ветром, хотя день был теплым. Все же встреча с АРДНЕЕМ произвела на него большее впечатление, чем он думал.

С остальными развлечениями придется подождать, потому что сейчас нужно принять некоторые важные решения. Впрочем, это были не такие уж и сложные дела, и примерно через час император подписывал последнюю бумагу. Он чувствовал усталость. Подняв глаза, он увидел, что к нему направляется группа людей. Среди них было несколько колдунов высшего ранга, двое-трое слуг, несколько человек из личной охраны императора. Все они двигались с неловкой поспешностью, так, словно никто из них не хотел приблизиться к императору первым, но никто и не желал оказаться последним.

Оминор встал, но ноги под ним подкосились. Словно чья-то железная рука вцепилась в его внутренности. Значит, еще какой-то заговор. Откуда-то появился Вуд и встал рядом, совершая пассы, и постепенно боль, сковавшая тело, ослабла, и только теперь Оминор увидел, что те, кто приближается к нему, несут черную сферу на хрустальной цепи. Из их бессвязных выкриков и отчаянных жестов император с трудом понял, что сферу только что извлекли из желудка огромной рыбы, специально изловленной к императорскому столу.

Помощники Вуда со всех ног бежали к императору, чтобы всем вместе преодолеть колдовские силы, так внезапно сковавшие их повелителя. Почувствовав себя немного лучше, Оминор призвал к себе Главнокомандующего Эбнера.

Военачальник вырос перед ним:

— Мой император?

— Колдуны подвели меня. И я хочу, чтобы ты принял на себя эту миссию. Мы должны узнать, по крайней мере попытаться узнать, что такое АРДНЕЙ.

ГЛАВА 2

Рольфу привиделось, что демон, издав ужасающий вопль, одним взмахом обоюдоострой сабли разрезал Вселенную на-

двое. Рольф из Разоренных Земель закричал от страха и отпрыгнул, чтобы уберечься, сознавая, что, спасая свою жизнь, он в то же время спасает целый мир.

От этого крика Рольф пробудился и тут же вскочил на ноги — он спал на мягкой земле среди высокой травы, завернувшись в плащ, с саблей наготове. Еще не проснувшись окончательно, Рольф все же понял, что его крик был вызван не столько кошмаром, привидившимся во сне, сколько реальной опасностью, грозившей ему наяву.

В темноте к нему бежали девять его товарищей по патрулю, трава поскрипывала под их ногами. У всех оружие было наготове — они слышали отчаянный крик Рольфа и теперь напряженно вглядывались в темноту, стараясь различить, где враг, а где свой. Рольфу пришлось долго громким шепотом объяснять товарищам:

— Я видел сон, это был только сон. — Ему не требовалось извиняться перед ними, ведь никто не ответствен за свои сны, как и за то, что делает во сне. К тому же подобный сон мог иметь магическое значение.

Когда напряжение несколько спало, но еще никто не убрал сабель в ножны, Рольф заметил, что огромный колдун Лофорд отошел в сторону и, используя свои необыкновенные способности, стал осматривать район, в котором они находились. В ту ночь патруль не сопровождала ночная птица, иначе ему было бы куда легче удостовериться, что никакой враг не услышал крики и не приближается к месту стоянки.

Но наконец все успокоились, и воины спрятали смертоносное оружие. Посыпались язвительные шуточки, кое-кто добродушно ворчал. Мевик, командир отряда, приказал сниматься со стоянки и разбить новый лагерь в полумиле отсюда, что было предосторожностью на случай, если их все-таки услышали. Бросок осуществили очень быстро, поскольку у них не было с собой палаток, а багаж был очень маленький.

Когда они снова разбили лагерь, отправили пастись верховых животных и выставили охрану, Мевик подошел к Рольфу и присел рядом. Они были старыми друзьями. Некоторое время оба молчали. Ночь была теплая и безлунная, редкие звезды мерцали за туманной пеленой облаков. Насекомые шуршали в траве вокруг десяти успокоившихся мужчин и десяти беспокойных животных.

Через несколько минут Рольф прошептал:

— Я убежден, что это было предостережением.

— О чем же? — Голос у Мевика был мягкий, и хотя Рольф

знал его давно, все равно не мог привыкнуть к странному акценту товарища. — Может, позвать сюда Лофорда? — В темноте Рольф не видел лица Мевика и едва различал очертания головы на широких плечах.

— Я могу поговорить с ним хоть сейчас, хоть утром, только мне нечего сказать ему — четкие воспоминания о сне уже стали стираться в утомленной памяти. Просто была какая-то опасность, и у меня возникло ощущение, что я должен немедленно действовать, чтобы спастись. И это был не просто страх, а такое чувство, что моя жизнь почему-то очень ценна. Необходимо для чего-то.

Мевик кивнул задумчиво. Потом сказал:

— Поговори утром с Лофордом. А теперь единственное, что меня интересует, не вскочишь ли ты снова с таким же диким криком, как только уснешь?

Рольф понял, что Мевик вовсе не уверен, что его сон на самом деле был магическим. Рольфу не исполнилось и двадцати, но с тех пор как ему стукнуло шестнадцать, он почти беспрерывно сражался в рядах воинов, выступающих против армии Востока. Ему приходилось видеть, как другие мужчины, покрепче, вдруг среди сна вскакивали с отчаянными воплями, хотя не испытали и четверти тех страданий, которые выпали на долю Рольфа.

— Я думаю, это был магический сон. Хотя, конечно, неясна его цель. Возможно, это какое-то предостережение и нам следует переместить лагерь. Если бы у нас была хоть одна ночная птица...

Мевик шепотом выразил свое согласие. Раса крупных птиц, которые выступали союзниками Запада, — как летающие рептилии служили Востоку — была непревзойденной в качестве ночных разведчиков и посланцев. Трудность состояла в том, что в ночное время они действовали, а днем были почти полностью беспомощны. И поэтому патрули, подобные этому и пробиравшиеся на территорию Востока дальше, чем птица могла долететь за короткую летнюю ночь, были практически лишены помощи.

Они находились сейчас в центре огромного континента, в восточной части которого располагался дворец Оминора. А в западной — маневрировал своими войсками принц Дункан. Далеко на западе лежали Черные Горы и небольшая приморская провинция, называемая Разоренными Землями. Отдаленные Острова были одной из тех территорий, на которые Востоку никогда не удавалось даже ступить ногой, хотя он не раз

совершал туда молниеносные свирепые набеги. Наиболее населенные части континента, как и столица Востока, лежали к востоку между этими центральными прериями и равнинами.

Мевик все еще молча сидел подле Рольфа.

— Похоже, мне больше не уснуть,— сказал Рольф.— Пойду обойду-ка я посты.

— Нет. Ты ведь раньше отстоял свою вахту. А теперь спи, отдыхай. Все равно уже скоро рассветет.

Что ж, пусть Мевик командует им, раз уж так ему хочется. Рольф пожал плечами. Растянувшись на земле, он плотно завернулся в плащ, предварительно убедившись, что оружие под рукой, закрыл глаза совершенно уверенный, что ни за что не уснет.

...И тотчас же демон вновь взмахнул саблей, на этот раз обрушив ее со всей сокрушительной силой на самого Рольфа, и разрубил его пополам. Вопль, который издал Рольф, и сила, которая подбросила его, нисколько не зависели от его желаний. В одну секунду Рольф оказался на ногах среди густой травы, он снова сжимал в руках свою саблю и опять невольно навлек опасность на своих товарищей. Мевик куда-то исчез, но зато не более чем в десяти футах от Рольфа притаился живой, из плоти и крови, солдат армии Востока. Он уже занес саблю, чтобы обрушить удар на голову Рольфа. Солдат быстро отпрянул, когда Рольф так неожиданно вскочил с земли, и тут же неподвижно застыл, словно изваяние.

Противнику удалось каким-то образом вывернуть руку и в некоторой степени ослабить страшный удар Рольфа, так что сабля последнего сначала скользнула только по лицу и плечу врага. Но вторым ударом Рольф свалил нападавшего.

В те несколько мгновений, прошедших после того как Рольф с отчаянным криком вскочил на ноги, остальные девять патрульных тоже успели вскочить с земли и теперь были наготове, с оружием в руках. Сначала им показалось, что они окружены врагом со всех сторон, но вскоре стало ясно, что нападавших не так уж много. Высокий Чап, самый сильный из всех воинов и лучше всех владеющий саблей, колот направо и налево, и солдаты Востока, словно малые дети, один за другим падали под его ударами. А Мевик, казалось, сражался одновременно по обе стороны от Рольфа и вопил, словно демон. Руки его, в которых были зажаты меч и щит, действовали, как детали слаженной машины. Враги так и валились бездыханными к его ногам. В отличие от Чапа Мевик был не так высок, да и не особенно силен, но быстрота, ловкость и смелость вполне равняли его с товарищем-гигантом.

В храбрости Рольф не уступал Мевуку, но той решимости причинять всяческий вред Востоку, что горела в Рольфе, не было ни у кого из его товарищей. Именно поэтому он сражался всегда успешнее, чем остальные, хотя у него не было ни силы Чапа, ни ловкости и быстроты Мевика. Рольф прекрасно управлял парой сильных рук, мощными бицепсами, крепким жилистым телом. Покончив с первым противником, он с методической аккуратностью стал разделяться со вторым.

И вдруг словно яркая молния вспыхнула в его мозгу. С невероятной ясностью он ощутил, что ранен и почему-то подумал, что, наверное, даже убит. Но не почувствовал ни агонии, ни боли от раны, хотя ноги подкосились и он упал в траву. Ощущение было странным, и он решил, что снова грезит: ему мерещилось чье-то присутствие, контакт с каким-то существом, Рольфу приходилось уже испытывать это раз или два за годы сражения с Востоком. Но сейчас это ощущение было куда более ярким и мощным, чем прежде. «АРДНЕЙ, — подумал Рольф, — не заставляй меня падать, помоги подняться».

Способность двигаться покинула его, но сознание было ясным, словно кто-то неслышный и невидимый посылал вибрацию прямо в его мозг. Ему не нужно беспокоиться. Вспышка молнии в его голове, которая вызвала такое состояние, вовсе не опасна для него, беспомощность Рольфа временная и не вызвана вражеским оружием. Это сам АРДНЕЙ пробудил Рольфа в первый раз, чтобы уберечь его от удара вражеской сабли, и сейчас удалил с поля боя. Было очевидно, что Запад выиграет сражение и без Рольфа, а ему больше нельзя рисковать в случайных схватках, он нужен для куда более важной миссии. А миссия заключается в том, чтобы похитить какой-то предмет у Востока, спрятать его, а потом работать в качестве техника, помогая АРДНЕЮ.

Постепенно сознание того, что кто-то с ним разговаривает, ушло, но странный паралич все еще не проходил. Рольф растянулся на траве лицом вниз, перед глазами у него только и были что высокие стебли и собственная левая рука, едва видимая в темноте. Колоссальным усилием воли он сумел пошевелить пальцами. Он принял как должное предсказание о победе Запада, а топот ног и звяканье оружия можно, конечно, воспринимать по-разному, но Рольф не сомневался, что битва заканчивается в пользу Запада.

Ему казалось, что сражение продолжается уже очень давно, хотя, видимо, это было не так. Просто время внизу, у стеблей высокой травы, шло гораздо медленнее, чем наверху. То и дело

с тяжелым шорохом трава расступалась и с глухим ударом на землю падали раненные и убитые. Рольф чувствовал, что его правая рука еще сжимает меч, но это было совершенно бессознательно.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он услышал голоса своих друзей, тихие и осторожные. Товарищи сокрушались по поводу смерти одного из патрульных, который был в охране, когда враги подкрались и убили его.

Шаги товарищей приблизились к Рольфу и замерли у самой головы. Мягкий голос Мевика, куда более печальный, чем обычно, проговорил:

— Мертв.

Чья-то сильная рука перевернула Рольфа на спину, но когда товарищи увидели, что он жив, от удивления отпрянули в сторону. Как только Рольфа перевернули, он почувствовал, что жизнь быстро возвращается к нему. Он поднялся на ноги, сделал два шага и тут же снова присел, обливаясь холодным потом.

Товарищи сгрудились вокруг него, предлагая помощь и тихо расспрашивая его о случившемся. Он объяснил, как сумел:

— АРДНЕЙ вывел меня из сражения.

Чуть позже, когда силы вернулись к нему, Рольф попытался изложить им то, что узнал от АРДНЕЯ. Мевик и остальные выслушали Рольфа без всяких комментариев. Скорее всего, никто ничего не понял, да и он сам многого не мог объяснить. Имя АРДНЕЯ было всем известно, но никто о нем не знал никаких подробностей.

Лофорд, волшебник, который знал больше остальных, молча покачал головой — ему показалось странным все, что рассказал Рольф.

Посоветовавшись с Мевиком, Лофорд извлек из своего мешка тонкую деревянную дощечку, которая состояла из двух половинок, соединенных между собой на манер детской складной игры. В слабом утреннем свете были отчетливо видны знаки, вырезанные на дереве.

Очистив небольшое пространство на земле, Лофорд положил свою дощечку и стал бросать на нее соломинки: раз, другой, третий. Необходимо было выяснить, куда указывают благоприятные знаки, а значит, в каком направлении дальше двигаться патрулю. Магия была ничуть не менее надежна, чем все остальные системы, заслуживающие доверия. Мевик, конечно, придется принять во внимание и другие соображения, прежде чем он примет окончательное решение.

Лофорд трижды бросал соломинки, и они каждый раз указывали одно и то же направление — северо-запад. Мевик, внимательно наблюдавший за процедурой, казался еще более хмурым, чем обычно. Северо-запад был одинаково не подходящим направлением как для дальнейшей глубокой разведки, так и для благополучного возвращения к основным силам армии Запада. К северо-западу лежали огромные ненаселенные территории. Вопрос в том, какая же сила побуждает их направиться этим путем?

В ответ на вопрошающий взгляд командира Лофорд коротко ответил:

— АРДНЕЙ.

Потом пробормотал подходящие к случаю заклинания и попробовал еще раз. И опять северо-запад...

* * *

«Север». Это слово твердо произнес голос молодой девушки Аниты, которая обычно разговаривала очень робко и нерешительно. Принц Дункан с Отдаленных Островов наклонился к провидице, боясь пропустить хоть слово. Все лампы в его палатке были зажжены, ибо здесь, значительно западнее от того места, где находился патруль Мевика, рассвет еще только слегка брезжил.

Девственница Анита, которая казалась самым надежным оракулом Запада, была погружена в глубокий транс главным колдуном Дункана Греем и его помощниками. Она сидела напротив Дункана, откинувшись на простом походном стуле, дыхание ее было едва уловимо, а взор устремлен вверх плеч Главнокомандующего армией Запада.

— Анита,— голос Дункана был настойчивым и убеждающим,— зачем нам идти на север? — Карты континента, представшие перед его мысленным взором, не могли дать ответ на этот вопрос. Разве только для того, чтобы спутать планы врага. Ровно ничего не было там, кроме пятисотмильной полосы пустынных земель. Похоже на то, что чья-то враждебная сила говорит устами пророчицы, несмотря на усилия Грея, и пытается завлечь армию Дункана в ловушку.

Анита ответила:

— Чтобы выиграть войну. Большого я пока что не должна тебе говорить.— Голос, принадлежащий девушке, звучал холодно и повелительно.

Дункан поднял голову.

— Ты АРДНЕЙ? — спросил он резко.

— Да, — ответила девушка, глядя на него с видом повелительницы. Сама же она от природы была необыкновенно застенчива, иной раз даже глаза боялась поднять на собеседника.

Стоявший за стулом девушки Грей бросил потрясенный взгляд на Дункана и, встретившись с ним глазами, кивнул:

— Да, это АРДНЕЙ.

С минуту Дункан не мог выговорить ни слова. До сих пор АРДНЕЙ никогда не вступал с ним в контакт, но Дункан часто размышлял о том, как придется вести себя, когда такая встреча состоится, что казалось неизбежным. Но он так и не принял никакого решения, не определил, какое положение он, а значит, и весь Запад, стоящий за ним, должен занять относительно того существа, которое зовет себя АРДНЕЕМ.

Внутри палатки было очень тихо. На дневное время армия разбила лагерь в тенистом лесу, чтобы не дать летающим рептилиям Востока обнаружить себя. Дункан уже слышал возню всех тех крохотных существ, которые жили на деревьях, смыкающихся кронами над его палаткой.

АРДНЕЙ, Незнакомый, как Дункан называл про себя это таинственное создание, впервые дал знать о своем существовании на территории, до сих пор не играющей в войне значительной роли, называемой Разоренными Землями. Это было менее пяти лет назад, в то время, когда чаша весов в борьбе определенно склонялась на сторону Востока.

На этой территории местные партизаны, объединившиеся и называющиеся Свободный Народ, подняли восстание против восточных поработителей. Сейчас уже никто не мог сказать, был ли АРДНЕЙ вдохновителем той гражданской войны. Но во всяком случае он с самого начала помогал Свободному Народу и благодаря ему в руки восставших попало оружие Старого Мира, которое помогло им изгнать поработителей. Не прошло и года с того времени, как новые территории в непосредственной близости от Разоренных Земель были отторгнуты от империи Востока, а затем и чудовищные твердыни Черных Гор оказались в руках возрождающегося Запада.

Дункан не участвовал в той битве. Те, кто был на поле боя, описывали сражение во всех подробностях. Они утверждали, что победа над армией, находившейся в подчинении титана-демона, военачальника Запронета, была одержана только благодаря помощи АРДНЕЯ.

АРДНЕЯ нельзя было ни с кем сравнить. Ни один колдун Запада и Востока не мог проникнуть в его тайну. Он не был

жесток, он был даже добр, но сила его... В борьбе с Запронетом раскалывались даже горы. Это Дункан видел своими глазами. Как будто АРДНЕЙ говорил своим врагам: «Это я, АРДНЕЙ, кто правит слонами, словно лошадьми, кто порождает молнии, кто сокрушает крепости, словно время съедает гнилую ткань...»

Но мог ли Запад, который не захотел рабски склониться даже перед самым могучим монархом, принять такую таинственную силу в качестве своего бесспорного Вождя, Короля или Повелителя?

Дункан поднялся со стула и подошел к порогу. Это был среднего роста молодой человек с обветренным лицом, из-за чего на вид он казался старше. Выйдя из палатки, принц опустил кожаную полость, прикрывавшую вход, и она тяжело хлопнула у него за спиной. Дункан не обратил внимания на приветствие гонца, который дожидался распоряжений и вскочил на ноги, увидев повелителя.

Молодой человек прошел мимо и углубился в лагерь, спокойно лежавший в тишине раннего утра. Он думал о том, что по необъяснимому желанию, приказанию, или как там это называется, АРДНЕЙ собирается двинуть армию на север. Это был маневр, которому с военной точки зрения не найти объяснения, нет, просто невысказано совершить подобный маневр.

Дункан решительно вернулся в палатку. Подойдя к девушке, которая была еще погружена в транс, он задал вопрос: — Что случится, если я не стану перемещать свою армию, как ты говоришь?

Без малейшего колебания девушка ответила:

— Ты проиграешь войну.

— Откуда мне знать, что тебе следует доверять?

— Дерево распознают по его плодам.

Дункан нахмурился. Еще минуту он раздумывал, потом приказал колдунам совершить все необходимые приготовления, чтобы он мог получить указания свыше. Дункан наблюдал за тем, как колдуны пробуждали девушку от гипнотического сна, и обратился к ней с ласковыми словами, прежде чем она, смущенная и трепещущая, удалилась из его палатки. Затем он крикнул, чтобы ему подали завтрак, торопливо съел его, одновременно выслушивая сообщения, принесенные воинами-птицами, которые уже вернулись в лагерь.

Не успел день еще полностью вступить в свои права, как принц Дункан вышел из своей палатки и пошел по лагерю мимо мужчин и женщин, которые спали на голой земле, завернувшись в плащи. Многие воины уже поднялись и сновали по ла-

герю: кто занимался приготовлением пищи, кто приводил в порядок оружие. На верхушках деревьев сидели ночные птицы, серо-коричневое оперение их почти сливалось со стволами деревьев, головы свои они прятали под крылья, охраняя чувствительные глаза от губительного света.

Вскоре ряды палаток остались позади. Пройдя мимо часового, приветливо ему кивнувшего, Дункан углубился в лес. Через некоторое время кроны деревьев так плотно сомкнулись над его головой, что в наступившем сумраке глаза принца с трудом различали тропу. Однако то один куст, то другой отклонялся в сторону, а ветви словно отводила невидимая рука, когда Дункан проходил мимо.

Перед ним оказалась кривая дорожка, но он не колеблясь продолжал свой путь. Отойдя примерно шагов пятьдесят от часового, Дункан наконец пригляделся внимательнее к тому существу, которое указывало ему дорогу. Это был лесной дух, напоминавший крохотное деревце. Он-то и раздвигал кусты и ветки перед Дунканом. Эльф вел его кривыми тропками, искусно петляя, чтобы никакая вражеская сила не могла напасть на их след. Все это делалось по приказанию Грея, который подготовился к новому прорицанию. Дункан находил, что это довольно рискованное предприятие, но без колебаний шел вперед. Если он не сможет рассчитывать на искусство колдунов, то война для него будет проиграна, а жизнь потеряна.

Наконец кустарники поредели и там, где минуту назад был сплошной лес, перед Дунканом открылась обширная поляна. Точно на ее середине стояли трое мужчин, или, по крайней мере, три высокие фигуры, облаченные скорее в свет и тень, чем в обычные человеческие одеяния.

Дункан знал, что это три его главных волшебника, но он не мог бы определить, кто из них кто. Он понимал, что сейчас не место и не время называть их имена, и постарался даже не вспоминать их. Все трое одновременно повернулись к Дункану, как только он вышел из зарослей.

Принц не видел их лиц да и не старался их разглядеть. Как заранее было условлено, он спросил громким голосом:

— АРДНЕЙ, АРДНЕЙ, АРДНЕЙ? Кто он такой? Что он такое? Будет ли полезно для меня, если я доверюсь его слову, последую его воле, пойду туда, куда он поведет?

Один из колдунов поднял голову, черты его лица были неразличимы:

— Если мы не доверимся ему, я предвижу конец войны.

— Звучит обнадеживающе.

— Конец войны, спины народа Запада безнадежно согнуты под игом Востока, младенцы убиты, наши жены, дети, земли потеряны навсегда. Вот какое будущее предвижу я, если мы откажемся сейчас от помощи той силы, что называется АРДНЕЙ.

Говоривший умолк и снова опустил голову.

Заговорил второй колдун:

— Лорд Дункан, если мы доверимся силе, именуемой АРДНЕЕМ, то я не вижу быстрого конца войны. И вообще не вижу ей конца.

— Ба! Да ведь все на свете имеет конец, а все же лучше неопределенность, чем жестокий рок. Что еще скажешь?

Второй колдун продолжал:

— Я вижу, что ужасные несчастья обрушатся на наш народ, если мы сегодня последуем зову АРДНЕЯ.

Тот, который первый обратился к Дункану, поднял голову и произнес:

— Но ты ведь не станешь рассказывать нам то, что мы и без тебя знаем: тяжелые испытания должны вскоре обрушиться на нас, что бы ни предпринял добрый принц.

Дункан нетерпеливо сказал:

— Что такое война, всем отлично известно. Можете вы что-нибудь еще добавить к этому?

Заговорил снова второй волшебник:

— Я вижу АРДНЕЯ не очень ясно, но все же чувствую, что это именно он, вижу как он бьется в когтях силы еще более могущественной, чем он сам. Он погибает, а наши армии, которые пытаются прийти ему на помощь, разбиты. Вот каков будет результат, если мы сейчас его послушаем. Если же мы его не слушаем, то я не только не вижу его смерти, но даже не вижу появления той могущественной силы.

Оба колдуна, которые уже высказались, теперь стояли, глядя на Дункана, потом обратили взор на того, кто до сих пор стоял молча. Третий волшебник, казавшийся теперь самым высоким, заговорил:

— Лорд, все, что они тебе сказали, — правда. Если мы пойдем за АРДНЕЕМ, то я вижу, что он будет окружен врагами и погибнет, а ты отступишь в полном отчаянии... А затем... все очень туманно. Будет страшная битва... Но все-же, если мы не последуем за АРДНЕЕМ, то видение куда отчетливее и, мне кажется, еще страшнее, так как не будет ни Запада, ни того, за что он борется...

— Стойте! — сказал Дункан. — Если вы своим искусством

способны предвидеть такое, то ведь и АРДНЕЙ, наверное, тоже в состоянии все это видеть?

Три колдуна посовещались шепотом, потом первый из них ответил:

— По-видимому, это вполне в его силах.

— Что ж, в таком случае, если он в самом деле на нашей стороне, то... — Дункан вдруг утратил нить своих мыслей. Может быть, потому что все три колдуна повернулись к нему со странным напряжением в фигурах, словно увидели в нем что-то необычное.

Вдруг ему пришла в голову мысль, что следовало бы подумать о тех патрулях, которые он расставил по всем направлениям... особенно о том, что действует на северных территориях, где должен быть черноволосый солдат, невысокий, но крепкого сложения по имени Рольф или что-то в этом роде. А быть может, он даже раньше слышал об этом Рольфе, ведь это, кажется, он имел что-то такое с АРДНЕЕМ, связанное с техникой. Не исключено, АРДНЕЙ снова пожелает, чтобы Рольф выполнил какую-то техническую задачу, поскольку прежняя попытка удалась блестяще.

Чем дальше текли мысли Дункана, тем яснее ему становилось, что новая техническая миссия, которая будет возложена на Рольфа и на патруль, куда он входит, будет, возможно, связана с неким предметом, черным, как сверкающий эбонит. Этот предмет, размером с мужской кулак, подобен драгоценному камню. АРДНЕЙ, по-видимому, его недавно видел и знал, что существует еще такой же предмет, но гораздо большего размера и гораздо ценнее, однако его истинная ценность до сих пор еще не известна ни одному живому существу. Также АРДНЕЙ узнал, что этот предмет находится во владении у одного из подданных Востока, где-то в северной пустыне, и как раз там может оказаться патруль этого самого Рольфа...

Все эти мысли спокойно и плавно проплыли в голове Дункана, и только дойдя до этого места в своих рассуждениях, принц спохватился, что все это новость для него и что, в сущности, эти мысли принадлежат не ему, а совершенно другому существу.

— АРДНЕЙ?! — спросил он медленно, но этот вопрос прозвучал как крик.

Ответа не последовало, только нарушилось течение его мыслей о драгоценном предмете.

«АРДНЕЙ, ты не можешь со мной так обращаться. Я не позволю распоряжаться собой». — Но уже на середине этой

фразы Дункан понял, что никто не распоряжается им. Просто АРДНЕЙ доверил ему часть своей тайны.

Туман на поляне рассеялся. Колдуны снова обрели лица и встревоженные окружили Дункана.

— Лорд Дункан, принц...— повторяли они, а когда убедились, что Дункан слышит их, Грей сказал:

— Он обратился прямо к тебе, принц, ты разве не ощутил его давления?

— Да, да. Я ощутил его. Я ощутил его. Я слушал его. Но верю ли я ему, это совсем другой вопрос.

Колдуны настаивали на том, чтобы он открыл все, что знает, но он мало что мог сказать.

АРДНЕЙ оставался загадкой. Дункан вместе с колдунами вернулся обратно в лагерь и там уединился в своей палатке, чтобы вновь просмотреть карты, рапорты, донесения разведки. В душе Дункан уже почти решил, что вскоре двинет свою армию на север.

ГЛАВА 3

Лето было уже в полном разгаре. Эбнер — Верховный Главнокомандующий Востока — обливался потом, стоя посередине комнаты, расположенной почти под самой крышей караван-сарая, раскаленной от солнца. Вся одежда его насквозь пропылилась за время долгого путешествия. Вокруг него неслышно сновали взад и вперед слуги, приводившие в порядок одежду и распаковывающие сундуки. Эбнер с неудовольствием оглядывался вокруг: снаружи караван-сарай выглядел намного привлекательнее, чем изнутри. «Лучше уж было, — подумал Главнокомандующий, — разбить лагерь на открытом воздухе, как в предыдущие ночи». Он располагал достаточно сильной и многочисленной охраной, чтобы не бояться нападения бандитов, а военных сил Запада здесь не могло быть. Но его спутница пожелала провести одну-другую ночь под крышей, и он согласился в угоду ей.

Конечно, он мог бы изменить свое решение и отдать распоряжение разбить лагерь на воздухе, но он слишком устал сегодня, к тому же он не хотел отказываться от настоящей ванны и тех удовольствий, которые сулил вечер. Пусть так и будет. В соседней комнате уже готовили ванну, разумеется, самую лучшую в караван-сарае, по крайней мере наименее загаженную. Запах ароматических солей приятно щекотал

Эбнеру ноздри. Подойдя к окну, он посмотрел вниз с высоты трех этажей: солдаты из его эскорта расседывали уставших за день верховых животных и устраивались на ночь.

Двор караван-сарая был с юга обнесен стеной, высокой и прочной, с единственными воротами для въезда и выезда. Со всех остальных сторон стояли здания, такие же высокие, как и стены.

Здание, в котором находился Главнокомандующий, и то, которое стояло напротив, были разделены на маленькие апартаменты и комнаты барачного типа. В нижних этажах этих зданий располагались помещения для животных и постояльцев-бедняков. В третьем здании были таверна, бордель, магазины, здесь же жил начальник караван-сарая и его немногочисленная охрана. Все здания имели окна только на внутренней стороне, на внешней же шли бойницы для орудий.

Внутри этого квадрата, правда, с известными неудобствами, могли расположиться около тысячи человек, но сейчас здесь была только одна пятая часть, причем две трети ее составлял отряд Главнокомандующего. За последние два дня путешествия его отряд не встретил вообще ни одного человека. Казалось, что этот отдаленный северный район континента обошла не только война, но и вообще всякая человеческая деятельность. В лесах и на равнинах встречались кое-где разбросанные маленькие городки и селения, слишком ничтожные, чтобы солдаты Востока растрачивали на них свои силы. Повсюду бродили банды отщепенцев, дезертиров из армий Востока и Запада. Что же касается Дункана, то его армия находилась отсюда очень далеко.

Император Востока сам принял верховное командование над своими войсками, освободив Эбнера для другой миссии: узнать тайну АРДНЕЯ. Волшебники долгое время работали над решением этого вопроса, но все их усилия ни к чему не привели. Теперь император доверился Эбнеру, насколько он вообще в состоянии был кому-то довериться. Эбнер путешествовал по этой отдаленной части страны, расспрашивая различных людей, в основном офицеров армии Востока, которые в прошлом так или иначе имели дело с АРДНЕЕМ. Именно в этих краях можно было встретить тех, кто в свое время столкнулся с АРДНЕЕМ и уцелел. Сюда отправляли всех, кто оказался недостаточно стойким слугой императора, и здесь они прозябали на всяких мелких постах. Те же, кого Оминор считал серьезно виноватыми, уже не могли ничего рассказать.

Джон Оминор отказался от надежды быстро отыскать АРДНЕЯ. В то же время ему пришлось примириться с мыслью

о том, что АРДНЕЙ гораздо опаснее, чем о нем думали раньше. Теперь была намечена целая кампания по медленному затягиванию петли: Главная ставка делалась на давление исподволь, до тех пор, пока строптивый и неуловимый враг не будет пойман в силки и сокрушен. Так, по крайней мере, объявил император, отправляя Эбнера с его миссией. С одним Эбнер был искренне согласен: прежде всего необходима информация об АРДНЕЕ.

Конечно, Эбнер мог бы вызвать в столицу людей, с которыми хотел поговорить, тех очевидцев, которые участвовали в битвах, где по имеющимся сведениям принимал участие, хоть и косвенно, сам АРДНЕЙ. Но в такой ситуации эти люди неизбежно бы исказили истину, стараясь всячески выгородить себя. А ему необходимо было убедить их, что он добывается только правдивой информации, а вовсе не ищет козлов отпущения. Уже одно то, что им приходилось разговаривать с самим Главнокомандующим и Комиссаром полиции, действовало на этих людей устрашающе.

Правда, не на всех. Некоторые реагировали по-иному. И только одна из этих некоторых вызвала у Эбнера интерес, не имевший ничего общего с АРДНЕЕМ. Именно она и путешествовала теперь с Главнокомандующим уже целых полмесяца. Через два дня после встречи с ней он отправил домой всех своих наложниц.

Каменные стены караван-сарая были толстые, но двери прикрывались плохо, и потому из соседней комнаты явственно доносились стуки и возня: это слуги распаковывали багаж и слышался резкий голос леди Чармиан, покрикивающей на них. Эбнер прислушался. Даже в этом, теперь неприятном голосе, в другое время звучавшем музыкально и нежно, было непреодолимое для мужчины очарование. Его резкие всплески все равно пробуждали воспоминания о совершенной красоте ее лица и тела. Она и в самом деле была необыкновенная женщина, даже в глазах такого избалованного мужчины, который всегда имел в своем распоряжении все самое лучшее и изысканное по женской части, что только мог предложить Восток и покоренные им страны. И до чего же приятно, что на этот раз ему удастся сочетать порученное дело с таким необыкновенным удовольствием.

Чармиан присутствовала при битве в Черных Горах. Но она не много могла рассказать об АРДНЕЕ. И вообще она мало что знала о битве, поскольку, разумеется, не была в рядах сражающихся.

В ожидании, пока слуги устроят все так, как ему нравится, Эбнер подошел поближе к окну и выглянул наружу. В борделе ссорились несколько его обитательниц и дошли уже до того, когда приступают к выдиранию волос друг у друга. Но настоящей боли в криках пока не чувствовалось. С другой стороны двора через узкие массивные ворота как раз входили три новых путешественника, по виду торговцы молочным товаром...

И все же эта женщина уже ухитрилась занять до смешного важное место в его жизни. Уже не первый раз он подумал, что это, наверное, волшебство. Услышав, как дверь закрылась за слугами и оставшись один, он дотронулся до амулета большой силы, висевшего на шее под верхним платьем. Этим амулетом, врученным ему самим Вудом, Эбнер старался оградиться от чар любви. Но никакого ответа не последовало на его пассы и заклинания. Волшебство женщины заключалось только в ее красоте и уме. Только в этом? Да, ведь одного этого было уже вполне достаточно.

До этого он никогда не встречал леди Чармиан. Раньше она была в близких отношениях по меньшей мере с двумя из целого списка несчастных повелителей Востока, пострадавших от АРДНЕЯ: это был сатрап Экман и погибший Сом, наместник Черных Гор. Затем она вышла замуж за другого сатрапа по имени Чап, который вскоре сбежал на Запад и сейчас служил там в армии. Все вместе взятое навлекло на леди Чармиан нечто вроде ссылки. Без сомнения в свое время она как-то сумела обольстить того, кто вел ее дело, иначе бы все обернулось намного хуже.

Эта леди произвела на Эбнера впечатление преданнейшей подданной Востока, а он понимал толк в таких делах. Когда Эбнер повстречал ее, она жила с начальником одного из кавалерийских постов, в местечке куда более глухом и отдаленном, чем даже то, где стоял караван-сарай, что, несомненно, было для нее настоящим падением. Она, разумеется, восприняла появление Эбнера как чудесный волшебный шанс вернуть себе утраченное положение: ведь с его помощью она могла совершить настоящий скачок ко всему тому, от чего ей пришлось поневоле отказаться. Эта леди жаждала власти и положения в свете, и она не пощадит сил, чтобы добиться и того, и другого. Командир кавалерийского отряда не сумел скрыть горя, узнав о своей утрате, когда Эбнер пригласил леди сопровождать его, хотя сама она была вне себя от радости. Что ж, возможно, придет день, когда Оминор потребует ее для себя. Но ни Оминор, ни сам Эбнер никогда не стали бы так открыто

горевать об утрате этой женщины, да и вообще никакой другой на свете...

* * *

...Рольф, Чап и колдун Лофорд, благополучно пройдя через не слишком строгий осмотр начальника караван-сарая, были пропущены в ворота. Видимо, начальник не считал нужным соблюдать строжайшую процедуру обыска — ведь сегодня вполне можно не бояться бандитов, так как в караван-сараяе расположилось много вооруженных людей. Всем трем предоставили возможность устраиваться на ночлег. Поскольку они были одеты как торговцы и старались держаться соответственно, то в другое время им без сомнения отвели бы приличные апартаменты, но сегодня об этом нечего было и думать, так что пришлось искать место для ночлега там же, где спали слуги. Они получили крохотную комнату в самом нижнем этаже, потому что все остальные помещения были заняты Главкомандующим и его людьми.

Даже при том, что АРДНЕЙ постоянно косвенно помогал им, все равно Меву и его патрулю пришлось потратить несколько недель, чтобы напасть на след Эбнера. Последние четыре дня они уже преследовали его по пятам, но их было слишком мало, чтобы ввязаться в бой со столь многочисленным отрядом охраны. Рольфа все время не покидала странная убежденность в том, что та вещь, за которой они охотятся, находится в багаже Эбнера или кого-то из его сопровождающих. Эта мысль была безмолвно послана ему АРДНЕЕМ: вообще влияние АРДНЕЯ стало теперь настолько сильным, что Мевик повернул свой патруль в желаемом направлении еще до того, как получил соответствующее распоряжение Дункана, принесенное птицей-посланцем. Приказ был коротким: Дункан приступает к перебазированию своей армии на север, патрулю предписывалось любой ценой раздобыть драгоценность.

До сегодняшнего дня патруль Мевика не был в состоянии предпринять хоть что-то. Они все время должны держаться на почтительном расстоянии от эскорта Эбнера, но, устроившись на ночевку в караван-сараяе, они надеялись хоть на какую-то перемену в их положении. Так у них возник план послать трех человек за стены караван-сарая, где находился Эбнер. Они рассчитали, что надежность стен, за которыми оказался отряд Эбнера, притупит бдительность охраны, и, значит, патрульным предоставится хоть какая-то возможность действо-

вать. Однако десять незнакомцев под личиной торговцев несомненно вызовут у стражи подозрения, их станут обыскивать и допрашивать более тщательно. Рисковать зря не стоило: единственная возможность завладеть драгоценностью — это завладеть ее тайной. С этой целью и были посланы трое в караван-сарай. Разместившись в крохотной комнатке на нижнем этаже, три мнимых торговца без всякого труда сумели через окно разглядеть узкие высокие окна комнат Главного-мандующего, разместившегося в здании напротив. Было совершенно ясно, что он воспользуется самым лучшим из убогого ассортимента удобств, предлагаемого начальником караван-сарая, а Лофорд и Чап достаточно хорошо были знакомы с устройством таких заведений, чтобы безошибочно определить место, где находятся нужные им комнаты.

Позабывшись о верховых животных и сложив свой скудный багаж в том углу комнаты, который лучше всего просматривался, все трое, облокотившись на подоконник и не спуская глаз с интересовавших их окон, принялись строить планы. Совещались они едва слышным шепотом.

Чап размышлял вслух:

— Я думаю, нелегко будет подобраться и ударить в лоб. — Даже в своем теперешнем широком, сшитом из мягкой ткани платье, он все равно выглядел слишком крупным для торговца. Но для намеченного плана на всем Востоке и Западе не сыскать более подходящего человека, именно поэтому Мевик и назначил его в тройку, посланную за стены караван-сарая.

Лофорд, который тоже был крупным мужчиной, куда легче вошел в роль торговца и потому именно ему поручили вести переговоры с охраной у ворот. Сейчас он ответил Чапу:

— Пусть они немного расслабятся. Пусть бражничают всю ночь, а утром, глядишь, станут рассеянными и перестанут замечать, что заметили бы сегодня.

— Потом, если мы просто подберемся поближе и ударим, это нам ничего не даст, — добавил Рольф.

Чап едва заметно покачал головой:

— Да, даже если мы просто убьем Эбнера, то пробьем весьма ощутимую брешь в могуществе Востока. Имеет смысл попытаться прикончить его, даже если мы не сделаем того, за чем пришли.

Чап раньше был офицером армии Востока, сатрапом провинции, и поэтому многие на Западе верили ему, оттого-то он и пошел служить в армию. Он искренне перешел на сторону Запада и честно сражался.

Рольф постарался придать уверенность и властность своему спокойному голосу:

— Нет, смерть Эбнера нам ни к чему, если мы не сумеем завладеть камнем, который нам нужен, и уйти с ним. Так говорит АРДНЕЙ.

Ничего кроме этого он не мог сказать товарищам, потому что АРДНЕЙ и ему больше ничего не объяснил. Но Рольф говорил уверенно, полностью доверяя АРДНЕЮ.

Двое его товарищей, более зрелых и опытных, обменялись поверх головы Рольфа понимающими взглядами.

— Ну,— сказал Чап,— насчет того чтобы уйти отсюда, у меня нет никаких возражений: не имею ничего против того, чтобы остаться в живых.

Лофорд продолжил его мысль:

— Допустим, что мы уже раздобыли то за чем пришли, и собираемся уходить отсюда. Понадобятся ли нам наши животные, на которых мы приехали?

— Нет,— ответил Рольф.— Мы с Мевиком обсуждали это. У нас в патруле имеется как минимум три лишних верховых животных. Если только мы сумеем присоединиться к своим, то все будет в порядке.

— А я думаю,— сказал Чап,— что мы сумеем выбраться отсюда по крышам.— Он похлопал себя по груди.— У меня под одеждой намотана отличная веревка. Ведь ворота, как мне кажется, охраняются отлично и их нелегко будет быстро отворить.

— Вот если бы у меня был с собой Камень Свободы,— вслух раздумывал Лофорд.— Но, думаю, у нас нет времени, чтобы посылать за ним.

— Мне кажется, мы не должны об этом говорить, если сумеем придумать план, который даст нам шанс на успех,— сказал Рольф.— Допустим, мы переберемся за стены на веревке. Что еще нам надо обдумать?

Чап сказал:

— Поскольку с нами толстяк-колдун, то надо бы подумать, как сделать веревку покрепче, может, поколдовать над ней.— Чап был старый вояка, такие приключения ему не в новинку, и он пребывал в наилучшем расположении духа.— Он ведь, наверное, утолщает кости на спине своего верхового животного?

Лофорд ничуть не обиделся.

— Следовало бы мне и мозгов тебе подбавить, тупица-солдафон. Что же касается того, как нам уйти отсюда... Рольф, тебе сейчас не стало яснее, где находится эта вещь?

— Дайте подумать.— Попытаться узнать, чего хочет АРДНЕЙ, теперь составляло для Рольфа не больше труда, чем порыться в собственной памяти, вспоминая что-то полузабытое.— Вещь совсем рядом. Но увезти ее отсюда надо на расстоянии большее, чем мы сможем проскакать за одну ночь. Больше пока я ничего не знаю.

Лофорд спросил:

— Вот что я хотел бы знать. Может, мы доверим эту вещь птице? Судя по описанию, камень должен быть достаточно легким, чтобы птица могла его унести.

На этот раз Рольфу пришлось думать дольше. Наконец он покачал головой.

— Нет, гораздо лучше будет, если нам не придется так поступать. Конечно, если у нас не будет другого выхода, то пусть уж лучше птица унесет его, но... очень важно, чтобы я сопровождал камень. С ним я должен что-то сделать и именно в том месте, где он нужен.— Он снова покачал головой.— Может быть, я необходим АРДНЕЮ для какой-то технической работы, но это только моя догадка.

Лофорд поскреб затылок.

— В таком случае придется постараться и нам, и тебе, чтобы ты уехал отсюда без единой царапины, если будет возможно... Что такое, рубака? Почему отвисла твоя челюсть? Может, тебя осенила хоть одна здравая мысль?

Чап, оторвав взор от высокого окна напротив, покачал головой и смущенно моргнул:

— Видно, я сегодня слишком много смотрел на солнце. Мне показалось, что я увидел одну женщину...

— Да? Ну и что же? — спросил Лофорд.— Нам ведь известно, что их с Эбнером путешествует несколько.

Чап снова покачал головой и вернулся к изучению окон апартаментов Главнокомандующего.

Рольф повернулся к Лофорду:

— Ты сказал, что к завтрашнему утру они могут утратить свою бдительность. А может, они тоже соберутся уезжать?

— Думаю, нет.— Лофорд поерзал на низком подоконнике и чуть заметно кивнул на дальний конец двора.— Конюх только что занялся подковами верховых животных, а это значит, что завтра животным не предстоит долгое путешествие. По-видимому, в нашем распоряжении будет сегодняшний вечер и завтрашний день, а завтра вечером мы сможем выкрасть камень и с ним удрать.

Они стали обсуждать, как поближе взглянуть на апартаменты Главнокомандующего, но так ни о чем не сумели договориться. Наконец Рольф сказал:

— Одному из нас следовало бы пойти в таверну и послушать, о чем разговаривают между собой солдаты Главнокомандующего. Наверняка они скоро появятся в таверне.— Помолчав, он добавил:— Мне хотелось бы, чтобы кто-то из вас двоих пошел туда.

Чап бросил на него насмешливый взгляд:

— Неужели ты теряешься в присутствии накрашенных девиц, малыш?

— Нет... впрочем, да. Ведь всегда оказывается в конце концов, что есть какой-то мужчина, который имеет на эту женщину право. А то, что люди могут быть чьей-то собственностью, всегда выводит меня из себя. Я настолько теряюсь, что готов убить хозяина этой женщины, хотя рабыне это непонятно.

Чап тихонько фыркнул:

— Что ж, я не слаонервный и не собираюсь ни дрожать от злобы, ни убивать кого-то из-за женщины. Я охотно пойду туда и как-нибудь перенесу все тяготы вылазки.

Когда Чап отстегнул свою саблю и вышел, Лофорд спросил Рольфа:

— Мы что-нибудь еще должны сделать?

— Думаю, да. Что-то должно произойти или кто-то должен появиться во дворе, во всяком случае я должен наблюдать и ждать.

Постепенно Рольф начал привыкать к указаниям АРДНЕЯ как к чему-то само собой разумеющемуся.

Захватив пустой бурдюк, Рольф вышел во двор караван-сарая, оставив Лофорда на случай, если появится какой-нибудь мелкий воришка или запоздалый хозяин захочет их потеснить.

В центре двора находился колодец. В этих краях испокон веков слуги у колодца обменивались словом-другим. Встречались здесь также и свободные люди, которые приходили за водой и тоже перекидывались парой слов.

Как раз сейчас здесь пили воду двое солдат, потом они присоединились к своим товарищам из эскорта Главнокомандующего, и во дворе опять стало тихо. Разве только изредка пробежал кто-нибудь из слуг, да тихо храпели верховые животные.

Рольф подошел к колодцу, достал из глубины ведро с холодной водой и напился. Потом стал наполнять бурдюк, старался потянуть время. Вскоре он увидел две белые босые ноги,

которые осторожно переступали со ступеньки на ступеньку по лестнице того дома, где разместился Главнокомандующий. Затем появилась и обладательница ног: служанка спускалась за водой к колодцу. Высокого роста, молодая и несмотря на худобу крепкого телосложения, девушка несла на коромысле, перекинутом через плечо, два ведра, которые с водой весили, видимо, довольно основательно. Волосы ее были темно-каштановые, под цвет коричневого одеяния, и подобраны под шапочку, что носили только прислужницы. О внешности ее трудно было судить, потому что первое, что бросалось в глаза на ее лице, — багровая опухоль на правой щеке почти до самого глаза. «В лучшем случае она недурна собой, — подумал Рольф, — но рот и нос у нее великоваты, хотя незаплывший глаз кажется очень красивым».

Рольф остался у колодца, налаживая кран у своего бурдюка. Девушка подошла с другой стороны, опустила коромысло. У колодца был ворот, так что при желании можно было опустить посудину прямо вниз, наполнить ее водой и потом вытящить на поверхность. Когда девушка стала вытягивать из колодца первое тяжелое ведро, Рольф заметил, с каким трудом она вращала рукоятку ворота, наваливаясь на него всем телом.

Он оставил свой бурдюк, подошел к ней и предложил: — Давайте я достану ведро.

Она выпрямилась, оказавшись на сантиметр или два выше Рольфа, посмотрела ему в глаза со странным выражением на лице и молча снова налегла на ворот.

Рольф осторожно отстранил ее и решительно взялся за рукоятку. Вытащив ведро, Рольф повернулся к девушке, чтобы поставить его на землю и взять пустое.

— С тобой плохо обращаются, девушка, — сказал он.

— Моя хозяйка любит, чтобы ее хорошо обслуживали, — ответила та твердо, но без всякого выражения.

Странно, но голос ее не соответствовал положению служанки. Она говорила с каким-то знакомым Рольфу акцентом, который он сначала не смог определить и только потом вспомнил, что именно с таким акцентом разговаривает Дункан, которого он не раз слышал в лагере, — это были интонации, обычно звучавшие в голосах знати с Отдаленных Островов Запада.

— Я бы относился к тебе лучше, чем она, — сказал Рольф тут же, сам себе удивляясь. Он сказал так, разумеется, из сочувствия к девушке, с которой так плохо обращаются, втайне надеясь, что поддерживая разговор, получит от служанки хоть какую-нибудь информацию. Но слова его были искрен-

ними. И тотчас же, словно озарение, до него дошли две вещи: во-первых, что АРДНЕЙ желал от него, Рольфа, как раз того, чтобы он встретил здесь девушку, во-вторых, он сразу понял, кто должна быть ее хозяйка. Она была из тех леди Востока, чьи служанки постоянно носили на лице следы их неудовольствия, и кто специально подбирал себе в прислужницы дурнушек, особенно оттенявших яркую красоту хозяек.

Девушка равнодушно сказала:

— Сомневаюсь, чтобы леди Чармиан согласилась продать меня.

Ее слова только подтвердили догадку Рольфа, но он все же вздрогнул, услышав это имя. Дьяволы Востока! Он должен немедленно предупредить Чапа, пока его не узнали!

Однако вряд ли разумно сразу же бежать от девушки, ведь она может рассказать ему еще что-нибудь.

Он поставил на землю второе ведро, наполненное до краев.

— Сомневаюсь, чтобы мне захотелось уплатить леди Чармиан такой монетой, какую она бы охотно приняла.

Девушка бросила на Рольфа мимолетный взгляд, в котором на этот раз он уловил дружелюбие. Потом, не говоря ни слова, она наклонилась и стала навешивать ведра на коромысло. Но когда она собралась поднять его на плечи, Рольф отстранил ее и решительно поднял тяжелый груз.

— Вы очень добры, — все еще отчужденно произнесла девушка, — но лучше будет для вас, если никто не увидит, как вы мне помогаете. А для меня будет лучше, если я не буду пользоваться добротой постороннего мужчины.

Рольф понимающе кивнул:

— Чем же помочь тебе, девушка? И как тебя зовут?

— Катерина, сэр. Я благодарю вас, но вы мне ничем не можете помочь.

Но на этот раз голос ее слегка дрогнул. Она подошла к нему и на секунду коснулась Рольфа своим высоким худеньким телом, принимая груз на плечи.

Он отпустил коромысло, но пошел рядом с ней по направлению к лестнице, по которой она спустилась.

— Ты ведь недолго находишься на службе у леди?

— Недолго? — Она подавила внезапную вспышку. — Да... всего лишь дни, а не месяцы и годы. Но что вам до этого?

Когда они подошли вплотную к лестнице, то на какое-то время остались один на один, скрытые от посторонних глаз выступом стены. И только тут девушка впервые посмотрела на Рольфа более внимательно.

Рольф лихорадочно размышлял. Он не знал, АРДНЕЙ ли вложил ему в голову свои мысли. Во всяком случае у него не было ощущения, что им кто-то руководит.

— Недолго ты проживешь у нее на службе. Она тебя либо убьет, либо покалечит. Да нет же, погоди. Я это говорю не для того, чтобы мучить тебя. Я ведь говорил, что нашел бы тебе лучшее применение. Так я и поступлю.

Она отвернулась, потом снова повернулась к нему:

— Я никогда не сумею уйти от нее.

Эти слова были сказаны шепотом, но в них звучала безысходность.

— А если б такой случай представился? — спросил Рольф тихим, но решительным голосом.

Катерина промолчала, потом сказала:

— Даже если она подослала тебя, чтобы подговорить, а потом поймать меня в ловушку и замучить, то мне уже все равно. Я готова бежать куда угодно, лишь бы только не оставаться у нее.

Теперь Рольф размышлял еще быстрее и ощутил помощь АРДНЕЯ, один бы он не смог решиться на такой план. Где-то над ними слышались шаги, кто-то спускался вниз.

— Послушай, ты сможешь еще раз спуститься, попозже?

— Нужна будет еще вода. Нужно будет выбивать одежду, вынести объедки, мусор.

— Либо я подойду к тебе, либо мой друг. Он назовет тебя по имени, так ты сможешь узнать его. А сейчас иди и надейся на лучшее.

Она кивнула и, отвернувшись, стала подниматься по лестнице. Несмотря на тяжелый груз, на этот раз она двигалась быстрее, чем спускалась. В прощальном взгляде, который она бросила на Рольфа, светилась надежда, и молодой человек, возвращаясь к друзьям, все время вспоминал этот взгляд.

В комнате, где оставался Лофорд, Рольф к своему удивлению обнаружил еще и успевшего вернуться Чапа, который стоял в самом дальнем углу комнатухи, стараясь, чтобы никто не мог увидеть его через окно. Рольф открыл было рот, но Чап остановил его шепотом:

— Да, я знаю, что моя прекрасная супруга здесь. Мне и раньше показалось, что я увидел ее через окно, а когда я вошел в это увеселительное заведение, то сразу же увидел того солдата, который знал меня раньше. К счастью, он был чем-то занят, и я могу поклясться, что он не только не узнал меня, но и вообще не видел. Он-то как раз и разговаривал с приятелем о

леди Чармиан, так что сразу стало понятно, что она здесь. Похоже, что она так и будет висеть у меня на шее, словно злой рок.

— И что же ты сделал? Повернулся и поспешил прочь?

— Нет, не сразу, боялся вызвать подозрение у присутствующих. Я ведь только что вошел. Я постоял немного в самом темном дальнем углу, а потом незаметно выскользнул во двор.

Рольф подошел к окну и внимательно осмотрел двор:

— Похоже, что тебя действительно не узнали, а то на нас бы уже начали охоту. Зато у меня есть кое-какие хорошие сведения.

И он быстро передал товарищам содержание разговора с Катериной. Они снова стали разрабатывать план, но все время не спускали глаз со двора в ожидании появления девушки. Конечно, помощь личной служанки леди Чермиан была бы неоценима, если бы только им удалось придумать такой план, при котором эта помощь могла быть использована полностью. Однако они все еще не знали, в чьем владении находится драгоценность: у леди Чармиан или Главнокомандующего. Необходимо прежде всего установить наверняка, кто хозяин камня.

Когда совсем стемнело, Рольф выскользнул во двор, и тихонько переходя от стены к стене, стал поджидать Катерину. Когда она наконец спустилась вниз, в руках у нее было ведро, полное мусора. Рольф последовал за ней к мусорной яме, которая находилась в укромном месте, здесь они могли поговорить в безопасности.

Ее лицо казалось страшно испуганным в неверном свете факелов, но она смотрела ему прямо в глаза.

— Если ты днем пошутил, то скажи мне об этом прямо, — сказала она.

— Катерина, это была не шутка. Я уверен, что увезу тебя отсюда. Но я должен забрать с собой еще кое-что, и в этом ты могла бы мне помочь.

— Я готова на все.

— Возможно, эта вещь находится в ларце с драгоценностями у твоей хозяйки или у Главнокомандующего.

Катерина, казалось, нисколько не удивилась. По-видимому, у нее хватило соображения, чтобы понять, что именно может понадобиться Рольфу.

— Насколько мне известно, у Главнокомандующего нет с собой сейфа, и я не видела на нем никаких драгоценностей... Но знаю, где лежит шкатулка леди, хотя и никогда не видела ее открытой...

В этот момент леди Чармиан как раз сидела перед своей

шкатулкой, массивная крышка которой, изящно обитая изнутри, была откинута. Шкатулка открывалась простым ключом, но нужно было еще произнести три магических слова, известных только хозяйке. Леди Чармиан выбирала, какое украшение надеть сегодня вечером. Одна из служанок, по обыкновению слегка дрожа от страха, стояла рядом, готовая оказать необходимые услуги своей госпоже.

Если учесть, что последние годы были не легкими в жизни леди Чармиан, то в гнездах шкатулки было уложено поразительное количество драгоценностей, удивительно красивых и изысканных. В самом низу в отдельном гнезде покоился странной формы камень размером в два человеческих кулака, оправленный в филигранную сетку из серебра и золота. Это была эбонитово-черная сфера, причем без единого отверстия.

Как обычно, при взгляде на этот камень леди Чармиан сдвинула брови: его подарил ей начальник кавалерийского поста, это была самая большая его ценность. Без сомнения, большинство людей посчитало бы самый маленький из бриллиантов в этой шкатулке куда более ценным, чем этот черный камень. Но леди Чармиан находила его по-своему прекрасным. Но только был он слишком велик! Разве что какая женщина-гигант ростом в три метра могла бы позволить себе надеть этот камень в качестве украшения, но что могла сделать с ним женщина обычного роста?

Разумеется, она учла и другие возможности, но, будучи сведущей в разных секретах магии, леди Чармиан тем не менее не смогла выяснить, какая волшебная сила таится в этом камне: от него не исходило ни враждебных, ни добрых волн, не годился этот камень и в качестве талисмана, охраняющего жизнь того, кто им владеет.

...Позади нее чуть скрипнула дверь и раздались тяжелые шаги. Девушка-служанка затаила дыхание, но Чармиан даже не обернулась. Пусть Эбнер считает, что застиг ее врасплох. И пусть он увидит, сколько еще гнезд осталось в шкатулке незаполненными. Не отрывая глаз от шкатулки, она продолжала размышлять о черном камне. Когда она появится во дворце Оминора, у нее, без сомнения, будет возможность воспользоваться услугами искуснейших волшебников, и уж тогда она выяснит назначение камня...

Тяжелая рука Эбнера ласкающим жестом скользнула по ее обнаженному плечу, и она тихонько вскрикнула, как будто только что заметила его появление и испугалась, широко раскрыв свои прекрасные глаза в невинном удивлении. Но

почти сразу же ощутила, что рука Эбнера на ее плече окаменела. Ее удивление стало непритворным. Эбнер уставился на открытую шкатулку, и в его голосе зазвучали интонации не влюбленного, а повелителя Востока:

— Откуда у тебя вот это?..

ГЛАВА 4

Проводив Катерину до лестницы, Рольф возвратился в комнату, где его ждали Чап и Лофорд. Он рассказал все, что ему сообщила девушка. Рисуя на пыльном полу апартаменты леди Чармиан и Главнокомандующего, они шепотом обсуждали, где, по всей вероятности, будут находиться слуги и солдаты, запоминали, как располагаются запоры. Некоторые детали Рольф должен был выяснить у Катерины при следующей встрече.

— И вот еще что,— добавил Чап.— Ты в самом деле хочешь забрать девушку с собой?

— Мы заберем ее с собой в патруль, а там пусть решает Мевик.

Чап кивнул:

— Но только если мы не сумеем взять ее с собой, то нам придется сделать так, чтобы она ни о чем не могла рассказать.

Лофорд мрачно кивнул. С минуту поколебавшись, Рольф согласился.

— Договорились.

Чап заговорил снова.

— Уж если разговор пошел о женщинах, то стоит договориться и насчет моей бывшей жены.— Он угрюмо уставился в окно. Почему-то ему не казалось странным говорить о Чармиан как о своей жене, хотя годы прошли с тех пор, когда они сочетались браком, в который вступили скорее из политических соображений, чем из-за любви друг к другу. К тому же за долгий срок, лежавший между тем днем и сегодняшним, в жизни обоих произошли события, не способствующие их сближению.— Мне безразлично, оставим ли мы ее в живых или убьем.

Товарищи молчали, и потому Чап решил продолжить свою речь:

— Что ж, я понимаю, сейчас война и не время думать о личном... Я хочу сказать, что, разумеется, убью ее, если не будет другого выхода, но мне бы этого не хотелось.

Чап и сам не понимал, что он сейчас испытывает. У него не было сомнения, что Чармиан его ненавидит, и что попадись

он ей в руки, ему не миновать ужасных мучений. Что ж, такова уж эта женщина. Когда-то он и сам ее ненавидел, но это было в далеком прошлом. Теперь же она ему представлялась ядовитым насекомым, которого следует опасаться, а если надо, то и раздавить.

Рольф и Лофорд смотрели в сторону, ожидая, пока Чап кончит необычно длинную для него речь. Наконец Лофорд произнес:

— Я рад, что здесь не затронуты твои чувства.

Рольф добавил:

— Мы вовсе и не собираемся убивать ее, если она нам не помешает овладеть камнем. Но, конечно, если она нас увидит, лучше бы не оставлять ее в живых.

— Разумеется, — тотчас же согласился Чап, все еще не переставая хмуриться. Он мог представить себе, как убьет леди Чармиан, но не в силах был нарисовать картину, как она будет выглядеть мертвой.

Закончив с этим вопросом, товарищи принялись дальше обсуждать свой план. Наиболее легкой казалась именно первая его часть. Судя по тому, что стало известно от Катерины, трое решительных и быстрых мужчин вполне могли, особенно если учесть момент неожиданности, добраться до спальни леди Чармиан, преодолеть слабое сопротивление и завладеть драгоценностью. Разумеется, оставался шанс, что если все будет проделано достаточно ловко и без шума, то они смогут уйти незамеченными, но слишком рассчитывать на это не приходилось.

Чап сказал вслух, словно заклинание:

— Ах, если бы Катерина сумела украсть этот камень и принести его нам.

Лофорд покачал головой:

— Судя по тому, что Рольф нам рассказал, на это рассчитывать не приходится. Чармиан не из тех беззаботных женщин, к шкатулке которых легко найти доступ.

Они принялись обсуждать, как вести себя после того, как завладеют камнем. Вполне вероятно, что слуги услышат возню за дверью в комнате хозяйки и захотят узнать, что там происходит.

— А может быть, никто и не обратит внимания на короткий крик и возню. Ведь такие звуки вовсе не редкость в комнате миледи.

— Но если все же?..

— Ну тогда мне хотелось бы знать, насколько Главнокомандующий влюблен в нее. Возможно, нам придется оставить

ее заложницей, — предположил Чап.

Обсуждение плана продолжалось до поздней ночи, потом все легли отдыхать. Дежурили по очереди, чтобы обезопасить себя от случайных воришек и не пропустить никаких событий во вражеском стане.

Перед самым рассветом Лофорд выскользнул во двор и там притворился, что разминает затекшие за ночь члены. А сам целой серией условных жестов описал дальнейший план их действий: как они сегодня вечером, как только завладеют драгоценностью, собираются покинуть караван-сарай и спуститься по веревке с крыши одного из зданий. При этом Лофорд всем сердцем надеялся, что Мевик сумел получить в свое распоряжение одну из разумных ночных птиц, как они договаривались при расставании. Волшебник надеялся, что эта птица сейчас кружит над двором и внимательно наблюдает за ним, а потом отнесет сообщение Мевiku.

Большая часть следующего дня прошла спокойно. Вечером Катерина пришла к колодцу за водой. На этот раз, как и договаривались, Рольф не вышел навстречу, а наблюдал за ней, притаившись у окна комнаты. Она подала ему незаметный знак: все в порядке, ничего в планах менять не следует. Как они и ожидали, отряд Главнокомандующего не собирался отбывать. И люди, и животные слишком долго находились в пути, и теперь не спешили прерывать свой отдых.

Наступила ночь. Трое торговцев в своей маленькой комнате опять превратились в воинов: извлекли из дорожных сумок разное оружие, рассовали его по карманам, накинули сверху дорожные плащи. Теперь осталось только ждать.

Время тянулось нестерпимо медленно. Глядя на Рольфа, Чап нерешительно произнес:

— А ты уверен, что она придет?

И тут же они увидели, что на нижней ступени лестницы показалась Катерина. Осторожно пройдя по плохо освещенному двору — на ней был длинный плащ, но ноги по-прежнему босы, — она подошла к их двери. По плану она так и должна была явиться к ним открыто, как будто ее послали с поручением к трем торговцам.

— Джентльмены, вас просят пожаловать, — сказала она тихим голосом.

— Просят? — переспросил Рольф. В первую минуту ему показалось, что Катерина вовсе не играет свою роль, а на самом деле передает приглашение Эбнера или Чармиан.

— Я вас прошу, — сказала она с чувством, переводя взгляд

с одного мужчины на другого. Капюшон ее плаща, откиннутый назад, открывал слегка стянутые темно-каштановые волосы, правый глаз сегодня казался еще более заплывшим, чем вчера.

— Мы с удовольствием предложим свои товары,— сказал Рольф и, взяв ее за локоть, осторожно ввел в комнату, ведь торговцам нужно было собрать свой товар, договориться кое о чем, тщательно одеться перед встречей с такой выдающейся дамой. Рука Катерины безвольно подчинилась пожатию Рольфа, ему и раньше приходилось замечать безвольную покорность восточных рабов. Рольфу пришла в голову мысль, что в каком-то смысле эта девушка стала теперь его рабыней, его собственностью, и при этой мысли он испытал нечто похожее на греховное удовольствие.

Несколько минут трое торговцев стояли, а потом вышли вслед за девушкой во двор.

— Мне не удалось узнать больше ничего важного,— прошептала Катерина за спиной Рольфа.

— Ладно,— ответил он, стараясь говорить уверенно и спокойно.— Ты только не колеблясь делай то, что я говорю, а мы уж вызволим тебя отсюда.

Через минуту они уже поднимались по лестнице здания, в котором разместились Главнокомандующий и леди Чармиан. Когда они проходили мимо открытой двери просторной комнаты, где сидя за столом резались в карты офицеры, Лофорд, словно продолжая начатый разговор, произнес:

— Так что мы сможем удовлетворить желания твоей госпожи, даже если чего-то у нас с собой и не окажется. Мы готовы днем и ночью служить столь великолепной даме...

Как только картежники остались позади, Лофорд сразу понизил голос до неясного бормотания. Они торопливо миновали два лестничных пролета, а когда добрались до верха, то сразу же, как и ожидали, натолкнулись на часового, который холодно смотрел на них с лестничной площадки.

— Прошу на самый верх, ваша честь,— ясным голосом произнесла за спиной Рольфа Катерина, но интонация выдавала напряжение, в котором она находилась. За спиной часового мнимые торговцы увидели две двери, которые Катерина раньше описывала Рольфу: та, что направо, вела в апартаменты Главнокомандующего, а левая — в комнаты леди Чармиан. Из-за правой двери слышались голоса мужчин, как видно поглощенных серьезной беседой, но слов разобрать было невозможно.

Разделаться с этим часовым предстояло Рольфу, потому

что Чап, с его разящей насмерть саблей, должен был взять часового у второй двери, если бы тот там оказался.

Трое мужчин остановились на верхней площадке. Часовой не уступал им дорогу, не сводя с них холодного взгляда. Пока что он ничего не заподозрил, поскольку знал Катерину. Девушка проскользнула мимо него и постучала в дверь к Чармиан, тихо произнеся несколько слов. По-видимому, Чармиан не терпела, чтобы даже слуги застигали ее врасплох. Рольф напряженно вытянулся, прислушиваясь к звяканью засова, отодвигаемого с другой стороны двери. Когда дверь чуть открылась и показалось лицо другой служанки, Рольф повернулся с кажущейся неторопливостью, которая дается долгой тренировкой, извлек из складок плаща длинный кинжал и одним махом вонзил его в грудь часового. Тот издал приглушенный стон, быстро потонувший в визге испуганной служанки. Чап резко толкнул дверь, и они с Лофордом ворвались в комнату. Рольф подхватил обвисшее тело солдата и втащил умирающего в открытую дверь. Катерина, все время стоявшая в стороне, тихонько притворила за вошедшими дверь и закрыла все засовы.

Чап и Лофорд не стали мешкать. Они быстро пересекли полутемную комнату, направляясь к дальней двери. Пол слегка прогибался под их мягкими, но тяжелыми шагами. Девушка, открывшая им дверь, все еще лежала на полу, куда ее бросил Чап, полуживая от ужаса. Рольф отпустил тело солдата и, сунув служанке под нос окровавленный кинжал, прошептал: — Только пискни, и я перережу тебе горло.

Он затолкал ее в открытый гардероб, где она свалилась между висевшими платьями и затихла, словно мертвая. Рольф бросил на Катерину подбадривающий взгляд — она все еще стояла у запертой двери — и направился за Чапом и Лофордом.

Вероятно, какой-то звук, а может быть и внутреннее чувство опасности, заставило леди Чармиан насторожиться. Когда ее бывший супруг вошел с товарищами в единственную дверь ее маленькой спальни, она стояла, выпрямившись во весь рост, словно ожидая их появления. На ней было длинное одеяние из мягкой ткани розового цвета, босые ноги утопали в толстом черном ковре, который, очевидно, она привезла в своем багаже. Поразительной красоты золотые волосы каскадом струились у нее по спине до самой талии.

Рольф увидел ее глаза, ярко-синие, такие знакомые, словно он видел их раньше. Глаза эти сейчас были широко распахнуты от удивления: она узнала своего мужа в первом из ворвавшихся в комнату мужчин.

Но Чап едва взглянул на нее.

— Молчи, если хочешь жить,— бросил он ей и решительным шагом пошел туда, где стоял сейф. Шкатулка с драгоценностями покоилась как раз там, где говорила Катерина, на высоком ларе грубой ручной работы под самым окном, забранном решеткой. Чап решительно ткнул в шкатулку саблей и тут же ощутил ответный удар колдовских сил — ларец был заговорен. Чап торопливо отступил, и его место занял Лофорд, который наклонился над ларцом, бормоча заклинания. Чап отошел туда, откуда мог наблюдать за Чармиан и одновременно держать в поле зрения прихожую, где по-прежнему стояла прижавшись спиной к двери Катерина. Рольф, остановившийся на пороге спальни, ощутил волну ненависти, исходящей от Катерины к Чармиан.

Глаза Чармиан смотрели на Чапа. Они ласкали его лицо без слов, робко говоря ему, что Чармиан сожалеет о том, что была когда-то сурова с ним, и это ей особенно горько, потому что только теперь, оглядываясь назад, она понимает, что Чап — единственный мужчина на свете, с кем она могла бы быть счастлива.

Все это она выразила в одном только взгляде, и хотя все это было обманом, ибо не могло быть правдой, все равно хотелось верить этому. Неудивительно, что мужчины проявляли готовность все на свете сложить к ее ногам.

Лофорд повернулся к Чармиан и протянул огромную руку.

— Ключ,— сказал он самым любезным тоном. Форма шкатулки как-то изменилась после заклинания колдуна, она казалась теперь больше.

— Значит, вы просто бандиты,— сказала Чармиан, сунув руку в карман, как будто в поисках ключа.— Я предупредила милорда Главнокомандующего, чтобы он принял меры на такой случай. Теперь он убедится, что я была права.

Рольф понял, что она предлагает им сделку, дает понять, насколько это возможно в присутствии запертой в гардеробе служанки, что она не укажет на них как на солдат Запада, если они сохранят ей жизнь.

— Правда, мне не хотелось, чтобы вы были простыми бандитами,— продолжала она, глядя на Чапа, и глаза ее говорили яснее слов.— Я раньше мечтала, что однажды явится тот единственный мужчина, который увезет меня с собой, чтобы с этого дня я могла служить лишь ему одному. И в этих мечтах...

— Ключ,— грубо прервал ее Чап.— Иначе я попорчу твоё прелестное личико.

И он взмахнул короткой саблей прямо перед ее глазами. Чап был сейчас ужасен и особенно для тех, кто близко знал его. А Чармиан знала его хорошо. Она внутренне содрогнулась и отступила к стене.

— Ключ на ночном столике, — просто сказала она.

Пока Лофорд открывал шкатулку, Чап не сводил с леди глаз. Колдун быстро обернулся, держа в руках что-то круглое, черное, заключенное в серебряную сетку. Рольф никогда раньше не видел ничего подобного, но АРДНЕЙ, по-видимому, удостоверился, что это то, что нужно, так как Рольф внутренне ощутил, что цель достигнута. Он кивнул Лофорду:

— Не забудь и остальное.

Они заранее решили, что если хотят сойти за бандитов, то не должны оставлять в шкатулке ни одной драгоценности. Лофорд быстро выгреб все, что там было, и распахнул карманы. Черный камень он перебросил Рольфу, который спрятал его в потайном кармане на поясе.

И тут вдруг они услышали звяканье ключей: кто-то пытался открыть наружную дверь. Затем тихая возня сменилась таким отчаянным звуком, что дверь, казалось, вот-вот сорвется с петель. Мужской голос что-то крикнул, и в этом голосе была тревога и угроза. Отсутствие часового у двери, как видно, вызвало беспокойство офицеров.

Чап все еще не сводил глаз с Чармиан. Он спросил ее шепотом:

— Это Главнокомандующий?

Она чуть вздрогнула, и в глазах ее мелькнуло скрытое торжество.

— Да, похоже, что это он, — произнесла она.

Рольф спокойно подошел к Катерине и взял ее за руку.

— Уступи мне свое место, — прошептал он. — Я стану за дверь, ты ее откроешь ипустишь его... — Он замолчал на полуслове, потому что к голосу Главнокомандующего присоединились еще голоса, а по лестнице загромыжали тяжелые шаги.

Таща Катерину за руку, Рольф последовал обратно в спальню. Окна здесь были узкие и забранные в решетку. Хорошо, что они подготовили несколько вариантов побега. Лофорд кинжалом стал делать отверстие в потолке, а Рольф энергично ему помогать. Они хотели уйти через это отверстие. Сухая штукатурка засыпала им рот и глаза, а между тем голоса за дверь становились все громче и дверь ходила ходуном от ударов. Чап что-то сказал Чармиан. Она повернулась к двери и крикнула:

— Прекратите! Эти люди убьют меня, если вы ворветесь сюда! Остановитесь! Они хотят договориться с вами!

После еще нескольких ударов за дверью все стихло. Потом мужской голос крикнул:

— Договориться? О чем же? Кто они такие и чего хотят?

— Это бандиты,— слабо крикнула Чармиан.

Оглянувшись, Рольф увидел, что она отступает перед Чапом, который поднес к ее лицу саблю. Через пару шагов она оказалась прижатой к стене, но сабля продолжала плясать перед ее глазами. Смерть была бы для нее желанней, чем утрата красоты.

За дверью воцарилось молчание, полное недоверия. Потом раздался крик Главнокомандующего:

— Эй вы, там! Ловушка захлопнулась за вами! Отоприте двери!

Голос его был таким властным, что, казалось, даже стулья и столы готовы начать маршировать при его звуках. Чап тоже пошевелился, но только для того, чтобы втолкнуть свою жену в огромный гардероб, где уже лежала обомлевшая от страха прислужница. Рольф не слышал, что Чап сказал Чармиан, но она повиновалась ему с торопливой поспешностью. Она еще что-то значила для них как заложница, только это и сохраняло ей жизнь.

Лофорд прекратил орудовать в потолке кинжалом и теперь стоял, глядя на образовавшееся отверстие и шепча заклинания. Он подал Рольфу знак тоже прекратить работу. Рольф опустил на пол и начал кинжалом расшатывать одну из досок пола. Благодаря волшебнику Лофорду в комнате продолжали раздаваться те же звуки, которые они производили, пробивая дыру в потолке: звуки от падающей штукатурки, треск досок, скрип отгибаемых ржавых гвоздей, хотя дыра в потолке оставалась прежних размеров.

Рольф отчаянно трудился над половицей, сожалея о боевом топоре Мевика, который сейчас бы ему так пригодился. Катерина молча опустилась рядом с ним на колени и сильными руками стала помогать. Тем временем Главнокомандующий снова требовал, чтобы они немедленно впустили его. Теперь, когда он удостоверился, что бандиты надежно заперты, можно было подумать и о женщине, которая доставляла ему столько удовольствия.

— Не торопись,— проревел в ответ Чап.— Что ты можешь нам предложить за жизнь этой женщины?

Он плашмя ударил по гардеробу, и леди Чармиан торопливо вскрикнула, чтобы показать Главнокомандующему, что она еще жива.

К тому времени Рольф и Катерина уже полностью подняли одну половицу. Быстрый взгляд убедил их, что комната под ними пуста. Солдаты, расселившиеся в ней, само собой разумеется, сейчас находились среди штурмующих дверь леди Чармиан.

Главнокомандующий продолжал выкрикивать свои угрозы: то ли он не сомневался, что сумеет устроить бандитов, то ли не дорожил жизнью леди Чармиан. Яростный стук в дверь и продолжающийся в комнате шум, словно от падающей штукатурки, надежно покрывали звуки от второй отрываемой доски. Теперь в образовавшееся отверстие уже вполне мог пролезть Рольф, так что он в одну секунду оказался внизу. Катерина последовала за ним. Лофорду пришлось оторвать еще одну половицу, только тогда он смог протиснуть свое грузное тело. Последним из комнаты выбрался Чап.

Катерина, хотя никто не велел ей этого, прихватила из комнаты солдат лук и колчан со стрелами. Оружие она сумела скрыть под плащом, а капюшон надвинула на самые брови, чтобы по возможности спрятать лицо. Рольф тихонько подкрался к двери, выглянул и на цыпочках вышел в коридор: никого, пустынно и тихо, зато сверху доносились отчаянный стук и крики. Он подал знак, и его друзья один за другим покинули комнату вслед за ним. Так же тихо они стали спускаться по лестнице: Рольф, Катерина, Лофорд, Чап.

Спустившись, они торопливо пошли через двор каравансарая. Сейчас здесь все бурлило и кипело: путешественники и их рабы, лакеи, грумы, подавальщицы из таверны — никто не остался равнодушным к шуму, поднятому Главнокомандующим. Но Рольф и его спутники шли по двору не оглядываясь — они направлялись к лестнице в отдаленном углу: это был единственный путь к спасению.

Вдруг в общем шуме послышались пронзительные крики: это леди Чармиан, выбравшись наконец из гардероба, стала отчаянно звать на помощь. Рольф крепко схватил Катерину за руку, но она не нуждалась в поддержке и молча шла вперед. Никто не заметил их в шумной толпе, внимание которой было поглощено совсем другим. Все четверо подошли к нужной лестнице и стали неторопливо подниматься вверх.

Справа и слева по коридору двери были распахнуты, но комнаты пусты. Беглецы благополучно миновали первый и второй этажи и стали подниматься по последнему самому верхнему пролету лестницы. Чап скинул с себя капюшон, где-то здесь должен быть часовой. Так и есть: как только они поднялись на

последние несколько ступенек, перед ними вырос солдат, дверь пустой комнаты за его спиной была широко распахнута.

Чап повелительным тоном офицера спросил:

— Эй ты, в этих комнатах никто не скрывается?

— Нет, сэр, здесь нет злоумышленников.

— В таком случае, кто это такой? — прорычал Чап, указывая в темный угол пустой комнаты и подойдя вплотную к часовому. Тот повернулся, и Чап тут же всадил ему в спину кинжал.

Теперь все четверо могли спокойно подняться на самый верх, к люку, который вел на крышу. Рольф полез первым и, распластавшись на плоской крыше, внимательно огляделся: напротив, в дальнем конце двора, на крыше точно такого же здания стояли солдаты-сторожевые. Они были посланы для захвата бандитов. Но скоро Главнокомандующий ворвется в комнаты Чармиан, увидит, что ловушка пуста и что налетчики ушли вовсе не через крышу, где их уже поджидают, а через отверстие в полу, и тогда он тут же пустит по следу всех своих солдат.

Чап выполз вслед за Рольфом на крышу. Он разматывал спрятанную на груди мягкую и прочную веревку, лег навзничь, крепко уперся ногами в парапет и приготовился служить живым якорем для веревки, по которой остальные должны были соскользнуть вниз. Первым стал спускаться Рольф. Ловко перебирая руками и ногами, словно бывалый моряк, он вскоре ощутил у себя под ногами песок и тут же дернул веревку два раза, подавая сигнал товарищам. Второй спускалась Катерина: она скользила вниз, в кровь обдирая руки, но не проронила ни звука. Также молча опустилась она на песок рядом с Рольфом, подобрала лук, который уронила на полпути вниз, и встала бок о бок с молодым человеком. Следующим был Лоффорд — он ворчал и стонал, когда веревка обжигала ему ладони. Вслед за колдуном к их ногам упала веревка. Последним на песке оказался Чап, которому пришлось прыгнуть с высоты трех этажей.

ГЛАВА 5

Рольф повел свой небольшой отряд прочь от стен каравансарая. Вслед им неслись неразборчивые приказы, которые отдавал Эбнер. Было очень сомнительно, чтобы за ними отрядили ночью погоню. Ночь, как правило, принадлежала солдатам Запада.

Отойдя на сотню ярдов, Рольф выкроил минуту, чтобы свериться с положением Полярной звезды, и взял курс чуть влево. До этой минуты он понятия не имел, куда им идти, но здесь снова вмешался АРДНЕЙ. По всей вероятности, патруль во главе с Мевиком тоже получил безмолвное указание и теперь двигался в том же направлении, чтобы встретиться с группой Рольфа еще до восхода солнца. Рольф решительно двинулся вперед в неизвестность с полным доверием к АРДНЕЮ, хотя он не имел понятия, ни какие земли лежат перед ним, ни о том, какой же цели он должен в конце пути достигнуть. Очевидно, путь будет открываться перед ним по мере продвижения.

Они шли гуськом, в полной тишине, только ветерок слабо шелестел в чахлом кустарнике да песок поскрипывал под ногами.

Рольф шел первым, за ним Лофорд, потом Катерина, а замыкал шествие Чап, настороженно прислушивающийся, нет ли погони. Шли быстро, и вскоре между ними и караван-сараям пролегло несколько миль. По-прежнему все молчали, только время от времени до слуха Рольфа доносилось бормотание Лофорда и тут же поднимался легкий ветерок, который, однако, за их спинами становился настолько сильным, что совершенно заметал их следы.

Рольф то и дело поглядывал вверх, надеясь увидеть над головой ночную птицу, но ожидания его были напрасными.

— Нам лучше бы убраться с этого открытого пространства до наступления утра, — тихо сказал Чап. Рольф что-то проворчал в знак согласия, и этот вопрос больше не обсуждался: всем было ясно, что сделать это необходимо. День, когда по небу шарили летающие рептилии, принадлежал Востоку.

Рольф ускорил шаг, рядом с собой он слышал тяжелое дыхание Катерины. Но шла она все так же быстро. Ночь была на исходе, так что на отдых не оставалось ни минуты. И все же до рассвета было еще довольно долго, когда Рольф вдруг заметил, что характер местности изменился. До сих пор вокруг них были лишь одни песчаные дюны со скудными кустарниками, теперь же попадались то и дело холмы, растительность стала гораздо богаче. Когда небо на востоке порозовело, путешественники вышли на плато, перерезанное оврагами, где, на худой конец, можно было спрятаться, когда окончательно рассветет.

Годы сражений — а трем мужчинам часто приходилось драться по ночам и таиться днем — научили их отлично выби-

рать место для укрытия. Они устроились довольно прилично: спустились в овраг и расположились под крутым обрывом, где над их головами нависал глинистый козырек, поросший травой. Таким образом, они были практически защищены от нападения сверху. Затем они углубили отверстие в стене оврага настолько, что смогли кое-как разместиться там вчетвером. У них была отличная видимость, примерно на милю в том направлении, откуда они пришли, хотя сами они были неплохо скрыты от чужого взгляда. В другом направлении овраг тоже просматривался. И вот оттуда-то и появился наконец Мевик с остальными членами патруля. Правда, их было только пятеро, а не шестеро.

Рольф и его спутники, которые только что в изнеможении свалились на землю, чтобы немного отдохнуть, вскочили на ноги. Мевик, подъехав к ним вплотную, сказал без всяких предисловий:

— Птица только что отправилась в укрытие на день. Мы бы добрались до вас раньше, если бы не... — он сделал слабый жест рукой в знак того, что нет смысла объяснять причину. Мевик и его верховое животное да и все остальные члены патруля выглядели страшно утомленными, двое-трое солдат были наспех перевязаны.

— У вас на хвосте кавалерия, всего лишь в миле отсюда. Они осмелились преследовать вас даже ночью, а нас было слишком мало, чтобы их остановить. Мы только немного задержали их, но я потерял Лотака.

Только теперь Рольф понял, кого из товарищей он не видит. Боль утраты, овладевшая им на мгновение, тут же была упрятана глубоко, на самое дно сердца. Это ведь была всего лишь одна из тяжелых утрат, за которые он в один прекрасный день предъявит врагу счет. Сейчас же Рольф только коротко спросил:

— Сколько их? — И сразу же стал собирать свои скудные пожитки в узел, чтобы приторочить их к седлу.

— Человек пятьдесят, — устало ответил Мевик. — Вероятно, благодаря озарению или еще как-то они сообразили, насколько ценно то, что ты унес, иначе, я думаю, они не решились бы преследовать вас ночью. Их ведет сам Главнокдмандующий. Тебе АРДНЕЙ больше не подсказывал, куда ехать дальше?

— Только то, что я должен продолжать свой путь с тем, что у меня есть. — Рольф дотронулся до тяжелого кошелья на поясе. Он приторочил свой узел к седлу самого крепкого из верховых животных и вскочил в седло. Взгляд его упал на Ка-

терину, которая смотрела на него с отчаянием во взоре. Он понял, что единственное, чего она боится больше, чем быть оставленной с этой шайкой бандитов,— это то, что ее могут бросить на произвол судьбы, чтобы она снова попала в руки восточников. Никто из патрульных не был в форме, потому она и не могла думать о них иначе, как о бандитах.

— Садись в седло, девушка,— сказал Рольф Катерине.— Ты поедешь со мной.

— Что ж, поезжайте,— кивнул Мевик, протягивая Рольфу запас пищи и воды.— Пусть будет так. Мы останемся здесь и сделаем все, что в наших силах. Скажи, однако, куда АРДНЕЙ велел тебе держать путь? Может быть, мы потом сумеем присоединиться к тебе.

Рольф на минуту сосредоточился.

— Я буду ехать все так же на северо-запад. Мне кажется, что пройдет много дней, прежде чем я достигну цели, где бы она ни была...

Мевик поднял руку:

— Прощай.

Лофорд, Чап и остальные тоже помахали им рукой, и на этом ритуал проводов был закончен. Вся дальнейшая связь между ними зависела теперь только от ночных птиц, если, конечно, о ней не позаботится сам АРДНЕЙ. Рольф вонзил пятки в бока своего верхового животного и направил его к северу. Оглянувшись назад, он увидел, что Катерина, уверенно держась в седле, не отстает от него. Когда овраг стал более мелким, Рольф низко пригнул голову к спине животного и велел Катерине сделать то же самое. В глубине души Рольф понимал, что у него еще будет немало забот из-за девушки, но сейчас ему было не до того: он торопился к своей цели.

Не сбавляя хода они выехали из оврага на плато. Оба понимали, что им необходимо отъехать как можно дальше от того места, где остался Мевик с людьми, ибо эта горсточка храбрецов не сумеет оказать никакого решительного сопротивления многочисленному отряду Эбнера. Значит, им придется то наносить удар, то отступать, то снова наносить удар солдатам Главнокомандующего... Если бы только им удалось продержаться день, ночью стало бы легче... Но сейчас было только раннее утро.

Рольф и его спутница проехали по равнине с милю и уже заметили впереди еще один огромный овраг, который мог бы временно послужить укрытием от глаз врага, как вдруг сверху донесся до них характерный скрипучий крик. Это означало,

что одна из летающих рептилий все-таки выследила их.

Больше не было смысла нестись галопом, и Рольф поехал медленно. Рептилия, кружась над ними, держалась на значительной высоте: она не собиралась их атаковать, ибо давным-давно рептилии узнали, как опасно человеческое оружие. Но зато она зависла над ними и не удалялась ни на фут. Она указывала восточникам, преследовавшим беглецов на земле, где именно их искать.

Поднимаясь по покатоному склону холма, Катерина и Рольф оглянулись и увидели на значительном расстоянии отряд верховых восточных солдат: они ехали по плато, приближаясь к оврагу, где притаился Мевик со своими людьми. По-видимому, засада не должна была стать неожиданностью для противника, потому что над оврагом кружились несколько рептилий. Рольф не сомневался, что они кружат над группой Мевика. Он почувствовал непреодолимое желание вернуться к товарищам, чтобы сражаться рядом с ними. Но этого нельзя было делать.

Катерина ехала теперь рядом с ним.

— Как он называл тебя? — вдруг спросила она. —
АРДНЕЕМ?

Рольф бросил на нее настороженный взгляд, но убедился, что она ни о чем не подозревает.

— Мое имя Рольф, — ответил он.

— Рольф. Я хочу просить тебя об одном одолжении.

— Обожди. — Он послал свое животное вперед, нужно было преодолеть трудный подъем, а потом сделал знак Катерине остановиться. Ему хотелось дать животным хотя бы короткую передышку, к тому же нужно было внимательно присмотреться, каким именно путем скачут их преследователи.

— Ну, говори, в чем дело?

— Если они нас схватят, пожалуйста, убей меня.

— Если это произойдет, мне будет о чем подумать, кроме тебя. Но пока что не вешай носа, до этого еще далеко.

Внезапно вражеский отряд свернул с того направления, которое было наиболее логичным, и замедлил ход. С такого расстояния невозможно было разглядеть из-за чего они остановились, но стая рептилий, казалось, чем-то озабочена. Та из них, которая кружилась над Рольфом и Катериной, как видно, решила, что найти их снова будет нетрудно, и, круто развернувшись, понеслась к своим соплеменникам.

— Ну! — Рольф увидел шанс ускользнуть от рептилии, внезапно повернул свое животное под крутым углом к тому пути, которого они до сих пор придерживались, и помчался

вперед. Катерина понеслась следом. Перед ними, насколько Рольф мог заметить, простиралась равнина, вдали переходившая в болотистые участки, а за ней начиналось более высокое травянистое плато. Однако минуты относительной свободы мчались с невероятной быстротой, а Рольф все еще не мог решить, где им укрыться от глаз рептилии, которая вот-вот вернется. Рольф мысленно призвал на помощь АРДНЕЯ. На этот раз у него лишь возникло ощущение странной, невероятной, нечеловеческой усталости. Словно огромный гигант, осажденный десятками, сотнями врагов, так безмерно устал, что у него больше нет сил для борьбы. Рольфу явственно представилось, как этот титан одновременно сражается на десяти-двадцати других участках. То, что делает Рольф, нужно и важно для АРДНЕЯ, но Рольф лишь один из многих, кому оказывает помощь АРДНЕЙ, и потому сейчас ему предоставлено самому устраивать свои дела. Единственное, в чем Рольф был по-прежнему твердо уверен, это то, что он должен все время ехать в уже выбранном направлении.

Рольф посмотрел на небо. Весь долгий день еще впереди, и только ночь может принести им относительную безопасность и дать убежище. Оглянувшись, Рольф увидел, что позади них, там, где остался Мевик, стоит столб песка. Он слышал крики воинов, причем впечатление было такое, что сражается больше народа, чем можно было ожидать. Над местом сражения стояла густая пелена песка. Рольф решил, что Лофорд призвал на помощь духа пустыни и песок стал засыпать глаза солдатам Эбнера. Однако не следует слишком полагаться на такую помощь, ведь у Главнокомандующего наверняка были с собой волшебники, по силе не уступающие Лофорду, и они непременно вступят в противоборство с колдуном отряда Мевика. Тем временем рептилии, которых ветер относил с места сражения, стали слетаться туда, где находился Рольф с девушкой. Обычно рептилии даже при численном превосходстве не рисковали нападать на вооруженных людей. Рольф все же, бросив взгляд на лук Катерины, спросил:

— Ты умеешь пользоваться этим куском дерева?

Она, изогнувшись, сняла с плеча лук и натянула тетиву, сжимая ногами бока своего животного.

— Когда-то я стреляла довольно искусно, но только у меня давно не было практики.

Рольф пожал плечами, подумал и решил оставить лук девушке. Он сам был не из лучших лучников, зато с саблей умел управляться мастерски.

Рептилии кружили у них над головами теперь уже совсем низко. Наконец, словно решившись, они ринулись все разом вниз. Катерина выпустила стрелу, но промахнулась, зато второй стрелой сбила одну из рептилий. Рольф отчаянно размахивал саблей, он яростно колот летучих гадов, пронзал насквозь их кожу, мощные мышцы и тонкие кости. Верховые животные повизгивали от укусов и острых когтей. Стая рептилий, почувствовав отчаянное сопротивление беглецов и потеряв нескольких соплеменников, сомкнула ряды и полетела прочь. Катерина плотно завернулась в плащ, когда налетели рептилии, и потому была цела и невредима, только плащ весь изодран. Рольф тоже не был ранен. Животные пострадали больше, но серьезных увечий не получили.

Беглецы неслись вперед, Рольф с минуты на минуту ожидал появления врагов. Вероятнее всего, помощь духа пустыни уже была преодолена колдунами Эбнера, однако над полем сражения еще стояло облако песка, так что ничего нельзя было разглядеть. Там отвоевывалось время, чтобы Рольф мог скрыться, и он страшился даже думать, какой ценой оно покупалось.

Рептилии постепенно возвращались обратно и снова стали описывать над беглецами угрожающие круги. Рольф и Катерина молча ехали бок о бок. Катерина держала лук наизготове.

Солнце припекало все сильнее, мало-помалу рептилии стали все тяжелее взмахивать мощными крыльями, потом постепенно начали отставать. Наконец всего одна рептилия осталась сторожить Рольфа и Катерину, держась на почтительном расстоянии. Только теперь Рольф решил сделать короткий привал, главным образом чтобы позаботиться о верховых животных, раны которых оказались серьезнее, чем он думал, вокруг них уже начали кружиться насекомые. С помощью Катерины он сумел промыть и перевязать раны. Некоторое время мужчина и девушка шли пешком, ведя верховых животных за поводья.

Потом путники снова уселись в седла и трусцой пустили животных вперед. Примерно к полудню рептилии собрались целой стаей у них над головами и даже сделали еще одну попытку атаковать. Но она окончилась столь же плачевно для летучих гадов, как и первая. Рольф и Катерина не получили даже царапины.

Медленно, но верно позади оставались мили пути. Еще дважды в течение дня Рольф устраивал привал, чтобы дать передохнуть животным и вновь промыть им раны, а потом

довольно долго они шли с Катериной пешком, ведя за собой животных под уздцы...

Рольф снова мысленно обратился к АРДНЕЮ. На этот раз ответ пришел: да, скоро они получают помощь, она уже на пути к ним. АРДНЕЙ не объяснил, что это будет за помощь, но Рольфу всё равно стало легче. Он сразу приободрился, к тому же вскоре рептилии, послав им последнее проклятие, стали понемногу отставать: близился вечер и им было необходимо вернуться в укрытие до появления врагов — безмолвных ночных птиц.

Животные спотыкались на каждом шагу и, казалось, вот-вот упадут. Рольф решил устроить привал. Они остановились у полуиссохшего источника, поросшего по краям травой. Рядом находился низкорослый кустарник, а чуть поодаль даже стояло несколько деревьев.

Рольф увидел, что раны животных больше не кровоточат, хотя несколько укусов все же сильно воспалились. Позабывшись о животных и немного перекусив, путники заметили, что уже темнеет.

— Отдыхай, — коротко сказал Рольф, и Катерина тут же свалилась на песок как подкошенная. Рольф понял, что она вряд ли будет в состоянии попеременно дежурить ночью. Да и сам он слишком устал, чтобы бодрствовать, к тому же вероятность появления врага была невелика. Он разложил оружие так, чтобы оно было под рукой, и погрузился в сладкую дремоту. Засыпая, он еще подумал о Катерине и подивился тому, что она была рабыней, а потом крепко уснул.

Проснулся он внезапно, сел на песке, словно бы от толчка, и тут же стал внимательно осматриваться. Прямо напротив него на высоком обрыве сидела ночная птица. Силуэт ее четко вырисовывался на фоне низкого неба, усыпанного звездами. Птица медленно развела в сторону огромные крылья, словно приветствуя его.

Голос у нее был такой музыкальный и тихий, что Рольфу пришлось напряженно вслушиваться, чтобы не пропустить ни слова.

— Ро-о-о-ольф из Разо-о-о-оренных Зе-е-мель, не отдыхай больше этой ночью. Те, кто преследуют тебя, уже недалеко, и они нападут с первым лучом солнца.

Рольф посмотрел на звезды, чтобы выяснить, который час. Он спал всего часа три-четыре. Верховые животные, сонно покачиваясь, дремали там, где он их оставил. Рольф поднялся и стал собирать свои вещи.

Он спросил у птицы:

— Что с моими друзьями, которые остались сражаться, чтобы я выиграл время?

Он не узнал эту птицу и полагал, что ей не известны имена Мевика и других из его группы.

— Со мной говорил высокий, толстый волшебник, — ответила птица. — Он ве-е-лел передать те-е-ебе, что Метыгар цел и остальные невредимы.

— А! Высокий Метыгар, с длинной бородой, любитель рассказывать бесконечные истории...

— И еще я должен сказать те-е-ебе, что с юга в этот край направляются большие отряды врагов и друзей. Но все они пока за много миль отсюда. И еще Дункан хочет знать, что ты собираешься делать дальше-е-е-е.

— Передай Дункану, что со мной все в порядке, — сказал Рольф. Он бросил взгляд на Катерину, но она, казалось, не пошевелилась с той минуты, как свалилась на песок. Рольф сосредоточился и продолжил: — Еще передай Дункану, что я должен сейчас повернуть на север. Скажи это и толстому волшебнику. Я собираюсь ехать еще час или около того, а потом постараюсь найти укрытие на дневное время. Если можно будет увести погоню прямо к западу, это мне очень поможет.

Птица издала звук, означающий понимание, потом молча оторвалась от земли и исчезла в темноте. В ту же минуту с легким звуком испуга проснулась Катерина. Рольф увидел, что она села на песок и ошеломленно огляделась вокруг.

— Если ты хочешь ехать со мной дальше, то собирайся, — сказал он. — Я должен уехать довольно далеко отсюда до наступления рассвета.

Она вздохнула и медленно, но без жалоб, поднялась на ноги. Только сейчас он заметил, что она так и не сумела найти сандалии, чтобы обуться. Что ж, если животные продержатся, то это не так уж и важно.

Через несколько минут они уже продолжали свой путь. Воды у них оставалось совсем немного, но вокруг была уже не пустыня, и потому Рольф не слишком беспокоился о питье.

Животные двигались хотя и уверенно, но беспокойно, видно им мешали раны. Рольф и животные отлично умели ориентироваться в темноте, так что Катерине оставалось только спокойно сидеть в седле. Она дремала: голова ее то клонилась набок, то опять поднималась.

Разговаривать сейчас было не время — нужно быть начеку.

Примерно через час, как раз когда небо стало бледнеть на

востоке, они добрались до русла ручья. Низина у ручья вся заросла высокими пышными цветами с широкими листьями. Рольф тут же убедился, что если сдвинуть стебли цветов, то над их головами образуется нечто вроде навеса, который скроет их от рептилий. Позволив животным вдоволь напиться, Рольф укрыл их под обрывистым берегом, а они с Катериной, выбрав место посуше, улеглись прямо под цветами и почти сразу же крепко уснули.

Когда Рольф проснулся, солнце стояло уже высоко, лучи его пробивались между стеблями цветов, среди листьев которых лениво жужжали насекомые. Девушка, укутавшись в свой плащ, все еще спала. Из-под платья торчали босые ноги. Рольф заметил, что кожа на подошве огрубела и покрылась ссадинами.

Он тихонько поднялся и осторожно двинулся вдоль русла ручья, стараясь держаться в гуще растений. В том направлении, которое он собирался избрать, виднелись заросли густой и высокой травы, но ехать до нее было слишком далеко, днем не стоило рисковать. Ведь им удалось оторваться от врагов, и даже рептилии их пока не обнаружили, так что не стоило искушать судьбу.

Рольф надеялся, что в случае новой опасности АРДНЕЙ вовремя предупредит его, а пока что им предстоял долгий путь.

Он тихонько вернулся к Катерине, которая во сне пошевелинулась, подобрала под себя босые ноги и перевернулась на спину.

Теперь она казалась совсем девочкой. Не слишком-то она хорошенькая, подумал Рольф, даже если и сделать скидку на то, что у нее все еще распухшая щека. Нос был неправильной формы, так что она совсем не выглядела красавицей. Худое длинное тело казалось сейчас неуклюжим. И все же она была существом противоположного пола, а до сих пор у него не было времени думать о ней как о женщине.

Муха прожужжала у самого ее уха, она неожиданно проснулась, рывком села и недоуменно уставилась на него. Потом все вспомнила и со вздохом облегчения откинулась назад.

— Я все же ушла от нее, — тихо произнесла Катерина, словно пробудившись от дурного сна. Потом поглядела на Рольфа и добавила: — Твои друзья так и не догнали нас.

— Да, и враги тоже. Твой подбитый глаз выглядит намного лучше.

Она опустила глаза, словно застенялась своего вида.

— Что будем делать?

— Я попробую вырыть в иле яму, может, нам удастся добыть воды — животные хотят пить. Все равно нам придется отсиживаться здесь целый день. Я не хочу, чтобы рептилии опять нашли нас. Собери пока что-нибудь поесть, а я начну копать.

Рольф достал большой нож и начал разрывать ил. Вскоре его усилия увенчались успехом: в яме собралось достаточно воды, чтобы напоить животных. Потом они с Катериной поели всухомятку и запили еду остатками воды из бурдюка.

«Не очень-то она разговорчивая», — подумал Рольф. Молчание уже начало тяготить его, как вдруг Катерина заговорила:

— Я уверена, что моя семья согласится заплатить за меня выкуп, если ты сумеешь доставить меня на Отдаленные Острова. Мы не бедны, и наш город ни разу не был разграблен солдатами Востока.

Рольф задумчиво пережевывал пищу. Чем меньше он расскажет ей, тем лучше, подумал он. Вдруг она сбежит от него и тогда непременно попадет снова во вражеские руки. Он сказал:

— Вряд ли я смогу сделать это. По крайней мере в ближайшее время.

Она склонилась к нему, нетерпеливой рукой отбросив назад распутившиеся длинные волосы.

— Тебе вовсе не обязательно везти меня домой самому. Ты можешь просто указать мне кратчайший путь к армии Запада, и я клянусь, что добравшись домой, перешлю тебе выкуп. — Рольф молчал, и она уныло продолжила: — Конечно, тебе придется в таком случае немного подождать денег. К тому же ты вовсе не обязан полагаться на мое слово.

— Я уже давно по твоему выговору догадался, откуда ты. И я верю тому, что ты говоришь о своей семье. Но у меня сейчас есть более важное дело, которое не терпит отлагательства.

Она помолчала и заговорила снова только после того, как они отвели верховых животных в более надежное укрытие.

— Я не знаю, кого ты ждешь: друзей своих или еще чего-то. И я полагаю, что ты не захочешь сказать мне правду.

Рольф что-то пробормотал. Он растянулся на земле на том месте, где спал, Катерина устроилась рядом. Она снова заговорила:

— Может быть, ты хочешь разделить с ними выкуп за меня. Я не знаю, как это заведено у бандитов. Но если ты не собираешься встречаться с ними, то мог бы отправиться вместе

со мной к армии Запада. Я уверена, что они нуждаются в смелых и решительных людях.

— Я мог бы это сделать, даже если бы и не собирался дожидаться своих товарищей, чтобы разделить с ними добычу.— Он помолчал, наслаждаясь ее смущением.— Но у меня есть основательные причины, почему я не могу так поступить. По крайней мере именно сейчас.

Она не была обескуражена и продолжала настаивать:

— Даже если ты был когда-то солдатом и дезертировал, мне все равно. Ты столько сделал для меня, что мне хочется тебя отблагодарить. Мой отец бургомистр Виргуна, а это один из самых главных городов на Отдаленных Островах и притом очень могущественный. Недалеко от моего города живет принц Дункан, я уверена, ты слышал о нем.

— Это твой друг, по-видимому?

— Нет. Просто мне приходилось его видеть.

— Ты сказала, что восточники ни разу не захватывали ваш город, а как же ты стала рабыней?

Она посмотрела вдаль.

— Это длинная и грустная история, похожая на многие другие. Я путешествовала далеко от дома, и меня захватили враги... Я уверена, что мои родичи до сих пор всюду разыскивают меня и будут рады щедро вознаградить того, кто вернет меня к ним.— Она обратила взор на Рольфа.— И никто не будет считать тебя вором только за то, что ты унес несколько безделушек из той шкатулки.— Она помолчала.— К тому же существует человек, с которым я помолвлена... правда, это было давно, больше года назад... Возможно, он теперь женат на другой, или даже мертв, потому что он тоже воевал.

Она сказала об этом совершенно спокойно, ведь позади у нее были тяжелые испытания, и теперь человеческая жизнь не казалась ей такой уж драгоценной.

По-видимому, ободренная тем, что он ее не прерывает, она продолжала:

— Ты ничего не знаешь о том, как идет война?

Он немного подумал и ответил так же, как ответил бы любой бандит:

— Дункан держит армию под ружьем, продолжает сражаться. Оминору никак не удастся одолеть его.

Искра сверкнула в здоровом глазу Катерины:

— Вот увидишь, Запад победит. Если его до сих пор не разбили, то теперь это уж никому не удастся.

— То же самое можно сказать и про Восток,— проговорил

сонно Рольф и закрыл глаза.— Я подумаю о том, что ты сказала. А пока что постарайся уснуть. Днем может появиться Главнокомандующий, и тогда нам придется уносить ноги.

Остаток дня они провели в своем укрытии: отдыхали, внимательно наблюдали за окрестностью, ухаживали за животными.

Вечером они еще раз поели, а затем отправились в сторону севера. Некоторое расстояние они прошли пешком, держа животных за поводья, чтобы поразмять застывшие за день члены. Двигались не так быстро, как в прошлую ночь, но и не мешкали понапрасну.

На первом же привале девушка спросила Рольфа:

— Скажи откровенно, ты собираешься оставить меня при себе? И что ты вообще намерен делать со мной?

— Разве я до сих пор не обращался с тобой лучше, чем твоя прежняя хозяйка? Так почему ты беспокоишься? И чем меньше ты будешь знать о моих планах, тем, по-моему, лучше будет для тебя.

— Понятно,— она говорила мягко и убедительно, но в голосе у нее не было просительных интонаций.— Просто мне хотелось бы пробраться на Запад, поближе к дому. Сначала, правда, я думала убежать, но теперь я больше тебя не боюсь. К тому же мне совершенно незнакома эта земля, и я не знаю, где враги.

— Еще раз говорю, предоставь все мне и ни о чем не беспокойся. Поверь, что ты не удаляешься от своей цели.

Больше в ту ночь она не заговаривала с ним о своих намерениях и надеждах. В молчании они ехали долгие мили, хотя вернее будет сказать, что им чаще приходилось идти пешком, чем ехать, потому что оба животных начали сильно хромать. Перед рассветом они добрались до полноводного ручья, по берегам которого росли деревья. Вдосталь напившись чистой воды, путники стали искать надежное укрытие на день, как вдруг откуда-то появилась большая серая птица. Она промелькнула мимо них безмолвной тенью и опустилась на траву, сложив крылья. Размером птица была с крупного мужчину. Катерина так и застыла от неожиданности.

— Приветствую тебя, Ро-о-о-ольф.— Голос у птицы был такой же тихий и музыкальный, как у той, с которой Рольф беседовал прошлой ночью, но молодому человеку показалось, что это все же другая птица. Птица продолжала:— Стриджив из рода пернатых шлет тебе свой привет.

— Передай и ему от меня привет, добрый посланец, если нетрудно,— сказал Рольф. Стриджив был старым приятелем

Рольфа среди птиц.— Какие еще новости ты мне принес?

— Только то, что к югу от тебя собираются две армии — Востока и Запада. Похоже, что они движутся вслед за тобой на север.

— Ты принес мне какой-нибудь приказ?

— Принц Дункан велел сообщить тебе следующее: я должен взять у тебя то, что ты везешь, и лететь с этим предметом вперед, куда ты укажешь, если, конечно, **АРДНЕЙ** не возражает.

Рольф задумчиво потрогал кожаный мешочек, где лежала драгоценность.

— Нет. Передай принцу, что я должен ответить отказом. Если дела обернутся так, что меня захватят в плен, то постарайся добраться до меня и я передам тебе это. Но не раньше.

Птица немного помолчала, потом посмотрела своими огромными желтыми глазами на Катерину.

— Я должен также принести Дункану сообщение о той, кто путешествует с тобой.

— Она враг Востока. В этом я совершенно уверен. И она раньше жила по соседству с Дунканом, насколько мне известно. Оставайся с нами, птица, ведь уже скоро рассветет, мы найдем тебе надежное убежище среди деревьев. Отнесешь мой ответ Дункану завтра ночью.

Когда они уже укрылись от дневного света в гуще деревьев, Рольф посмотрел на ошеломленную Катерину, которая не произнесла ни слова с самого появления птицы, и с улыбкой, редко освещавшей его черты, сказал:

— Добро пожаловать. Как видишь, ты уже добралась до армии Запада.

ГЛАВА 6

Помахав на прощание Рольфу рукой, Чап пристроился рядом с Мевиком на узкой полоске песка под нависшим краем оврага. На расстоянии мили от них, с юга, уже появился отряд Главнокомандующего. Несмотря на расстояние, Чапу показалось, что он различает длинные золотые волосы Чармиан. Конечно, это ерунда, она ведь наверняка подобрала их в узел, садясь в седло. Все же ему следовало, конечно, убить ее...

Мевик дернул его за рукав, давая понять, что пора начинать. Раскачиваясь в седле, Чап двинулся вслед за своими верными товарищами. Мевик вел их к северо-востоку, под углом к тому направлению, в котором скрылся Рольф.

Когда они выехали на равнину, Чап насчитал в небе уже восемь рептилий. Значит, Главнокомандующий получает информацию об их перемещении. Шансы устроить засаду приближающемуся отряду, таким образом, сразу стали ничтожными. Чап крикнул Лофорду, ехавшему как раз перед ним:

— Ну что там у тебя припасено в мешке, старый толстяк?

— Сначала лучше поглядим, что припасено в ваших колчанах,— крикнул Мевик обернувшись и помчался вперед навстречу вражескому отряду, сделав остальным знак следовать за ним. Затем он вдруг круто развернулся и снова спустился в овраг.

Рептилии сразу потеряли отряд из виду. Мевик приказал патрульным целиться из луков в небо. И когда рептилии через некоторое время снова собрались над головами воинов, их встретил град стрел. Несколько рептилий упали вниз, остальные с клетотом разлетелись. Мевик опять сделал знак своему отряду, и они помчались по оврагу, возвращаясь туда, откуда прискакали. Теперь враги уже не знали, где они, потому что рептилии улетели прочь. Руководимый безошибочным инстинктом Мевик приказал своим людям натянуть тетивы и по его знаку выпустить стрелы. Направление было выбрано точно: в результате несколько восточных солдат получили ранения. Таким образом, засада все же состоялась. И теперь отряд Главнокомандующего стал продвигаться медленнее, а главное — с опаской.

Мевик не стал задерживаться, дожидаясь, чтобы к ним снова слетелись рептилии, и приказал своим людям скакать вперед. Теперь они мчались на север, стремясь только сохранить некоторую дистанцию между собой и вражеским отрядом. Рептилии все время крутились над их головами, принося Главнокомандующему информацию буквально о каждом их шаге. Так прошло почти все утро. По бескрайней равнине неслись два отряда: один состоял из семи храбрецов — солдат Запада, другой — из солдат Главнокомандующего. Мевик навязал своим преследователям направление, противоположное тому, в котором ехал Рольф. Он от всей души надеялся, что тому удалось ускользнуть от рептилий.

Однако вскоре Мевик убедился, что надежды его не оправдались. Бросив взгляд на небо, он вдруг заметил, что часть рептилий отделилась от стаи и несется на северо-запад.

— Демоны Востока!— воскликнул он.— Придется нам тоже мчаться на северо-запад и их перехватить!

Они прищипорили своих лошадей и вскоре убедились, под-

нявшись на высокий холм, что отряд Главнокомандующего повернул вслед за рептилиями. Значит, Рольф все-таки обнаружен с воздуха, и Эбнер тотчас же решил прекратить преследование кучки храбрецов, которые его навели на ложный след, и направиться туда, где находится похититель драгоценностей.

Теперь Мевик мало чем мог помочь Рольфу, хотя все семеро по-прежнему мчались вперед.

— Колдун?— вопросительно бросил Мевик, оглянувшись на Лофорда и не прекращая бешеной скачки.

Лофорд, который ехал в середине цепочки, уже некоторое время опустив поводья сосредоточенно копался в своем колдовском мешке. Сначала он извлек из него маленький кожаный мешочек, расшитый странным узором, а из него вытащил длинную бечевку песочного цвета, сплошь завязанную необычными узлами. Эти узлы он рассеянно перебирал пальцами, оставаясь безучастным к окружающему. И только когда Мевик непосредственно обратился к нему, Лофорд словно очнулся и поднял голову. Громко откашлявшись, он сделал знак, что просит внимания:

— Все это время я думал над тем, что тут можно предпринять. Но, увы, то, что мне приходит на ум, вряд ли поможет нам. Насколько я понимаю положение вещей, нам остается только одно. Как вам известно, я обладаю определенной властью над духами пустыни. Однако даже в самом лучшем случае трудно предугадать, во что все это выльется. А в худшем случае может обратиться против нас.

Мевик оглянулся и сокрушенно покачал головой:

— Наши сабли и стрелы больше ничем не могут помочь. Нас слишком мало.

— Интересно,— сказал Чап,— насколько могущественны волшебники, сопровождающие Главнокомандующего.

— Это мы очень скоро выясним,— спокойно сказал Лофорд,— а пока что я займусь своим делом. Останавливаться не будем — я отлично сумею вызвать духа пустыни на ходу.

Необычайно ловким движением Лофорд чуть приоткрыл свой мешок. Из него потекла тонкая струйка песка, а затем, орудуя свободной рукой и зубами, колдун постепенно стал развязывать хитрые узелки на бечевке. Они исчезали один за другим. Чап, затаив дыхание, подсчитывал, сколько их уже исчезло.

— Да нас тут всех песком занесет,— пробормотал он. Но это было сказано без всякого недовольства, все понимали, что сейчас полумерами не обойтись.

Они снова стали подниматься на очередной холм, и Чап, оглянувшись, убедился, что чары Лофорда уже вступили в силу. Далеко за ними песчаная пустыня тихонько вздрогнула, и песок стал сползать с дюн, словно подталкиваемый невидимой рукой. А затем песчаная стена понеслась в спину отряду Главнокомандующего, обогнула его и выросла прямо перед фигурами солдат. В воздухе раздались пронзительные, тревожные крики рептилий. Отряд Мевика остановился и стал наблюдать за происходящим. В туманной завесе песка от отряда Эбнера отделился человек верхом на животном и бесстрашно понесся навстречу песчаной стене с поднятыми руками. Это был наверняка колдун Главнокомандующего. Чап тут же услышал, как Лофорд вскрикнул, словно на него обрушился удар, сполз со своего животного и рухнул на одно колено. Плотно прикрыв глаза, Лофорд простонал:

— О АРДНЕЙ! АРДНЕЙ! Помоги! Помоги! Он собирается обратить против нас то, что я вызвал против них!

Восточный колдун, казалось, вовсе не испытывал такого чудовищного напряжения, как Лофорд. Небрежным жестом он протянул руку навстречу надвигающемуся духу пустыни. Чап, не отрывавший от этого зрелища глаз, сразу же ощутил действие могучей успокаивающей силы. Но жест колдуна почему-то произвел на духа не большее впечатление, чем жест ребенка. Волна песка, поднимаемая страшным ветром, обрушилась на восточного колдуна. С минуту или две в непосредственной близости от него на расстоянии вытянутой руки еще оставалось пространство относительного спокойствия, но затем и этот островок, образованный благодаря заклинанию колдуна, потонул в вихре песчаной бури. Дух пустыни, невредимый и непобедимый, покатился дальше, неся на Эбнера и его отряд песчаную волну огромной высоты.

С криком облегчения Лофорд вскочил на ноги. И сразу же самым краем разбушевавшейся стихии задело и отряд Мевика. Чап почувствовал, как в лицо ему ударила волна раскаленного песка, в ушах засвистел ветер. Когда все вокруг на секунду прояснилось, Чап успел заметить, что дух пустыни уже полностью накрыл песком отряд Эбнера. Крутящиеся песчаные смерчи выбрасывали некоторых солдат, они плашмя падали на песок, ослепленные и оглушенные, за ними неслись обезумевшие животные. Дух пустыни редко убивал жертвы, зато уж наверняка ослеплял и лишал возможности сражаться.

— Эх, вот бы нам десятка два человек сейчас, мы бы с ними разделались, — сокрушенно простонал Чап.

Однако вступать сейчас в бой означало самым подвергнуться опасности. Поэтому Мевик решил не делать этого, а воспользоваться моментом, чтобы снова вклинить свой отряд между врагом и Рольфом. Рептилии, для которых такая буря была куда опаснее, чем для людей, совершенно исчезли с горизонта, и Мевик повел товарищей в укрытие под нависшую скалу. Здесь они были скрыты от наблюдения сверху и могли ожидать появления отряда Эбнера, чтобы снова устроить засаду.

Чап привалился к скале, закрыв лицо плащом, и тут услышал стон Лофорда:

— Ох, они тоже обратились за помощью к более могущественной силе!

Ветер внезапно стих, но тут же снова завыл с удесятеренной мощью. Сквозь тучи песка Чап все же заметил, что восточный колдун наконец сумел воззвать к могущественной силе. Песчаный вихрь распался на несколько, которые, однако, уже не могли причинить большого вреда. Лофорд не прекращал борьбы: вихри плясали, стремясь вновь соединиться в центре.

Мевик внимательно наблюдал за происходящим.

— Ветер теперь уже не так силен, — сказал он, — и мы вполне можем продолжить наш путь. Попробуем нанести им еще один удар!

В столкновении с духом пустыни Эбнер потерял двоих людей: один навсегда ослеп, а другой лишился рассудка и все время что-то бормотал себе под нос. Только к полудню Эбнеру снова удалось привести свой отряд в боевую готовность. Ветер все еще бушевал, но теперь он не был страшен. Эбнер решил поделить отряд на две группы, поскольку был уверен, что нигде поблизости нет значительных сил противника. Однако потом отказался от своего намерения, так как колдун заверил его, что ветер вскоре стихнет совершенно.

Главнокомандующий бросил взгляд на свой отряд — Чармиан, одетая как солдат и укутанная в плащ, чтобы защититься от бури, с восхищенной улыбкой смотрела на него.

Однако едва они прошли милю, как вдруг со склона холма на них посыпались стрелы, и хотя ветер мешал нападавшим, им все-таки удалось подстрелить одного солдата Эбнера. По знаку Главнокомандующего сорок человек бросились на вершину холма, но там уже никого не было, впереди же виднелось несколько оврагов, откуда в любой момент можно ожидать нападения.

Отряд двинулся дальше на северо-запад. Первая же репти-

лия, которой удалось вернуться, сообщила Эбнеру, что впереди лежит травянистая равнина и по ней быстро продвигаются два одиноких всадника, остальные семеро солдат Запада сохраняют свое положение между беглецами и отрядом Главнокомандующего.

Эбнер посоветовался со своим колдуном, и тот подтвердил, что драгоценный камень находится у двух беглецов. Главнокомандующий стиснул зубы и проклял всех демонов. Он очень сомневался, что ему удастся заполучить обратно драгоценность. Солнце уже было в зените, а ночью погоню придется прекратить.

Тем временем прибыла новая рептилия-курьер от самого императора Востока, который сейчас находился со своей армией за много миль от отряда Эбнера. Эта рептилия принесла ответ на сообщение Эбнера, посланное ранним утром и гласившее, что украденный камень — точная копия того, который был использован в неудачной попытке обезвредить АРДНЕЯ, только большего размера. Оминор сообщал в ответ, что украденный предмет несомненно представляет собой огромную ценность и что на Главнокомандующего возлагается личная ответственность за возвращение камня. Эбнер должен вести розыски в северо-западном направлении, так указывало высшее колдовство. Оминор посылает Главнокомандующему подкрепление, передовой отряд которого, около сотни рептилий, прибыл вслед за посланцем.

Эбнер подумал, что, значит, не менее сотни ночных птиц Запада вылетят за ними на охоту ночью. Пока же он послал рептилий на разведку, приказав выяснить, куда же скрылись беглецы, а сам с отрядом продолжил свой путь. До темноты было еще далеко, но время, казалось, ускорило свой бег. Одна за другой возвращались рептилии с сообщениями о том, что на много миль впереди нет ни поселения, ни даже строений, куда могли бы спрятаться беглецы. Зато травянистая равнина постепенно переходила в настоящие заросли кустарников, деревьев становилось все больше. Беглецам будет нетрудно найти себе надежное убежище на ночь, и тогда утром их вовсе не найти. Сейчас беглецы опережают отряд Главнокомандующего на несколько миль.

Как раз в это время отряд поравнялся с очередным холмом, и прежде чем Эбнер успел опомниться, на них опять посыпался град стрел. Это были семеро смельчаков, которые ухитрились устроить очередную засаду. Эбнер немедленно отдал приказ окружить холм, но и на этот раз смельчаки усколь-

знули. Правда, один из них остался лежать на земле с пробитой головой, но и Эбнер потерял четырех солдат.

Скрежеща зубами, Эбнер отдал приказ быстро двигаться дальше. Впереди больше не было холмов, так что можно надеяться на то, что это засада окажется последней. Рептилии сообщили, что шестеро солдат Запада опережают отряд Эбнера на милю и вряд ли могут им помешать в дальнейшем. Эбнер воспрянул духом и решил, что практически выиграл схватку.

И тут вдруг снова начался ветер, подняв тучу песка и пыли перед отрядом Эбнера. Правда, этот ветер был не так силен, как в пустыне, и вряд ли мог принести отряду большие неприятности. Все же колдун Эбнера сразу же предпринял свои меры и стал шептать заклинания. Ветер не ослабевал, но и не причинял сколько-нибудь значительных неудобств. Главнокомандующий попробовал припомнить, какое действие оказывают вызванные духи прерии, ибо теперь пустыня осталась позади, и перед ними простиралась прерия, но не мог ничего припомнить. Что-то приходило ему на ум насчет трех компонентов: ветер, холод и трава, которая цепляется за ноги, однако он был уверен, что есть еще что-то, ускользавшее из памяти. И только когда они уже добрый час проехали против сильного ветра, Главнокомандующий наконец вспомнил, что было самым главным — обманчивость расстояния. Под копытами верховых животных травянистая земля словно растягивалась наподобие резиновой ленты: чтобы покрыть расстояние в два шага, теперь нужно было сделать целых три.

Главнокомандующий крикнул волшебнику, чтобы тот подъехал к нему, и когда тот повиновался, набросился на него и стал осыпать ударами тупым концом своей сабли.

— Проклятый предатель! Неужели ты не мог сказать мне, что происходит? Или ты настолько оступел, что и сам не в состоянии сообразить, что к чему?

— Пощади, великий лорд, — взмолился колдун. — Ведь против меня действуют такие силы, с которыми раньше мне не приходилось сталкиваться.

Только боязнь остаться без помощи колдовства заставила Эбнера опустить свою саблю.

Чармиан, которая в это время подъехала к Главнокомандующему из арьергарда отряда, осмелев, свирепо добавила:

— Какой-то толстяк из провинции действует против тебя. Я встречала этого человека и знаю, что он не обладает большой силой, особенно по сравнению с таким волшебником, который призван служить милорду Главнокомандующему. Зна-

чит, ты просто плохо выполняешь свои обязанности.

— Клянусь, я не виноват,— закричал колдун. Он упал на колени перед Главнокомандующим, по-прежнему сидевшим в седле. Позади них сгрудилась вся колонна верховых.

— Кто преодолел твою силу? Какая могущественная сила?— прорычал Главнокомандующий.— Если ты даже этого не можешь мне сказать, то как мне не считать тебя предателем? Или бессильным калекой?

Выражение лица Чармиан изменилось.

— Я не знаю, что это за сила!— Глаза волшебника вылезали из орбит от страха.— Я и не понимал, что побежден, до тех пор пока ваша милость не стали меня избивать, и поделом мне, несчастному.

Леди Чармиан положила свою руку на руку Эбнера и проговорила:

— Погоди, мой дорогой лорд. Очевидно, среди наших врагов есть тот, кто в состоянии полностью подчинить себе большинство колдунов. Предоставь мне возможность переговорить с этим человеком, и я постараюсь все узнать.

Эбнер внимательно посмотрел на Чармиан и прочел на ее лице горячее желание угодить ему. Гнев Главнокомандующего сменился холодным расчетом.

— Пусть будет так,— сказал он, подумав. Потом сделал знак своему отряду и поехал вперед: продвигаться даже с меньшей скоростью все же лучше, чем стоять на месте. Со злобной гримасой Главнокомандующий извлек из седельного мешка бумагу и принялся писать донесение Вуду с просьбой о помощи, что было для него весьма неприятно, ибо они с Вудом всегда были не столько сотоварищами по государственным делам, сколько соперниками.

У Чармиан теперь появился отличный повод ехать бок о бок с волшебником, и она заговорила с ним тихим шепотом, чтобы никто не мог их подслушать.

— Вот что, приятель,— начала она,— я тебя только что спасла от смерти. Если хочешь и дальше пользоваться моим покровительством, тебе придется кое-что сделать для меня.

Он посмотрел на нее со страхом:

— Я в долгу перед тобой, леди. Чем же я могу тебе служить?

— Это может показаться милорду Главнокомандующему пустяком,— сказала она,— и поэтому я не стала обращаться к нему с просьбой, но для меня это очень важно.— И она стала объяснять ему, чего хочет.

Не успела она, однако, произнести и двух слов, как волшебник энергично замотал головой.

— Нет, нет, это совершенно исключено, если бы только было возможно наложить на них обоих заклятия, я уже давно сделал бы это. Ведь милорд Главнокомандующий первым делом приказал мне заняться ими. Но это не так уж просто. Для этого нужны подходящие условия...

— Мне все равно, что будет с мужчиной,— прервала его Чармиан.— До него мне нет дела. Меня предала девчонка Катерина. Это она привела их ко мне в спальню. Я видела ее торжество... и теперь у меня лишь одно желание — отомстить ей. Я хочу этого, и так будет. Найди только способ отомстить за меня, и я щедро вознагражу тебя.— Она перегнулась через седло и заглянула колдуну в глаза, словно дав возможность убедиться, что ему предстоит выполнить ее волю.

— Если ты не сумеешь этого сделать, то берегись. Я скажу Главнокомандующему, что это вовсе не АРДНЕЙ лишил тебя силы, а какой-то жалкий ворожей.

— Это был АРДНЕЙ, я не сомневаюсь в этом. Кроме него никто не мог бы этого сделать.

Но Чармиан будто не слышала.

Волшебник молча проклинал себя за неосторожность.

— Ах ты проклятый дурак,— сказала Чармиан,— тебе все обдумывая приказ этой женщины.

— Нет, нет,— сказал он.— Нет возможности наслать отсюда напасти на голову беглой служанки. У нас ведь даже нет ни единого ее волоса, обрезка ногтя, вообще ничего, что бы ей принадлежало... Даже для самого слабого проклятия потребовалось бы... нет, это невозможно...

Но Чармиан быстро подхватила:

— Что, что потребовалось бы для этого?

Волшебник молча проклинал себя за неосторожность.

— Ах ты проклятый дурак,— сказала Чармиан,— тебе все равно придется рассказать мне рано или поздно. Иначе... иначе помни, что я никогда не забываю своих обещаний!

Волшебник напряженно думал.

— Что ж, ладно,— сказал он наконец,— попробуем. Я попытаюсь сделать что сумею.

Остаток дня Главнокомандующий продолжал двигаться вперед с той скоростью, которую удавалось выжать из животных.

К вечеру действие духа прерий прекратилось, но ночь все равно, как правило, принадлежала солдатам Запада, и поэтому

Эбнер неохотно отдал распоряжение разбить лагерь и выставить на ночь надежную охрану.

ГЛАВА 7

Наступило утро, второе утро после побега Рольфа и Катерины из караван-сарая. Птица, которая накануне вечером говорила с Рольфом, сейчас укрылась в ветвях ближайшего дерева и была совершенно незаметна на фоне желто-зеленого ствола. Беглецы немного поспали, а проснувшись, вдоволь напились студеной чистой воды.

— Ты сказала, что на Отдаленных Островах остался человек, с которым ты помолвлена, но думаешь, что он, возможно, женился на другой. Так почему бы тебе не подойти поближе и не сесть со мной рядом? — Рольф сидел привалившись спиной к дереву и похлопывал рукой по траве, указывая Катерине, куда ей следует присесть.

Она поглядела на него с чуть заметной улыбкой и склонилась над гладью ручья; пытаясь рассмотреть в зеркале воды свое лицо. Опухоль на щеке почти совсем спала, но синяк потемнел еще больше и стал почти черным.

Девушка оторвалась от изучения своего лица, но все-таки не подошла к молодому человеку.

— Не знаю, сэр, стоит ли мне это делать. Однако ты теперь мой офицер и мне, солдату, следует тебе подчиняться, чтобы ты не отдал меня под военный трибунал.

Она опустила на траву, поджав ноги под себя и не сводя с него глаз. Тень недовольства пробежала по лицу Рольфа.

— На твоём месте я бы не стал так шутить. Мне приходилось видеть, как людей, которых я хорошо знал, казнили по приговору трибунала. Расскажи мне лучше... сколько времени ты была в плену?

— Целую жизнь. — Ей больше не хотелось улыбаться, она медленно поднялась с травы и потерла руки, словно стирая невидимую грязь. — Но только не надо сейчас говорить об этом. Надеюсь, что этот ручей достаточно глубок для того, чтобы в нем искупаться.

Ее платье — платье служанки — было все залеплено грязью и изодрано, да и одежда Рольфа не в лучшем состоянии. Волосы у обоих свалились и перемешались с песком. И все же сейчас Катерина казалась менее уставшей, чем во дворе караван-сарая.

— Можно поискать место поглубже,— сказал Рольф.— Я бы и сам с удовольствием поплавал.

Он ощутил, что какая-то смутная мысль рождается у него в мозгу.

— И ты не боишься выходить из укрытия?

— Я имел в виду, что это можно сделать, когда стемнеет.

Она подошла к нему поближе и присела на траву. Лицо ее было сумрачным, глаза потемнели.

Рольф спросил:

— Может, мне не стоило упоминать о том, за кого ты должна была выйти замуж? Ведь ты, наверное, из-за него так загрузила?

— Нет. Я подумала о себе. О том, какой я была раньше: молодой, беззаботной. Шутила, смеялась, флиртовала.

— Когда была молодой? Сколько же тебе сейчас лет, семнадцать, наверное?

— Два года назад мне, кажется, было пятнадцать. Но теперь я уже немолода.

— Ну конечно, ты теперь совсем старушка.— Голос его стал мягким и нежным.— Значит, ты вполне годишься в подружки такому старому человеку, как я.

И незаметно для себя он вдруг очутился рядом с девушкой, а рука его легла на ее обнаженное плечо и начала гладить нежную кожу.

По ее взгляду он понял, что она не имеет ничего против и не будет возражать, если он не снимет руки. Осмелев под ее взглядом, Рольф принялся ласкать Катерину. Он всегда удивлялся, как его сильные руки становились такими легкими и ласковыми, когда касались тела девушки.

Катерина была такая нежная и податливая, что было странно, как совсем недавно она казалась ему тощей и угловатой. Повинуясь ласковому нажиму его руки, Катерина, повернувшись к нему лицом, и их губы встретились.

Время словно остановилось. Рольф осыпал мелкими, частыми поцелуями лицо Катерины, ее нежную шею.

Но что случилось с ее шеей? Что... что это?..

Рольф с криком вскочил на ноги, чуть не упав при этом, судорожно схватился за рукоять кинжала, наполовину вытащил его из ножен, но тут же в растерянности замер. Ибо перед ним сидела... нет, не нежная девушка, а самая уродливая в мире старуха. Юное свежее лицо Катерины чудовищно преобразилось, пока он ее целовал: на него смотрела сморщенная желтозубая ведьма. Даже в нескольких ярдах от нее он

ощущал зловоние, исходившее из ее рта. Из-под спутанных седых волос, подобранных как у молодой девушки, виднелись лицо и шея старухи, все испещренные морщинами, покрытые бородавками, заросшие волосами.

Старуха поднялась на дрожащих ногах и сделала несколько неверных шагов. Лицо ее исказилось в странной гримасе, оно словно все дрожало и колебалось, как отражение в воде.

— Рольф?— проскрипела она отвратительным голосом, напоминавшим скрип рептилий, и, закачавшись, рухнула на землю.

Несколько минут Рольф не мог понять, то ли у него все плывет перед глазами, то ли фигура старухи расплывается в воздухе. А затем перед его потрясенным взором оказалась молодая цветущая девушка с синяком на щеке и каштановыми волосами, точно такая же, какой она была до их объятий.

Снова перед ним стояла на четвереньках Катерина, но лицо ее было искажено ужасом.

— Рольф!— выкрикнула она, на этот раз собственным голосом, и он, отбросив кинжал, упал на колени рядом с ней.

Она закрыла лицо руками, но он ласково отвел их в сторону. Она спросила потрясенным голосом:

— А какой ты меня сейчас видишь?

Он протянул было руку, чтобы приласкать ее, но тут же отдернул.

— Девушкой. Такой же, как тогда, когда мы встретились впервые.

— Слава всем силам Запада! Значит, ей все же не удалось довести проклятие до конца... Почему ты опять на меня так смотришь? Что ты видишь?

— Вижу девушку,— ответил Рольф. И тут же добавил неловко:— Но откуда мне знать, какая ты на самом деле? Что это за волшебство?

— Что за волшебство? Это волшебство той проклятой женщины... Она нашла какой-то способ наслать на меня заклятие. Меня ведь предупреждали, что от ее могущества никуда не скрыться. Дьяволица леди Чармиан!

Рольф смотрел на сидящую перед ним девушку: нет, перед ним на самом деле Катерина — молодая, свежая, в ней не было ничего от совершенной красоты леди Чармиан, зато все обаяние молодости и естественного человеческого несовершенства. И он сказал успокаивающе:

— У нас на Западе ведь есть волшебники, которые могут справиться с любым заклятием.

— Обними меня,— прошептала она, и он снова заключил ее в объятия. Он утешал и успокаивал ее, и все было, как прежде. Но как только ласки его стали нетерпеливыми, в Катерине снова произошла страшная перемена: она начала стариться у него на глазах.

На этот раз он не отшатнулся в ужасе, а только выпустил ее из объятий. Он молча наблюдал, как на его глазах она превращается в страшную ведьму, а потом снова к ней возвращается облик молодой цветущей девушки. Они молча смотрели друг на друга, словно задумавшиеся во время игры дети.

— Это случается, когда я обнимаю тебя как мужчина обнимает женщину,— сказал Рольф наконец. Она с отчаянием кивнула в ответ.

Остаток дня прошел в молчании, потом они незаметно уснули. А когда Рольф проснулся почти перед самым заходом солнца и стал собираться в дорогу, он заметил на горизонте целую стаю рептилий, которые устраивались на ночлег на деревьях примерно в миле от них. Восточных солдат Рольф не разглядел, но не сомневался, что они были там, потому что рептилии никогда бы не рискнули остаться на ночь без защиты людей.

Как только на землю спустились сумерки, птица, которая провела рядом с ними день, слетела с дерева на протянутую руку Рольфа. Веса она не больше грудного младенца. Рольф сказал, указывая другой рукой на отдаленную группу деревьев:

— Хорошо, что мы расположились не в том месте, а то там сейчас сплошные перепонки да кожа.

— Ху-у-у! В таком случае, мне нужно лететь и поскорее собрать сюда свой народ!

— Я хочу, чтобы ты также кое-что передал Дункану. На нас наслали заклятия волшебника Востока.— И Рольф вкратце рассказал птице в чем дело.

Катерина, которая стояла рядом и слушала, заговорила в первый раз за последние часы:

— И еще сообщи, что наши верховые животные того и гляди падут. На одном уже нельзя ехать, да и второй не в лучшем состоянии.

Рольф сам осмотрел животных и вынужден был признать, что Катерина права. Птица подумала и предложила:

— Отпустите их на волю. Я пришлю птиц, чтобы те их отогнали подальше, так что если их утром найдут восточники, то они будут сбиты с толку.

— Так и сделаем,— согласился Рольф.

Груз у них был не тяжелый: оружие, плащи, небольшой

запас воды и пищи. Забросив за спину узелки, Рольф и Катерина помахали на прощание птице и направились дальше, следуя вдоль ручья. Сейчас не время останавливаться для завтрака, ведь враг был совсем рядом. Хотя шли они намного медленнее, чем ехали, все же до рассвета им удалось пройти добрых пятнадцать миль.

За ночь они не встретили ни одной птицы, которые, вероятно, отправились туда, где укрылись рептилии. В последующие дни им не составляло труда устраивать укрытие на дневное время: кругом было много деревьев, росла густая высокая трава. Местность стала более холмистая, на пути часто попадались ручьи, так что больше им не приходилось беспокоиться о питьевой воде. Катерина наконец смогла искупаться — ей так давно хотелось этого.

— Можешь пойти погулять, Рольф, я тебя позову, когда оденусь.

— Что за глупости? Чего ради мне уходить?

Она твердо посмотрела ему в глаза и даже отодвинулась.

— Как ты можешь спрашивать?

— Но заклятие наверняка уже перестало действовать!

— Или стало еще сильнее! Я не хочу больше рисковать. Тебе-то это не так уж страшно, ведь не ты ощущаешь, как меняется твое тело... Даже не пытайся дотронуться до меня.

И ему пришлось согласиться. Тяжело вздохнув, он оставил ее на берегу ручья в одиночестве.

Несколько следующих ночей путешествия прошли без приключений. Почти каждую ночь к ним прилетали птицы, принося последние новости о передвижениях обеих армий. Дункан, как сообщили они, получает все более настоятельные знаки того, что он непременно должен пользоваться поддержкой и помощью АРДНЕЯ, выступающего на стороне Запада. Миссия Рольфа с каждым днем оказывается все более важной, так что принц уже выслал специальный отряд, который должен будет охранять Рольфа.

Однако этому отряду на пути все время приходится вступать в стычки с отрядами восточников. По-видимому, теперь во главе армии Востока стоит сам Джон Оминор, но на дневное время он скрывается в шатре, и его пока не удалось увидеть. Обе армии, Дункана и Оминора, направляются к северу.

В одну из ночей, когда с неба сыпался мелкий и противный дождик, Рольф и Катерина подошли к ручью, который показался им намного шире и полноводнее, чем все встреченные ранее. Рольф не мог даже предположить, какая у него шири-

на — темнота скрывала все. И как назло в эту ночь они не встретили птицу, которую можно было послать в разведку.

Ручей, а его смело можно было бы назвать рекой, тек на север, но когда Рольф пошел вверх по течению, им вдруг овладела такая слабость и дурнота, что он тут же остановился. Он подумал, что неправильно выбрал направление. И точно, едва он снова двинулся на север, дурнота овладела им с прежней силой. Катерина ничего не почувствовала, но Рольф не смог сделать и двух шагов. И только когда он пришел в себя и двинулся по течению реки к югу, дурнота оставила его.

Но странная загадка очень скоро стала понятной: через несколько шагов они наткнулись на какой-то металлический предмет, который был наполовину засыпан землей. Поскольку стало ясно, что АРДНЕЙ привел их к этому предмету, Катерина и Рольф принялись орудовать ножом и топориком и скоро убедились, что полузасыпанный предмет не что иное, как небольшая лодка. Она была изготовлена из какого-то металла Старого Мира, который несколько не разрушился за многие века пребывания под землей. Лодка оказалась в полной сохранности, и она как раз могла вместить двух пассажиров.

Весел в лодке не было, но они без труда разыскали пару длинных прямых веток, которые вполне годились в качестве шестов, если река не окажется слишком глубокой. Рольф решил, что направление их пути должно быть к югу. Они погрузили свой скудный багаж в лодку и спустили ее на воду. Она оказалась легко управляемой и быстрой в ходу. Прежде чем наступил рассвет, беглецы еще на несколько миль приблизились к цели. День они провели в лодке, привязав ее под тенистыми кустами. Рольф, правда, заметил высоко в небе рептилию, но был совершенно уверен, что она их не разглядела — настолько надежно укрывали их кусты.

Ближе к вечеру Рольфу удалось убить копьем пару рыбешек на мелководье, и Катерина зажарила их на крохотном костерке.

В эту ночь, ведя свою лодку по залитой лунным светом глади реки, Рольф ощутил полную уверенность, что цель его путешествия близка. Река петляла по холмистой равнине, где не видно было даже следов человеческого жилья. Во вторую ночь путешествия в лодке Рольф увидел, что перед ними одно из ответвлений реки, по-видимому, большой приток. Он оказался таким мелким, что плыть не было никакой возможности, и поэтому, достав из лодки свои вещи, Рольф с Катериной оттолкнули ее подальше, и она, покачиваясь, уплыла к более полноводному главному руслу.

Уже достаточно рассвело, чтобы в небе могли появиться рептилии, но Рольф почему-то решил, что теперь неважно, заметят их или нет. Нужно было не мешкая продолжать путь, тем более что вокруг рос большой кустарник, в котором можно прятаться, продолжая идти по ручью. Вода все равно должна скрыть их следы. Для чего-то АРДНЕЙ вложил эти мысли в голову Рольфу, и он так и сделал.

— Почему вода такая холодная? — прервала его размышления Катерина.

И правда, для этого времени года вода в самом деле была слишком холодна, тем более в таком мелком ручье.

Но тут вдруг за последним изгибом ручейка перед ними открылся холм, и Рольф все понял. Ручеек совершенно неожиданно убегал под этот холм, на склоне которого как раз над водой виднелось отверстие узкого тоннеля.

Несколько минут Рольф молча стоял рядом с Катериной, потом сказал:

— Нам нужно туда.

Она вздрогнула, откуда-то из глубины холма на них потянуло таким холодным воздухом, что дыхание стало перехватывать.

— Пошли, — сказал он и решительно шагнул вперед, на всякий случай обнажив саблю. Рольф выбрался из воды и ступил на узкий сухой желоб, обозначавший ход в тоннель. Здесь, как видно, раньше не ступала нога человека.

Они очутились в низком проходе со стенами из глины и известняка. Сначала в тоннеле было довольно светло, и Рольф подумал, что он слишком правильной формы, чтобы быть созданием природы. Рольфу даже показалось, что на стенах видны следы инструментов, которыми прорубали этот проход в глубине земли. Он подумал, что постепенно их поглотит полная тьма, но к его удивлению по мере их продвижения в тоннеле вовсе не становилось темнее. Пройдя один или два поворота тоннеля, Рольфу показалось, что именно так должны выглядеть внутри все шахты — они подошли к вертикальному колодцу, на самом верху которого сиял дневной свет и голубел клочок неба. В дневном свете Рольф увидел на глине возле своих ног кучу мерцающего металла — остатки каких-то инструментов Старого Мира.

— Что мы теперь должны делать? — прошептала Катерина.

С минуту поколебавшись, Рольф покачал головой: это еще не конец пути. Горизонтальный тоннель, по которому они шли, вел дальше мимо выхода на поверхность, а там уже начиналась

темнота. Рольф шагнул вперед. Катерина держалась шагах в десяти от него. Ручей, который все время журчал у их ног, иссяк, ушел куда-то в глубь земли, и они теперь очутились в просторной пещере с совершенно сухим земляным полом.

В почти полном мраке Рольф различил сияние, исходившее от дальней стены пещеры. Держа Катерину за руку, он сделал несколько решительных шагов и остановился. Перед ними была стена, но вровень с плечами Рольфа в ней виднелось совсем небольшое отверстие, через которое они не могли протиснуться. Из отверстия на Рольфа и Катерину лился тусклый свет. Но тусклым он им показался в первый миг, потому что почти тотчас же вспыхнул так ярко, что девушка в испуге вскрикнула и схватилась за лук. Рольф тоже вздрогнул, но тут же успокоился, потому что это был уже знакомый ему свет Старого Мира. Яркий, сильный свет, не гаснущий многие века в устроенной под землей комнате, который он уже видел однажды, когда им вот так же руководил АРДНЕЙ.

Рольф сказал Катерине, чтобы она успокоилась. Девушка подошла к нему, и они оба приникли к отверстию. Их взорам открылось просторное помещение. Стены гладкие, серого цвета, на потолке плоские панели, откуда и лился холодный немеркнувший свет. Напротив в стене виднелась закрытая дверь.

Рольф молча начал расширять топором отверстие, а Катерина принялась помогать ему. Она была теперь совершенно спокойна, хотя то, что окружало ее, казалось таким загадочным.

Вскоре они сумели протиснуться в отверстие. Пол в помещении был таким же серым, как и стены. Повсюду на полу и на нескольких полках, прикрепленных к стенам, виднелись металлические коробки, аккуратно помеченные непонятными знаками, которые должны были складываться в слова. Комната и все, что в ней находилось, прекрасно сохранились, но время уже начало и здесь свое разрушительное действие. С потолка в углу свисал сталактит, навстречу ему тянулся с пола сталагмит. Рольф зябко поежился от холода, осознав вдруг, что такое время.

Дверь в противоположной стороне комнаты поддалась не сразу, но когда Рольф навалился на нее плечом, она со скрипом открылась. В начале за ней была тьма, но потом панели на потолке вспыхнули и все вокруг залил яркий свет.

— Пойдем, — сказал Рольф Катерине, которая снова отпрянула. — Говорю тебе, все в порядке. Мы у цели.

И они двинулись по открывшемуся коридору в том направ-

лении, которое казалось Рольфу правильным. Они шли по коридорам и комнатам, иногда с трудом открывая двери, покрытые от времени каменистыми наростами. Наконец они очутились в комнате, где воздух был теплым, и их дыхание больше не застывало туманным облаком.

Время вовсе не коснулось этой комнаты. Металлические стеллажи и гнезда были заполнены оборудованием, приборами и другими предметами, назначение которых Рольф не знал, но которые казались ему верхом совершенства.

На огромной панели в конце комнаты были начертаны четкие символы. Он не мог их прочитать, но зато сразу узнал. Он видел такие и раньше, это были письма Старого Мира: **АВТОМАТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОЗРОЖДЕНИЕМ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТАБ***.

— Рольф, — кто-то негромко позвал.

Голос был мужской и очень приятный. Он раздался откуда-то из-за панели с письменами. Рольф даже не вздрогнул, только поднял глаза: он сразу понял, что с ним говорит **АРДНЕЙ**. Катерина же буквально подпрыгнула и приготовилась бежать, не сводя глаз с Рольфа и ожидая только его знака.

Рольф спросил:

— **АРДНЕЙ?**

Он ждал, что сейчас перед ним материализуется какая-то фигура. Но ничего не изменилось в комнате — все те же приборы и панель.

Вновь раздался голос:

— Не бойся меня, Катерина, не бойся меня, Рольф. Мы с тобой уже много лет знаем друг друга, пусть и не явно, но мы всегда доверяли друг другу.

— Я не боюсь тебя, **АРДНЕЙ**, — ответил Рольф. Он протянул руку. Катерина медленно подошла к нему, глаза ее были широко раскрыты.

— Ты можешь показаться нам, **АРДНЕЙ**, — сказал Рольф, обращаясь к панели. — Мы не испугаемся тебя.

— У меня нет плоти, чтобы предстать перед тобой, Рольф. У меня нет и такой энергии, как у джинна или духа. Но я принадлежу Западу, и мне нужна твоя помощь.

— Вот потому-то я здесь. — Рольф помолчал. — Может, ты вроде того слона, которым, как военной машиной, пользовались люди Старого Мира? Но нет, ведь ты владеешь жизнью и мыслью, а тот слон был так же бездушен, как сабля.

* По-английски эти слова звучат таким образом, что если сложить их начальные буквы в одно слово, то получится «**АРДНЕЙ**» (прим. пер.).

— Ты прав только частично, — сказал АРДНЕЙ. — Я есть, вернее, я был тем, что ты называешь машиной, и сделали меня люди Старого Мира. Но я был сделан не для войны, а для того, чтобы восстановить мир на Земле.

— Но где же ты тогда? — Рольф оглянулся.

— Вокруг тебя. На каждой полке, в каждом ящике хранится часть меня. Понимаешь ли, я целиком завишу от техники Старого Мира, и именно за твой талант и способность к технике я избрал тебя и привел сюда. Предмет, который ты мне принес, очень важен, но твое присутствие здесь не менее важно.

Рольф положил руку на кошель, привязанный к поясу. АРДНЕЙ сказал:

— Отнеси то, что ты считаешь драгоценным камнем, туда, куда я тебе укажу. Прежде чем я смогу приступить к осуществлению своих планов, надо провести одно испытание.

Огни в комнате стали тускнеть, зато зажегся свет над дверью, ведущей в следующий коридор. Когда Катерина и Рольф двинулись вперед, перед ними стали зажигаться новые огни, освещающая путь. Пройдя примерно триста футов мимо коридоров и лестниц, ведущих вниз и вверх, они вошли в комнату, большую, чем первая, и сплошь уставленную аппаратами. АРДНЕЙ велел Рольфу опустить черный камень в странное устройство, состоявшее из простого хрустального куба, окруженного тяжелыми металлическими кольцами.

— А теперь покиньте комнату, — сказал голос АРДНЕЯ, на этот раз прямо из стены. — Лучше, если при испытании не будут присутствовать люди.

Выйдя вслед за Катериной, Рольф увидел, как за их спиной медленно закрывается массивная стальная дверь на шарнирах. И снова над их головами заплесали огни, указывая путь туда, где к ним впервые обратился АРДНЕЙ.

— Присядьте, если хотите, — сказал АРДНЕЙ. И они опустились на пол. — Я многое должен рассказать, потому что позднее вам придется поведать правду обо мне другим людям. Я был построен людьми Старого Мира, которые собирались затеять войну. Но они построили меня не как орудие разрушения, а для защиты человечества. Таково мое назначение, и потому я на стороне Запада, хотя, когда меня построили, не было ни Запада, ни Востока. Но поскольку мое назначение — защита мира, мне понадобилось много времени, чтобы создать свое собственное оружие для вступления в войну. Тот предмет, который вы принесли, поможет мне увеличить свое могущество, если испытание даст хорошие результаты. Но об этом

после. Итак, мои строители предназначали меня для защиты мира, и в каком-то смысле так оно и есть. Но только во время войны они вызвали к жизни такие силы, обуздать которые уже не смогли. И потому, пытаясь спасти мир, они настолько его изменили, что их собственная цивилизация не могла больше в нем существовать. Это и была та великая Перемена, о которой люди до сих пор говорят, отделяя Старый Мир от Нового.

Потом я покажу вам, что мир изменен с помощью другой машины, вернее, той моей частью, которая больше не принадлежит мне, поскольку она выполнила свое назначение и ее демонтировали. Другая моя часть, которая еще существует, была создана, чтобы завершить Перемену, когда настанет время. Мои строители вообще-то не предполагали, что перемены в мире, вызванные их защитными средствами, окажутся настолько великими, что понадобятся я. Но все же они решили создать меня и отдать под мой контроль все силы возрождения мира, когда они понадобятся. Я думаю, что им и в голову не приходило, что пройдет пятьдесят тысяч лет, прежде чем настанет это время — время возрождения. Но оно настало только теперь. Шансы на возрождение человечества именно в этом году и в этом месяце намного выше, чем они были во все остальное время, или же в любом обозримом будущем.

Рольф спросил:

— Если возрождение, о котором ты говоришь, все же случится, то будет ли Восток уничтожен?

— Надеюсь, что да.

— В таком случае, пусть оно случится. Пусть возродится Старый Мир, если мы, с Запада, сможем в нем существовать.

Ответа не последовало, и у Рольфа возникло неловкое чувство, что он говорит о том, о чем не имеет понятия. Что ж, в таком случае пусть АРДНЕЙ объяснится яснее.

Над головами у них опять заплескали огни, и они прошли по коридору туда, где оставили таинственный камень. Массивная дверь открылась, и они снова очутились в просторной комнате. В хрустальном кубе больше не было камня, он таинственным образом превратился в жемчужный невесомый шар примерно такой же величины. Взглянув на этот шар, Рольф сразу же опустил глаза, ощутив чудовищную силу, исходившую от него.

— Это как раз то, что я думал, — объяснил АРДНЕЙ. — Я теперь могу осуществить свой план.

— Что же это? — прошептала ошеломленная Катерина.

— Это то, что технологи Старого Мира называли магнито-гидродинамическим сердечником ядерно-водородной энергети-

ческой лампы. Из него я могу черпать новые силы. И уже один тот факт, что я сумел превратить камень в то, чем он на самом деле является, доказывает, что можно начинать возрождение.

Рольф вздохнул:

— АРДНЕЙ, мы ведь многого не понимаем. А ты сказал, что это необходимо.

— Идите туда, куда поведут огни. Смотрите, слушайте, а потом можете поесть и отдохнуть.

На этот раз они спустились по коридорам еще ниже. В одной из комнат, где воздух был теплый и приятный, стояло несколько кушеток, обитых кожей. В изголовье виднелись какие-то стержни, спускавшиеся с потолка. Как только Рольф и Катерина легли, огни в комнате стали тускнеть.

— Теперь усните, — приказал АРДНЕЙ.

Рольфу почти сразу же приснился сон, хотя на самом деле это было то, что ему показывал АРДНЕЙ. Его окружали странно одетые люди, разговаривавшие на незнакомом языке, — люди Старого Мира. Они создавали в глубоких пещерах озера, только не из воды, а из какой-то сверкающей и пылающей как огонь жидкости.

Голос АРДНЕЯ произнес:

— Рольф, эти озера — первая попытка предотвратить разрушение Старого Мира. Я был уже второй попыткой.

— Я знаю, что это озера жизни. Я видел такие в Черных Горах. Значит, ими должен воспользоваться Дункан, чтобы вернуть к жизни солдат, павших в битве?

— Я думаю, на Земле больше не осталось таких озер. Но смотри дальше. Этот сон показывает тебе людей Старого Мира.

И Рольф увидел, как люди строили, оснащали оружием, испытывали и запускали длинные цилиндры. АРДНЕЙ называл их ядерные цилиндры-ракеты. Они устанавливались на странные сооружения, которые могли двигаться под водой, скрываться в подземных укреплениях. Их подвешивали на недостижимой высоте над землей. В большом количестве производились меньшие орудия, предназначавшиеся для уничтожения более крупных ракет. Рольф понимал далеко не все, хотя АРДНЕЙ то и дело давал краткие объяснения. А потом он увидел, как мужчины и женщины в странных одеждах Старого Мира собирают те самые панели, которые потом и стали АРДНЕЕМ. Правда, Рольф не узнавал пещеру, в которой нашел АРДНЕЯ, да и местность была ему незнакома.

— Что это за предметы, АРДНЕЙ?

— Они называются теплообменниками. Именно из них, погруженных глубоко-глубоко в землю, черпал я энергию все эти долгие годы и черпаю сейчас. А теперь, Рольф и Катерина, смотрите, и вы увидите последние дни Старого Мира. Вы поймете, каким хотели сделать его древние люди и во что это вылилось. Вы, так же как и я, узнаете это из той информации, которая у меня имеется.

И Рольф увидел на этот раз не живых людей, а только чудесные их изображения. Увидел, как люди, не задумываясь над последствиями, стали выпускать те силы, которые сами создали: взлетали ракеты одна за другой, сталкиваясь с ракетами врага, взрывались, сея вокруг смерть и разрушения. Города уничтожались один за другим.

И тогда АРДНЕЮ был передан контроль над всеми орудиями защиты. Однако эти орудия вызвали к жизни совершенно новые силы, которые изменили даже конфигурацию всей материи Земли. И в действие вступили новые законы, которыми люди уже не могли управлять. Рольф увидел, что произошло с вражескими странами. Ему открылось, как заработала та часть АРДНЕЯ, которая была создана для преобразования мира. В течение нескольких секунд весь мир захлестнула волна чудовищной силы. А когда она прошла, необратимые изменения уже начались. И это было моментом великой Перемены.

Как только это произошло, АРДНЕЙ начал тут же действовать — ведь его создали для сохранения жизни.

Но жизнь на Земле оказалась совсем иной, чем ожидали люди Старого Мира.

ГЛАВА 8

В начале новой жизни было то, что лежало за пределами человеческого разума.

Именно ощущение яростной борьбы с неведомыми силами и являлось первым воспоминанием существа, которое позднее называли Оркусом. Его первые воспоминания относились ко времени за тысячелетия до рождения Джона Оминора, за тысячелетия до того, как мир разделился на Запад и Восток.

Несколько тысячелетий после своего бурного появления на свет существо по имени Оркус скиталось по пустынным районам Земли, избегая людей и всего, что могло бы отвлечь его от процесса окончательного формирования. Дитя чудовищной техники Старого Мира и чудесных магических сил, вызванных

к жизни Переменной, это существо лишь частично подчинялось законам материального мира.

На Земле было уже несколько других, подобных ему созданий, но ни одно из них не обладало таким могуществом. Довольно быстро люди стали забывать все, связанное с техникой, уничтоженной Переменной. Они очень скоро научились использовать открывшиеся перед ними возможности, подчинили себе магические силы природы. С наступлением Перемены вряд ли в природе осталось что-то неодушевленное. Силы, которые раньше представлялись не более чем смутными возможностями, теперь с легкостью стали подчиняться человеческим желаниям. Новым Миром стали править колдуны и волшебники, завладевшие его законами.

Люди постепенно ощутили существование в их мире Оркуса и стали изыскивать способ подчинить его себе. Это раздражало демона, постепенно доходя до его пробуждающегося сознания. В конце концов, когда домогания стали чересчур назойливыми, Оркус решил покинуть Землю. Не нуждаясь в технике Старого Мира, будучи совершенно уникальным порождением Перемены, он без всяких усилий оторвался от Земли и поплыл в пространстве к Луне. Перед ним предстали бывшие колонии Земли, теперь покинутые и мертвые. Оркус безмолвно парил над изрытой кратерами поверхностью Луны, наблюдая, как бесшумно вздувались и лопались, словно мыльные пузыри, оболочки, защищавшие жизнь людей, не способных существовать без воздуха.

Постепенно в Оркусе пробуждались не только сознание, но и эмоции, он начал четко и ясно ощущать мир и себя в этом мире. Стал страшиться безмолвной пустынной Луны и окружающей ее пустоты космоса. Тогда он решил вернуться обратно на Землю, поняв, что только там и нигде больше он не будет настоящим титаном.

Приближаясь к Земле, он снова ясно представил себе людей, начал понимать их и проклял их. За время его отсутствия на Земле выросли новые поколения мужчин и женщин, которые стали очень искусны в магии. Они сразу поняли, что к Земле приближается демон, а когда разобрались в том, насколько велико его могущество, предприняли попытки одолеть его. Люди опутали Землю магическими сетями, но Оркус рвал их, словно паутину.

Долгим и трудным был путь демона к точке высшего могущества. Несмотря на ненависть к людям, его организм развивался по тем же законам, что и человеческий, и образ его

мыслей очень походил на людской — ведь недаром он делил с людьми одну планету.

Он летал вокруг Земли и наблюдал за жизнью, текущей на ней. И в нем бурлила нечеловеческая зависть и ненависть. Собственно он был настоящим Востоком, еще до возникновения Востока как такового.

Люди создавали новую цивилизацию, большая часть техники Старого Мира была похоронена под развалинами и забыта. Только один АРДНЕЙ, о котором не подозревали ни демоны, ни люди, существовал, размышлял и ожидал своего часа.

Тот, кто стал Оркусом, постепенно осознал, что в этом мире есть подобные ему существа, хотя и менее могущественные. Это были демоны, рожденные не во время вспышки, подобной взрыву Солнца, а в результате возмущений меньшего масштаба, вызванных Переменой. Но никто из них не обладал равным с ним могуществом, и потому он легко покорил их, не прибегая к крайним мерам. Только два демона могли со временем сравниться с ним, и потому он стер их в порошок. С одним из них он сражался тысячи лет и в конце концов практически уничтожил вместе с ним целый континент со всеми, кто его населял.

Когда он превратился в единственного повелителя демонов и таким образом стал самым страшным врагом человечества, люди нарекли его Оркусом — по имени древнего повелителя демонов из старинных легенд, дошедших до них из Старого Мира.

Перемена вызвала к жизни не только враждебные и злые силы. Между небом, сушей и морем появились и другие формы разумной жизни. Перемена, которая уничтожила всю ядерную энергию и тем самым спасла людей от них же самих, в то же время освободила большое количество жизненной энергии.

Постепенно одушевленные силы природы — духи стихии — стали союзниками жителей Запада, в отличие от тех женщин и мужчин, что объединились с демонами и вместе с ними организовали полное ненависти и эгоизма общество, называемое Востоком. Теперь уже никто не помнит, почему эти два противоборствующих лагеря стали называться Востоком и Западом, а не, скажем, Югом и Севером, или Красными и Зеленými. Да это и не имело значения ни в дни Рольфа, ни во времена Оркуса.

Подчинив квазиматериальные силы Востока и объединив их в медленно разгорающейся войне против Запада, Оркус нашел себе рабов и слуг как среди животных планеты, так и среди

людей и демонов. За тысячелетия, прошедшие со дня Перемены, на Земле возникла раса разумных летающих рептилий, ставших важнейшими союзниками демонических сил, точно так же, как племя огромных разумных ночных птиц, природных врагов рептилий, стало врагом Востока и союзником Запада.

Но в самой гуще борьбы находились люди. Они сумели поладить и с животными, и с духами. Люди практически отказались от техники Старого Мира, которая привела к Перемене. Но прежде чем наступило полное забвение, потребности новой войны заставили их попытаться восстановить утраченное. Поэтому техника Старого Мира окончательно не погибла.

Оркус очень скоро понял, сколь важны людские силы в этой борьбе. Когда он начал организовывать армию из людей-рабов, то выяснилось, что он переоценил свои возможности. Среди первого же поколения рекрутов оказался человек таких способностей, такой верный и надежный, что Оркус стал постоянно поддерживать и выдвигать его. Все задания этот человек выполнял отлично и никогда не выказывал сомнений. В конце концов Оркус доверил ему власть не только над другими людьми Востока, но и над демонами меньшего масштаба. И Джон Оминор стал императором, искусно воспользовавшись тем вековым долголетием, которым наградил его демон-повелитель.

Оркус не только плохо понимал людей, но и в самом себе не мог разобраться. Постепенно он стал считать себя всемогущим, а значит, утратил бдительность. И в результате в один прекрасный день был без всякого предупреждения низвергнут. Джон Оминор, воспользовавшись теми людьми и демонами, власть над которыми была вручена ему Оркусом, сверг его и обрек на изгнание. Оркуса не убили, ибо никто не знал, в чем скрывается его жизнь. Казалось даже, что на это не может ответить и сам Оркус. Новоиспеченный повелитель Востока был немало этим озадачен: он не представлял себе обстоятельств рождения Оркуса, которые могли бы все прояснить. Не знал он и о существовании АРДНЕЯ.

Тем временем война против Запада продолжалась, такая же ожесточенная, как раньше, но теперь она шла значительно медленнее, ибо Востоку не доставало силы Оркуса. Оминор заточил демона в подземный мир. Там пленник содержался под охраной вместе с несколькими демонами, которым император не доверял. Оркус находился в полной тем-

ноте в состоянии мучительного сна. Во время редких проблесков сознания он строил планы страшной мести...

* * *

Верхом на чудовищном звере, подобном грифону, человек, известный под именем Вуд, парил над землей, в ночи, отданной во власть демонов. Когда-то Вуд был первым помощником Оминора в свержении Оркуса, и он все еще оставался первым колдуном Востока.

Сейчас Вуд взлетел в поднебесье со стоянки огромной армии Востока и направился на поиски небольшого отряда Главнокомандующего, который отдыхал после изнурительной погони за Рольфом из Разоренных Земель.

Вуд, разумеется, руководствовался своим магическим искусством, и грифон благодаря магии летел с чудовищной скоростью. Воздух свистел в ушах Вуда, мимо проносились картины звездного неба, грифоподобный жеребец молча неся над землей. Это чудовищное создание с горбатой спиной, головой орла на длинной шее и торчавшим во все стороны оперением не признавало никого, кроме самого Вуда.

Лицо колдуна было сумрачным и злобным. Он понимал, что здесь, на северной низине, все идет не так, как нужно, что назревает большая опасность.

Когда Главнокомандующий обратился к Вуду с просьбой о колдовской помощи высшего разряда, тот сразу понял, что дела обстоят из рук вон плохо, и какие-то могучие силы противостоят Эбнеру.

Грифон тем временем стал постепенно снижаться, держа направление к едва различимой равнине. И вот он уже бежал по земле прямо к оврагу, над которым росли деревья. В их ветках укрылись на ночь рептилии, спасаясь от ночных птиц. Появление грифона вызвало оживленный клекот у притаившихся рептилий, и они разбудили солдат Эбнера. Те с испугом и облегчением одновременно наблюдали, как Вуд слезает со спины грифона.

Одним-единственным словом остановив рвавшегося ввысь грифона, Вуд проковылял к палатке, над которой развевался флаг Главнокомандующего. Кто-то уже, очевидно, уведомил Эбнера о прибытии Вуда, потому что на пороге палатки оказался сам Главнокомандующий. Настороженно глядя на колдуна, Эбнер церемонно поприветствовал его.

Войдя в большую палатку, Вуд успел заметить неправдоподобно прекрасное женское тело с золотистой кожей. Женщина

одним движением метнулась с ложа за ширму из тяжелого шелка, копна изумительных золотых волос разметалась по плечам. Почему-то у Вуда создалось впечатление, что промедление женщины было искусно рассчитано, и он увидел ровно столько, сколько она и хотела ему показать.

Но Вуда это зрелище нисколько не взволновало. Без предисловий он обратился к Эбнеру:

— Что тебя беспокоит и мешает достичь цели?

— Какая-то западная магия. Иначе чего ради я обратился бы к тебе за помощью? Тот, с позволения сказать, волшебник, которого ты со мной отправил, совершенно не в состоянии совладать с теми силами, что действуют против нас.

— Так.

Подозрения Вуда подтвердились. Закрыв глаза, колдун погружился в осознание того, что окружало его. Он ощутил траву, которая росла под тонким ковром, устлавшим палатку, деревья, смыкавшиеся над головой солдат Эбнера, проник мысленным взором в души солдат, подслушал мысли рептилий — вызвал весь свой арсенал кудесника, проникшего в тайны природы и магии.

— Против тебя выступил АРДНЕЙ, — сказал он. — Ничего нет удивительного в том, что твой волшебник не в силах обнаружить его присутствие. Я и сам, возможно, оказался бы беспомощным, не встречай я АРДНЕЯ раньше. Но теперь я всегда смогу обнаружить его присутствие.

Эбнер кивнул:

— Тогда что же ты посоветуешь? Есть ли хоть какой-нибудь смысл продолжать с ним бороться, ведь у меня осталось всего сорок человек?

— Ты должен продолжать свой поход и постараться собрать как можно больше сведений. Все наше будущее зависит от событий, которые здесь произойдут.

— А как же АРДНЕЙ? Не можешь ли ты убрать его с моей дороги?

— Смогу... с помощью тех сил, что мне придется вызвать к действию сегодня или завтра... Первую попытку я сделаю сегодня ночью.

Коротким жестом он попрощался с Эбнером, вышел из палатки и забрался на грифона, ни разу не обернувшись назад.

Он уже знал, что двое беглецов, схватить которых Эбнер оказался не в состоянии, сейчас отдыхают в нескольких милях отсюда. И один из них находится во власти заклятия. Вуд заметил подошедшего к нему волшебника из отряда Эбнера.

— Твоя работа, наверное?— спросил Вуд.

— Да, мой лорд.— Волшебник скромно поклонился.

Вуд кивнул, не вдаваясь в подробности. Удивительно, что заклятие еще удалось этому волшебнику, ведь против него действовала магия АРДНЕЯ.

— Хорошая работа. Но больше не растрачивай усилий зря.

— Как прикажешь, повелитель.

Вуд вонзил пятки в бока своего жеребца, шепнул ему на ухо секретное слово, и со страшным свистом и уханьем тот взмыл в воздух. На этот раз Вуд не торопил его, наслаждаясь полетом на небольшой высоте. Он обдумывал попытку, которую собирался предпринять сегодня ночью. Вуд хотел уничтожить АРДНЕЯ, не прибегая при этом к крайнему риску для себя.

Проводив Вуда, Эбнер решил обойти лагерь. Убедившись, что часовые не дремлют, а рептилии находятся под надежной защитой деревьев и горящих факелов, Главнокомандующий вернулся в свою палатку.

Чармиан лежала на ложе среди сбившихся в сторону покрывал в позе одновременно полусонной и чувственной, словно большая кошка. Глаза ее были закрыты, но веки подрагивали, и Эбнер понял, что она не сводит с него глаз. Он затушил свечу и на некоторое время забыл о всех своих заботах.

Вскоре, однако, у входа в палатку послышалась какая-то возня, словно кто-то хотел войти, но не решался. Эбнер прислушался, возможно, кто-то из офицеров или волшебник явился с важными новостями, но боится нарушить отдых повелителя. Так и будут теперь спорить с часовым, настаивая, чтобы тот их впустил, в то же время трясясь от страха, что Главнокомандующий разгневется, что его беспокоят по пустякам.

Эбнер тихо выругался, но все же поднялся с ложа и, не дав себе труда накинуть одежду, подошел к выходу и недовольно спросил:

— В чем дело, что вам нужно?

В палатке было светлее, чем снаружи, но все же Эбнер разглядел, что фигура того, к кому он обратился, намного выше часового или волшебника, даже выше его самого. Эбнер насторожился еще до того, как услышал ответ, и кинулся туда, где на столбе, подпиравшем палатку, висела его сабля.

— Мою жену,— ответил высокий незнакомец небрежным тоном и взмахнул саблей с такой быстротой и силой, что никто на свете не смог бы увернуться от удара. Но в палатке было все же слишком темно и потому удар не достиг цели.

Эбнер успел схватить свое оружие и уже набрал полные легкие воздуха, чтобы позвать на помощь. Снаружи слышались крики солдат и топот. Эбнер бросился на врага, но так же, как и тот, промахнулся. Тем временем нападавший оказался внутри палатки. Соседняя палатка была охвачена огнем, и пламя ярко освещало жилище Эбнера. Шум снаружи стал сильнее. Эбнеру надо было прорваться к солдатам, но человека, преграждавшего ему путь, не просто убрать с дороги. Какую-то секунду Эбнер колебался, не прорезать ли стену палатки, чтобы выскочить наружу, но тут же отбросил эту мысль. Ведь для этого нужно повернуться спиной к нападавшему, а это означало моментальную смерть.

— Чармиан,— тихо позвал Эбнер, отражая очередной страшный удар. Следующие слова, которые он собирался произнести, были «нанеси ему удар сзади».

Но он не успел их вымолвить, потому что почти в тот же миг сам почувствовал предательский удар сзади, нанесенный маленькими женскими ручками. Эбнер повернулся, чтобы отразить новый удар, но понял, что сабля незнакомца немедленно сразит его, и бросился плашмя на пол. И в тот миг, когда острие сабли вонзилось ему в спину, он успел подумать, как глупо было так заблуждаться и рассчитывать, что Восток, в котором предательство основа всех основ, может одержать победу в этой войне...

* * *

Вуд, мчась над верхушками деревьев на север, предавался сладостным мечтам. Если ему удастся вернуться к императору, сокрушив АРДНЕЯ и с камнем в руках, то, может статься, члены совета поймут, что Вуд будет куда лучшим императором, чем Оминор.

Мысль была просто восхитительной, хотя и преждевременной, ибо сражение с АРДНЕЕМ еще предстояло...

Вуд без труда установил, что беглецы сейчас находятся в какой-то пещере, местоположение которой он легко вычислил. Оставалось только добраться до них. Однако не успел Вуд развернуть своего грифона в нужном направлении, как в лицо ему вдруг ударил ветер страшной силы. Он понес грифона как пушинку. Вуд как только мог молотил грифона ногами, тот изрыгнул пламя и снова понесся вперед. И тогда новая волна энергии АРДНЕЯ обрушилась на грифона и всадника. Никакие понукания и заклинания Вуда больше не помогали.

Волна, несущаяся на них, обжигала огнем, отнимала силы, парализовывала волю.

Бормоча самое страшное заклятие, Вуд призвал на помощь все подвластные ему стихии. Он вызвал малых и больших демонов из потаенных уголков, он собрал такую силу, против которой не могло устоять ничто на Земле. Вуд не сомневался, что если АРДНЕЙ и не погибнет в этом бою, то все же ему придется отступить и оставить тех двух беглецов без помощи.

Ураганный ветер стих, словно испугавшись той страшной армии, которую собрал Вуд. Демоны зловещей толпой окружили Вуда, взяв его в кольцо охраны, и тогда колдун твердой рукой снова направил своего грифона на север.

Вдруг из черных туч, которые ветер собрал над головой Вуда, сверкнула молния невероятной, немыслимой яркости. И тут же рассыпалась на множество стрел, разящих без промаха. Разумеется, демонов Вуда невозможно погубить так просто, но стрелы молнии жгли столь яростно и беспощадно, что демоны вынуждены были отступить.

Как только кольцо демонов разорвалось, могучий ветер снова подхватил грифона и понес прочь.

Еще дважды повторял Вуд отчаянные попытки, самыми страшными заклятиями заставляя демонов повиноваться ему. Но каждый раз молнии АРДНЕЯ разили все более жестоко, разгоняя орду, которая с дикими воплями рассыпалась в разные стороны.

Вуд понял, сколько бы он ни понукал своих помощников, это ни к чему не приведет: они бессильны против АРДНЕЯ.

Теперь им овладела холодная ярость.

Как мог он, великий Вуд, так глупо заблуждаться, как мог недооценить АРДНЕЯ? И откуда у АРДНЕЯ столь могущественные силы?

Дело было не только в том, что АРДНЕЙ так легко расправился с ними. Весь ужас заключался в том, что это сражение даже не потребовало всех сил АРДНЕЯ. Ибо в миг последней схватки Вуд ухитрился проникнуть своей волшебной силой в истинные масштабы могущества АРДНЕЯ — или, что вероятнее, просто получил такую возможность от самого врага. Во всяком случае Вуд был потрясен: он убедился, что резервы АРДНЕЯ безграничны. Вуд не сомневался, что такая сила у АРДНЕЯ появилась недавно, иначе бы Восток давным-давно проиграл войну.

АРДНЕЙ предстал перед мысленным взором Вуда в образе величественного мужчины, который едет верхом мимо своры

псов, визжащих и пытающихся схватить его за ноги. И среди этих псов один носит имя Вуда. Мужчина уделил этому псу ровно столько внимания, сколько потребовалось, чтобы зажать ему легкую трепку, а потом поехал спокойно своей дорогой, простиравшейся далеко за доступные мысленному взору Вуда границы.

«Нет, это ложь,— подумал Вуд,— просто маневр, чтобы запугать, не больше». И все же, если такую шутку можно проделать с ним, с Вудом, то враг не просто опасен, он страшен.

И тут же Вуда пронзило ощущение того, что АРДНЕЙ готовится нанести ему смертельный удар.

Он больше не колебался. Остатки мужества покинули его. Он повернул своего грифона прочь, прочь отсюда. Волна, посланная АРДНЕЕМ, все же достигла цели. Но Вуд остался жив, а вот грифон был поражен настолько, что утратил способность летать. И только высшее искусство Вуда спасло ему жизнь. Когда он пришел в себя после страшного потрясения, вокруг него завывал ветер, хлестал холодными потоками ливень, трещали и гнулись деревья. Весь избитый, покрытый синяками, но все же без серьезных ранений, Вуд лежал на земле рядом со своим поверженным грифоном. С трудом колдун сообразил, что АРДНЕЙ исчез, а сам он находится не более чем в миле или двух от лагеря Главнокомандующего.

Прихрамывая на обе ноги, спотыкаясь о корни деревьев и кляня все на свете, Вуд поковылял сквозь дождь. Теперь он уже не сомневался, что если Восток хочет выжить, придется прибегнуть к помощи тех страшных сил, которыми он еще располагает.

ГЛАВА 9

Когда изрядно потрепанный и разбитый Вуд еле доплелся до лагеря Главнокомандующего и ему осталось пройти не более трехсот футов, его размышления о том, как лучше объяснить свое внезапное появление, прервал отчаянный шум. Это Чап с товарищами напал на лагерь Главнокомандующего.

Оправившись от первого испуга, Вуд в сущности мало удивился. Ночь всегда принадлежала Западу, и не впервые солдаты восточной армии подвергались ночным нападениям. Вуд напряг свои способности и установил, что силы нападавших весьма незначительны и АРДНЕЙ в этом участия не принимает. В настоящий момент Вуд не мог бы вызвать

своих демонов на помощь, но он был так обозлен всем происходящим, что решительно двинулся вперед. Это даже к лучшему: вместо того, чтобы явиться побежденным АРДНЕЕМ, он придет в лагерь как спаситель. Впереди полыхал огонь и, судя по отчаянным воплям, дела солдат Востока шли из рук вон плохо.

Вуд недаром считался величайшим колдуном Востока. Там, где звенели сабли и шли в ход луки и стрелы, волшебство обычных кудесников было бессильно. Но Вуд умел в такой ситуации призывать на помощь свои чудесные способности, к тому же сейчас за ним оставался элемент неожиданности...

Походка Вуда стала твердой и решительной. Он подошел вплотную к лагерю и укрылся в тени огромного дерева. Среди нападавших Вуд узнал толстого колдуна, которому так успешно удалось одолеть волшебника, сопровождавшего Главнокомандующего. Но на этот раз АРДНЕЙ уже не станет ему помогать.

Вуд хорошо видел весь полыхающий лагерь, хотя сам оставался незамеченным. Он произнес одно-единственное длинное слово и стал делать пассы обеими руками. Первым упал толстый колдун, перекувырнувшись через голову со слоновьей грацией, из рук его посыпались в разные стороны колдовские талисманы. Один за другим стали падать на землю, изгибаясь дугой, и остальные нападавшие, он их отчетливо видел. Их было, по-видимому, не больше дюжины, это даже меньше, чем думал Вуд сначала. И они оказались бессильны против колдуна, потому что он не давал им возможности достать его саблей. Одному из них удалось, правда, подойти совсем близко к Вуду. Этот человек, высокий, могучего телосложения, выскочил из палатки Эбнера. На его сабле еще дымилась кровь. Он почти сразу же ощутил присутствие враждебной силы и бросился к Вуду. Но колдун успел уклониться в сторону и поразить своего противника.

Двум солдатам Запада все же удалось бежать из лагеря, но Вуд об этом не слишком беспокоился. Все нападавшие, кого волшебник поверг на землю, не умерли. Вуд только погрузил их в полное оцепенение, но не лишил жизни — на то у него были свои причины.

Уцелевшие после налета солдаты Эбнера собирались постепенно в центре лагеря. Вуд подозвал офицера и приказал перенести лежащих на земле солдат Запада в одно место и позаботиться о том, чтобы они остались целыми и невредимыми до дальнейших распоряжений. В этот момент Вуд заметил златокудрую девушку, которую он несколько часов

назад видел в палатке Главнокомандующего. Теперь она была одета в просторное шелковое одеяние. Как видно, девушка только что выскользнула из какого-то укрытия. Она подбежала к пленникам, наклонилась над одним из них и уже собралась пронзить его зажатым в руке кинжалом.

— Воздержись, девушка!— крикнул ей Вуд.— У нас сейчас есть куда более важные заботы, чем твои личные счеты с этим негодяем, какими бы они ни были. Где Главнокомандующий?

Девушка отбросила кинжал и повернулась к Вуду:

— Увы, милорд Вуд, Главнокомандующий мертв. Он сделал все, что мог, и встретил опасность мужественно, но, боюсь, этого было мало. Его больше нет.

Нисколько не удивившись, Вуд кивнул и, оглядевшись вокруг, спросил у солдат:

— Остался в живых хоть один старший офицер?

Когда офицер появился, Вуд коротко сказал:

— Достаточно ли у вас людей, чтоб самим взять на себя защиту лагеря? На ближайшем расстоянии от нас не наберется и десятка западных солдат. Я буду занят более важными делами и поэтому на меня вам сейчас рассчитывать не придется.

Офицер кивнул:

— О да, у нас осталось по крайней мере человек двадцать боеспособных солдат.

— В таком случае я должен приступить к неотложным делам, а вам придется дать мне в помощь двух человек. Но сначала я хотел бы кое-что разъяснить вам.

Вуд помолчал, потом взял офицера за руку и отвел подальше от посторонних ушей.

— Сегодня ночью я лицом к лицу встретился с АРДНЕЕМ и выяснил, что могущество его стало поистине чудовищным. Не знаю, каким образом ему это удалось, но сейчас этой силы вполне достаточно, чтобы уничтожить весь Восток. И потому я счел необходимым использовать наши резервы. Я имею в виду группу демонов, которые в настоящее время по некоторым причинам находятся в определенном месте, за пределами мира. Но эти демоны сами по себе опасные и плохо управляемые существа, и поэтому мне необходимо полностью сосредоточиться, ни на что не отвлекаясь.

По лицу офицера струйкой стекал пот, он отдал бы сейчас все на свете, чтобы оказаться в другом месте и выслушивать приказы начальства. Он облизал пересохшие губы и запинаясь проговорил:

— Великий лорд, вы понимаете, конечно, что я не собираюсь высказывать неуважение вам, но я вынужден вас предупредить, что при сложившихся обстоятельствах я должен немедленно сообщить в Главный штаб о том, что вы решили предпринять. Я должен поставить в известность самого императора.

Этот офицер был, пожалуй, смелее и сообразительней, чем Вуду показалось с первого взгляда. Он хотел непременно удостовериться, что тут нет никакого заговора. Поэтому Вуд терпеливо ответил:

— Можете послать соответствующее донесение, когда хотите. Но рептилии могут лететь только днем, а я вынужден приступить к вызову демонов сейчас же, немедленно. Ведь такую процедуру невозможно осуществить за час, на это, пожалуй, целого дня не хватит. Если мы хотим на самом деле одолеть АРДНЕЯ, то нам необходима помощь как можно скорее, а то будет поздно. И поэтому я должен немедленно начать вызывать те силы, которые могут нам эту помощь оказать. Если же у императора появится какая-то невообразимая причина запретить мне это делать, то я могу остановиться в любую минуту, так что делайте свое дело, а я буду делать свое. А пока что вы укажите, кто из солдат будет помогать мне, а я выберу первую из необходимых мне жертв.

Офицер успокоился и отошел, отдав своим людям соответствующие распоряжения. Вуд приблизился к пленным, лежавшим в ряд, все еще парализованным его заклятием. Златокудрая женщина стояла рядом, все так же пристально глядя на одного из пленников. Это был тот самый, который хотел убить Вуда. Но на этот раз его лицо выражало скорее задумчивость, нежели ярую ненависть.

— Как тебя зовут, девушка? — спросил Вуд, пристально посмотрев на нее.

— Мое имя Чармиан, мой благородный лорд. — Ее синие глаза были такими прозрачными, что Вуд невольно сделал отстраняющий жест рукой. Да, она и в самом деле обволакивала своим колдовским очарованием, он это понял с первого взгляда. Вуд мысленно взвесил, что выиграет, если преподнесет эту женщину в дар императору, который был так же падок до слабого пола, как и зауряднейший из смертных.

— И на кого же ты смотришь столь задумчивым взором? — спросил волшебник.

— Он был моим мужем, лорд, — сказала она. И тут же добавила: — Могу я спросить тебя?

Вуд молча кивнул.

— Ты ведь выбираешь жертву для ритуального обряда? Вот я и подумала... смерть у этого человека будет легкой или трудной?

— Сегодняшняя жертва умрет легкой смертью.

— В таком случае я прошу тебя, великий лорд, выбери кого-нибудь другого, а не того, кто был когда-то моим супругом. Я не хочу, чтобы он умер быстрой и легкой смертью...

* * *

В эту ночь Дункан разбил лагерь еще на несколько миль ближе к АРДНЕЮ. Армия все время двигалась на север, следуя советам волшебников и интуиции самого Дункана, и все время держалась параллельно движению армии Востoka, руководимой Оминором.

Прорицательница Анита находилась сейчас в палатке Дункана, погруженная в глубокий транс.

— ...они открывают двери тогда, когда ничего не понимают, и снимают запоры, сделанные в то время, когда они были разумнее и осторожнее.

Девушка уже некоторое время повторяла эту странную фразу, значения которой никто не мог разгадать: ни Дункан, ни его волшебники. Голос ее становился все тише и тише и наконец совсем смолк. Некоторое время волшебники спорили, что делать дальше: может, погрузить девушку в еще более глубокий транс, чтобы услышать от нее что-то более понятное. Но она постепенно задышала глубоко и ровно и заснула спокойным сном. Аниту вынесли из палатки. Дункан и его волшебники продолжали бодрствовать, но никакого знака от АРДНЕЯ так больше и не получили в эту ночь...

* * *

Кровь первой жертвы еще дымилась на руках Вуда, когда он нараспев произнес слова, рождавшие перед его мысленным взором привычные картины. Плавным жестом рук он словно изливал в пространство свою энергию. Почти сразу же, как только он приступил к заклятию, его охватила слабость, а вместе с ней и беспокойство. Он знал, что сейчас от него требуются бодрость и полная отдача сил, в противном случае может произойти непоправимое. Однако пока все шло хорошо.

Перед ним стояла задача, решение которой требовало

высшего искусства, но она была ему по плечу. Внутренним взором он видел перед собой ведущие вниз ступеньки. По ним он спускался в темницу подземного мира. Здесь томились вместе с Оркусом еще и другие демоны, которых Вуд тоже намеревался выпустить на свободу. Они не представляли настоящей опасности, это была всего лишь стая эфемерных волков, грызущихся между собой в надежде вновь прорваться в мир, населенный людьми.

Для Вуда не было нужды ни опасаться их, ни церемониться с ними. Для того чтобы вернуть их в мир, не нужны ни человеческие жертвы, ни разрешение императора.

И только тот, другой, чье имя Вуд опасался повторять даже мысленно, только он заставлял волшебника беспокоиться все больше и больше.

Ему предстояло освободить Оркуса, но таким образом, чтобы сохранить над ним достаточную власть, ибо после победы над Западом надо будет вернуть его в темницу.

А возвращение Оркуса в мир как раз и требовало высшего волшебства и человеческих жертв.

Первая жертва была уже принесена, и сейчас в глубоком подвальном помещении Великий начал дрожать и беспокойно шевелиться в своем глубоком сне. И тут же картина перед мысленным взором Вуда изменилась: остальные демоны, томившиеся в темнице, казались теперь не стаей волков, а всего лишь сворой шавок, или даже мелких крыс. Разумеется, никаких изменений ни с ними, ни с Вудом не произошло. Просто такой был результат при сравнении их с Оркусом.

Вуд замедлил воображаемый спуск по ступеням. К его удивлению Оркус успел не только полностью прийти в себя, он уже начал рваться, стараясь освободиться. И от него исходила необыкновенная мощь и сила. Конечно, Вуд все еще оставался его тюремщиком, позади него была открытая дверь, а могучий пленник опутан толстыми цепями. Волшебник сразу понял, что пробуждение Оркуса идет немного быстрее, чем следовало бы. Чтобы сохранить контроль над ним, необходимо постараться замедлить ход событий.

Вуд нахмурился и, покачиваясь от слабости, стал на ходу менять слова заклинания, стараясь ослабить действие чар...

И тут же в лицо ему ударила страшная волна из глубины подземного мира: это Оркус излил на него часть своей силы. Повелитель демонов, еще не вполне пришедший в себя, в слепой ярости пытался разделаться со своим мучителем.

Вуд отчаянно вскрикнул, ощутив удар. И прежде чем

потерять сознание, он успел понять, что ошибся в одном-единственном слове.

Хотя Вуд и упал без чувств, все же Великий, поразивший его, не в силах был выбраться из темницы — волшебные стены и цепи держали все еще слишком крепко. Оркусу пока не открылся выход в мир людей, в сущности он еще даже не пришел в себя окончательно. Зато орда демонов меньшего калибра, которых Вуд почти успел освободить от чар, теперь носилась, готовая вырваться из темницы...

Чармиан, наблюдавшая за ритуалом, так ничего и не поняла. Но когда волшебник упал, она в страхе отступила назад: перед ней из освещенной дрожащими факелами темноты стали появляться чудовищные демоны. Один за другим пронеслись мимо нее жуткие видения и сразу же растворялись во тьме. Если бы Вуд пришел в себя, то без труда мог бы вернуть их обратно в темницу, но они не собирались дожидаться этого.

У Чармиан были все основания бояться. Для этих неукротимых сил ничего не значило, что она человек Востока. Любой из демонов, соскучившись по жертвам, мог проглотить ее мимоходом, словно букашку. Если попытаться бежать, то можно привлечь их внимание к себе еще скорее. Вдруг Чармиан заметила, что один за другим стали приходить в себя солдаты Запада. Когда Вуд потерял сознание, то немедленно рассеялось легкое заклятие, наложенное на них. Связать же их никто не додумался, и теперь Чармиан заметила, что Чап пошевелился, а мгновение спустя вскочил на ноги. Когда взгляд его упал на Чармиан, она не осмелилась бежать. Чап был гораздо более весомой угрозой, чем демоны, которые пока что пролетали мимо, не обращая на нее никакого внимания. Она шагнула к Чапу и, умоляюще сложив руки, выкрикнула:

— Помоги мне, Чап! Ведь я освободила тебя, спасла тебе жизнь! Ты должен увести меня отсюда!

Чап ничего не ответил, он молча смотрел на нее. В этом грохочущем аду, среди отблесков огня, он один казался реальным существом, силящимся разрешить важную проблему. Оглянувшись, Чармиан увидела, что с земли поднимаются остальные западники, правда, вид у них был несколько растерянный — они еще не полностью пришли в себя.

Она снова повернулась к Чапу. Какой-то инстинкт подсказывал ей, что бежать опасно. И она опять повторила отчаянно:

— Ну же, помоги мне, спаси меня!

Главнокомандующий был мертв, Вуд повержен, и демоны, казалось, овладели всем миром. Чармиан некуда было больше

деваться. Она вцепилась в могучую руку Чапа, но он не обращал на нее никакого внимания. Чармиан отчаянно рыдала, не зная, что делать. Из темноты возник какой-то восточный солдат, черты его лица были искажены ужасом — как видно, пролетая мимо, один из демонов коснулся его, и он потерял рассудок. Чармиан вскрикнула и бросилась бежать, но поскользнулась и упала. Солдат занес над ней свою саблю. И тут Чап, словно очнувшись, протянул могучую ручищу, схватил солдата за ворот и отшвырнул прочь. Тот тяжело грохнулся о землю и затих.

Чармиан подползла к сабле, которую уронил солдат, и подобрала ее. Потом поднялась, подошла к Чапу и протянула ему саблю. Она взмолилась:

— Идем же, милорд мой Чап, идем! Мы поможем друг другу!

Пальцы Чапа привычно сомкнулись вокруг рукоятки сабли. Завладев его свободной рукой, леди Чармиан повела его прочь из лагеря, подальше от пылающих вражеских палаток, от беснующихся восточных солдат, от чудовищных демонов, в спокойную летнюю ночь.

Волшебник Вуд все так же лежал на земле без сознания, вокруг по-прежнему бегали и что-то кричали солдаты, и никто не обратил внимания на беглецов.

ГЛАВА 10

Как только АРДНЕЙ закончил показывать картину измененного мира, Рольф и Катерина уселись на своих кушетках, с ужасом уставясь друг на друга. Голос АРДНЕЯ умолк, и в комнате воцарилась тишина. Только у двери мигал голубой огонек. Молодые люди вышли в коридор, где дорогу им вновь указывали огни. На этот раз свет привел их в комнату, уставленную металлическими столами и стульями. Пыли нигде не было. На одном из столов горкой громоздились свежие овощи, на картофеле виднелась даже сырая земля. На другом бились несколько огромных рыб, судорожно втягивая воздух открытыми ртами. На глазах у Рольфа вдруг из воздуха появилась еще одна рыба и упала рядом с остальными, обдав молодых людей брызгами.

Откуда-то сверху раздался голос АРДНЕЯ:

— Благодаря принесенному вами источнику силы я стал гораздо более могущественным, чем раньше. И потому мне нетрудно раздобыть для вас свежей пищи.

— Но ее слишком много, — сказала Катерина.

— Взгляните на второй стол, там вы найдете устройство для замораживания продуктов.

АРДНЕЙ рассказал им, как пользоваться разнообразной кухонной утварью. Кипятильники и электропечь поразили Рольфа как чудо, но Катерина освоилась на редкость быстро. Она уже стала варить рыбу.

Во время еды Рольф спросил:

— АРДНЕЙ, сколько времени мы пробудем здесь?

— Трудно сказать с точностью до одного дня, но, наверняка, не больше месяца. К тому времени исход войны будет решен.

— То есть... когда закончится очередная битва?

— Скорее всего, — сухо сказал АРДНЕЙ, — следующая большая битва решит исход войны, хотя полностью война не будет завершена еще год или два.

Рольф открыл рот, посмотрел на Катерину и прочел в ее глазах такой же ужас.

— АРДНЕЙ, а где должна произойти эта битва?

— Здесь, вокруг меня или около меня. Я должен собрать возле себя самых сильных из своих врагов и сразить их здесь, если это вообще возможно. А Дункан и его армия так же должны прибыть сюда, чтобы привести за собой Оминора, и потом, когда я уже сделаю все, что мне предназначено, он должен нанести последний удар.

Рольф механически откусил кусок рыбы.

— А что мы с этой девушкой должны делать здесь?

— Очень многое. Мне известно, что ты, Рольф, обладаешь талантом к технике, к тому же ты уже привык иметь дело со мной. Мое присутствие не будет ни пугать тебя, ни мешать тебе. Именно поэтому я и выбрал тебя, чтобы ты принес мне сердечник энергетической лампы. Подобный прибор мне предложил Джон Оминор, но он заколдовал камень и отравил его, так что я не мог им воспользоваться. Однако мне удалось благодаря своим способностям тогда же выяснить, что имеется точный дубликат этого сердечника и где он находится. Вот его-то ты мне и доставил. Вы с Катериной будете работать здесь, внутри моего организма, если можно так сказать, тут моя сила несколько ограничена.

Перед мысленным взором Рольфа предстало видение: огромная рука пытается сама себя перевязать.

— Здесь нужно произвести кое-какие работы, и вам двоим придется потрудиться несколько дней. Время немного отразилось на мне, а враг может повредить меня еще больше.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — сказал Рольф, почувствовав, что от него ждут ответа.

Когда они покончили с едой, АРДНЕЙ проводил их в другое помещение, показал, с какими инструментами им придется работать и что именно предстоит сделать.

Они успели немного отдохнуть во время волшебного сна на кушетках и потому сразу же приступили к делу. Вскоре пальцы Рольфа стали достаточно ловкими, и он безошибочно выполнял то, что от него требовалось на каждом этапе. Катерина, меньше способная к такого рода работе, главным образом подносила необходимые детали и инструменты, распаковывала то, что нужно, и помогала Рольфу, когда необходимо было что-то поддержать.

Через несколько часов АРДНЕЙ подал сигнал, что на сегодня достаточно. Огни проводили их в комнату, где им предстояло отдохнуть, и ощущение присутствия АРДНЕЯ исчезло: они были предоставлены сами себе.

Они снова поели, а потом устроили себе постели на полу, воспользовавшись для этого невесомыми, словно пена, покрывалами и простынями, которые нашли в одном из шкафов.

АРДНЕЙ указал им, как притушить в комнате огни, и они растянулись на своих ложах. Но сон не шел к Рольфу. Некоторое время он ворочался, потом сказал:

— АРДНЕЙ!

Ответ последовал не сразу:

— В чем дело?

— Если бы ты захотел, то смог бы помочь нам в одном деле. На Катерину наложено заклятие, и мы считаем, что это сделала леди Чармиан. Если бы ты только согласился помочь нам...

Ответ раздался после долгого молчания:

— Мне известно об этом заклятии. И я мог бы снять его, хотя это потребовало бы от меня больших усилий. Но сейчас я не стану этого делать. Я не могу растрачивать свою энергию на улаживание ваших дел. Сейчас слишком многим людям Запада приходится много хуже, чем вам. И я должен в первую очередь думать о них.

Рольфа охватил гнев, но только на минуту, потому что он сразу же вспомнил о тех тысячах больных и раненых, которые зависели сейчас от АРДНЕЯ.

Катерина спала или, по крайней мере, притворялась, что спит. Рольф полежал еще немного, потом поднялся и пошел к выходу.

Огни на этот раз едва светили, и путь ему никто не указывал, но он без всякого труда прошел по коридорам и очень скоро добрался до той самой первой комнаты, что выходила прямо в заброшенную шахту. Правда, на этот раз выход преграждали тяжелые двери, но они легко поддались под рукой Рольфа. И вот он уже в холодной пещере, а миновав ее, сразу же ощутил теплый густой воздух летней ночи. Рольф считал, что если бы рядом были враги, АРДНЕЙ непременно предупредил бы его, поэтому он без опаски вышел наружу, легко поднялся на невысокий холм у самого входа в тоннель и опустился на траву. Небо было усыпано звездами.

— Привет тебе, Ро-о-ольф.

Рольф вздрогнул от неожиданности: перед ним появилась большая птица.

— Стриджив, как я рад тебя видеть! Какие новости ты мне принес? Как твои дела?

Птица коротко рассказала о последних битвах, в которых принимала участие, потом сообщила Рольфу, что обе армии — Востока и Запада — движутся в этот северный край.

— И каждый день все ближе великая битва, в армии Дункана только это и обсуждают.

— И АРДНЕЙ так говорит. Что сообщает мне Дункан на этот раз?

Стриджив вынул из своей курьерской сумки, спрятанной на груди среди перьев, свернутые трубкой бумаги и с поклоном передал их Рольфу.

— Ты повышен в чине — тебя произвели в капитаны, а женщина формально получила звание офицера связи.

— Офицер связи? Что за странный чин?

Стриджив церемонно поклонился.

— Может, ты этого и не знал раньше, но я имею честь носить это звание.

— О, прости меня, пожалуйста.

— Дункану стало известно о твоём прибытии сюда, о том, что ты сделал, и он выражает тебе свое одобрение.

— Благодарю. — Рольф наклонил голову. — Стриджив, у меня к тебе просьба. Не мог бы ты передать от меня Лофорду или его брату Греку, что мне нужна их помощь. — И Рольф коротко объяснил Стридживу, какая именно помощь требуется. — Видишь ли, АРДНЕЙ сейчас не может нам помочь. Он считает, что для войны это неважно, но для нас это вопрос жизни.

— Угу. Я знаю, где сейчас Лофорд, а Грей, как ты сам понимаешь, сейчас очень занят, но я сделаю все, что сумею, не сомневайся, Рольф.

И попрощавшись с другом, птица улетела.

Вернувшись в пещеру, Рольф убедился, что легкого движения его руки достаточно, чтобы тяжелая дверь снова наглухо закрыла вход. В комнате, где они расположились на ночь, он нашел Катерину, которая на этот раз на самом деле крепко спала. Рольфу пришла в голову мысль, что, быть может, за этими стенами колдовство Чармиан утратило силу, и он, протянув руку, нежно погладил девушку по щеке. Она даже не пошевелилась, но тугая кожа ее прямо под пальцами Рольфа вдруг ввалилась и покрылась морщинами. Он тут же убедился, что волшебство не иссякло, и в страхе отдернул руку. Едва он это сделал, как лицо Катерины вновь стало гладким. Поворочавшись немного на своем ложе, он крепко уснул...

* * *

Очнувшись, Вуд вскочил на ноги с внезапным приливом энергии, но силы тут же вновь покинули его. Он стоял в незнакомом месте на дрожащих ногах и пытался разобраться в происшедшем... Когда он начал ритуал, была ночь, а сейчас ярко светило солнце. Бросив взгляд вниз, он с изумлением увидел, что там, где он лежал, трава съежилась и пожелтела. Значит, он лежал здесь много дней? И его спасла от людей и животных только сила великого волшебника? Вуд огляделся по сторонам. Никого. В траве белели чьи-то кости с истлевшими обрывками ткани. Вуд ничего не понимал. Наконец, овладев собой окончательно и оживив силы, восстановленные за время вынужденного отдыха, он принялся бормотать слова заклинаний, посылая в пустоту приказы, вопросы, распоряжения. Воздух вокруг него словно замутился — это явились по вызову служившие ему силы. Вскоре Вуд получил ответы на все вопросы: орда демонов вырвалась на свободу, это не страшно, он живо сумеет их взять в руки. Оркус, по-видимому, все еще в темнице, армия Оминора стоит лагерем недалеко отсюда.

Постанывая и охая, Вуд сделал несколько шагов вперед — приходится рассчитывать на собственные ноги. Однако примерно через час он почувствовал, что не может идти дальше. К счастью, поднялся легкий ветерок. Вуд удовлетворенно кивнул, превратился в шар перекаати-поле и помчался по ветру без всяких усилий. К вечеру он добрался до цели: перед ним был лагерь армии Востока. Приняв свой обычный облик и сделавшись невидимым — в таком состоянии он мог находиться лишь очень короткое время, — Вуд миновал часовых и мелких

волшебников незамеченным и оказался в шатре императора. Несколько удивившись, он увидел перед императором женщину по имени Чармиан. На этот раз на ней было простое платье, она стояла, опустив глаза. Вуд прислушался к диалогу между императором и Чармиан, которые говорили как раз о нем. Но почти тотчас же Оминор бросил взгляд туда, где стоял Вуд, и тому показалось, что император знает о его присутствии и видит его. Вуд вздрогнул: все же он не мог противостоять Оминору. Он быстро выскользнул из палатки, миновал часовых и спрятался в укромном месте, чтобы снова принять свой обычный вид.

Джон Оминор сказал, обращаясь к Чармиан своим обычным громким и сердитым голосом:

— Ты все еще сомневаешься и кажешься удивленной моим обликом, девушка? Как же я должен выглядеть по-твоему?

— Величественно. Как вы и выглядите, Великий лорд.

Император слегка улыбнулся и пристально посмотрел на Чармиан.

— Как я вовсе не выгляжу, хотела ты сказать. — Помолчав и насладившись смятением Чармиан, он продолжал: — Я слишком наслышан о тебе, леди. Ты бы удивилась, если узнала, насколько скромны мои желания по сравнению с большинством других мужчин и насколько легче мне угодить.

Чармиан, склонившись в глубоком поклоне, произнесла тихим голосом:

— Если бы мне только предоставилась возможность доказать тебе мою преданность и готовность служить...

— У тебя будет такая возможность, — рассмеялся Оминор, оглядев ее с головы до ног своим пронзительным взглядом. — А пока Расскажи мне еще раз, что произошло до того, как ты и тот мужчина, который шел с тобой, попали в руки моего патруля? — Откуда-то из дальних помещений раздался чей-то хриплый крик. — Как видишь, мои люди пытаются узнать то же самое у твоего спутника, но он, по-видимому, глуп как пень. Только вопит и все. Так что ты остаешься нашей единственной свидетельницей, поэтому попытайся припомнить все подробности. Что случилось с Эбнером? Куда исчез мой Верховный волшебник?

— Я постараюсь, Великий лорд, — сказала Чармиан. Она уже раз рассказала императору о судьбе Эбнера и Вуда, теперь повторила свой рассказ снова со всеми подробностями. Вместе с Чапом они два дня бродили по округе, а потом наткнулись

на патруль, что же касается Вуда, то больше ей ни о чем не известно.

Император внимательно слушал. Время от времени палатку оглашали хриплые крики Чапа. В какую-то минуту Чармиан подумала, что рада будет увидеть, как его убивают, но печему-то тут же поняла, что ей будет чего-то не хватать. Она вспомнила, что, когда увидела его в караван-сараяе, ее охватила невольная робость, точно так же, как и тогда, когда он появился в палатке Эбнера. Конечно, он мог бы и убить ее, но вот этот человек, который сейчас сидит перед ней, император Оминор, непременно убьет ее рано или поздно, просто так, ради удовольствия.

— Когда эта группа демонов, о которых ты рассказала, пролетала мимо тебя, не заметила ли ты среди них одного, особенно громадного и ужасающего? — спросил Оминор.

— Думаю, что нет, Великий лорд. Если, конечно, свидетельство женщины, которая вовсе не привыкла иметь дело с демонами, чего-то стоит...

— Да нет, наверняка его там не было, — вслух размышлял Оминор, — иначе бы мы уже давно знали об этом. — Он снова внимательно посмотрел на Чармиан. — А тот мужчина, который был с тобой, он ведь с Запада, откуда же ты его знаешь?

Чармиан решила, что лучше всего говорить правду.

— Когда-то он служил Востоку, Великий лорд, и был моим супругом. Он дезертир и изменник. Я была бы рада видеть, что он понес достойное наказание за свои преступления.

Оминор бросил взгляд через плечо. Знак поняли и немедленно передали дальше. Крики смолкли, и из-за спины Оминора появились двое палачей, одетых в черное. Они катили перед собой нечто вроде железной решетки, на которой был распят Чап. Обнаженное тело, покрытое ранами, кровоточило. Правда, Чап не выглядел жалко, как думала Чармиан, видно, подобные раны были ему не в диковину. Голова Чапа болталась из стороны в сторону, но глаза горели неукротимой яростью.

Оминор распорядился:

— Применяйте любые средства, но верните ему память. Нам необходимо знать, что произошло с Вудом.

У входа в палатку послышалась какая-то возня, и на пороге вырос Вуд собственной персоной. Он бросился вперед, упал перед императором, сразу же вскочил и, не глядя на Чармиан, сказал повелителю:

— Разреши сказать тебе пару слов, милорд.

Оминор быстро встал и вышел из палатки, жестом приказав Вуду следовать за ним. Чармиан осталась стоять около Чапа, за которым принялись ухаживать колдуны, решившие попробовать добиться от него показаний мягкостью. И ее не покидало странное чувство облегчения, в котором она сама себе не хотела признаваться.

Оминор с Вудом остались один на один в помещении, затянутом черным шелком, где царила такая тьма, что глазам было трудно ее вынести.

Вуд тотчас приступил к делу:

— Великий лорд, я могу привести в чувство того человека, он просто находится под моим заклятием. Что ты хотел у него узнать?

— Ничего, раз ты уже здесь. Где ты был?

— Пытался вызвать высшие силы, мой император. Нам скоро они будут крайне необходимы.

— И был повержен во время ритуала? Так сказала мне женщина, но я не поверил... кого ты пытался вызвать?

Воцарилось молчание. Потом Вуд уклончиво ответил:

— Великий лорд, я только что вернулся после встречи с АРДНЕЕМ, и силы мои значительно убыли. АРДНЕЙ сейчас гораздо могущественнее, чем раньше. Он теперь, возможно, так же силен, как тот... другой... чье имя я не хочу упоминать...

Оминор выпрямился во весь рост и зажег в палатке тусклый свет.

— Неужели ты и в самом деле клонишь к тому, о чем я догадываюсь? — Шелк приглушал звук, но гнев императора был все же ужасен. — Ну, конечно, кто же еще мог поразить тебя так сильно!

— Лорд! Император, послушай меня, если хочешь спасти Восток. Я говорю тебе, что встретился с АРДНЕЕМ и я его знаю! Мы должны непременно пробудить Великого, чтобы он мог сражаться за нас! Иначе мы погибли! Спасенья нет!

— Пробудить его, ты говоришь?!

— Да, пробудить. Чтобы можно было управлять его чувствами и волей, чтобы потом, когда он послужит нам, вернуть обратно в подземный мир.

Помолчав, Оминор спросил:

— И ты думаешь, нам это удастся?

— Лорд, схватка с АРДНЕЕМ истощила мои силы, но все же Великому не удалось вырваться из-под моего контроля. А

на этот раз я хорошо отдохну, к тому же у меня будут помощники...

— Ну, конечно, — Оминор хлопнул по ручке своего кресла, — надо будет призвать тебе на помощь хотя бы те три силы, которые охраняли нас на озере, помнишь?

Вуд склонил голову, всем своим видом показывая полную покорность. Император продолжал:

— Вуд, несмотря на твою недавнюю неудачу, я готов обсудить с тобой этот план. Но я не убежден в его правильности. Я лучше всех вас понимаю, насколько велика опасность того, что ты предлагаешь. Так что не вздумай предпринимать что-то без моего приказа. И все же, — Вуд поднял глаза, — и все же будь готов к тому, чтобы сделать это в случае крайней необходимости. Сейчас иди отдыхай, набирайся сил. Нужны какие-нибудь предварительные приготовления?

Вуд оживился:

— Еще одна жертва, Великий лорд. Нечего и говорить, что на этот раз я буду сама осторожна. Когда все будет сделано, Великий придет в такое состояние, что его можно будет быстро пробудить, либо опять усыпить.

Оминор помолчал, потом коротко приказал:

— Иди и приступай к делу.

Он резко поднялся, отдернул рукой полог и вышел из черного шатра.

Вернувшись в большую палатку, император вскоре принял двух главных техников. Они явились с хорошими новостями. В последние дни их драгоценные приборы, оставшиеся от древних времен, сумели обнаружить необыкновенное увеличение электромагнитной активности на севере страны. На карте, которую они развернули перед Оминором, силовые линии пересекались в точке, лежащей на необитаемой местности в нескольких переходах от армии Оминора. Как раз в этом направлении бежали двое похитителей, и оттуда же появился ветер, разметавший демонов Вуда и победивший его самого. В том же направлении двигалась сейчас армия Дункана.

Короче говоря, если все изложить в терминах великой магии, это, по всей вероятности, и было то место, где хранилась жизнь АРДНЕЯ. Отпустив техников, Оминор несколько минут стоял перед картой, а потом призвал военачальников и приказал немедленно готовиться к броску на север.

Всю ночь шел дождь, и утром погода была не лучше, так что в прерии теперь пахло скорее осенью, чем летом. Солдаты сворачивали лагерь, готовясь выступить на север. С раннего утра Чармиан была уже на ногах, наблюдая за палаткой Вуда. Наконец он появился, отдохнувший, его роскошное одеяние ниспадало просторными складками.

На небольшом расстоянии от лагеря снова подготовили площадку: большой круг, посередине которого по-прежнему распятый на решетке дожидался своей участи Чап, он провел здесь целую ночь. Подойдя поближе, Чармиан схватила Чапа за волосы и повернула к себе его лицо. Оно по-прежнему сохраняло дикое, затравленное выражение, словно у животного в ловушке. Когда-то Чармиан мечтала выцарапать ему глаза, а теперь, когда у нее появилась эта возможность, она даже пальцем не пошевелинула.

Почувствовав присутствие Вуда, Чармиан резко обернулась. Позади Верховного волшебника стояли два помощника, такие же торжественные и молчаливые, как и он сам. Вуд не отрываясь смотрел на жертву, только мельком бросив взгляд на Чармиан. И столько нечеловеческого и таинственного было в этом взгляде, что она поспешно отступила за пределы очерченного круга.

Окончив предварительные приготовления, Вуд приступил к ритуалу. На этот раз ему предстояло умертвить жертву без пролития крови. Он должен был убивать этого человека постепенно, так, чтобы его жизненные силы, его энергия смогли разомкнуть оковы, снять цепи и выпустить на свободу того, чье имя волшебники никогда не произносили вслух.

Вуда нисколько не смущало, что жертва непременно очнется при этом от транса, в котором находилась, и будет ощущать и понимать все, что с ней происходит. Вуду слишком часто приходилось убивать подобным образом, и потому он давно уже привык рассматривать приносимых в жертву людей как необходимый атрибут ритуала.

Очень скоро, повинуясь плавным жестам рук Вуда, Чап пришел в себя и уже в полном сознании стал наблюдать за человеком, постепенно отнимавшим у него жизнь.

Вуд снова увидел в своем воображении ступеньки, ведущие в глубокое подземелье, и того, кого собирался выпустить на свободу.

Теперь их отделяла друг от друга только тонкая дверь, и по другую сторону уже ясно слышались нетерпеливые движения чудовища, которое уже полностью пришло в себя. Вуд чувствовал грозное дыхание Великого... Пожалуй, хватит. Теперь необходимо смазать тугие петли дверей и замок, чтобы побыстрее закончить дело. Плавным движением рук, произнося таинственные слова, Вуд приступил к последней части. Необходимо извлечь оставшуюся энергию из того одушевленного предмета, чье имя Чап, чтобы дверь повернулась и открыла проход...

Внезапно рука Вуда оказалась словно в тисках. Тут же волшебник ощутил страшный удар по ней, она как будто омертвела. Он метнулся было прочь от воображаемой двери и с отчаянным усилием попытался выбросить видение из головы, хотя это было смертельно опасно. Но тщетно... Руку по-прежнему сжимали тиски. А с другой стороны чудовище уже навалилось на дверь, она жалобно закричала, потом рванулась с петель, и все вокруг разлетелось на куски. Дух Вуда снова вернулся в его брентную оболочку, в мир человеческий.

Чармиан, которая не спускала с волшебника и жертвы глаз, увидела, что все идет не так, как нужно. Выражение смертельного ужаса на лице Чапа сменилось полным спокойствием, и она подумала, что он умирает. Почему-то она ощутила странное разочарование и уже собиралась прощально помахать ему рукой, как вдруг лицо его снова изменилось.

Она увидела, что рука Чапа, поднявшись с решетки, к которой он был прикован — цепи разлетелись при этом, словно нитки, — вцепилась в стальной брус, охватывающий его грудь. Всего лишь чуть-чуть напряглась рука Чапа, и брус уже превратился в два обломка, один из них со свистом пролетел мимо головы Чармиан. Глаза Чапа, прикованные к Вуду, выражали нечто совершенно непонятное и страшное.

И Вуд, встретившись взглядом с этими глазами, будто окаменел, неловко разведя в стороны руки. Точно так же застыли в нелепых позах оба его помощника.

Потом с кончиков пальцев Вуда сорвались ослепительные молнии и ударили туда, где поднимался с решетки пленник. Однако в нескольких футах от Чапа молнии погасли. Ответного удара Чармиан не заметила, но увидела его результат. На глазах у скованной ужасом женщины Вуд затрясся, словно пораженный лихорадкой. Лицо его как будто превратилось в застывшую маску, а там, где начинались волосы и лицо

переходило в шею, заплесал вдруг белесый туман. Несколько секунд спустя лицо Вуда растворилось в этом тумане, потом во все стороны взметнулась пыль и лицо исчезло вовсе. Оба помощника на глазах у Чармиан обратились в пыль. Женщина упала на колени, вокруг нее метались с воплями насмерть перепуганные солдаты.

Тело, принадлежавшее Чапу, выпрямилось во весь рост. Чармиан заметила, что со всех сторон к площадке сбегаются одетые в черное колдуны. Вуд исчез бесследно, так же как и его помощники. Чармиан была единственным живым существом, и волшебники бросились к ней.

Она упала на колени, протянула обе руки к Чапу и дрожащим голосом взмолилась:

— АРДНЕЙ! О АРДНЕЙ, благодарю за то, что ты избавил меня от этого страшного человека!

Глаза, которые принадлежали Чапу, лишь на мгновение обратились к ней. Потом взор Чапа остановился на волшебниках, и страшный голос разнесся по лагерю:

— Слушайте меня, люди, земляные черви! Я — император Оркус, вошел к вам, чтобы утвердиться на троне и подчинить вас своей воле! Ваши судьбы зависят от того, насколько преданно будете вы мне служить в предстоящей битве! Пока же прощайте!

Только Чармиан оказалась достаточно близко, чтобы видеть, что произошло дальше. По телу Чапа пробежала страшная судорога: сила, овладевшая им, покидала земную оболочку. И вдруг перед ней снова оказался ее бывший муж. Он глубоко вздохнул, словно человек, вынырнувший из-под воды. В глазах было удивление, но не больше. Как видно, он понимал, что происходило с его телом, пока Оркус находился в его оболочке.

Чап взглянул на Чармиан, которая по-прежнему стояла на коленях. Она вскочила, испустила истошный вопль и бросилась бежать, но Чап схватил ее за руку.

— Мы уходим вместе, — сказал он. — И попробуй только позвать на помощь, я тебе тут же сверну шею.

Никто не осмелился остановить императора Оркуса, и, волоча Чармиан за руку, он, то есть уже настоящий Чап, беспрепятственно выбрался из лагеря.

...Когда Оркус полностью пришел в себя, то сразу ощутил, что кто-то или что-то помогает ему освободиться. Помощь была такой действенной и энергичной, а Оркус столько времени томился в неволе, что ему были совершенно безразличны моти-

вы того, кто ему помогает. Человек, чьи жизненные силы вливались в Оркуса и которым пользовался Вуд в качестве жертвы, был первым островком реальности в парившем вокруг Оркуса хаосе. И Оркус, ощутивший в себе огромный прилив энергии, избрал это тело и овладел им, влил свою могучую массу в крошечную человеческую матрицу, воспользовался мозгом этого существа, чтобы вернуться в человеческий мир.

После этого ему потребовалось всего две-три минуты, чтобы освободить занятое им тело от наложенных на него цепей, а затем одно мгновение, чтобы поразить Вуда. После этого, воспользовавшись все тем же телом, демон-император объявил голосом этого человека свою волю.

В этот момент он уже понимал, почему Вуд решился вернуть его в мир человеческий. Опасность со стороны Запада была и вправду слишком велика, а без Оркуса Востоку нечего и думать о том, чтобы противостоять врагу. Ибо сейчас на стороне Запада выступала неизвестная Оркусу чудовищная сила, ни с чем подобным ему раньше не приходилось сталкиваться. Пока что он еще не мог определить, превосходит ли она его собственную, но сразу ощутил, что противник становится сильнее с каждым мгновением. У врага имя АРДНЕЙ, оно отнюдь не скрывалось, наоборот, пожалуйста, пользуйся в своем колдовстве. АРДНЕЙ открыто объявил войну Оркусу и всем своим врагам.

Все это Оркус понял в считанные секунды после возвращения в человеческий мир. Раз недруг так силен, незачем откладывать битву. Отбросив ненужное больше тело, Оркус умчался прочь в верхние слои атмосферы. Оттуда он увидел обе армии, Востока и Запада, и нечто еще, гораздо более важное: несколько помещений под землей, а в них пульсировала и билась какая-то жизнь. Несмотря на расстояние и магические заслоны Оркусу сразу стало все ясно. И демон-император немедленно помчался к тому месту, и словно лавина обрушился сверху на подземное укрытие.

* * *

Рольф заметил, что огни в комнате потускнели. И тут же шум работавшей техники стал непривычно громким.

— АРДНЕЙ?

Ответа не было. Рольф торопливо пошел по коридору в ту комнату, где несколько минут назад видел чем-то занятую Катерину. Она шла ему навстречу, широко раскрыв глаза. В голосе ее слышался страх:

— Рольф, снаружи стало совсем темно. Солнце скрылось. Сверху, наконец, послышался голос АРДНЕЯ:

— Не обращайтесь внимания на темноту. День решающей битвы наступил. Оркус, император демонов, обнаружил меня и атакует. Темнота — это часть моей защиты. Сейчас же ступайте в комнату номер три и оставайтесь там, чтобы подключить генераторы.

Они пошли обратно, нашли нужную комнату и принялись за работу. Время от времени АРДНЕЙ давал им указания что делать. Через некоторое время он сообщил:

— Только что я отразил первую атаку Оркуса. Весьма вероятно, что он удвоит усилия, но все равно, наша борьба не окончится, пока сюда не подойдут обе армии.

Остаток дня Рольф и Катерина провели за работой. АРДНЕЙ больше не сообщал им об атаках Оркуса, но молодые люди время от времени ощущали чудовищные толчки, все вокруг них сотрясало, стены колебались, но ничего не рушилось. К вечеру АРДНЕЙ перестал давать им указания, его присутствие больше не ощущалось, враг, по-видимому, исчез с поля битвы. Катерина и Рольф присели отдохнуть среди диковинной аппаратуры, над которой трудились.

— Что ты будешь делать, Рольф, когда закончится война? — спросила вдруг Катерина.

— Окончится? — Иногда Рольф наслаждался мыслью о том, как радостно будет праздновать победу, но все равно эта победа казалась ему невероятно далекой и неправдоподобной.

— АРДНЕЙ ведь сказал нам, что война непременно скоро окончится, — продолжала Катерина, — помнишь?

— Помню, конечно. Но только я очень плохо помню те времена, когда войны не было, по крайней мере, те времена, когда Восток еще не напал на нас. Я тогда был совсем мальчишкой.

— Ты мне вчера рассказывал, как выглядит твоя земля и как вы жили, — сказала она, словно приглашая повторить рассказ.

Он охотно продолжил печальную историю о Разоренных Землях. Потом задумчиво добавил:

— Ты спросила меня, что я собираюсь делать, а я и вправду не знаю. Раньше я даже сомневался, что доживу до победы. Во всяком случае вряд ли я смогу вернуться к родителям на ферму. Нет. Скорее всего займусь техникой. Правда, не знаю, где это будет. А ты останешься со мной, правда? — неожиданно для себя самого спросил он и тут же обрадовался, что произнес наконец эти слова.

Она внимательно посмотрела на него и ответила сиянием глаз. Почему-то Рольф поднялся на ноги и протянул ей руку, помог встать. И тогда она сказала тихо и нежно:

— Я боюсь ответить «да». Слишком часто теряла то, чего больше всего желала.

И почти сразу же раздался голос АРДНЕЯ, который приказал соединить контакты. Они оглянулись и увидели, что один из кабелей уже дымится, а остальные сильно повреждены. В последующие часы им некогда было больше разговаривать.

* * *

Оркус провел целый день в сражении с АРДНЕЕМ и решил вновь на время вернуться в верхние слои атмосферы, чтобы восстановить энергию и изучить ситуацию. Во время битвы он достаточно хорошо разобрался в своем сопернике, чтобы увериться в том, что АРДНЕЙ не станет преследовать его. Пока что силы противников оставались равными, правда, Оркус обладал большей подвижностью, но АРДНЕЙ был чуть сильнее и успешно защищал свою упрятанную в подземелье жизнь.

Однако местность вокруг сильно пострадала от битвы, земля была выжжена на милю вокруг холма. Сейчас над холмом висело черное облако, и Оркус понимал, что основная энергия АРДНЕЯ сконцентрирована внутри него, но проникнуть туда пока что было выше возможностей демона. Оркус решил послать рептилию к Оминору с требованием, чтобы армия Востока поспешила к нему на помощь. Когда подойдет армия, Оркус начнет новую атаку, сразу же ударят и войска Востока — АРДНЕЙ решительно не сможет уцелеть в таких обстоятельствах. Разумеется, вмешается в битву и армия Запада, но в конце концов это не намного затянет сражение и на его исходе никак не отразится. Оркус не сомневался, что впереди решительное сражение, которое окончательно утвердит Восток на континенте.

Когда Оркус возобновил атаку, АРДНЕЙ велел Рольфу и Катерине продолжать работу. На этот раз повреждений оказалось гораздо меньше, чем раньше, и молодые люди были настроены оптимистично. Да и АРДНЕЙ сообщил им, что Оркус атакует менее яростно. Он велел Рольфу и Катерине

отправляться на отдых, и они растянулись прямо на полу, завернувшись в плащи. Разбудил их громкий призыв АРДНЕЯ:

— Рольф и Катерина, поднимайтесь, соберите оружие. Вам пора расставаться со мной.

Полусонные молодые люди повиновались приказу. АРДНЕЙ сказал:

— Вы должны передать мое последнее послание Дункану.

— Последнее послание?— спросил испуганно, только что проснувшись окончательно, Рольф.

— Оно будет последним, потому что прибыла только армия Востока, и меня окружают. Через несколько часов я буду разоружен.

Катерина, словно пораженная громом, застыла, с ужасом глядя на Рольфа, который не мог вымолвить ни слова.

— Когда соберетесь и запомните мое послание, пройдите по коридору, ведущему направо. В конце него я открыл дверь, что выведет вас в тоннель, а затем вы окажетесь далеко от расположений армии Востока.

Рольф наконец снова обрел дар речи:

— Катерина отнесет твое послание Дункану. Я останусь и буду сражаться вместе с тобой. Тебе еще может понадобиться помощь. И не может быть...

— Нет.— Спокойный голос АРДНЕЯ делал его слова еще более неправдоподобными.— Следующая атака Оркуса, весьма вероятно, уничтожит меня, и осталось до этого несколько часов. А вы оба должны передать мое послание, потому что оно очень важно и мы должны свести риск к минимуму. У меня нет другого способа связаться с Дунканом. Вы должны передать ему вот что: вскоре он окажется перед выбором: сохранить ли свою армию, отступив, или рискнуть ею и собой, попытавшись спасти меня. Так вот: он должен отступить, чтобы спасти своих людей. Они смогут завтра снова начать бой, а со мной все кончено. Я выполнил все, для чего предназначен.

— Я... АРДНЕЙ, неужели нет иного выхода?

— Я все сказал. Я повторю еще раз свое послание прежде, чем вы уйдете. Больше вы ничем не можете быть мне полезны.

— Тебе не нужно ничего повторять, я все понял.— Рольф и Катерина обменялись взглядами, полными отчаяния.— И все же...

— О АРДНЕЙ, не сдавайся!— воскликнула Катерина.

— Я и не собираюсь. Но Оркус и его армия достаточно сильны, чтобы одолеть меня. И передай еще вот что Дункану:

в будущем люди не должны сотворять себе богов и таких существ, как я.

— Богов,— повторил Рольф. Ему и раньше приходилось слышать это слово, но только не в таком значении.— АРДНЕЙ, скажи, что нам делать, когда тебя не станет?

— Передайте мое послание Дункану. И передайте людям, чтобы они сражались дальше за правое дело, не оглядываясь назад и не боясь отступлений. Это тоже очень важно.

Рольф попытался еще спорить, но АРДНЕЙ больше не пожелал разговаривать с ним. Тогда Катерина утерла слезы, собрала пожитки, прицепила Рольфу саблю и решительно потянула его за рукав.

Рольф, словно в тумане, покорно последовал за ней по коридору до двери, ведущей в тоннель, и только там опомнился, осторожно отстранил девушку и пошел вперед.

В узком с неровными глинистыми стенами тоннеле было так темно, что приходилось руками нащупывать дорогу. Где-то позади них глухо стукнула закрывающаяся дверь, и теперь Рольф больше не ощущал присутствия АРДНЕЯ.

Через несколько футов проход стал шире, но идти им пришлось еще очень долго. На последнем повороте тоннель стал постепенно подниматься вверх, а потом в лицо им пахнул свежий теплый ветер, принес с собой все запахи прерии. Однако вокруг них по-прежнему стояла непроницаемая тьма, и Рольф понял, что это та самая темнота, о которой говорил АРДНЕЙ как об одном из средств обороны.

— Мы все еще в темноте,— прошептал Рольф Катерине,— но уже выходим из тоннеля.— Катерина сжала ему руку в знак того, что понимает его.

И в самом деле скоро тоннель вывел их на поверхность: было слышно, как под ногами шуршит трава. Они не знали, каким образом АРДНЕЮ удалось обеспечить им безопасность, но и сейчас вокруг них стояла все та же непроницаемая тьма, которая, по-видимому, должна была скрыть их от вражеских глаз. Особенно странным и непривычным казалось то, что в этой крошечной тьме не раздавалось ни единого звука, словно все вокруг было мертво и пустынно.

АРДНЕЙ сказал им, что они выйдут на поверхность далеко от того места, где расположился Оминор со своей армией. Рольф и Катерина постояли молча, вслушиваясь в тишину. И только тогда до них донеслись какие-то глухие звуки, в которых с большим трудом можно было различить звуки сражения: звяканье оружия, глухие крики. Прислушавшись еще

внимательнее, Рольф понял, что слышит не звяканье оружия, а стук инструментов и понял — это шум, производимый копающими землю людьми. Звуки доносились со стороны тоннеля.

Крепко взяв Катерину за руку, Рольф повел ее прочь от этого места. Темнота по-прежнему оставалась полной, но вдруг на некотором расстоянии от молодых людей блеснул огонек, и в его сумрачном свете они увидели группу восточников, которые шли под предводительством колдуна. Рольфа и Катерину никто не заметил, и они благополучно продолжили свой путь. Постепенно почва под их ногами понизилась. Рольф замедлил шаг, осторожно ощупывая ногой землю.

— Река, — прямо ему на ухо прошептала Катерина.

— Похоже. — Но Рольф не знал, огибает ли река холм, где разместился АРДНЕЙ, с трех сторон или только с одной. Во всяком случае гадать не имело смысла, все равно они не знали, где находится армия Дункана.

Реку удалось перейти вброд — вода едва достигала им до пояса. На противоположном берегу трава росла гораздо гуще, земля казалась влажной и рыхлой. Больше не слышалось ни звуков падающих комьев земли, ни привычного пения птиц, жужжания насекомых...

Тишина, словно вата, заложила им уши.

Рольф по-прежнему осторожно шел вперед, ведя Катерину за руку. И вдруг они различили впереди слабое, словно огонек свечи, мерцание. Рольф сделал еще несколько шагов, крепко сжав ладонь Катерины.

В глаза им ударил неправдоподобно яркий солнечный свет, лившийся с голубого неба на зеленую траву.

Убедившись, что они подошли к самой границе защитной тьмы, Рольф решил устроить привал и дожидаться захода солнца. Они притаились под куполом тьмы и вышли только тогда, когда убедились, что наступили сумерки. Не успели они отойти и трехсот футов, как на траву перед ними опустилась огромная птица и приветствовала их.

ГЛАВА 12

— У меня есть послание от АРДНЕЯ для Дункана, — сказал Рольф. — Скажи, как нам добраться до него поскорее?

— Угу. Вам потребуется добрых полночи, чтобы добраться

до армии,— ответила птица.— Так что я скорее доставлю послание.

— Неужели армия так далеко? АРДНЕЙ нуждается в помощи.

— Утром они еще были близко, а сейчас Дункан отступает. Только некоторых из нас послали вам навстречу, хотя вас и не ждут.

Рольф глубоко вздохнул.

— Да, придется тебе отнести наше послание, а мы пойдем следом.— И Рольф в точности повторил слова АРДНЕЯ.— Так где же все-таки расположилась армия Дункана?

Птица указала крылом прямо.

— Вон там, совсем недалеко отсюда патруль, который охранял меня днем. Я сейчас сообщу им, что вы близко, и сразу же полечу к Дункану.

И птица взмыла в поднебесье.

Вскоре Рольф и Катерина встретились с патрулем. От солдат они узнали, что днем армия Дункана предприняла отчаянную попытку прорвать кольцо осады, устроенное армией Оминора вокруг обиталища АРДНЕЯ, но безуспешно.

— Думаю, будет лучше, если вы нас проведете прямо к Дункану,— сказал Рольф.— Мы сможем сообщить ему больше, чем вы сумеете узнать, продолжая разведку, к тому же без помощи птицы.

Командир патруля согласился с Рольфом, и они двинулись вперед. Рольф снова сжал ладонь Катерины в своей руке и подумал, сколько же еще времени будет тяготеть над ней заклятие.

И тут вдруг ночь взорвалась вокруг Рольфа знакомыми звуками: боевым кличем и бряцанием оружия. Он выпустил руку Катерины, чтобы зажать в левой руке нож в помощь правой, вооруженной саблей. Вокруг него сражались воины. Сначала он не мог отличить своих от врагов и боялся вступать в битву. Потом из середины свалки послышался отчаянный крик. Ему показалось, что это голос Катерины. Он бросился плашмя на траву и попытался выкатиться из круга, в котором хозяйничала смерть. Когда Рольф снова поднялся на ноги, шум борьбы как будто утих, и он понял, что остался один.

Впереди в лунном свете что-то темнело. Рольф подумал, что это Катерина, и бросился вперед, но это оказалась кочка, очертания которой смутно напоминали лежащего навзничь человека. Рольф выкрикнул имя девушки, но ответа не последовало. Еще некоторое время он провел, обшаривая близле-

жащий кустарник, но патруль, нападавшие и Катерина бесследно исчезли. Искать дальше было бесполезно. Если Катерина осталась жива, то, без сомнения, держит путь туда, где расположилась армия Дункана, значит, и ему нужно следовать в том же направлении.

Остаток ночи Рольф бесшумно и быстро шел вперед, двигаясь туда, где по его предположениям должен был находиться принц. Один раз мимо него проехал отряд восточной кавалерии, и Рольф едва успел залечь в траве, а потом наткнулся на труп ночной птицы с оторванными крыльями. Рольфу почему-то показалось, что погибший — его старый друг Стриджив.

Перед самым рассветом он увидел вдалеке многочисленную группу солдат и решил продвигаться дальше ползком по густой траве. Высоко в небе летали рептилии, но Рольф резонно рассудил, что сейчас у них есть более важные заботы, чем охота на одинокого западника. Далеко за его спиной высился на фоне посветлевшего неба купол темноты, воздвигнутый АРДНЕЕМ.

Примерно в середине дня Рольфу показалось, что он наткнулся на Катерину: она лежала ничком в окровавленной одежде. Когда он перевернул труп, от сердца отлегло: это был стройный мальчик из армии Оминора, с длинными, словно у девушки, волосами... Несколько минут Рольф собирался с силами — так велико было потрясение, потом двинулся дальше. В душе юноши теплилась надежда, что Катерину он непременно встретит в армии Дункана.

У Рольфа еще оставалось немного еды, поэтому он шел быстро, делая лишь короткие остановки, чтобы перекусить и набраться сил. К счастью, трава вокруг была густой и высокой и надежно скрывала его от вражеских глаз. Вскоре, однако, ему пришлось сделать крюк, чтобы обойти немногочисленный вражеский отряд.

День стоял солнечный и тихий, дул приятный ветерок. Рольф уже потерял всякую надежду добраться до лагеря Дункана, когда впереди показался небольшой отряд. По внешнему виду солдат Рольф заключил, что это патруль западной армии. Однако после часа осторожного преследования Рольф понял, что это не патруль, а арьергард отступающей армии принца, которая отходила все дальше от купола тьмы.

Рольф поднялся во весь рост и, ничего больше не опасаясь, подошел к солдатам. Они и впрямь оказались арьергардом армии Запада, и от них Рольф узнал, что Дункан едет немного впереди.

Рольф не стал спрашивать, каков исход сражения. По утомленным лицам солдат все было и так ясно. Поражение. Поражение, после которого отступают. И все же это не был разгром. У всех солдат сохранилось оружие, раненых заботливо перевязали и уложили на специальные повозки.

Дункан ехал в одиночестве чуть поодаль от своих высших офицеров.

Когда Рольф подбежал и схватился рукой за стремя, принц, выйдя из глубокой задумчивости, удивленно посмотрел на него. Потом в глазах его промелькнул внезапный интерес.

— Привет тебе, Дункан.— И без дальнейших предисловий Рольф изложил суть послания АРДНЕЯ.

— Да, я уже знаю, птица вовремя добралась с твоим сообщением. Благодарю тебя за все, что ты сделал.— И словно осененный новой мыслью, Дункан добавил:— А где же та девушка, которая была с тобой?

— Я надеялся найти ее здесь, сэр.

Дункан оглянулся и коротко махнул головой, словно подзывая кого-то. Тут же двое хорошо одетых мужчин, ехавших немного поодаль, прищипорили своих животных и подъехали к принцу. Он обменялся с ними несколькими словами. Они тотчас же спешили и подошли к Рольфу, ведя под уздцы своих животных. Эти двое не были похожи на солдат.

— Мы — родственники Катерины,— представились они.— Мы прибыли с Отдаленных Островов, чтобы найти ее. Сначала мы узнали, что она попала в рабство и хотели выкупить ее. Потом мы слышали, что она бежала с солдатами Запада из какого-то отдаленного караван-сарая. Теперь нам сообщили, что ты и есть один из тех, с кем она бежала. Умоляем тебя, расскажи, где она и что с ней.

Рольф кивнул, не спуская глаз с мужчин. Оба они были молоды, красивы и энергичны. Не стоило гадать, кто из них избранник Катерины.

— Я мало что могу добавить,— сказал он наконец и оглянулся на тянувшуюся за ним армию, но не увидел ни одной женщины. Повернувшись снова к молодым людям, он спросил:— С кем из вас она была помолвлена?

— Ни с кем.— Молодые люди обменялись взглядами.— Мы ведь сказали тебе, что только ее родственники. Тот, с кем она помолвлена, не пожелал ехать с нами.

Сердце Рольфа подпрыгнуло от радости, и он тщетно пытался уговорить себя, что радуется понапрасну!— ведь она наверняка лежит где-то в степи, сраженная саблей. Он дру-

жески заговорил с островитянами, рассказывая им все, что знал, умолчав лишь о проклятии Чармиан. Молодые люди молча слушали Рольфа, строя догадки, что именно связывает этого человека с их родственницей. Внимательно выслушав и вежливо поблагодарив его, они вновь уселись на верховых животных и присоединились к отступающей армии, прикидывая, что же им делать дальше.

Далеко за спинами солдат Запада над черным куполом тьмы появилась багровая туча, которая взорвалась вдруг миллионами молний. Рольф всем своим существом ощутил — это Оркус вновь начал атаку на АРДНЕЯ. Рольф был не единственным свидетелем происходящего. Один из офицеров, старый приятель Рольфа, Томас из Разоренных Земель, подъехал к Дункану и стал горячо убеждать его повернуть армию обратно. Но принц решительно покачал головой:

— В этом нет смысла. Искусство всех моих волшебников совершенно бессильно против силы императора демонов. И он непременно одолеет АРДНЕЯ. Что же касается оружия, то ведь мы его уже пускали в ход и дрались отчаянно, но ничего не добились. Неразумно дальше губить людей. Ведь теперь на стороне Востока могущество Оркуса, а у нас нет равноценной силы.

Томас решительно сказал:

— В таком случае мы разобьемся на отряды и будем продолжать борьбу. Если понадобится, начнем все сначала.

Далеко позади поднималась густым столбом пыль — это подходили новые отряды войск Востока. Багровая туча, нависшая над защитным куполом тьмы, разрасталась все больше и затягивала небо. У всех захватывало дух от неосознанного ужаса: можно было привыкнуть к смерти, но не к тому, что видели сейчас глаза. Рольфа охватил страх, когда он вдруг осознал чудовищную мощь Оркуса, который сейчас, как видно, полностью материализовался. Купол тьмы, воздвигнутый АРДНЕЕМ, теперь так далеко, что о его существовании можно только догадываться по выгнутой линии горизонта, но бесформенная багровая субстанция, нависшая над этим куполом, виднелась отчетливо, напоминая по форме яйцо. Рольф подумал, что истинные размеры этой субстанции вообразить человеку невозможно. Так оно и было на самом деле.

Дункан что-то тихо говорил в ответ на уговоры Томаса. Рольф не расслышал, что именно, так как внимание его было поглощено совсем другим. Он заметил, что родственники Катерины вдруг прищипорили своих верховых животных и

помчались вперед. А навстречу им бежала, спотыкаясь, тонкая девичья фигурка с развевающимися на ветру каштановыми волосами. Молодые люди резко остановили своих животных, спрыгнули в облако пыли и бросились обнимать девушку.

Рольф помчался вперед мимо медленно тянувшейся колонны. Катерина что-то взволнованно говорила своим родственникам, указывая рукой вправо. И только когда Рольф был уже совсем рядом, она обернулась, увидела его и бросилась ему навстречу.

Они остановились друг от друга на расстоянии вытянутой руки.

— Ты жив, ты жив, — повторяла она снова и снова. На ее лице, залитом слезами, было мучительное выражение: она изо всех сил старалась не броситься к нему в объятия. Если бы они оказались наедине, он бы все равно обнял ее, но ему не хотелось, чтобы столько людей были свидетелями чудовищного превращения, которое с ней произойдет.

Голос не сразу повиновался ему:

— Да, мы живы, Катерина. А я боялся...

Оба молодых человека стояли рядом с девушкой, лица их были радостными и одновременно настороженными.

Рольф продолжал:

— Теперь ты сможешь вернуться домой, Катерина.

Она вся напряглась:

— Только если и ты со мной поедешь.

Он глубоко вздохнул и покачал головой:

— Я не могу. Я должен сражаться до конца.

— Тогда и я не могу, — просто сказала Катерина. — Если ты останешься здесь, то останусь и я.

Позже Рольф не мог вспомнить, что он ей ответил, потому что в мозгу его звенела одна мысль: она выбрала меня!

— Купол АРДНЕЯ исчез, — сказал кто-то.

— А демон спускается вниз, чтобы убить его, — добавил другой голос.

* * *

Оркус и АРДНЕЙ сошлись сегодня в последней схватке, которая должна решить их судьбу. И в это последнее мгновение понимание между ними было столь полным и совершенным, что они могли разговаривать вполне спокойно и неторопливо. Правда, ни одно земное существо не могло бы услышать этого разговора, но двум исполинам не требовались слова — они могли читать мысли друг друга.

— Ну что, теперь ты уже согласился с тем, что я сильнее тебя? Мои люди подкапываются под тебя, а сам я готовлюсь спуститься вниз для последнего удара. И ты обратишься в ничто, в прах,— говорил Оркус.

АРДНЕЙ отвечал:

— Да будет так. Я и сам стремлюсь к завершению своей жизни, ибо то, для чего я был создан, выполнено мной.

— Так умри же.

— Я умираю и в момент моей смерти открываю тебе великую тайну: вместе со мной приходит конец той Перемены на Земле, что породила тебя. И я снова возрождаю ядерную энергию, от которой отказался мир. А ты, дьявольское создание взрыва последней бомбы, возвращаешься туда же, где был до этого взрыва, до наступления Великой Перемены.

И только в этот миг Оркус понял, чем был АРДНЕЙ и что означает его гибель. Он напряг все свои чудовищные силы, чтобы остановить все то, что сам же вызвал к жизни. Только к одному он стремился сейчас: сохранить АРДНЕЯ, а значит, и самого себя, остальное не имело уже никакого значения. Но было уже слишком поздно. Чаша весов сильно склонилась в ту сторону, куда и наметил АРДНЕЙ, никто ничего уже не мог изменить. Оркус ясно понял это, и тогда смертельный ужас охватил его...

* * *

В нескольких милях от места сражения Оркуса и АРДНЕЯ Чармиан, испуганная внезапным исчезновением купола тьмы, подняла голову. Чап, шедший рядом с ней, тоже посмотрел в том направлении.

Все время после бегства из лагеря Оминора Чап тщетно пытался разыскать армию Дункана, с трудом избегая восточных солдат. Чармиан не смела покинуть своего бывшего супруга. К тому же она вовсе не была уверена, что рядом с Оминором ей будет лучше. И вообще империя Востока, как видно, перешла под власть того, кто безразличен к женским чарам.

Далеко в небе багровая субстанция, бывшая Оркусом, стала сгущаться и концентрироваться, готовая низвергнуться вниз и поразить свою цель насмерть.

Чап резко повернулся к Чармиан, собираясь что-то сказать, но слова замерли у него на устах. Она ровно ничего не почувствовала, но ее испугало странное выражение лица Чапа, именно таким виделся он ей в ночных кошмарах.

— Что это ты кривляешься? — резко спросила она. — В чем дело?

Чап ничего не ответил, только на лице его отразилось глубокое отвращение.

Она собралась прикрикнуть на него, но вдруг увидела свои руки и закричала хриплым голосом старой карги. Тяжесть не прожитых, но налетевших на нее лет обрушилась на ее плечи. Чармиан еще раз каркнула, словно ведьма, и без памяти свалилась на руки Чапу...

* * *

Император Джон Оминор сидел на походном стуле там, где раньше была граница купола тьмы, и с удовлетворением взирал на свою армию, подкапывающуюся под холм. Многие части АРДНЕЯ были уже уничтожены, когда к императору подлетел демон, находившийся в его персональном распоряжении. В голосе демона звучал настоящий ужас, когда он выкрикнул свое предостережение:

— Беги! Беги немедленно! Это ловушка! Оркус сражается теперь только за возможность сохранить свою жизнь!

Сначала Оминор подумал, что это очередной трюк неприятеля, пытающегося обмануть его. Но тут же решил, что в любом случае исчезновение отсюда не может ему повредить. И произнес короткое слово, он в мгновение ока взвился в воздух и исчез. В следующую долю секунды Оминор уже стоял на холмике в десяти милях от того места, где была его армия. С трудом сохранив равновесие, когда ноги его ударились о твердую землю, Оминор внимательно осмотрелся.

Неплохое местечко он выбрал для укрытия — отсюда ему видно все, что происходит в непосредственной близости от АРДНЕЯ, и в то же время он здесь в полной безопасности и может вернуться к своей армии в любой момент.

Дела шли неплохо. В любом случае одна из технических сил погибнет, а другая будет значительно ослаблена.

Конечно, может случиться и так, что Оркус и АРДНЕЙ погибнут оба, но это уж, конечно, он желает слишком многого.

— Твое желание будет исполнено, — мягко произнес АРДНЕЙ где-то в самых тайниках его мозга.

И тут же перед взором потрясенного Оминора ослепительным пламенем вспыхнула Вселенная, а потом свет навсегда померк в глазах императора...

Когда яркий свет залил холм АРДНЕЯ и все лежащее вокруг, Рольф подумал: «АРДНЕЙ приказал нам ни в коем случае не оглядываться, значит, мы не должны этого делать». Ни он, ни Катерина и вообще никто в колонне войск Дункана не оглядывался назад, и свет пронзительным лучом, бившим им в спины, отблесками ложился на землю. Рольф нежно придерживал Катерину за шею, чтобы она ни в коем случае не оглянулась и этот чудовищный свет не ослепил ее.

Кто-то в колонне все же обернулся и тут же с болезненным стоном прикрыл обожженные глаза. Рольф ощущал жар пламени даже на руках, кожа на них слегка покраснела. Прошло немало времени, прежде чем чудовищное зарево начало бледнеть, и постепенно вокруг них снова засиял обыкновенный дневной свет, который в первые минуты показался тусклыми сумерками по сравнению с чудовищным сиянием. Только тогда Рольф разрешил Катерине обернуться и обернулся сам. Там, где недавно виднелся купол темноты АРДНЕЯ с нависшей над ним багровой субстанцией Оркуса, сиял теперь огромный слепящий шар. На глазах шар постепенно съеживался, превращался в огромный клуб коричневого дыма. А потом по ногам ударила страшная волна: словно земля под ними разверзлась, и вся армия Дункана рухнула навзничь, подобно тысяченогому животному. Рольф упал на колени, стараясь удержать Катерину от падения. И тут же на них обрушилась оглушительная звуковая волна, а за ней и ураганный ветер, сваливший всех, кто еще держался на ногах.

Ветер стих так же внезапно, как налетел, но все, кто поднялся, тут же упали снова, потому что в них ударил второй могучий шквал, несшийся в противоположном направлении. Домчавшись до облака коричневого дыма, застывшего над местом гибели АРДНЕЯ, этот шквал поднял такую тучу песка и пыли, что кругом все потемнело. Ничто живое не могло бы уцелеть в этом чудовищном вихре, в его дьявольской пляске.

Над местом гибели АРДНЕЯ поднялось облако и понеслось высоко в небо.

А потом ничто больше не напоминало о том, что на Земле были два гиганта: Оркус и АРДНЕЙ. В мозгу Рольфа воспоминания о них стали тускнеть с каждой секундой.

Рольф с Катериной поднялись на ноги. Долгое время все молчали, потом Дункан, словно разговаривая сам с собой, произнес:

— Ведь там находилась вся армия Оминора. И она вся погибла. И демон-император тоже. Все погибли. Я достаточно владею магией волшебников, чтобы ощутить это. И АРДНЕЙ тоже погиб.

Теперь, когда немного рассеялась пыль, далеко впереди показалась крохотная горстка беглецов, тех, кто остался от великой армии грозного Оминора.

Дункан вскочил в седло и распорядился отправить несколько отрядов в разведку, чтобы выяснить, не уцелели ли значительные вражеские силы.

Офицеры отправились выполнять приказание. Принц распорядился также, чтобы оставшая часть войска располагалась на отдых, ибо завтра нужно было начинать новый маневр.

Покончив с приказами, принц направил свое верховое животное туда, где стояли его главные волшебники.

— Кудесники мои!— взволнованно воскликнул он.— Сбылись ваши самые худшие предсказания! И все же мы торжествуем! Восток лежит поверженный у наших ног. И прежде чем осень перейдет в зиму, мы окажемся в их столице.

Со всех сторон слышались восторженные крики солдат. Грей, который единственный из всех сохранял спокойствие, обратил свой взор на Рольфа и знаком показал ему, чтобы тот вместе с девушкой присоединился к совету высших офицеров. Рольф повиновался, за ним последовала Катерина, которая так и не выпустила его руки.

Грей торжественно обратился к присутствующим:

— Великий принц и благородные советники! Сегодня закончилась Перемена, много веков назад создавшая наш сегодняшний мир. И совершил это великое дело наш вождь и повелитель АРДНЕЙ, который погиб, чтобы даровать нам свободу.

— Мы будем скорбеть и всегда оплакивать его. Ты прав, Грей,— сказал Дункан.— Хорошо, что ты пригласил этих молодых людей. Они расскажут нам все, что им известно об АРДНЕЕ. Однако если Старый Мир был таким, каким он видится сейчас, я приветствую его.

Грей покачал головой.

— Добрый принц, если на свете что-либо и невозможно для человека, то это возвращение к старому. Правда, ядерная энергия Старого Мира снова с нами, но она подобна заморским демонам, с которыми справиться смогут только техники.— Он снова поглядел на Рольфа взглядом, полным одобрения

и уважения.— Но и силы магии не покинут нас, хотя, без сомнения, они станут значительно слабее, чем раньше. Отныне мы будем жить в мире, где старое будет сочетаться с новым, а значит, этот мир будет новым вдвойне. Правда и то, что злые силы нашего мира канули в небытие, погибнув вместе с Оркусом...

Грей говорил и дальше, но Рольф больше не слушал. Он повернулся, чтобы заглянуть в лицо Катерины. Сжав ее руку, он прошептал:

— Давай попробуем найти такое местечко, где можно побыть наедине.

Но не успели они отойти и двух шагов, как их догнал посланник и передал приглашение Дункана явиться к нему в палатку.

Принц пожелал выслушать из их уст самый полный рассказ обо всем том, что происходило с ними у АРДНЕЯ. Поскольку принца постоянно отрывали, то когда они закончили отвечать на все его вопросы, день уже клонился к вечеру. У палатки принца Рольф, все время не отпускаявший руки Катерины, увидел небольшую кучку просителей, ожидавших аудиенции.

— Чап,— воскликнул обрадованный Рольф, увидев знакомую фигуру гиганта,— старый дружище! Недаром я не верил, что ты погиб!

Вырвавшись из объятий Чапа, Рольф заметил стоявшую рядом с ним женскую фигуру, всю закутанную в старое одеяло, так что даже лица не было видно.

— А это кто, черт возьми?— удивленно спросил Рольф.— Раньше у тебя были хорошенькие девчонки, охотно показывающие свои мордашки! Или, может, это рабыня, которую ты добыл на войне после того, как мы расстались?— И Рольф рассмеялся своей шутке.

Чап бросил на молодых людей какой-то странный взгляд, с минуту колебался, а потом решительно отвел их в сторону.

— Это моя жена,— коротко сказал он, и странная улыбка осветила его лицо. Катерина только удивилась, Рольф же изумленно отступил.

— Да, это она,— сказал Чап.— Леди Чармиан. О, теперь я могу поручиться за нее, она совершенно другой человек. Конечно, пока что это не каждый поймет, и если кто ее узнает, то могут и на куски разорвать. Потому-то я и укрыл ее. А мне необходимо попасть к принцу.

Только теперь, заглянув под покрывало, Рольф увидел две

тонкие прядки, отдаленно напоминавшие густое золото волос леди Чармиан.

— Понимаешь,— продолжал Чап,— красота ее сейчас еще больше, чем раньше. Но только вышло так, что заклятие, которое она наложила на одну из своих бывших служанок, теперь, когда император демонов погиб, обратилось против нее. Миледи очень быстро превратится в жалкую развалину, если я не буду обращаться с ней должным образом.— Чап протянул руку и нежным жестом, показавшимся Рольфу таким неподходящим к этому гиганту, погладил щеку закутанной женщины.— Прежде чем явиться сюда, я посоветовался с одним волшебником, а он проконсультировался со своим братом Греем. Пока я дожидался ответа, мы с ней укрылись в прерии в одной дыре недалеко отсюда. Я не был уверен, что Дункан разрешит мне сохранить ее при себе, но теперь-то я не беспокоюсь... Потому что самая высшая магия подтвердила, что я единственный мужчина на свете, чьи ласки могут сохранить красоту миледи, ибо я единственный из всех мужчин Востока и Запада, который любит ее по-настоящему...

— Что ж, если так,— сказал после долгого молчания Рольф,— то я надеюсь, что вы с ней будете счастливы, и если хочешь, замолвлю за тебя словечко перед Дунканом. Но только вот что...

— Что?

— Сначала ты мне скажешь, где та нора, в которой вы укрывались все это время...

Г.Престон
АДСКИЙ РЕЙД
Ф.Пол, Д.Уильямсон
РИФЫ КОСМОСА
Ф.Саберхаген
ЗЕМЛЯ ВО ВЛАСТИ
ВОЛШЕБСТВА

Г. Престон